

Владимир Комарьков

ХРОНИКИ АРЛИ

книга первая

Где я?

18+

Владимир Валерьевич Комарьков
Хроники Арли. Книга 1. Где я?
Серия «Хроники Арли», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49786140

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-04250-6

Аннотация

Александр молод и перспективен во всех отношениях, ведь за спиной влиятельный отец, а впереди безоблачное будущее столичного мажора. Но он желает двигаться вперед самостоятельно, без родительской помощи, ведь он не из тех, кто плывет по течению. Одно только но: однажды он просыпается в каменных катакомбах без одежды, связи и света.

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	51
Глава 6	66
Глава 7	87
Глава 8	107
Глава 9	131
Глава 10	146
Глава 11	157
ЧАСТЬ 2	165
Глава 1	165
Глава 2	201
Глава 3	221
Глава 4	236
Глава 5	242
Глава 6	270
Глава 7	287
Глава 8	301
Глава 9	327
Глава 10	341

Глава 11	354
Глава 12	410
Глава 13	420
Глава 14	448
Глава 15	483

Владимир Комарьков

Хроники Арли.

Книга 1. Где я?

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Темно, хоть глаз выколи, – где это я? Разницы между открытыми и закрытыми глазами никакой, и тихо так, что слышно, как бьётся сердце. Хм... И вода где-то капает. Стоп, какая вода? Откуда здесь вода и где это здесь?

Похоже, я лежу на чем-то твердом и не слишком уж ровном. А почему я лежу? Я же, вроде бы, был в машине.

И где телефон? Обычно он оттягивает задний карман, но сейчас я почему-то его не чувствовал. К тому же джинсы какие-то странные: слишком мягкая ткань. Я пощупал сзади, и меня прошиб пот: карманов не было! Я что, переоделся?! Когда только успел и почему в памяти ничего не осталось? До сих пор мне не доводилось жаловаться на провалы в памяти даже после посиделок, завершившихся далеко за полночь. Тем более я вообще не помню, чтобы пил. Кстати, а

что я вообще помню?

Так, значит, я приехал на встречу раньше времени, а Вася задерживался. Поэтому мне пришлось его дожидаться и, кажется, меня сморило в машине. Хм... а проснулся уже здесь? Что за чертовщина тут происходит?! Где, самое главное, где я?

Резко вскочив на ноги, я тут же повалился обратно, держась за голову и разбрасывая вокруг искры. Потолок подкачал с высотой, и в темноте я со всего маху ударился головой. Все тело прострелило от темечка и до пальцев ног. От неожиданности у меня подогнулись колени, и я рухнул, как подкошенный на пол, изо всех сил потирая ушибленное место и шипя от боли. Полежав так с минуту, второй раз я поднимался уже аккуратно и медленно, вытянув руки вверх. Почти сразу пальцы нащупали грубую, ещё более неровную, чем пол, поверхность. Похоже на бетон или что ещё это может быть? В любом случае выпрямиться в полный рост не получилось.

Где бы раздобыть свет? После неудачной попытки рискованных действий предпринимать не хотелось. Кто знает, может, совсем рядом лифтовая шахта, и я, сам того не зная, сделаю неверный шаг, а потом скажут, что сынок богатого папочки вконец обкурился и бросился вниз. Даже если это трижды не так, разве кого-то волнуют детали? Жареное толкает рейтинги вверх.

Я опустился на карачки, выбрал направление наугад и,

ежесекундно ошупывая камень, осторожно пополз, куда глядели глаза. Несмотря на полную темноту, куда-то же они все-таки смотрят? Через пару минут выяснилось, что от стены до стены не больше двух метров. Шахта? Заброшенный коллектор? Туннель? Стены – тот же самый, похожий на бетон, камень, как на полу. Я где-то читал, что, если зрение не помогает, усиливаются другие органы чувств, но пока это не помогало: вокруг царствовала тишина, а нос улавливал лишь аромат затхлого, застоявшегося, непрветриваемого помещения. Да где же я?! Полцарства за айфон с фонариком!

Минут десять ушло на то, чтобы придумать правдоподобную версию, но дело не двигалось с мёртвой точки – где-то в глубине нарастала паника: если я прямо сейчас не начну что-то делать, потом будет поздно. Вот уж не думал, что на меня так подействует темнота.

То ли глаза со временем привыкли к непроглядной тьме, то ли мне показалось, что стало светлее: абсолютная темнота постепенно сменялась зеленоватым мраком. Я чуть было не заорал от радости! Приступ паники окончательно отступил, но с демонстрацией чувств лучше всего не торопиться, мало ли какие сюрпризы скрываются совсем рядом.

Я присел рядом с кучей битого камня, наваленного вдоль стены. Дико хотелось пить, шершавый и острый от жажды язык царапал нёбо. Вокруг царствовал камень. Он был по-

всюду, свисая наростами с плохо обработанного потолка, давил сбоку, вызывая гнетущее ощущение замкнутого пространства. Нельзя было даже выпрямиться в полный рост – ссадины на голове быстро приучили ходить пригнувшись.

Через некоторое время картинка более-менее прояснилась, и теперь мне словно надели очки для ночного видения: серо-зеленые силуэты, изрядно сдобренные порцией тьмы, корчили рожи, принимая неестественные очертания. Самые дальние уголки моего невольного прибежища по-прежнему скрывались во тьме. Впрочем, мне было не до красот, как я и предполагал, меня закинуло в коридор. При более внимательном взгляде оказалось, что с одной стороны он завален крупными глыбами, с другой – зиял черный провал уходящего неведомо куда хода. Видимо, мне туда!

Раньше я не замечал за собой приступов клаустрофобии, но сейчас меня не покидало ощущение, что коридор становится уже, и слышно, как где-то зловеще поскрипывает спрятанный механизм. Но наваждение отступало, сменяясь приступами голода и жажды.

Я каким-то невообразимым образом угодил в шахты. Или это катакомбы? Чем одно отличается от другого, понятия не имею, но звучали оба слова именно так: темно, мрачно и безрадостно. Словно в подтверждение моих мыслей, затхлый, несвежий воздух с запахом пыли и каменной крошкой вскоре отвратительно захрустел на зубах, забился в нос, залез в глаза.

Наконец мне удалось немного успокоиться и вернуть способность размышлять здраво. Мысленно перебрав варианты своего таинственного перемещения, я так и не смог прийти к какому-то конкретному выводу. Следовало найти рациональное объяснение, а в голове вертелись мысли: «какого черта?!» и «кому оторвать голову?!» Если это шутка, то шутка весьма неудачная.

Надо сказать, что мне все-таки повезло, если в такой ситуации можно говорить о везении. Оказаться в полной темноте в незнакомом месте – перспектива не слишком радостная. Но тут обнаружился источник света – стены местами густо покрывал мох, испускающий слабое зеленоватое свечение, отчего картинка становилась сюрреалистичной, словно в компьютерной игре, где по коридорам бегают разная нечисть. На ощупь же растительность слегка напоминала намочшее махровое полотенце, оставляя на ладони холодный, влажный след, и, если его немного потереть, слабо отдавала мятой.

Я опять остановился: вокруг по-прежнему стояла тишина. Знаете, такая тишина, что рано или поздно вползает в голову и начинает звенеть в ушах. Она, словно оживший туман, обволакивает с головой, поглаживает по плечам, сверлит взглядом спину, заставляя оглядываться в страхе. Сколько я уже здесь? Час? Или, может быть, три? Мне доводилось слышать, что время в стрессовой ситуации течет совсем по-другому, и

без телефона современный человек, как без рук. Я в очередной раз пожалел о пропаже. Даже если бы не работала связь, фонарик с часами пришлось бы как нельзя кстати.

Еще раз похлопав себя по карманам, я в очередной раз убедился, как в их отсутствии, так и в том, что на мне чужая одежда. Нет, это не лезет ни в какие ворота: ну ладно телефон, но зачем кто-то позарился на мои брюки? Мох давал совсем мало света, но его хватило, чтобы разобрать, что вместо джинсов от Армани я одет в нечто из ткани, напоминающей мешок для картошки. Сюрпризы этим не ограничились. Выяснилось, что на мне нет даже трусов, а то, что я поначалу принял за широкие брюки-карго, оказалось просто куском материи. Довершала картину веревка, перепоясывающая ткань, связанная из множества отдельных кусочков.

С рубашкой тоже не стали мудрить. Ее заменял обрез из все той же мешковины в виде пончо с дыркой для головы. Куда я смотрел раньше? Почему заметил только сейчас? Виной тому пресловутый стресс. Я сделал ещё одну зарубку в памяти, и долг неизвестного шутника немедленно прибавил в цене.

К отсутствию часов на руке я отнесся уже почти философски, понимая, что, если уж не побрезговали одеждой, «Брегет» заберут абсолютно точно.

Тяжелее всего оказалось привыкнуть к мысли, что придётся смириться с потерей любимых ботинок. Броги сейчас пришлось бы как нельзя кстати. Нет ничего лучше толстой

подошвы, когда под ногами крошево из мелких, острых камней. Впрочем, как ни странно, босой, я не испытывал особого дискомфорта, а камни, только с виду вызывая опаску, на деле не доставляли никаких неудобств. При этом мне было сложно припомнить особую любовь ходить босиком. Ладно, тоже спишем на стресс.

Чем больше я думал о случившемся, тем больше выходил из себя, в конце концов самому себе напоминая паровоз, который вот-вот взорвется, если не стравит пар. От ярости непроизвольно сводило скулы. Тварь, которая сотворила со мной эту шутку, будет долго вспоминать ее последствия. Главное, не убить бы, а руки-ноги мерзавца со временем заживут – сейчас врачи творят чудеса, говорят, даже пришить могут обратно, если вовремя обратиться.

Размявшись, чтобы чуть-чуть разогнать кровь и согреться, – здесь не очень-то жарко, – я постарался приободриться. Даже если меня забросило в старые, заброшенные подземелья под столицей, о которых в детстве не мечтал только ленивый, выбраться отсюда не составит труда, пусть и придётся основательно повозиться. Раз кому-то удалось пробраться под землю с грузом в виде человека в бессознательном состоянии, значит, одному и в сознании вполне под силу проделать обратный путь.

Черт возьми, я ещё ни разу не попадал в подобную ситуацию. Что это за розыгрыш такой? А может, это банальное ограбление или, там, похищение?

А что? Есть у меня один такой приятель. С очень специфическим чувством юмора. Нет, я тоже не подарок и могу подшутить над друзьями. Иногда даже на грани фола. Было пару раз... Ну а чем ещё заняться, когда человеку скучно и водятся деньги? Или, лучше сказать, – не переводятся.

Но Вася в принципе не знал меры. Отмороженным в полном смысле этого слова он, конечно, не был, но и нормальным его назвать язык не поворачивался.

Как-то раз он нанял двух человек, чтобы те подорвали бронированный лимузин одного нашего знакомого, который вечно хвастался своим пуленепробиваемым четырехколесным чудом.

Ну скажите, зачем двадцатидвухлетнему пацану бронированный лимузин?

Вася поначалу ему не поверил – он вообще мало во что верил сразу. А когда он во что-то не верил, да-да, шел и проверял. В основном не своими руками, а папиными деньгами. Авто, кстати, действительно оказалось что надо. Мой знакомый не пострадал, но пережил несколько, несомненно, неприятных моментов, когда трехтонную машину, словно игрушечную, взрывом подкинуло почти на полметра вверх. Хвастаться стало нечем, грамотные люди вынесли вердикт: под списание. Дело замяли – отцы обоих имели общие интересы, поэтому один отпрыск отделался лишь испугом, а второй на год в расстроенных чувствах укатил в Италию в частную школу под особый надзор.

Так что шутка вполне в его стиле. Сначала позвать на встречу, но причину так и не озвучить. Затем сообщить, что сильно задержится. Дальше просто: дожидаться, пока меня сморит сон, – по моей привычке спать в машине в свое время не проехался только ленивый, – а дальше дело техники. Машина у меня приметная, да и место обговорили. Искать не нужно. Другое непонятно: чем я ему успел насолить? Мы и не пересекались вроде, давным-давно расставив все точки над і.

В общем, если я вляпался в неприятности по вине этого идиота, мало ему точно не покажется.

Спустя некоторое время мрак ещё больше рассеялся, или мне показалось? Наверное, глаза с каждым часом все больше адаптируются к темноте, и скоро я буду видеть в полумраке не хуже соседской кошки. Прямо туман войны какой-то – пробудь в подземелье полдня и получи плюс десять к обзору. Только на игру пока совсем не похоже, да и не любитель я компьютерных игр, пусть другие зарабатывают и тратят фантики, я сторонник зеленой партии. Так что антураж и наполнение меня не устраивали. А наряд и вовсе отдавал чем-то первобытно-общинным. Ну или на крайний случай и с большой натяжкой я сойду за шотландца. Правда, очень-очень бедного шотландца. И где только откопали подобную рухлядь?

Я подвигал плечами, чувствуя какой-то дискомфорт. Что-

то ещё, помимо одежды, было неправильно, но я пока не мог разобраться, что именно. Может, с непривычки болит спина, ведь приходится слишком сильно втягивать шею, чтобы не рисковать головой. Эту мысль я так до конца и не додумал.

Как там говорится, семь раз отмерь? Заниматься измерениями можно до бесконечности, выверять, прикидывать варианты, но так дело не сдвинется с мертвой точки. Мало того, что размышления ни на миллиметр не приближали меня к разгадке, так одними гипотезами из-под земли не выберешься. Как в известном анекдоте: чего тут думать, бежать нужно! Не сидеть сложа руки, а скорее искать дорогу наверх, чтобы найти помощь. А дальше уже не моего ума дело – поумнее да поопытнее люди найдутся. Номер телефона старшего группы своей охраны, Сергея Александровича, в миру просто Серсаныча, отец заставил вы зубрить лучше, чем начало песни про елочку. Телефон же вообще найти не проблема – без связи сейчас даже бомжи не обходятся. Уж на кнопочный телефон и один звонок я точно могу рассчитывать.

С направлением движения тоже никаких сложностей. Чего тут думать, когда ты в тоннеле, одна сторона которого наглухо замурована. Идеальный случай для моего поколения: тебе дают выбор без выбора.

Вот почему так происходит? Обычно я не очень-то обращаю внимание на потребности своего организма. Нет, с тех пор, как в обществе стал моден ЗОЖ, приходится соответ-

ствовать. Хотя раньше про это модное слово, по словам старших товарищей, никто и не слышал. Зато теперь, если ты не ходишь в спортзал или не играешь в хоккей, ты не в тренде. Поэтому и ходил, и играл. Но и поголодать мог спокойно. Или обойтись один день без двух литров воды.

Обычно так и было. Но не сегодня. В данный момент из желудка доносилось душераздирающее кряхтение, а язык всячески пытался выскрести хоть капельку влаги. Возможно, это эффект того, что подсознательно организм чувствовал: ни воды, ни еды взять негде. Ну пока негде. И в карманах нет ни копейки, как, кстати, и самих карманов. Про кредитки я вообще старался не думать, физически ощущая, как со счетов утекают деньги.

Выходит, все-таки ограбление? Банальное и такое неожиданное. Почему неожиданное? Потому что всегда думаешь, что уж со мной-то этот трюк не пройдет! И на тебе: ни часов, ни бумажника, ни денег, ни телефона, ни даже одежды – всего того, без чего я ничем не отличался от людей, которых мы стараемся не замечать, если ранним утром видим у помойных контейнеров.

Ладно, к черту невеселые мысли. Мне нужно всего лишь выбраться отсюда наверх.

Я огляделся ещё раз – в этом пещерном царстве заморить можно было только себя самого, а не того пресловутого червячка. С водой и того хуже, а пить хотелось все сильнее. В крайнем случае, решил я, буду облизывать мох – бархатная

поверхность растительности на стене была сплошь усыпана темными крапинками воды, тускло поблескивающими в темноте.

Все-таки странные мысли приходят в голову, если человека выдернуть из привычного мира. Умыться мхом мне мешает опаска, а слизывать воду с его листьев я почти что готов. Нет, полизать мох я всегда успею. Если не найду минералку.

Я окинул прощальным взглядом место своего недолгого пребывания и, сильно пригнувшись, направился по коридору. Глаза привыкли к полумраку настолько, что подсветка из мха на стенах исправно справлялась с освещением дороги. На пути то и дело попадались небольшие завалы и отдельные камни, которые я обходил или без труда перешагивал. Настроение постепенно повышалось, хотя и осторожности терять не следовало. Я даже начал находить определенное удовольствие в происходящем. Когда ещё удастся побывать в подобной переделке без особого ущерба для себя? Часы, деньги, одежда – дело наживное, а сам себе такое приключение устраивать точно не станешь. После, конечно, нужно будет как следует растряссти воображение и достойно ответить всем шутникам.

Коридор тянулся и тянулся – пятнадцать минут ни одного ответвления. Даже ребенок, и тот не заблудится. Значит, все-таки шутка или особенно хитрый квест. Интересно, все-

таки приложил к этому руку Василий или идея чья-то еще? Кто там еще такой же находчивый? Игорь? Семен? Нет, у Семена туго с воображением – организовать сможет лучше многих, а придумывать – совсем на него не похоже.

Я все больше убеждал себя в том, что вот-вот встречу персонал по организации подобных мероприятий и заранее на это настраивался. Пожалуй, я даже не буду поднимать шум по поводу моего «похищения» пусть только часы отдадут. Ну и все остальное тоже.

В следующий момент я кубарем покатился по полу, получив сильнейший удар в лицо. Правая часть лица онемела, во рту появился соленый привкус крови. Следом вспыхнула острая боль в спине. Плечи и шею как будто охватило пламя. На миг перехватило дыхание. Происходящее оказалось настолько для меня неожиданным, что, к своему стыду, я никак не мог подняться, суча ножками и ручками, как майский жук, которого перевернули панцирем вниз.

Что это было? Больно ведь до слез в глазах. Я пытался рассмотреть своего обидчика и не мог. Картинка перед глазами расплывалась, у меня никак не получалось сосредоточиться. Я дотронулся до носа, на пальцах осталось что-то липкое и горячее. Кровь! Много крови! От осознания своей беспомощности меня охватило бешенство.

– Ах, ты, урод... – мой монолог был прерван, как и мысли за несколько секунд до этого: второй удар вышел довольно чувствительным, хотя и не такой силы, как тот, что свалил

меня с ног. Возможно, нападавший не хотел совсем уж калечить.

Впрочем, я не собирался просто лежать и ждать пока из меня сделают отбивную. Мне хоть и не посчастливилось служить Родине, и черный пояс был разве что от «Луи Виттон», но я мог за себя постоять. Телохранители – это здорово, но бывают ситуации, когда приходится делать все самому. Я снова сделал попытку подняться, впрочем, такую же неудачную, как и предыдущая. Тело слушалось плохо, куда-то враз подевались реакция и сила. Словно из меня вынули стержень.

В итоге меня вразумили с пятого раза. Если выбирать между «сдаться» и «тебя забьют насмерть», я все-таки остановился на первом. Хотя и не сразу. К тому же на третьей попытке жалость у моего обидчика совершенно иссякла. Он удивленно хрюкнул, что-то неразборчиво пробормотал, а затем начал лупить меня в полную силу. Я, как мог, прикрывал руками лицо и бока, но все равно досталось мне знатно. Пожалуй, я на практике познал древнее правило: молчание – золото.

Мой обидчик, хорошенько меня обработав, теперь удовлетворенно бурчал что-то под нос и шаркал ногами возле моей головы. Мне оставалось только лежать, закрывая руками лицо и тщательно лелея мечты о мести. Первая оторопь прошла, гнев, застилающий разум, – тоже, и пока приходилось только скрипеть зубами да строить планы. Главное, по-

стараться скрыть ярость, рвущуюся наружу, так как малейшие проявления эмоций легко могли ухудшить и без того неприятную ситуацию. Лежа на боку и баюкая отбитые руки, я лихорадочно соображал. Какой уж тут розыгрыш?! Похищение! Но кто?! Кто посмел?! Кому я успел перейти дорогу? Да, отца не любили многие, но на такую откровенную акцию могли пойти единицы. А вдруг это по мою душу? Чем я кому-то мог насолить?

Я лежал почти неподвижно, ожидая продолжения. Ну должны же мне сказать, что им от меня надо? Если бы хотели убить, вряд ли затеяли такую сложную комбинацию. Или это элементарная попытка меня запугать? Надо признать, что, кто бы это ни был, ему удалось задуманное. Что же мне делать? Изображать из себя крутого? Впрочем, чего тут изображать? Маска покорности никогда не была моим коньком. Отец нередко повторял фразу: если не можешь стать душой компании, стань ее главой. А уж как этого добиться – вопрос отдельный. Инструментов для управления людьми хватало. Но и грудью на пулеметы кидаться не стоило. Вон она у меня какая хилая оказалась.

Долго ничего не происходило. Станный тип ходил и ворчал под нос, я лежал и старался не двигаться, невольно морщась от боли. Впрочем, все равно было терпимо, хотя меня давненько не били, и мне понравилось, что я спокойно держу удар. Плохо другое: я его просто держу и не в состоянии ответить.

Мысли оказались прерваны звуком шагов. Темнота скрадывала очертания, и фигура человека с трудом различалась с трёх-четырёх метров. Судя по ритмичному шарканью, он немного подволакивал ногу. Вроде бы, правую – черное пятно на месте головы дергалось в сторону, когда тень делала шаг этой ногой. Помня реакцию на мой голос, я помалкивал, оценивая шансы на следующую попытку.

Пора или нет? Какой-то он слишком здоровый. К тому же мне очень не понравилась боль в спине. Что это? Последствия неудачного падения? Значит, мне все-таки достались сильнее, чем я полагал. Ещё я заметил, что не могу лежать на спине ровно, как будто там что-то мешает.

Очередные пять шаркающих шагов в тишине. Я едва сдерживал нетерпение, до того мне хотелось увидеть, кому пришло в голову организовать моё похищение. В том, что это именно похищение, я уже почти не сомневался. Даже если это и не сам организатор, я наконец узнаю цель мерзавца, ну и, конечно, цену моей свободы. Вряд ли кто-то выиграет от моей смерти. Живой я более ценная добыча, тут можно даже поторговаться: как-никак, я у отца единственный наследник. Во всяком случае, я очень на это надеялся.

Меня потряхивало. Боль ощущалась краем сознания – явно реакция организма на адреналин в крови, но нельзя сказать, что мной завладел страх. Играла на нервах неопределенность, не хватало информации, продолжала ныть спина, но я не боялся. Мне было пока не понятно, что со всем этим

делать, но мозг привычно продумывал варианты развития событий.

Последний шаг незнакомца оказался решающим. Мне хватило света, чтобы рассмотреть обидчика. От неожиданности я даже приподнялся. Я точно сплю! Ну или схожу с ума. Может, всё-таки квест? Из тех, где душат, связывают, топят, где все происходит «на грани». Когда ставишь подпись, что «осознаешь и все принимаешь».

– Мужик, ты кто? – выдавил я из себя, не зная, смеяться мне или плакать.

Глава 2

Вам приходилось в вашей жизни одной-единственной фразой перечеркивать все? Я даже не знаю, как выразить это «все» словами. Ну нет в человеческом языке настолько емкого слова, которое отражало бы глубину и пронизывающую ясность того, что следует в него вложить. Как будто ты ещё есть, смеешься, плачешь, ругаешься, дерешься, наконец. А после тебя уже нет.

Я лежал в своём отнорке, на том же самом месте, где очнулся в первый раз, тупо разглядывая стену перед собой. Иногда мне казалось, что зеленоватое свечение начинает пульсировать в такт сердцебиению, но спустя какое-то время ощущение проходило. От лежания на твердом затекала спина, каменная крошка впивалась в кожу, и холод пробирал до костей, но мне не было до этого дела.

Сколько времени прошло с тех пор, как я встретил Трока? Это тот самый мужик, который периодически чешет об меня свои кулаки. А что поделаешь? Со своим ростом я почти ни разу так и не смог собрать свою норму улиток, а, следовательно, и с едой у меня проблемы. Правда, в последний раз ему за это досталось, и я с затаенной радостью наблюдал, как здоровяк безмолвно сносит побои людей местного вожака. Впрочем, очень скоро стало ясно, что за все нужно платить и за бесплатные развлечения тоже: Трок с лихвой выместил

свою боль на подопечных, в том числе и на мне. Так что я решил, что лучше в дальнейшем получить порцию обычных побоев, чем терпеть выходки разъяренного здоровяка.

Живот возмущенно квакнул: он опять настойчиво напоминал о пропущенном приёме пищи, но к чувству голода я уже привык, голод – это уже мое нормальное состояние в этих местах. День или два без еды не катастрофа.

Время – это отдельная песня. Сложно вести его отсчёт, когда для тебя нет разницы: день на дворе, ночь или раннее утро. Там, где мне суждено было вторично появиться на свет – прямо, каламбур получился, – всегда царила тьма. Все попытки отмечать дни разбивались об отсутствие возможности их измерить. Ни часов, ни телефонов тут нет. Даже о солнце остается только мечтать, так что единственное, что позволяло хоть как-то бороться с ощущением «дня сурка» – это рабочие смены. Возвращаясь обратно, я старательно царапал камень, доказывая себе самому, что жив еще один проклятый день. Каждая черточка на стене, накарябанная моей рукой, что-то отнимала от жизни. Как будто срезала саму ее суть. Но если бы этих черточек не было, разуму не за что было бы цепляться, нечего отмерять. Я скреб стену, выдавливая из надежды еще один шанс, и истово верил, что осталось ещё чуть-чуть. Осталось немного. Ибо, кроме надежды, у меня ничего не осталось. Тридцать чертовых палочек на стене, и каждая стоила вечности.

Впрочем, иногда голова прояснялась, заставляя анализи-

ровать происходящее, и тогда я вспоминал о самом первом дне в этой клоаке.

Мой обидчик и мучитель, выглядел точь-в-точь, как и я: бесформенная юбка, накидка с прорезами и веревка на поясе с измочаленными краями. Совсем не так я представлял себе профессионального похитителя.

Его облик настолько отличался от того, что я ожидал увидеть, что мне не удалось сдержаться.

– Мужик, ты кто?! – выпалил я, и вот тут меня накрыло по-настоящему. Потому что это был не мой голос...

Осознание того, что я говорю не своим голосом повергло меня в шок гораздо больший, чем все произошедшее до того. Даже к пропаже телефона в конце концов можно привыкнуть, но к тому, что у меня украдут и голос, я оказался совсем не готов. Из моего тела словно вышибли дух, и я превратился безмолвного наблюдателя, никак не реагируя на новую порцию тумачков.

Наконец, мой мучитель выдохся, и брезгливо потыкал ногой своей жертве в лицо, видимо, чтобы убедиться, что я еще жив. Тело откликнулось стоном, и тот, удовлетворенно хмыкнув, потопал по своим делам, оставив меня наедине с болью и неизбежностью.

Гораздо позже, когда, собравшись с силами, мне удалось отползти обратно в отнорок, я попытался извлечь из непослушной глотки «свой» голос, и долго после сидел в про-

страции, понимая лишь то, что произошла какая-то чудовищная катастрофа. Дальнейшее показало, насколько ужасно мое положение, и дела обстоят еще хуже, чем я мог даже предполагать.

Впрочем, обо всем по порядку. Ведь для начала, как порядочному человеку, мне следовало представиться. Да, как порядочному человеку... Звучит, конечно, двусмысленно. Особенно теперь. Почему, спросите вы? Потому что у меня нет ответа на этот вопрос. Я не знаю, кто я. Я не представляю, где я. И уже порядком сомневаюсь, человек ли. Только в одном я уверен на все сто: я это не я.

Тот, другой, оказался явно моложе. Таким голосом говорят, когда тебе шестнадцать, и ты стараешься выглядеть старше, чем на самом деле. То пищишь, как мышь, то вроде бы ничего. Я решил считать, что мне здесь шестнадцать.

Я взглянул на руки и вздохнул: не мои. Кисти заметно тоньше, пальцы длиннее и тоньше. Прямо как у пианиста на природе. Если, конечно, смыть грязь, привести в порядок обломанные ногти и вообще как-то облагородить.

Было и еще кое-что, что меня беспокоило. В тот же день я выяснил, что не могу лежать на спине. Лицом вниз – пожалуйста, на левом или правом боку – да ради бога. А на спине никак, как будто кто-то нацепил на загривок здоровенный школьный рюкзак, который ни снять, ни сдвинуть. После тщательной проверки шеи, по крайней мере в тех местах, куда дотягивалась рука, мои опасения подтвердились:

я стал обладателем нештучных размеров горба. Кожа там на ощупь казалась сморщенной и шершавой, да и в размерах я тоже ничуть не ошибся. Так что задираТЬ голову вверх мне явно не стоило – это вызывало сильнейшую боль, как и попытки улечься ровно. А через несколько дней, когда судьба в лице Трока завела меня в коридор с высокими потолками, я обнаружил, что и сам сильно хромаю, потому что одна моя нога оказалась короче другой.

Зеркала здесь, конечно, днем с огнем не найти, но то, что я ощущал, в конце концов подвело меня к неутешительному выводу: я больше не я.

Бывший я – это Александр Гроцин, двадцать три года, сын владельца финансово-промышленной группы, а не подземная крыса. Я – это квартира в центре столицы с видом на парк и дизайнерским ремонтом, а не мрачные, узкие, темные вонючие коридоры, высеченные из камня, покрытого светящимся в темноте мхом. Вместо изысканной мебели – каменное крошево, полусгнившее дерево и крысы размером с закормленную собачку соседки напротив.

Еще я – это костюм от «Каналли», который шился на заказ, а не грубая ткань, едва-едва прикрывающая то, что ты должен прикрывать согласно канонам приличия. Это сумка «Луи Виттон» из Мюнхена, которую я забрал прямо с витрины, потому что коллекцию только готовили к продаже, и мне пришлось проявить чудеса красноречия чтобы убедить фрау отдать ее до релиза. Или взять мой любимый ремень от

«Гермес», с пряжкой, сделанной в единственном экземпляре, и врученный лично хозяином магазина. Где ты? Почему ты превратился в грубую лоснящуюся ворсом веревку, на которой узлов больше, чем самой веревки? Мне казалось, что я – это еще и дорогой одеколон, но нет! Тот аромат, что сопровождал меня здесь, вообще невозможно вообразить даже в страшном сне! Господи, как я сюда попал?! И куда, куда?? Вася, куда ты меня запихнул, гнида?! А, главное, за что мне все это?

Но все это в прошлом. Так что разрешите представиться снова: меня зовут Иан, я теперь небольшого роста, у меня горб, бегаю не быстрее утки, и от меня теперь воняет, как от выгребной ямы. В общем красавец писанный. Хотя стоит добавить, что ко всем остальным проблемам, мне достался еще и жесткий языковой барьер. Я ни черта не понимаю, что мне говорят, и это доставляет мне множество неприятностей к тому набору, что уже есть.

Впрочем, знания языка и не требовалось. Уже через несколько дней я уразумел, что попал на своего рода плантацию, которую обслуживала целая банда. Похоже, тот, кто занимался моим переносом, особо размышлениями не утруждался и засунул меня на самое «дно» социальной лестницы – в тело раба. Нас тут таких по ощущениям примерно сотня, может, чуть больше, но голову на отсечение я бы за это не дал – из-за того, что все рабы выглядят одинаково, сосчитать их крайне сложно. Свой вывод я сделал на основании того,

что Трок обхаживает десять «душ», а таких, как он, в пещерах примерно столько же.

В обязанности рабов входило с утра до вечера заниматься сбором улиток, которых потом банда куда-то переправляла. Этих здоровенных, размером с полкулака, тварей в заброшенной части штолен водилось море, и такие, как Трок, уводили свои груды в поисках нетронутых пока забоев. За такие места шла нешуточная борьба: нередко груды между собой дрались, но все знали, что потеря работника не лучшим образом отражалась на десятке и на десятнике, поэтому соперничество обычно не доводило до убийства, хотя увечные попадались на каждом шагу. Мне повезло, я принимал участие в парочке таких стычек и после только отлеживался несколько дней. Трок размахивал кулаками перед моим носом и рычал, как раненый медведь, но даже в его куцем мозгу билась мысль о том, что своих калечить нельзя, и он ограничивался лишь парой лечебных затрецин. Однако, долго разлеживаться было не моих интересах: нет улова – нет пищи. Это правило соблюдалось неукоснительно.

Рацион рабов разнообразием не отличался – тот, кто в банде отвечал за кормежку, каждый день готовил похлебку из мха и тех же улиток. Рабы бежали и ползли на запах ментола, почти перебивавший вонь, с таким рвением и упорством, что я со своим субтильным телосложением зачастую не успевал протиснуться в кучу-малу и оставался голодным. Таким же недочеловекам, вроде меня, оставалось лишь наде-

яться, что сегодня наварили больше обычного, и нам удастся соскоблить хотя бы нажарки на стенках котлов. К слабым и немощным тут снисхождения не испытывали: твой обед – это твоя забота, и, если ты помираешь с голоду, туда тебе и дорога.

Трок и остальные десятки питались из другого котла, но тоже объедками. Мне не раз приходилось видеть, что остальные члены банды, приближенные к «царю», относятся к десятникам ничуть не лучше, чем те – к своим подопечным, и все мы для них, похоже, лишь расходный материал. Чуть погодя я обнаружил, что поведение рабов имеет свое объяснение: то ли в нашу пищу что-то добавляли, то ли мох с улитками обладали каким-то наркотическим действием, но у «голодающих» по дню и больше, голова работала не в пример лучше прочих. Другое дело, что они на эту дрянь окончательно подсели, и ни о чем другом у них думать не получалось. На меня же эта штука почему-то не действовала, что поначалу вызывало у бандитов недоумение, но вскоре они об этом забыли. Я же все время пытался следить за своим состоянием, и с ужасом ждал момента, когда состояние зловонного червяка доберется и до меня. Но и не есть эту гадость я не мог – никто не собирался кормить раба господской едой. Так что либо жрешь, что дают, либо сдохни. Подышать, несмотря ни на что, не хотелось.

Но тяжелее всего первое время мне приходилось от грязи и вони. Даже давно привычное к здешним условиям тело

молодого раба подчас давало сбои, когда приходилось выбираться в отхожее место, а за рулон туалетной бумаги я и сейчас готов отдать царство и принцессу в придачу.

Глава 3

Какие тут у всех отвратительные привычки: меня бесцеремонно скинули на пол. Спросонья не разобрав, что происходит, и попытавшись подняться, я получил зуботычину и снова растянулся на полу, больно ударившись о груды камней, которые сам же недавно сложил у стены.

Надо мной стоял верзила, которого я как-то видел в «хоромах» Ксара. Главарь банды крутил с ним какие-то дела, не связанные с «улиточным» бизнесом. Взгляд незнакомца не предвещал мне ничего хорошего, и я не мог представить себе ни одной причины, зачем этому молодчику понадобился раб-калека. Можно ведь было послать десятника, но он проделал весь этот путь сам. С чего такая честь?! Уж не знаю, по какой причине, но бывший владелец этого тела жил отдельно от груды, и Трок особенно этому не препятствовал, хотя ему и приходилось несколько раз появляться тут самолично. И не сказать, чтобы в особенно радостном настроении.

Верзила наблюдал за моей возней сузившимися глазами, но в отличие от Трока, руки распускать не спешил. Впрочем, все мои чувства сигнализировали о том, что он получает удовольствие от того, что мне приходится валяться перед ним совершенно беспомощным. Даже в темноте всем своим существом он излучал жестокость и злорадство. Вот они, те самые неприятности, о которых последнее время твердила мне

интуиция.

– Вставай! – заорал он, замахиваясь. Это слово входило в мой словарный запас, и я поспешил начать исполнять его пожелание, что после долгого трудового дня было довольно непросто.

Незнакомец рывкнул что-то еще, но я лишь растерянно замотал головой, показывая, что не понимаю ни слова. Он разразился невразумительной бранью, и, уже не стесняясь, пинками помог мне ускориться.

Кое-как мне удалось встать на ноги, я уперся носом в его широкую грудь и с удивлением обнаружил, что рубашка, в которую одет незнакомец, сделана из кожи, а не из привычной мне грубой ткани. На ногах громилы оказались укороченные сапоги – невиданное дело в этих краях. Ого! Что-то новенькое! Несмотря на происходящее, у меня почему-то вдруг начало подниматься настроение – нестандартное начало дня сулило изменения в жизни, хоть пока и непонятно, в какую сторону. Впрочем, хуже, чем сейчас, сложно себе представить.

Я все еще не до конца проснулся, поэтому не очень уверенно стоял на ногах и пытался сдерживать улыбку, искривившую лицо. Глупо ожидать что-то хорошее, но я ничего не мог с собой поделать – надежда по капле покидала меня, и даже пугающий и жестокий верзила сейчас казался мне избавителем. Предчувствие, что жизнь делает очередной поворот, в котором появление незнакомца играет немаловажную роль,

перерастало в уверенность.

Меня грубо развернули и толчком указали направление. Изображать стойкого оловянного солдатика пришлось совсем недолго, незнакомец как будто бы и не почувствовал мое сопротивление, ещё раз подталкивая в спину.

– Иди-иди! – услышал я более-менее знакомые слова, поторапливаясь.

Чтобы бежать впереди паровоза, не нужно знать слишком уж много слов. Моего скромного словарного запаса хватало, чтобы выполнять обязанности «поди – подай – принеси». Чего уж говорить про игру в арестанта и конвоира. При этом недостаток слов всегда можно восполнить тычком или пинком по зад.

Так мы дошли до развилки, где повернули направо. Вместо рулевого колеса вполне подошла добрая оплеуха, от которой я оглох на одно ухо на несколько минут. Сзади негромко ругался мой конвоир. Вообще досадно, что непонятно ни слова из того, что он говорит. Похоже, мой провожатый наконец осознал, что говорить со мной бесполезно, потому окончательно замолчал, предпочитая обходиться жестами или тычками – универсальным языком всех конвойных.

С языковым барьером нужно что-то делать. Язык – это оружие, с которым я управлялся довольно неплохо в той, другой жизни. Глядишь, и удалось бы договориться. Не дело оставаться глухим и немым в тылу врага. А тут, похоже, с друзьями у меня неважно.

Мы прошли еще четыре развилки и на пятой повернули налево, затем уклон явно пошел вверх. Туннели здесь делились гораздо чаще, и вскоре я уже перестал пытаться запомнить, куда и сколько раз мы свернули. Еще через некоторое время провожатый потянул меня за руку, и мы очутились в узком коридоре, который вывел нас наружу. Так я впервые оказался за пределами темных и мрачных каменных туннелей.

Солнце только вошло в свою силу, день был в самом разгаре. Не думал, что всего месяц, проведенный в полумраке, настолько повлияет зрение, что даже с закрытыми глазами свет приносит физическую боль. Лучи солнца, казалось, ввинчиваются в мозг, как будто в глаза погружались раскаленные добела иглы. Я молча страдал, спотыкаясь на ровном месте, пока не догадался плотно закрыть руками слезящиеся глаза.

К солнцу опять пришлось привыкать, а зелёного этот шарик оттенка или желтого роли не играло. А спутнику, похоже, свет ничуть не мешал. Он довольно быстро освоился и управлял мной, как опытный погонщик коровой. Слепой коровой, если быть точным. Аналогия мне не слишком нравилась – коров водят не только на выпас, но и в менее приятные места.

Мы выбрались из подземелья в глубоком овраге, и, продравшись сквозь заросли густо разросшегося на склоне кустарника, уткнулись в обвивавшую овраг дорогу. Выход из

подземелья скрывался где-то там, внизу, и, если бы мне пришлось искать его самому, я не нашел бы это место, даже если бы знал, что оно находится именно тут. Идеальная маскировка.

Меня в очередной раз подтолкнули в нужном направлении, но как-то совсем беззлобно, без малейшего намека на раздражение. Что бы это могло значить? Что-то изменилось? Возможно, мой спутник не так уж и уверенно чувствовал себя в мире зеленого сумрака и смрадного, затхлого воздуха и вымещал свой страх и неуверенность на мне? Не доверял нашему вожаку? Вполне вероятно – я бы тоже оглядывался, зная, что полностью в его власти.

Мой конвоир заметно повеселел, на лице у него блуждала еле заметная улыбка, и время от времени до меня долетала веселая мелодия, которую он насвистывал, бодро вышагивая за моей спиной. Все это я успел разглядеть, на секунду приоткрывая глаза, – чтобы не оказаться совсем уж слепой скотиной, я обнаружил способ, который позволил оставаться в курсе происходящего.

Для моего спутника дорога оказалась привычным, знакомым местом – слишком уверенно и без опаски он вышагивал следом. Когда глаза чуть-чуть привыкли к окружающему буйству яркости, мне пришлось признать очевидное: она ничем особенным не выделялась от сотен и тысяч своих проселочных сестер на Земле: обычная утоптанная земля, поросшая чахлой травой, по такой в сельской местности про-

езжают машины, снуют дачники на велосипедах и семят старушки с колясками.

Солнце отчетливо уходило в зеленоватый спектр, а на окружающем мире эта единственная на сегодняшний день странность никак не сказывалась: люди оставались людьми, трава – травой, бедные – людьми, которым нужно думать о пропитании и крове над головой, а не как сделать селфи покруче. Да и вообще, если бы не этот проклятый оттенок, я бы усомнился, что меня забросило куда-то дальше пары сотен километров от города. Если бы не зелёный цвет и тело, в котором я оказался.

Всё-таки, куда же меня занесло: мир меча и магии или плазменных пушек и анабиозных камер? Задрав голову, насколько возможно, я так и не увидел следа от летающих аппаратов. Обычное синее небо и облака, медленно переползающие с места на место.

Впрочем, отсутствие техногенных следов ещё ни о чем не говорило: Гендальф мимо тоже не проезжал, не пробегали хоббиты, не встречались и рыцари, с головы до ног закованные в железо, верхом на конях с налитыми кровью глазами. Ничего этого не было, а потому можно строить предположения дальше: что было бы для меня предпочтительнее: мужики с мечами или они же с бластерами.

Интересно, а можно вообще без того и другого? Поколдуйте назад, господа. Чего вам стоит?

Постепенно и мне передалось настроение моего невольного попутчика. А что? Меня не бьют, не пинают и не орут почему зря. Мне не нужно плестись в самые дальние штреки и пытаться в очередной раз собрать минимальную норму, чтобы после работы не остаться голодным. Вам приходилось драться из-за добычи, заранее зная исход? Я не приучен сдаваться без боя, но предопределённость душит получше любой депрессии. Плохо быть самым слабым: на тебе отыгрывается любой, а ты не можешь достойно ответить.

А ещё я, оказывается, очень соскучился по солнцу, по чистому воздуху, по ощущению бескрайней глубины над головой. Думаете, два пятьдесят – это мало? Поживите, когда потолок в полутора метрах, и ваша квартира покажется вам дворцом. Мне же пришлось особенно тяжело, иной раз чудилось, что моя жизнь теперь протекает в каких-то крысиных норах.

Я все дальше удалялся от темноты подземелья, крадущего у людей надежду и превращающего их жизнь во мрак, от тяжести каменного потолка, лишаящего их воли и отучающего от чувства свободы лучше любых кандалов, и сердце мое заходило от счастья. Что бы ни произошло, возвращения не состоится. Пусть мне суждено остаться уродливым карликом, но я хочу видеть небо, дышать полной грудью.

Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как мы выбрались из оврага, а мой желудок, которому в последнее вре-

мя досталось, точнее сказать, не доставалось, однозначно твердил о том, что пора задуматься о привале.

Часов, конечно, не хватало. В темноте время течет по-своему, размеренное, не имеющее смысла существование вполне может обходиться без его подсчета и определения. Когда некуда торопиться и некуда успевать, когда все твои действия зависят не от тебя, о времени не задумываешься. Дали вздремнуть – хорошо, покормили – замечательно, привыкаешь к животной размеренности. Наверное, так чувствует себя корова: утром на пастбище, вечером – загон. Зачем ей часы?

Стоило же режиму лишь капельку измениться, как внутри меня грубая волна непокорной радости пошла ломать переборки размеренности. И первое, что потребовалось – ощущение времени. Я опять опаздывал, бежал вперед, слишком много шел без обеда. Мне даже хотелось по-мальчишечьи пуститься вприпрыжку, до того распрямилась сжатая внутри пружина, а в голове набатом гудела мысль: дальше, дальше, дальше!

Несмотря на полное отсутствие практики дальних переходов у прежнего хозяина тела, я чувствовал себя сносно. Пара-тройка часов бодрым шагом, вопреки моим опасениям, не заставила валиться с ног от усталости, а лишь добавила «утиных» вихляний в походку, и все больше хотелось пить.

– Иан? – окрик заставил меня притормозить. Мой конвоир задумчиво разглядывал что-то у меня за спиной.

Может, все-таки, привал, костер и еда? Что у жителей с поверхности может быть на обед? Надеюсь, тут едят что-то отличное от моего обычного рациона: улитки на завтрак, обед и ужин.

Неожиданная остановка, наконец, позволила рассмотреть моего спутника. В темноте деталей не разобрать – все гладкое, мрачное, смазанное, без четких очертаний. Свет, который я так люблю, добавил деталей, раскрыл границы. Я убедился, что громила, как был великаном, так им и остался. Почти под два метра, не коренастый, а, скорее, ширококостный и жилистый человек лет тридцати. Крупное лицо, на котором природа небрежно раскидала рот, нос и глаза. Складывалось ощущение, что все это собрано от разных людей, настолько все не сочеталось и казалось, что как-то криво наlepлено.

Одежда на нем сидела ничуть не лучше: кожаная безрукавка на голое тело и кожаные же штаны, словно были скроены на ещё более крупное тело, сшиты небрежно, на скорую руку из множества мелких кусочков, так что громила напоминал Франкенштейна.

Зачем же я ему понадобился? Или наш мудрый вождь спихнул меня за долги? Тогда мой спутник либо не силен в торговле, либо долг оказался не слишком существенным.

Кожаный, как я его окрестил в уме, что-то сказал, но я не расслышал ни одного знакомого слова из того куцега запаса, что удалось почерпнуть за месяц. Я отрицательно мотнул

головой, показывая, что не понимаю, Тот досадливо поморщился.

Нужно учить язык! Но как это сделать, если нет ни репетитора, ни денег на оногo? Да и не до репетиторов мне сейчас – ещё неизвестно, куда заведет меня эта дорога.

Чужие долги меня не касались, а о собственной жизни стоило задуматься всерьёз. Какая бы причина ни подтолкнула моего спутника к тому, чтобы забрать меня с собой, людской альтруизм – это последнее, во что я верил. Даже если мне не понять его выгоды, она точно есть, не полный же он идиот? А значит, Кожаный явно строит на меня планы. Самое простое: купил-продал, тут много ума не надо. Можно ещё приспособить к какому-то делу или, на худой конец, сдать в аренду. Последний вариант мне совсем не нравился, хотя и первый не слишком был по душе. Я ничего не знаю про здешние обычаи и нравы в обществе, но я рос среди людей, которые могли позволить себе практически все, а потому не строил иллюзий.

Все вышеперечисленное говорило лишь об одном: я получил передышку, но ни на миллиметр не приблизился к решению проблемы своей дальнейшей судьбы. А потому следовало как можно скорее приступить к разработке плана и приведению его в действие. И первое, что я наметил, – любыми способами избавиться от своего спутника. Убийство я, естественно, не рассматривал, целиком сосредоточившись на побеге.

Останавливало от немедленной реализации плана только две вещи: во-первых, я не знал, куда мне идти, но с этим можно было смириться, во-вторых, я не очень хорошо себе представлял, каким образом смогу от него слинять.

Кожаный чувствовал себя вполне уверенно, а, следовательно, знал местность гораздо лучше меня. Мне нужно было получить хоть какую-то фору, а мы на дороге одни, и с меня не спускают глаз. И главное, следует принимать во внимание наши физические кондиции: сможет ли утка в лесу убежать от волка? Если взлетит, без малейших сомнений. А если она просто не умеет летать?

Поэтому мне с тяжёлым сердцем пришлось признать, что с побегом и свободой придётся повременить. До первого подходящего случая. А до тех пор вести себя тише воды ниже травы, чтобы лишний раз не злить великана. Моя покладистость может дать лишний шанс для побега, усыпив его бдительность. Только бы не проворонить эту возможность.

Еще этот языковой барьер. Почему бы при перемещении не позаботиться об этом вопросе? Насколько же проще оказалось мое существование, если бы я с самого начала умел понимать и говорить на местном наречии. Но как-то же раньше учили языки? Ну-ка, попробуем дедовский способ!

Я бухнул себя кулаком в грудь.

– Иан! – бодро заявил я и ткнул пальцем в Кожаного.

Мне пришлось несколько раз повторить действия, пока до него ни дошел смысл.

– Храст. – Кожаный хмыкнул и тоже постучал кулаком себя в грудь, затем произнёс что-то еще. Я опять покачал головой, на что получил молчаливое повеление продолжать путь.

Не повезло. У моего конвоира слишком мало терпения и, надо признать, не слишком много ума, чтобы он взял на себя роль моего учителя. Попытка первого контакта не удалась, хотя теперь мне хотя бы известно его имя.

Будет ли с этого толк? Стоит еще раз посоветовать о гугл-переводчике?

Дорога пролегла между невысокими зелеными холмами, изредка их перечеркивали рощицы небольших деревьев, по которым я бы точно не смог определить, Земля это или нет. Да-да, несмотря ни на что, я все ещё пытался найти приметы, которые смогут подтвердить или опровергнуть версию перемещения в другой мир. Так как ничего, кроме растительности вокруг не было, приходилось довольствоваться тем немногим, что я помню из школьной ботаники.

Спустя непродолжительное время я сдался, моих знаний хватало на то, чтобы признать дерево деревом, а какие у него там тычинки-пестики, я понятия не имел и смог бы отличить максимум сосну от березы.

Глава 4

Все-таки и моей выносливости есть предел. Мой шаг все больше напоминал перетоптывание пингвина, дыхание сбилось, руки-ноги налились свинцом и потяжелели. Скакать уже не то, чтобы не хотелось, скорее я просто выкинул из головы мысли об этой причуде. Окружающий мир сузился до одной колеи, поросшей узкой, шершавой травой, которая последние полчаса принялась ловить меня за ноги. Чтобы не остановиться от усталости, я стал считать шаги, но уже раз двадцать приходилось начинать сначала, иначе длина слова даже мысленно превышала время моего шага.

По пути нам так и не попалось ни одного человека, ни на машине, ни без, точно так же обошлось и без рыцарей с самолетами в придачу, хотя наверх я уже не смотрел – не было сил. Дорога была девственно пуста, лишь пернатые озорники сопровождали нашу компанию веселым криком. Храст и не думал останавливаться, хотя я некоторое время назад начал недвусмысленно на него оглядываться.

Наконец, бледно-желтая петля дороги скрылась за соседним холмом, а оттуда темно-зеленой косой выглянул лес. Мой попутчик, а, скорее уж, конвоир, указал на него рукой, добавив одно слово вслух.

– Лес? – повторил я, полагая, что речь шла именно о нем. Храст кивнул и пошёл дальше впереди меня. Я в который

уж раз подметил, что в нем больше не чувствовалось враждебности. Читались лишь ожидание и облегчение, это даже придало мне немного сил.

По моим прикидкам, до леса оставалось ещё чуть меньше километра. Мелочь по сравнению с тем, что мы уже отмахали, и невообразимое расстояние для того, кому приходилось в день преодолевать не более пятисот метров. Во всяком случае на моем коротком веку.

Удивительно, моих сил хватило совершить и этот героический поступок – темно-зеленая монолитная стена росла на глазах. Мне кажется, когда наши ноги коснулись тени от самых высоких деревьев, лежавшей на нашем пути, я услышал не только свой облегченный вздох: солнце припекало немилосердно, придавливая к земле размякшие на жаре тела и медленно текущие мысли.

Лесная прохлада вдохнула жизнь в мое измученное тело, несмотря на не слишком приятные воспоминания: последний лесной поход в десятом классе закончился грустно, как для учеников, так и для их преподавателей. Вместо обещанного костра, печеной картошки и сочных шашлыков мы получили проливной дождь, оголодавших комаров и воспаление легких у троих особенно удачливых путешественников. Школа ещё долго мусолила наше приключение во всех подробностях.

Воспоминания выдавили у меня унылую улыбку – наде-

юсь, сегодня повезет больше.

Я заметил, что Храст совсем сбавил темп, так что мне без труда удавалось за ним поспевать. Дорога жила своей жизнью, петляя из стороны в сторону, прячась за раскидистыми кустами и стволами деревьев. Кое-где плотно утоптанная земля совсем заросла высокой травой – видно, дорогой почти не пользовались. Ветви деревьев нависали настолько низко, что даже мне не нужно было поднимать голову, чтобы до них дотянуться. Иногда даже приходилось идти согнувшись, чтобы не получить по лицу особенно назойливой веткой.

Я успевал разглядывать листву, снова пытаюсь понять, отличаются ли деревья от того, что я помню. Сколько бы я ни старался, сколько ни напрягал память, смотреть было особо не на что: меня окружали обычные клены, дубы и березы – опять ни малейшего намека на другую планету. Нигде не видно ползающих лиан или плотоядных корней. В душе снова заворочался червячок сомнений: а может, все-таки Земля? Могли ведь меня чем-нибудь накачать? Подсунули что-то в еду, и вот тебе зеленое солнышко, горб за спиной и улитки на обед. Меня захватили размышления, поэтому я не заметил, как в руке моего спутника возник нож.

Если бы у меня были тормоза, они бы сейчас пронзительно завизжали. Мне стало не по себе при виде оружия. Храст перехватил мой опасливый взгляд, брошенный на руку с ножом, но не обратил на него внимания. Он что-то пристально

высматривал среди деревьев.

Стоило проследить за его взглядом, как в ту же секунду с легким стуком у моих ног в землю воткнулась стрела. Мое сердце сорвалось в галоп, заставляя озираться в поисках угрозы. Впервые в жизни я мог честно признаться, что мне страшно. Какая, к черту, Земля?! Стрела – это средневековье, средневековье – это разбойники, а эти ребята, по слухам, с одинокими путниками не церемонились. Полтора человека почти от одиночки не отличаются.

Мой затравленный взгляд можно было принять за желание подороже продать свою жизнь, но, на дороге по-прежнему никого, кроме нас, не было. Мысли неслись вскачь. Бежать, пока не поздно? Я бросил взгляд на своего спутника. Вдруг от меня ускользнул его знак, и сейчас он бросится наутек?!

Впрочем, на свой счёт я особо не обольщался. Храст, возможно, и убежит, мне же с моей подвижностью подобный вариант точно не светит. Но тот вдруг совсем успокоился, стоял ровно, и усмешка гуляла по его жестким губам. Он словно ждал этого знака.

– Храст? – прозвучало откуда-то сверху. Так высоко поднять голову мне нечего было и думать. Увидеть говорившего я смог бы только в том случае, если бы лег на землю. Глупостями заниматься совсем не хотелось, поэтому я остался стоять в той же позе, в которой меня застала неожиданно прозвучавшая речь. Про себя я вздохнул, в очередной раз по-

желав неизвестному Васе, сломать шею, когда он будет спускаться по ступенькам своего божественного дворца, – ну почему именно хромой горбун?!

Мой спутник тем временем кому-то махнул рукой, я услышал ещё одну фразу, и на дорогу высыпало пять человек. Нас окружили люди в кожаных одеждах, у двоих в руках были луки, с которых они неторопливо снимали тетиву. Ещё двое радостно хлопали по спине моего спутника, а я обратил внимание, что на поясах у обоих торчали рукояти ножей. Один из пятерых, державшийся поодаль и вовсе держал руку на рукояти меча!

Я шарахнулся в сторону. Человек с мечом недоуменно посмотрел на меня, затем перевел взгляд на моего спутника – в его глазах читался вопрос. Храст поначалу напрягся, но, заметив мою реакцию, засмеялся, а мне стало неловко, – похоже, тут все свои. На меня ещё пару минут криво косились, а затем и вовсе забыли.

А уже через минуту на дороге никого не осталось. За нами сомкнулись ворота зеленого царства, и мы растворились в безбрежном шелестящем океане. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за очередным вывертом капризной судьбы.

Первым шёл дядька с мечом, негромко переговариваясь с моим провожатым, Храст вполголоса ему отвечал. Иногда я слышал смех то одного, то другого. Еще трое из отряда бес-

шумными тенями скользили следом. Я пыхтел предпоследним, и сразу становилось понятно, что в лесу в нынешнем обличии мне делать нечего. Даже ходить за грибами. Иан, если и бывал в лесу раньше, то делал это нечасто. Обо мне и говорить нечего – я зверь из бетонных джунглей.

Спотыкаясь очередной раз, я чувствовал немалое раздражение парня, замыкающего нашу процессию. Юноша на вид примерно моего возраста, изо всех сил старался копировать манеры старших товарищей. В такие моменты он изрядно сопел, – похоже, ему велели за мной присматривать, и это ему не слишком-то нравилось. Остальные же меня просто не замечали.

Мои старания идти по лесу как можно аккуратнее пропадали зря – так получалось даже хуже. Кроме того, проделанная дорога, нервное напряжение, ни крошки во рту со вчерашнего дня и условно благополучное завершение путешествия – все это окончательно меня доконало. Сила воли – единственное, что еще держало меня на ногах. К тому же я крутил в голове основные логистические правила: скорость колонны равняется скорости самой медленной ее единицы, а в боевых условиях от таковых избавляются. К счастью для меня, мы присоединились к отряду в мирное время.

Когда мне было уже все равно, прирежут меня или я умру от перенапряжения, чаша распахнулась, и мы вышли на довольно приличных размеров поляну. Пошатываясь, я с тру-

дом огляделся вокруг, кровь так сильно стучала в ушах, что, казалось, сердце порвет перепонки. Черт, да лучше спортзал и тренер Серега по прозвищу Садист, чем повторить этот безумный марш-бросок!

Все ещё пребывая в трансе, я, словно сомнамбула, захромал к ближайшему костру и со стоном повалился на землю. Загоняли сивку крутые горки. Словно сквозь марево, до меня донесся смех сразу нескольких человек. Ну и пусть себе ржут! Дыхание с хрипом вырывалось из легких, в голове бил набат, а в спину словно воткнули раскаленную спицу. Что мне какой-то смех?

В ногах потрескивали дрова, жар от костра накатывал упругими волнами. Наконец-то никуда не надо идти, мне было хорошо от одной мысли, что можно закрыть глаза и подставить лицо легким касаниям лесной прохлады. Сила воли, толкавшая меня вперед последние несколько часов, растворилась словно вода в песке, оставив безвольный остов из костей и мяса. Из меня как будто вынули стержень, скрепляющий вместе отдельные части, и теперь я боялся пошевелиться, чтобы все это не рассыпалось в прах.

Рядом остановилась чья-то тень. Сил не было даже для того, чтобы насторожиться, и я, как ребенок, решил не открывать глаз. Меня нет, я спрятался, если мне вас не видно, значит, быстрее проходите мимо. Разве вам не известны правила?

Чужое присутствие не пугало, а, скорее, вызывало досаду

– так мы реагируем на присутствие комара в тёмной комнате: пищит в темноте, не кусает, но хочется взять газету и показать стервецу, на чью кровь он покушается. Пальцев коснулось что-то теплое и гладкое, вызывающее желание обхватить, задержать у себя. Что бы это могло быть?

В следующую секунду мои ноздри затрепетали, как простыня в руках горничной, а по телу прокатилась сладостная волна – аромат, ударивший в нос с силой бревна, разбивающего ворота в замке, возвестил о появлении того, что, словно эликсир жизни, вдохнет силу в мое измученное тело. Еда. Одно ее присутствие прошло живительной волной, пальцы судорожно стиснулись, вырывая у призрака кусочек его тепла.

Дайте мне точку опоры, и я переверну землю, сказал когда-то Архимед. Ерунда! Дайте голодному еды вдоволь, и он возлюбит весь мир, что, согласитесь, гораздо труднее. Правда, это чувство вряд ли долго продержится, потому что мы редко испытываем чувство меры.

До мира мне не было никакого дела. Счастье сосредоточилось прямо в моих руках, обжигало язык, таяло во рту, и я готов был драться с кем угодно, чтобы продлить это ни с чем не сравнимое ощущение горячей пищи. Похлебка и без всякого мяса восхитительно пахла, все больше разжигая мой аппетит. С каждой ложкой, с каждым глотком меня наполняло силой. Краски возвращались в окружающий мир, а вместе с ними пришли звуки и люди.

Глава 5

Я что и правда потерял сознание? Ишь чего горячая еда творит с голодающими!

В душе царил мир и покой, я был уверен, что все люди братья, а заодно выступил бы за мир во всем мире, – если у вас есть ваша крыша над головой, если еда для вас – это трехразовая обыденность, то вы не поймете то, что я сейчас чувствую.

Проморгавшись от счастья, обильно выступившего на лбу – специй на похлебку не пожалели, – я с блаженной улыбкой обвел лагерь взглядом. Нужно было понять, куда на этот раз меня занесло.

Лагерь бурлил эмоциями. Нас ждали, очевидно: едва часовым стало известно о появлении отряда, поднялась суета. Но не бестолковая, нет, каждый знал свое место. Для всех нашлось свое дело. Вернувшихся посадили обедать, горячее досталось не только мне: наши провожатые с неменьшим энтузиазмом уплетали похлебку за обе щеки, оживленно переговариваясь за соседним костром. И только мне, как обычно, приходилось клясть неизвестно кого за полное отсутствие знания языка. Судьба устала мне намекать: учи язык!

С радостью, только как?

У края поляны, поблизости от того места, где мы вышли из леса, дымился большой черный котел. Возле него на свежесрубленном чурбачке чинно восседала героических размеров женщина. Она зорко посматривала на обедающих, регулярно гоняя за добавкой шустрого пацана лет десяти. Большущий, величиной с его голову, котелок в его руках стремительно проносился по всей поляне, сопровождаемый одобрительными взглядами и возгласами жующих людей.

В центре, насколько я мог разглядеть, пирамидками стояли луки, рядом лежали тощие мешки из грубой ткани. Даже с виду она была лучшего качества, чем моя нынешняя одежда. С другого края пряталась приличных размеров палатка. Купол поднимался метра на три и крепился к веткам деревьев, нависавших над нами. У входа стояли двое и лениво переговаривались.

Лагерь опять зажил прежней жизнью, ничем не выделяясь на фоне лесного многоголосья, мерного скрипа беседующих с ветром деревьев и перекрикивания пернатых обитателей. Пройдешь мимо и не заметишь. Я бы точно не заметил.

Меня сразу посадили отдельно. Хотя я вроде бы сам упал у первого попавшегося костра, но никому не пришло в голову составить компанию. Естественно, кому охота сидеть с чужаком. За мной не следили, но когда паренек, пробегая мимо, попытался налить мне добавки, его сурово окликнули, и он испуганно проскочил мимо. Второй порции мне не досталось, и мяса в миске я не нашёл, хотя, приглядев-

шись, заметил, что другим положили изрядно. Что это? Заведомая несправедливость или чей-то непонятный для меня умысел? Впрочем, прислушавшись к животу, я оказался далек от мысли потребовать себе прибавку, желудок явно отвык от обычной пищи, да и от жизни впроголодь ему пришлось так ужаться в размерах, что теперь, спустя минут десять, мне показалось, что я проглотил слона, а ещё через двадцать этот слон проснулся и принялся выбираться отсюда. Мне пришлось весьма постараться, чтобы его успокоить.

На воде между тем экономить не стали, и парень принес деревянную чашу, до краев наполненную водой, холодной настолько, что ныли зубы. Мы точно в Средневековье? Я как-то слышал, что в те времена пили только вино. Впрочем, от воды я и не подумал отказываться: жажда и голод – вот мои друзья последнее время.

Я пил маленькими глоточками, наслаждаясь, впитывая прохладу всеми клеточками своего тела. Скорее всего, неподалеку есть ключ, иначе откуда она такая холодная?

Эта чаша показалась мне даром богов. Казалось, я не пробовал ничего вкуснее целую вечность, а источник в шахтах, отдающий железом и серой одновременно, теперь вспоминался с брезгливостью и отвращением. Но человек, как оказалось, может привыкнуть и не к такому.

Утолив голод и жажду, я так и остался рядом с костром. Вряд ли кому-то понравится, когда незнакомый человек бродит по лагерю и всюду сует свой нос. Да и с моего места мне

был открыт практически каждый угол, так что любопытство можно удовлетворить и отсюда: наблюдать за людьми мне не запрещали, и я всюду воспользовался этой возможностью.

Довольно долго я напрасно крутил головой, пока, наконец, не откинулся полог шатра и на свет не вышли Храст и тот, второй. Переглянувшись, они направились прямо ко мне. Интересно, зачем я им понадобился и как они собираются объяснять, что им от меня надо. И с какой стати я решил, что кто-то будет что-то мне объяснять? Никто не расскажет тумбочке, что ее привезут домой и будут хранить в ней сахар. Кроме того, Храст наверняка упомянул о моем небогатом словарном запасе. Да Эллочка-людоедка по сравнению со мной профессор филологии и оратор в одном флаконе!

Первым шёл тот самый дядька с мечом, на вид лет тридцати пяти – сорока. Правая рука на рукояти меча, из чего я сделал вывод, что оружие для него, скорее, предмет одежды или телефон: большинство из нас без телефона, как без штанов, если забыл взять с собой – жизнь кончилась, именно сегодня пропустим звонок президента или наш лотерейный билет отдадут другому.

Они шли не торопясь, по пути перебрасываясь словами. Храсту из-за своего роста приходилось мелко перебирать ногами, но он даже не думал обгонять собеседника, шел за ним так, будто боялся упустить хоть слово. Весь его облик кричал о почтительности, что, в свою очередь, свидетельствовало о

немалом авторитете человека, за которым он следовал.

Я, не стесняясь, его разглядывал. Кто это, очередной Робин Гуд местной закваски? Или реальный мужик с большой буквы? То, что я видел сейчас, говорило даже о некоторой опаске, с которой к нему относились. На ум вдруг пришло невольное сравнение с телохранителем отца, Серсанычем.

Когда мы впервые друг друга увидели, Серсаныч уже давно разменял пятый десяток и вот-вот должен был отпраздновать юбилей. Полста лет – это словно рубеж, для кого-то дорога в горку, когда сил тащить все меньше, когда начинаешь осознать, что лучшая половина уже миновала, а кому-то время меняет лишь цифры в календаре, сохраняя облик человека нетронутым – лишний десяток рисует черточки на лице, но не сгибает фигуру, не клонит к земле, а сил ещё столько, что можно подковы гнуть. Серсаныч как раз из таких, грузный, тяжелый секач, если сравнивать с кем-нибудь из животных. Нетороплив, медлителен, смотрит из-под полуприкрытых глаз, но это все напускное. Я видел, как он работает – не дай бог встать у него на пути.

В Серсаныче нет ни капли самоуверенности и вальяжности. Я не видел, чтобы он позволял себе вести себя вызывающе. Ему это просто не нужно. Он выглядел как человек, который в любой момент в состоянии решить любую проблему. Возможно, поэтому инциденты с его участием можно пересчитать по пальцам.

А сейчас я видел перед собой его точную копию. Только

лет на двадцать моложе и потому во сто крат опаснее.

Воистину, пословица «по одежке встречают» явно написана для этого места. Если судить по наряду, мужик был одет с иголочки! Он щеголял в самых настоящих кожаных сапогах, правда, довольно неожиданного покроя – с острыми носами и тонкой подошвой, они, скорее, напоминали балетки с высоким голенищем, чем классические сапоги моей современности. Темные кожаные штаны, как я теперь понимаю, – вообще непрменный атрибут любого человека, который здесь хоть чего-то из себя представляет. Поверх легкой светлой рубахи наброшена кожаная куртка, на рукавах которой нашиты широкие налокотники.

Незнакомец приближался неторопливой походкой человека, знающего себе цену. Судя по уверенной манере говорить, он привык, что к его словам как минимум прислушиваются.

По мере их приближения мой энтузиазм уменьшался, а сожаление и разочарование подрастали. В моих далеко идущих планах я никак не учитывал время, в которое угодил. Эпоха накладывала на людей свой отпечаток – сила порождает возможность: если ты в состоянии откусить кусок и сможешь его удержать, честь тебе и хвала, значит, ты в своём праве.

К сожалению, я знал эту породу людей и в той, уже прошлой жизни, постоянно с ними общался. Для них важны прежде всего внешние признаки: крутая машина, часики за

миллион, квартира размером с аэродром. Если ты не отвечаешь определенным критериям их собственного понимания ценности, с тобой будут говорить, как с инструментом, не более. А что делают с инструментом? Правильно, его используют до полной амортизации.

Стоило ему обратить на меня внимание, как к горлу подступил комок: столько неприязни, брезгливости и презрения выплеснулось на меня за мгновение, что у меня сперло дух. Откуда вдруг такое понимание чужих чувств?! В его глазах я оказался в лучшем случае больным домашним животным или вещью, которую пока не знали, куда пристроить. Даже хуже, я был уже заранее поломанной вещью.

Несложно поставить себя на место человека, который сейчас с крайней брезгливостью взирает на то, что я из себя представляю. Сомневаюсь, что мой внешний вид хоть сколько-нибудь отличается от типового представителя пещерных крыс по недоразумению названных людьми. Кстати, вот, похоже, и отгадка, почему я оказался у костра в одиночестве. Кто захочет делить еду с крысой?

Я поймал себя на мысли, что снова вижу что-то над головой у обоих людей, которые приближались ко мне. Бесформенное, подрагивающее и цветное. И эти резкие ощущения чужих чувств, как будто они транслируются мне прямо в мысли. Что со мной такое?

– Иан? – с сомнением в голосе произнес владелец меча, стараясь держаться от меня на расстоянии, брезгливостью от

него несло за версту, как от меня нечистотами. Храст стоял за его плечом, от его хорошего настроения не осталось и следа.

Так-так, меня явно хотели перепродать. Значит, все-таки мой конвоир вытребовал себе оплату долга, а вожак сбавил ему самого никчемного обитателя трущоб. Зачем я такой был нужен? Не показывать же меня в цирке...

Очевидно, то, что мой незадачливый конвоир до поры до времени считал великолепной сделкой, только что превратилось в самый большой просчёт. Я почувствовал, как ценность моей жизни – стремительно перемещается в отрицательную зону и запаниковал – решалась моя судьба. Очевидно, Храсту я на самом деле не нужен, все, что он намеревался сделать, – продать меня этому человеку. Мой мизерный шанс – стать полезным моему будущему хозяину. Не осталось ни тени сомнений, что в противном случае мне элементарно перережут горло, и мое будущее – служить подкормкой для местных грибов.

Нужно срочно что-то придумать, а с импровизацией у меня вечно проблемы! Но жить захочешь – сделаешь и не такое.

Я бодро вскочил, чем привел обоих в легкое замешательство, живот не вовремя возмущённо квакнул, он так и не пришёл в себя от радости, что ему досталось что-то, кроме улиток. Люди недоумевающе переглянулись. Облачка над их головами поблекли и внезапно порозовели, как шарики от

жвачки, но я не стал забивать голову странностями.

– Иан! – я ткнул себя в грудь кулаком. Как там говорится, наглость – второе счастье? – Иан!

Храст что-то торопливо сказал, человек с мечом задумчиво кивнул, не сводя с меня взгляда.

– Храст, – я показал на своего теперь уже прошлого владельца, мне не слишком нравилось это слово, но по привычке я был объективен.

Затем я указал на главного и скорчил вопросительную гримасу.

Меня поняли быстро.

– Вордо, – он повторил мой жест, и я почти не почувствовал презрения в его голосе.

– Вордо, – я указал на него, затем, подумав, добавил: – Храст, Иан идет Вордо.

Сказал и разинул рот. Все слова были произнесены головами тех, кто сейчас с любопытством смотрел на меня.

Тот, кто назвался Вордо, произнес еще несколько слов, из которых я различил только слово «идти» и свое имя.

– Иан идти, – еще раз кивнул я, показав жестом из двух пальцев, каким образом я шел. Запихнули бы меня в тело артиста, тогда не было бы проблем с пантомимой, а так придется вспоминать, как моя подруга игралась с племянницей у нее дома. Никогда не угадаешь, что тебе понадобится в будущем.

Вордо задумался, меня коснулся легкий ветерок любопытства, тыльной стороной ладони он потер висок, от него на этот раз повеяло задумчивостью и сомнением. Он что-то сказал Храсту, кивая в мою сторону. Надеюсь, это не приказ вроде: «Прирежь его где-нибудь по-тихому». Я стоял и ждал, что будет дальше. А нужно было ещё что-то делать. Я чувствовал, что фокусами с голосом его не проймешь.

Время сжималось, словно пружина, мысли понеслись вскачь. Чем я могу быть полезен такому человеку, как этот? Человеку, под началом которого находится отряд из шестнадцати человек.

Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, чем в лесу может заниматься группа из двенадцати взрослых парней, вооруженных луками и ножами. Наличие двух женщин, не меняло, а лишь подтверждало мою догадку. Я не тешил себя никакими иллюзиями, меня привели в банду, которая занималась обслуживанием близлежащих путей на предмет отъема у населения нажитого имущества. Кого они грабили, не столь важно, имело значение только то, что все решает исключительно полезность каждого конкретного индивидуума.

Я мысленно прикинул свою и пришел к неутешительному выводу, что данная величина хорошо, если просто стремиться к нулю. В глазах Вордо, боюсь, она выглядела отрицательной. Кому нужен вонючий, колченогий горбун, которому ни при каких обстоятельствах, даже со временем, не стать, ска-

жем, мастером меча, умелым вором или убийцей? Да, чему-нибудь я могу выучиться. Когда-нибудь. Только найдется ли такой человек, который станет учить бездомного выродка без гроша в кармане и малейших надежд на будущее? Вордо явно умнее всех, с кем мне здесь доводилось встречаться, но вряд ли в подобных обстоятельствах готов думать о будущем. Я должен был предложить ему что-то сейчас, а не через год.

Паника – плохая помощница, но отчаяние всё больше меня охватывало. Оказавшись в этом мире, я не знал ничего из того, что могло бы мне пригодиться.

Стиснув зубы, я грязно выругался. Чертовы попаданцы! Был у папы охранник по имени Николай, захлеб зачитывающийся книгами о «наших там». Все вокруг всегда знали, что он читает в данный момент. Эмоции у парня зашкаливали, и ему хотелось непременно с кем-нибудь обсудить сюжет новой книги. С его слов, главный герой обязательно оказывался в прошлом весьма подготовленным. Кто-то владел кузнечными навыками, кто-то помнил кучу полезных технических данных, для кого-то не составляло труда взять и заново изобрести лекарство, которое возьмет да и поднимет на ноги сына царя после неизлечимой болезни. А кому-то повезло, и он помнил все хоть сколько-нибудь значимые исторические события, и будущее для него – открытая книга. Да мало ли чего еще придумывают писатели, чтобы персонаж не сгинул на первых же строчках!

А я чей герой? Кто придумал мою историю? Да и историю ли? Пока все идет к тому, что на меня хватит и коротенького рассказа. Эпитафии, например.

Вордо по-прежнему задумчиво разглядывал мою фигуру. Его взгляд расфокусировался, я чувствовал его угасающий интерес, некоторое недовольство, немного брезгливости, которая пока отошла на задний план. Баланс этих чувств постоянно менялся, как будто в стакане были налиты жидкости с разной плотностью, и они постоянно перетекали с места на место и так без конца. Интерес, поначалу почти затмивший брезгливость, вновь стремительно угасал. Я чувствовал, что у меня осталось в запасе совсем мало времени. Нужно было доказывать свою полезность немедленно, иначе перспектива стать удобрением превратится в свершившийся факт.

Я лихорадочно искал выход. Нужно подобрать единственно верное решение. Главное на данный момент – выжить любой ценой! Все остальное потом, наверстаем, напланируем, заработаем, мертвецам же планы побоку. Что нужно Вордо? Ему нужны деньги, это ясно, как день! Вряд ли в лесу они играют в индейцев. Скорее всего, они здесь занимаются привычным делом, которое вот-вот начнётся. Ну не для того же сидят здесь эти люди, чтобы повстречать меня с Храстом!

Храст же под каким-то предлогом вообще отправился решать свои собственные делишки, я не готов поручиться, но мое появление в лагере для Вордо оказалось весьма неожиданным делом.

Предположим, они здесь еще день или два, лихорадочно рассуждал я. На поляне из двенадцати парней всегда отсутствуют два человека: я видел, как они уходили с поляны. Вывод: эти двое следят за дорогой, потому что вряд ли здесь есть еще что-то, заслуживающее внимания Вордо. Наверное, они ждут обоз или купеческий караван. Для какой-нибудь королевской казны людей маловато.

Я так думаю, Вордо надеется, что до рукопашной, скорее всего, не дойдет. Одиннадцать луков – это серьезно. Сколько человек может быть в караване? Вряд ли много – уж больно плохая дорога, большой охраны не будет. А если он небольшой, то сколько может ехать охраны? Допустим, как минимум пять человек. Столько охраны да в придачу к ним те, кто с обозом, да сам купец. Получается около пятнадцати целей. Хватит двенадцати лучников на пятнадцать гипотетических человек? Не знаю, потому что никогда не было такого опыта. По идее должно, по стреле на каждого, да ещё трое, плюс пресловутый эффект внезапности. Впрочем, все эти мои рассуждения могут яйца выеденного не стоить. Но от чего-то нужно плясать.

Я продолжал рассуждать: когда на носу такое ответственное мероприятие, нет времени, да и не хочется думать ни о чем другом. Тем более о каком-то там горбуне.

Он и так уже практически потерял ко мне интерес!

По мере роста сомнения Вордо, на лице Храста надежда

сменялась раздражением, которое прежде всего было обращено ко мне. Он определенно был разгневан и раздосадован одновременно. Злость и презрение наливались чернотой, которая не обещала мне ничего хорошего. Великолепная сделка была под угрозой, а кому понравится терять деньги?

Я чувствовал, что мне остались секунды. Вордо уже жалел, что занялся этим делом, и досада все больше разрасталась во всем его облике. Было видно, что он готовится послать Храста куда подальше с его выгодным предложением. Мне нужно было на что-то решаться. Я мысленно застонал. Выход был только один, и мне он совершенно не нравился. Если бы я мог придумать что-то еще, обязательно это сделал, но проклятый Вася не оставил мне шансов.

Со всей возможной скоростью я поковылял к котлу, возле которого тот самый пацан, который разносил всем еду, сейчас занимался тем, что раскладывал по кучкам очищенные от остатков еды тарелки. Для моих планов эта посуда пришлась как нельзя кстати. Я схватил одну плошку и почти бегом кинулся обратно.

Вордо, заинтригованный, наблюдал за представлением, Храст был готов меня удавить, но они оба пока еще ничего не поняли, и я молился, чтобы моих скромных артистических талантов хватило на небольшое представление. А заодно поминал добрым словом одну из своих подруг, которой постоянно не сиделось на вечеринках. Она считала своим долгом организовать досуг тех, кто пытался спокойно по-

пить вина или покурить кальян. Гвоздем ее программы была игра «Крокодил», в которой все пытались угадать фильм по неумелому кривлянию очередного бедолаги, назначенного на роль ведущего.

Поставив тарелку перед собой и порывшись в траве, я откопал несколько камешков, которые должны были заменить рабочий инвентарь и, наконец, уселся в позе лотоса прямо на траву. Убедившись, что за мной наблюдают, я сложил ладони лодочкой и принялся отбивать поклоны и заунывно мычать. Сделав несколько серий таких упражнений, я нащупал один из камней и бросил его в тарелку. А зрителей-то прибавилось! Еще трое с любопытством подошли поближе. У котла на меня пучил глаза паренек. Женщины укоризненно качали головами. Но для меня имели значение глаза только одного человека на этой поляне. На губах Вордо гуляла усмешка. Все он прекрасно понял!

Я кинул ему один из камней, закрыл глаза и продолжил свое представление с закрытыми глазами. Раздался глухой стук по дереву. Я открыл глаза – в тарелке вместе с камнем лежал маленький кругляшок монеты, а руки Вордо были пусты. Он опять что-то говорил Храсту, отчего у того на лице блуждала довольная ухмылка, еще больше искажая не слишком правильные черты лица, а я чувствовал, что волны недоброжелательности сменились теплом удовлетворения и свежей прохладой ожидания. Мое предложение было принято, а грибы пока подождут.

Глава 6

Моя первая ночь в этом мире под открытым небом. Спать у костра очень даже приятно, но временами хотелось, чтобы огонь горел с двух сторон – так теплее. Холод преследовал меня и здесь, несмотря на то, что температура ночью не слишком отличалась от дневной. Я лежал на боку, подложив под голову ладонь, и с тревогой вслушивался в недовольное ворчание живота. Тот, кто не позволил пареньку насыпать добавки в мою тарелку, прекрасно знал, что меня ожидает. Я и сам вспомнил, что таких, как я, поначалу отпаивают бульоном, а полная порция легко может отправить на тот свет не хуже любого яда.

В остальном все было прекрасно. Даже земля казалась сказочно мягкой и нежной. Ночной лес настолько же отличался от мрачной тишины каменной шахты, насколько ночная московская подземка отличается от дышащих жизнью и безудержным, неостановимым ритмом центральных улиц. Я и не думал, что негромкие голоса подлунных тварей могут оглушать, а мерный шелест листвы убаюкивает лучше монотонного голоса диктора новостей. Мир утонул в темноте, но это была совсем другая тьма. Не было звона в ушах, воздух дышал криками жизни, он искрился всполохами шорохов и волнами свежей прохлады.

Давным-давно затихли мои соседи по ночлегу. Ночную

стражу несли двое парней, я слышал, как они перекрикивались время от времени голосом какой-то птицы. Но сами не показывались, схоронившись где-то на самом краю поляны.

Перед закатом Вордо что-то долго обсуждал с Храстом, затем они оба скрылись в палатке, а у моего костра постояльцев так и не появилось. Я, как был, так и остался один. Пацан, исполняющий обязанности официанта при нашем небольшом отряде, когда уже совсем стемнело, принес мне немного похлебки и флягу, отдаленно напоминающую грелку, только из кожи. Никогда не любил сухое вино, но тут организм всполошился, едва почувствовал, что вождеденный праздник легко может пройти мимо.

Не спалось. Вино оказалось несусветной кислятиной. Я едва осилил пару глотков и отдал флягу обратно под недоумевающие взгляды большинства лучников, которые собрались за соседним костром шагах в пятнадцати от меня. Ну и пусть, вино от меня никуда не денется, а помереть, едва выбравшись из подземного мрака, тот еще подарок судьбы.

Когда совсем стемнело, люди стали расползаться по лежанкам. А мое сердце время от времени давало сбои: то отстукивало бешеный ритм, то замирало в страхе. Я до сих пор не мог отделаться от мысли, что пару часов назад мой путь вплотную приблизился к опасному краю. Жизнь висела на волоске. И только сейчас, в темноте, мне удалось осознать, насколько я оказался близок к гибели. Стоило чуть промедлить и вместо вина меня угостили бы сталью. Один из пар-

ней, которые столь одобрительно поглядывали на меня, когда я уплетал ужин, спокойно полоснул бы отточенной сталью по горлу, и все. Вордо точно не стал марать свои руки. Зачем? Едва ли он вспомнил обо мне уже через пятнадцать минут: проблема временно решена, чего к ней возвращаться.

Принято ли клясться в такие минуты? Что толку от бесполезных слов, если у тебя нет возможности выполнить обещание? Я мог бы сто раз дать слово, что со мной больше не случится ничего подобного, но только сейчас я осознал, что Вася провел превосходную комбинацию. Он лишил меня главного. Сколько раз мне приходилось повторять друзьям и знакомым: все в моих руках, все зависит только от меня. Мне нравилось думать, что ситуация под контролем. Следуя словам моего отца, любые шаги я выполнял с четким осознанием: в случае неудачи, не потерять независимость. Любой шаг чреват лишь местными потерями и не ведет к катастрофе.

Проблема в том, что есть факторы, которые мы не в состоянии учесть. Они находятся как бы вне плоскости нашего бытия. Как если бы ты готовился к приходу налогового инспектора, а вместо него в твой дом прилетел снаряд. Нельзя быть ко всему готовым. Но можно всегда подниматься, если ты понимаешь, что смертельный удар себе можешь нанести только ты сам.

Почему-то в шахтах, которые я все чаще называл пещерами, я не мог думать о будущем. Голова была пуста. Вы знаете, место очень часто определяет твою сущность. Трудно быть

умным, когда ты находишься среди тех, кому не нужны твои размышления. В пещерах мысли забивались в отдаленные уголки и не хотели выползать на свет. Организм и наше «я» очень тонко чувствует окружение и его потребности. К чему думать, если это никому не нужно? Зачем быть умным, если можно набить живот и ничего не делать? Выскочек никто не любит? Брехня! У них не так много времени до превращения в стадо. Сколько бы я там протянул? Как быстро Александр Гроцин превратился бы в бледного червя, ворочающегося у стен и с вожделием наблюдающего, как по зеленому мху ползают аппетитные улитки – предел мечтаний любого существа в подземном царстве. Мне стало страшно, по-настоящему страшно. Два часа назад я мог просто умереть. День назад судьба готовила мне гораздо более страшную участь. Я поглубже загнал эту мысль, потому что додумывать ее не хотелось.

Не знаю, с какой целью меня забросило в это тело. Какому высшему разуму взбрело в голову сыграть со мной злую шутку. Вселенная, если ты слышишь меня, пусть этому Васе когда-нибудь тоже будет несладко! Пусть ему оторвет ноги и переедет трамвай! Даже если я об этом и не узнаю. Надеюсь, высшая справедливость все-таки существует. Что же касается моей дальнейшей судьбы, я только что отвоевал свое право на жизнь. Пусть даже это жизнь нищего.

Скажи мне кто еще месяц назад, что Александр Гроцин будет рад довольствоваться подаянием, я плюнул бы ему в

морду и с удовольствием заехал в ухо. Но жизнь часто с иронией смотрит на наши планы, а обстоятельства могут переубедить любого, даже самого упрямого человека. У папы была любимая поговорка: всегда действуй из расчета, что ничего не получится, тогда все сюрпризы будут приятными.

Когда решалась моя судьба, я действительно представлял ход мыслей Вордо. Для таких, как он, люди делятся на несколько категорий: полезные связи, полезный товар и мусор. Как я мог остаться в живых? Вариант полезных связей я не рассматривал, какие у меня тут могут быть связи? Переместиться в категорию мусора было равнозначно могилке в кустах. Причем, скорее всего, в этом случае у меня не было бы даже холмика. Оставалось второе: стать для него полезным товаром. А какой из меня товар? Что я мог ему предложить, ни секунды не медля?

Привычка объективно смотреть на вещи у меня с детства. Да, возможно, мне известно несоизмеримо больше, потому что я продукт своего времени. Я помню теорему Пифагора и могу посчитать сложный процент. Даже без калькулятора. Только кому нужны все эти знания? Что толку от кучи информации, которую нельзя использовать? Мне нужно было предложить что-то такое, сиюминутное, понятное человеку этого времени. Мало того, я должен был все это продемонстрировать так, чтобы меня поняли даже без слов.

Итого у нас имелось уравнение, для которого пользуемся простыми вводными: в наличии один горбун, который дол-

жен приносить деньги, потому что больше ничего приносить он просто не в состоянии. Если его светлая голова и работающие мозги, не являются ни плюсом, ни минусом, остается только одно-единственное, чем он может воспользоваться в данной ситуации. Как ни странно это звучит, товаром в данном случае служит его внешний вид. В своей прошлой жизни мне ни разу не довелось увидеть людей, настолько отличающихся от нормы. Понятно, что они не разгуливают по городу направо и налево, им самим неприятно чувство, с которым общество реагирует на их недостатки. Но они есть. И в данном случае мой недостаток будет моим преимуществом. Людей без ног и рук общество генерирует с достаточной легкостью. Поводом для этого могут служить как банальные войны, так и болезни или несчастные случаи. Рискну предположить, что мой вариант сулит гораздо больше выгоды в плане зрелищности. А люди всегда готовы платить за зрелища.

Естественно, я не испытывал радости от этого варианта, но кто говорит об удовольствии, когда цель – выживание? До этого у меня не было времени и желания планировать свои дальнейшие шаги в этом мире, так почему бы не начать с сегодняшнего дня? Дальше мне оставалось лишь разыграть сценку, которая была бы понятна одному человеку. До всех остальных мне не было дела. Наградой стала одна настоящая монетка в деревянной тарелке. Вордо прекрасно понял, как мое представление, так и то, что я знаю, кто подарил мне дальнейшую жизнь. Так я заключил договор.

Лучше бы я умер в субботу. Бородатый анекдот лучше всего описывал моё состояние после пробуждения. Кто ж так делает? Я был похож на сочный бифштекс, который повар лопаткой пытался перевернуть с боку на бок. Проще говоря, я разваливался. Самой главной частью, от которой я бы сейчас с радостью отказался, были ноги. По-моему, их опять подменили, и теперь они отказывались мне служить. Пошатываясь и побрякивая, моё тело добрело до удобств в очередной раз за сутки, я мысленно «горячо» поблагодарил того умника, который передал мне вина, и пообещал себе, что первым делом обязательно изобрету туалетную бумагу. Не понимаю, как без нее обходились другие современники, отправившиеся навестить седую старину. Для меня это реальная проблема.

К моему возвращению у потухшего костра уже дымилась миска с кашей. Есть или не есть? С одной стороны, желудок рычал под рубахой, с другой – стонала не менее важная часть тела. Я нашел взглядом дородную тетку, которая отчитывала одного из парней, и благодарно кивнул, за что получил добрую улыбку в ответ. Будем считать, что мне пожелали приятного аппетита. Рискну все же! Жизнь-то налаживается! Теперь бы еще научиться говорить на языке аборигенов, что, кстати, было включено в мои ближайшие планы. Кое-какие мысли на сей счет у меня уже появились.

Покончив с завтраком, я отправился к руководству. Ес-

ли кто и мог мне помочь, то это был Вордо. Мне он показался гораздо сообразительнее Храста, да и должность, по-видимому, обязывала. Ведь кем являлся мой бывший проводник? Я бы назвал его простым солдатом, может быть, даже ефрейтором, будем пользоваться армейской терминологией за неимением любой другой. Вордо же я с ходу записал в лейтенанты. Вот и проверю, во-первых, свою способность находить общий язык, а, во-вторых, возможно, немного поработаю над своим статусом. Жрущий в три горла раб – это одно, а возможность обучения мгновенно поднимает меня в его глазах на несколько ступенек вверх.

Искать никого не пришлось. Поляна жила в прежнем ритме. Двое отсутствовали, остальные в основном занимались своим оружием. Похвально, как для солдата, так и для разбойника: не подведет в бою и лишний раз дает тебе уверенности в своих силах. Вордо, как обычно, сопровождал Храст. Он что-то рассказывал человеку с мечом, изредка эмоционально жестикулируя. Интересно, он действительно является его помощником или только возомнил себя им?

Я остановился, встал за спиной Храста, выжидательно глядя на предводителя. Наконец меня заметили.

– Иан? – Вордо вопросительно поднял бровь. В нем не чувствовалось недовольства, лишь легкая аура заинтересованности, никаких необычных штук над ним я не заметил. Похоже, вчера я произвел на него хорошее впечатление. Останавливаться на этом было бы глупо, нужно закреплять

успех.

– Вордо, – мне пришлось изобразить почтительный поклон. Спина не переломится, а для моих планов полезно.

Мне срочно нужно было что-то решать с языковым барьером. Не исключаю, что в будущем, как только мы доберемся до цивилизации, язык станет камнем преткновения. Да этот вопрос уже изрядно попортил кровь! Решать его следовало сейчас. Хотя бы начать двигаться в том направлении – плохой английский лучше, чем никакого, так говорил один из моих знакомых, и он был определённо прав.

Как научиться языку, если нет учебников и учителей? Конечно же, методом тыка! В прямом смысле этого слова. Как его изучают в школе? Ты показываешь на предмет – тебе его называют, это если не вдаваться в подробности. В совершенстве не заговоришь, но определенную базу собрать можно. И когда придет время, останется лишь оттачивать навыки. К сожалению, при этом велик риск научиться неправильно: повторять-то приходится за обычным, рядовым обывателем, а кто знает, может, он картавит или не выговаривает буквы? Но это приемлемый риск. Я согласен был даже гундосить, лишь бы понимать, о чем говорят люди.

Я коснулся пальцами уха и произнёс:

– Ухо.

Каждое последующее слово сопровождалось касанием части тела.

– Нос, рука, плечо, глаз.

Храст недоумевающе переводил взгляд с меня на Вордо. Он так ничего и не понял. А его патрон меня не подвел. Как я и предполагал, Вордо практически сразу уловил смысл моих действий. Усмехнувшись, он повторил за мной все движения, сопровождая их словами на незнакомом мне языке. Все еще улыбаясь, он сделал это еще раз, только медленнее и слова проговаривал трижды. Мне оставалось лишь старательно произносить незнакомые звуки до тех пор, пока не получал удовлетворенный кивок от моего невольного учителя.

Что удивительно, я повторял за Вордо все лучше и лучше, пока, наконец, словно что-то во мне включили, и тогда мне оказалось достаточно услышать слово всего один раз. При этом я заметил вчерашнюю странность: непонятный навык позволял точь-в-точь копировать не только звуки и интонацию, но даже голос. Прямо живой микрофон. Но стоило мне попробовать воспроизвести сказанное своим голосом, как наваждение испарилось, а с ним заодно и способность запоминать слова. Чертовщина какая-то! Как такое возможно?

Пока я копался в себе, перехватил задумчивый взгляд этого опасного человека. Я моргнул: над головой у Вордо стремительно формировалось облако странного цвета, и я почувствовал, как его интерес разгорался с новой силой. Соображал он явно лучше и быстрее меня. И мне на секунду захотелось вытянуть из него эти мысли.

Постаравшись вернуть прежнее ощущение, я без труда переключился на режим микрофона. Словно некий тумблер сработал в моей голове, и – вуаля! – снова пошло-поехало. Информация впитывалась мгновенно, мне не требовалось повторять слово несколько раз. Незнакомый язык органично встраивался в мозг, как будто заполнялся словарь, и это, к моей радости, не требовало от меня практически никаких усилий. Спустя несколько минут Вордо надоело, и он жестом показал, что пора сделать передышку, а я получил запас из нескольких десятков слов. Следовало немедленно этим воспользоваться и продемонстрировать успехи.

– Ухо, нос, рот, глаз, голова, волосы, рука, палец, нога, меч, ремень, – я говорил и говорил, медленно расплываясь в улыбке. Вася, ты не оставил меня! Живи же ты вечно, козел! Ты впихнул меня в тело хромого горбуна и сделал апгрейд в виде абсолютной памяти. Извращенный мерзавец, что еще ты мне приготовил?!

К обеду в лагере по распоряжению Вордо прошел день сына полка. В роли блудного отпрыска пришлось выступать мне, а остальные взяли надо мной шефство.

К делу моего обучения с немалым рвением подключились все свободные члены отряда. Сам начальник благополучно сдал меня с рук на руки, дело командира – задать направление движения, а рутинной пусть занимаются рядовые. Началось же все с того, что меня вымыли и переделали.

Женщину, которая заправляла хозяйственной частью всего отряда, звали Кара. Имя не слишком подходило ее тучному телу, но размеры, к моему удивлению, ничуть не мешали ей исполнять свои обязанности, а тяжелой руки боялась добрая половина отряда. Когда меня перепоручили Моришу, который оказался одним из тех, кто всю прошлую ночь просидел в дозоре, Кара решительно взяла меня за руку и жестом велела снимать одежду. Признаться, поначалу я слегка перепугался, но, когда перед моими глазами покрутили обновками, я был готов простить ей все что угодно.

Одежду сразу мне не отдали, криками и улюлюканьем голышом погнав в лес, впрочем, после недовольного возгласа Храста смех оборвался, и дальше меня провожали только ухмылками. Не слишком приятная прогулка нагишом завершилась еще более неприятными водными процедурами: меня загнали в ручей, воду из которого можно было пить исключительно маленькими глотками, и следующие десять минут я изображал из себя лебедя и вспоминал анекдот про поручика, который, как известно, к прекрасному стремился не сильно и вышеназванной птицей быть не хотел. После десяти минут в ледяной воде я полностью разделял его взгляды.

После непродолжительного бега и согревающего массажа в виде поощрительного похлопывания по спине мне наконец отдали одежду и на некоторое время оставили в покое. Мальчишка, которого все вокруг звали просто Жбан, принес

мне вчерашней кислятины, по недоразумению называемой вином, и сегодня оно уже пришлось как нельзя кстати.

Я сидел у потухшего костра и наблюдал за лагерем, прикладываясь к чашке. То, что для меня не пожалели родник, говорило лишь об одном: то, ради чего они здесь, совсем близко. Возможно, лагерь доживает свои последние часы, а мне следует приготовиться. Хотя бы морально.

Я окинул взглядом свою новую одежду. Конечно, кожа полагалась только старшим, но и то, что мне досталось, оказалось пределом мечтаний. Смею надеяться, что всему виной непривычная задумчивость Вордо и открывшаяся способность к языкам, которой можно найти лучшее применение, чем держать такого красавца на паперти. Дальнейшее показало, что как минимум мои мысли имеют право на жизнь – Вордо всерьёз решил меня испытать, и моим обучением занялись все, свободные от дежурства.

Я с удовольствием потрогал полы рубашки: более плотная ткань не мешала движениям, а излишнюю длину тут же убрала вторая девушка, которую, как я выяснил у Мориша, звали Орен. Рубаху пожертвовал еще один из парней после того, как на него посмотрела Кара своим жутко кровожадным и мрачным взглядом. Надо признать, я бы тоже испугался, поэтому не удивительно, с какой скоростью у меня оказалась обновка.

Впрочем, полюбоваться собой я не успел, ибо меня тут же взяли в оборот. Снова пришлось импровизировать. Во мне,

оказывается, до сих пор пропадал изрядный актерский талант. Какой смысл набирать одни названия вещей и предметов, если в запасе нет слов, которыми их можно связать? Не будешь же говорить «тарелка и ложка», когда хочешь есть? Тебе нужен глагол. Чтобы показать их правильно, требовалась нешуточная смекалка. Игра в отгадки затянула даже Храста, который азартно что-то выкрикивал из задних рядов, когда я пытался узнать, как звучит слово «пить».

Шум и крики опять приняли до того угрожающие размеры, что Вордо пришлось утихомиривать разошедшихся подручных. В заключение последнее слово оказалось за Карой, одним из достоинств которой был явно сержантский голос. Мы разбежались по углам, как тараканы, опасливо поглядывая на боевую женщину, подбоченившуюся в центре поляны.

Итогом первого дня стал запас из двухсот пятидесяти слов, которые моя память вобрала в себя с той же легкостью, как и первые пять из этих сотен. Я помнил все до последней буквы и самого невероятного звука. Кроме того, слова сохранились в нескольких вариантах, так что я мог повторить их голосами большинства присутствующих. Когда я проделывал этот трюк, парни толкали друг друга, со смехом указывая на меня пальцем, Вордо стоял у своей палатки и задумчиво за мной наблюдал. Взгляд у него был такой... оценивающий. Аура любопытства и заинтересованности вновь поменялась и теперь я чувствовал исходящие от мечника настороженность и угрозу.

Мне пришло в голову, что на самом деле не все так весело и прекрасно. Использование меня в качестве нищего давало определенную свободу действий. Их, естественно, контролировали, не оставляя без пригляда, но ничего особенного от них никто не ждал. Копеечка-другая и все. Я надеялся входить в жизнь этого мира постепенно, и, несмотря на множество недостатков, карьера на паперти лучше многих подходила для моих планов. Наличие у человека определенных качеств, которых не было у других при определенных обстоятельствах могло со скоростью пули подтолкнуть его продвижение.. Вот только это значило бы, что я буду абсолютно зависим от своего добродетеля. И буду совершенно не готов к этим шагам: кто же отпустит курицу, которая несет даже медные яйца? А значит, шанс столкнуться с хозяином лбами и потерять при этом голову вырастет несоизмеримо. Лишаться столь необходимой в моих планах части тела я не хотел.

Надо как-то тормозить с демонстрациями. Так наобум можно откопать нечто такое, что зароет меня со стопроцентной гарантией. Васек подсунул мне спецификацию с подковырками. Что еще я найду в своем списке возможностей?

Весь остаток дня Вордо поглядывал на меня, старательно пряча интерес за маской холодного безразличия. Но теплая покалывающая волна то и дело касалась меня, когда я ловил на себе его взгляды. Чую, нас ждет не слишком приятный

для меня разговор. И теперь мне не отвертеться, прикрываясь незнанием языка. Он убедился, что для меня это не просто набор звуков. А с помощью двухсот слов можно о-го-го сколько всего узнать. Плохо еще и то, что в случае необходимости мой лексикон пополнят дополнительными понятиями. Вордо явно понял суть моего метода, поэтому рано или поздно научит меня словам вроде «замысел», «слежка», «дезинформация». Ну не похож он на обычного вора. И даже на атамана не слишком смахивает. Мне не бог весть сколько лет, но военного я узнаю хоть с саблей, хоть без нее – слишком много их крутилось рядом с моим отцом. Вордо точно как-то связан с силовыми структурами и, судя по манере себя вести, был далеко не из последних.

А потом всем стало не до меня. Сначала вернулся один из двух человек, которые отсутствовали все это время. Я заметил только тень, стремительно метнувшуюся из леса. Полы палатки яростно хлопнули, и на минуту все стихло. Затем на поляне поднялся страшный переполох. Люди разбирали оружие, лучники заранее прилаживали тетивы на место. Кара, возникшая из ниоткуда, раздавала колчаны и подзатыльники. Последнее у нее получалось особенно ловко. Вордо возник на пороге своей палатки при полном параде. Меч на боку, с которым он и не расставался, на плечах стеганая куртка с нашитыми металлическими пластинами. Я такой и не видел никогда. Он ни на кого не смотрел, но все видел.

Радоваться мне или печалиться? Разговор, похоже, откла-

дывался на неопределенный срок. Я был бы не против, если он вообще не состоится. А заодно, чтобы все позабыли о моем существовании. К сожалению, это было возможно только в одном-единственном случае. А он предполагал высокую вероятность того, что я тоже его не переживу.

Сборы были недолгими. Вся мужская часть отряда бесследно растворилась в лесу, забрали даже мальчишку на побегушках. Сколько я ни вслушивался, ни одна ветка не треснула в той стороне. Парни умели ходить тихо, если того требовала ситуация. Не осталось даже дозорных, на всю поляну нас теперь было трое: две женщины и горбун.

Перед уходом костер было велено затушить, а палатку свернуть. Медленно тлеющие угли распространяли вокруг малиновые отблески света. Мои руки старались ухватить уходящие волны жара, совсем скоро капельки света потускнеют и жизнь утечет вместе с весело скачущими огоньками. Женщины сворачивали лагерь. Оказалось, в их маленьких руках таилась немалая сила. Я взглянул на Кару и хмыкнул, тут и руки были не такие уж маленькие. Она легко управлялась с палаткой, ловко скатывая плотный материал в рулон. Котелок был давно подготовлен к транспортировке, кое-какие вещи мы подтащили к центру поляны. Надо заметить, что основную работу женщины сделали сами, мне доверили только самое простое, вроде поди – подай – принеси.

Поляна быстро возвращала свой первозданный вид. Его портили только три проплешины от костров и небольшая

горка вещей. Глядя, как я жмусь поближе к потухшему пепелищу, мне выдали короткий плащ, в который я немедленно завернулся. Почему-то сегодня к вечеру посвежело. И птицы переговаривались совсем по-другому. Мне стало тревожно.

Что за дело у Вордо? Кому предстояло стать добычей? Вордо – военный, теперь я в этом уверен. Остальные и не подозревают об этом, парни, в отличие от их атамана, обычные ребята с большой дороги. Похоже, их поманили большим кушем или легкими деньгами. Храст, хоть и строит из себя умного, одного с ними поля ягода, он просто больше всех и сильнее. Этот точно не гнушается зарабатывать разбоем и берет все, что плохо лежит. Что же им пообещали? Скоро узнаю. Только сдается мне, что цель вовсе не купеческий обоз. Сказал ли кто об этом обычным исполнителям? Сомневаюсь, что кому-то есть до них дело. Удел всех наемников идти и умирать.

Ненавижу ждать и догонять. Первое вообще не по мне, моя натура всегда требует действия. Второе противно мне, как лидеру. Мой удел быть впереди на лихом коне... Ладно, это было раньше, но что поделатъ с привычками, въевшимися в кровь? Их не вытравишь в одночасье. И пусть мне несладко жилось целый месяц, эти два дня подействовали на меня, как свежий воздух на людей, которые сутки сидели в лифте. Впрочем, кое-какие черты характера мне вытаскивать не хотелось, с другой стороны, где бы я сейчас находил-

ся, если бы не мой характер? Хм... Может, и дома бы, кстати, был. Кто его знает?

Сейчас я был вынужден заниматься самым нелюбимым делом на свете – я ждал. Если бы меня забросило во времена современных войн, ожидание, наверное, не было бы настолько тягостным. Звуки выстрелов разносятся далеко, боестолкновение было бы слышно из лагеря. А тут что? У обеих сторон стрелы, а ты сидишь и гадаешь, было ли вообще хоть что-нибудь. Кругом тишь и полная неизвестность. А ну как Вордо попадет в засаду?

У меня появилась особенность. Ночью стало легче думать, складывались картинки, которые еще днем выглядели мешаниной разрозненных фактов. Раньше, еще в бытность свою в столице, ночь для меня – это время веселой гульбы и развлечений. День для работы, а после заката дела можно отодвинуть в сторону. А глубокий и здоровый сон? Ну все же помнят, где мы все точно отоспимся?

Когда-то я слышал, что работа мозга сродни тяжелой тренировке – требует огромного количества калорий. Может, поэтому по ночам я всегда мерзну? Даже относительно теплый плащ не спасал. Я сидел, закутавшись в него, и размышлял. Для сна еще не пришло время.

Почему я решил, что Вордо военный? Сначала появились сомнения в том, что он обычный атаман лихой ватаги. Я приглядывался к нему, подмечая, как он говорит, как ходит,

как думает. Вроде бы ничего необычного, тем более удивительно, почему во мне крепла уверенность, что еще месяц назад прежний «я», наверное, не почувствовал бы ничего. А сегодня чувство просто кричало о несоответствии. Что-то зрело во мне, словно почка под воздействием солнца набухала в предвкушении весны и тепла. Откуда все эти волны и ауры? Только сейчас во мне пробудилась мысль, что фактически я чувствую чужие эмоции. Но не просто эмоции, а мысленный фон, направленный в мою сторону. Я могу читать мысли? Да вроде бы нет. А вот эмоции для меня становились открытой книгой. Очередная суперспособность? Только какой в ней прок, если я не могу за себя постоять.

Где-то завопила знакомая птица, я вскинулся, но все было тихо. Лес жил и скрывал свои тайны. Мне тоже нужно было позаботиться о своих. Чем меньше люди о тебе знают, тем меньше могут навредить. Информация – это меч, который обязательно будут использовать против тебя. Хотя бы для того, чтобы держать рядом, контролировать и пользоваться твоими талантами. Мне двадцать три года, но я видел столько, что может позавидовать любой человек. Ну или пожалеть, если этому человеку ты дорог. Жалость же нынче непозволительная роскошь. Вордо плевать на жалость, но он получил слишком большую власть надо мной. В ближайшие дни мне предстояло решить, хочу ли я остаться под его покровительством, а значит, еще больше укрепить его власть,

или мне стоит дистанцироваться от него. И тут встает вопрос: как?

Возможно, в чем-то я преувеличиваю опасность, но лучше, как говорится, перебдеть, чем потом кусать локти. А были ли у него вообще намерения определять меня на работу нищим? Теперь меня грызли сомнения. Я, конечно, не сомневался, что у военного могут быть контакты среди обитателей городского дна, но так ли уж из-за денег? А что может быть полезнее денег? Услуга, долг, свой человек среди конкурентов, наконец. Может, именно за этим меня и взяли? Постукивать время от времени? Но что могут знать нищие? О! Судя по книгам, что мне приходилось читать, многое! Шепоток здесь, слово там, неосторожная фраза, брошенная в таверне под кружку пива. Да мало ли? Так зачем я ему? Будут ли меня использовать втемную? И пора бы подумать, чего хочу я сам.

Под эти мысли меня и сморило.

Глава 7

Если сон можно сломать, то мой просто разорвали в клочья. Меня возвратило к действительности с такой скоростью, что ещё несколько секунд я очумело хлопал глазами, не понимая, где нахожусь. Мир наполнился красками, криками, женским плачем и стонами. Рассвет едва приподнял покров ночи, но света уже хватало, чтобы понять: то, что должно было произойти, случилось. На поляне снова были люди. Их число сократилось, но сосчитать точное количество у меня не получалось. Они мелькали перед глазами серыми сполохами, ни на минуту не останавливаясь. Или мне так казалось спросонья? Наконец, я схватился глазами за одного из них, чья куртка поблескивала металлическими пластинками. Вордо, а это был именно он, один-единственный из всех спокойно стоял рядом с Карой и что-то ей говорил, показывая на пожитки. Его голоса отсюда не было слышно, но мне казалось, что он такой же ровный и уверенный, как весь его вид.

В итоге, мне удалось охватить взглядом всех присутствующих. Про себя я присвистнул: от отряда остались рожки да ножки – шесть человек, включая их предводителя. Храста и мальчика тоже не было видно. Храст – понятно, он помощник предводителя, но зачем в бой брать мальчика?!

Серьезно их потрепали. Что это, недооценка противника,

простая халатность или допустимые потери? И что делать мне в сложившейся ситуации? Подойти и попытаться узнать детали? Или не дергаться? Формально, происходящее меня не касалось. Меньше знаешь, крепче спишь. С другой стороны, своевременное получение информации не раз спасало деловую репутацию моего отца. Какой вариант выбрать?

К счастью, обстоятельства приняли решение за меня. Ко мне приковывал один из парней, правая рука висела плетью, замотанная пропитавшейся кровью тряпкой от самого плеча. Он прихрамывал на левую ногу, едва заметно морщась при каждом движении.

– Вордо зовет, – буркнул он и, не глядя на меня, побрел обратно. Что ж, не будем заставлять атамана ждать.

– Звал, – я решил быть лаконичным, едва подошел вплотную к широкой спине в кожаной куртке. Язык давался мне все легче и легче. Насчет владельца голоса я решил больше не париться, отдавшись всецело во власть моего удивительного умения – пусть выбирает само, чей использовать в данный момент.

– А, Иан, – Вордо обернулся, и моя уверенность в успехе предприятия заметно пошатнулась. Лицо предводителя было серым. – Храст нас, – далее непонятное слово и красно-речивый жест. – Ты мой. Не отходить ни на шаг.

Я кивнул, а что ещё мне оставалось? Мой бывший конвоир и владелец сбавил ненужную ношу, поэтому формально мне все равно, что с ним стало. Даже с чисто человеческой

точки зрения, мне его не слишком жаль. И, может, уже пора кусать локти, оказавшись в лапах нового хозяина? Кстати, я понял не всю речь, но мозг каким-то образом сам начал заполнять пробелы, подставляя возможные варианты. Даже услышав слово, которое мне точно слышать не приходилось, если контекст позволял, оно становилось понятным. Что из меня вырастет? Живой Гугл-переводчик? Мозг, получив минимальную информацию о языке, с изумительной легкостью игрался с чужой речью.

– Кара, ещё раз повторяю: бросить все, – окончание завершилось очередным непонятым словом. – Вам, – далее опять неразборчиво, – достаточно, чтобы вы не думали о котелках!

Ого! Вот, значит, кто у нас верховодит! Кара! А что? Очень даже может быть. Вот прямо верю и все тут! Я покосился на женщину, которая буравила гневным взглядом Вордо. От вчерашней поварихи не осталось и следа. Передо мной стоял жестокий убийца, от взгляда которого кровь стыла в жилах. Ох, не зря мне всегда были не по душе тетки-руководители. Одни эмоции. Такая и на рабочем месте может прирезать играючи, не то что в лесу.

– Девять человек! Ты потерял девять человек! – она нависала над мужчиной, словно скала над покатым холмиком. – Мы так не договаривались!

– Повторяю, вам заплатили! – рыкнул Вордо, но несколько слов в конце мой переводчик опять зажевал. – Если бы твой

Храст, – снова новые, неразборчивые слова, – свою работу, все были бы живы.

– Там были! – последнюю фразу женщины я не понял. – Про «ушастых», – снова то же самое слово, – разговора не было! – вдруг завизжала Кара. – Ты нас! – тут и дураку понятно, что она имела в виду «обманул».

Вордо проигнорировал вспышку, что-то крикнув одному из парней, суетившихся на поляне. Я, оторопев, пытался переварить новую вводную: «ушастые». Кого можно назвать ушастым? Это эльфы что ли?! Тут есть эльфы! Может, и гномы, орки, кобольды, панды. Нет, панды из другой оперы, но эльфы! Черт меня подери, эльфы! Кто еще может быть ушастым? Не зайцы же! Мечи, луки, стрелы и эльфы! Спокойно, Саня, теперь ты в...

Между тем шевеление на поляне принимало осмысленный вид. Раненых перевязали, невредимые взяли на себя часть их невеликой поклажи. Палатку и поварской набор бросили – они сильно стесняли передвижение. Напоследок Вордо собрал всех и толкнул небольшую речь. Я понял почти все из того, что он говорил, спасибо моторчику, который всю работу в моей голове, предоставляя почти синхронный перевод.

– Все вы знали, на что шли, – глухо начал он. – К вам, – Вордо обвел всех взглядом и начал с незнакомого слова, – нет, если бы все сработали, как надо, мы бы ушли без, – полагаю, тут он сказал про «потери». – Но мы все равно уй-

дем. Вас ждут женщины, холодное пиво и, – снова множество непонятных слов, смысл которых до меня все-таки доходил, – лично от меня!

Его слушали молча, но слова про возможную оплату убытков были встречены одобрительным гулом. Полагаю, речь шла о компенсации. Несмотря на недостаток знакомых слов, большинство оказалось примерно понятно. Я незаметно вглядывался в лица тех, кто стоял перед нами, и видел решимость и надежду. Никаких аур, это читалось в их глазах.

Была ли в словах предводителя отряда хоть капля правды? Эльфы в книгах отличались завидной агрессивностью и мстительностью. А какие они здесь? Судя по тому, сколько народу уцелело, притом, что нападавшие пользовались эффектом неожиданности, человеколюбием и слабостью эти существа не отличались и тут.

– Мы убили всех, – сказал кто-то. – Чего нам бояться?

– Они успели послать сигнал, – глухо произнесла Кара. Народ сразу оживился, но эмоции меня не порадовали. Эти слова опустили боевые качества отряда ровно наполовину. В голосах слышались панические нотки.

– Да, они успели, – заявил Вордо. – Это значит, что у нас есть два, – ясно, что дальше речь шла про время, но для меня слова звучали на тарабарском наречии, поэтому я не понял, – чтобы уйти из леса. Нам нужно полтора, – снова то же самое слово. – Поэтому идем быстро!

– Раненые не выдержат, – обвиняюще бросил кто-то, все

старались не смотреть на двоих молодых ребят лет двадцати двух – двадцати трех. Одного из них я узнал – он приходил за мной. Второй – низенький, подвижный парнишка – подволакивал левую ногу. Ни о каком темпе передвижения в его случае говорить не приходилось. Он мог просто ползти из точки А в точку Б с какой-то скоростью. Доберется или нет – большой вопрос.

– Все знали, на что шли, – еще раз повторил Вордо. – Выходим через! Предупреждаю, ждать никого не будем.

– Дайте мне нож, – вдруг глухо произнес хромой. – Я останусь.

Разговоры разом стихли. Все смотрели на щуплого парня и не могли поверить в его слова.

– Тебя убьют! Ты не сможешь с ними справиться! – заговорили разом в отряде.

– Пусть так, но я постараюсь, – следующее слово не разобрав, – свою жизнь, – упрямо сказал он. – Дайте, – он требовательно посмотрел на главу отряда, видимо, имея в виду какое-то оружие. Я бы, например, остановился на пулемете.

Вордо подошел к нему и протянул свой нож рукоятку вперед.

– Он долго, – произнес Вордо и зашелся длинной речью, в которой я не понял ни слова, – теперь пусть тебе.

Парень молча принял оружие, взвесил в руке и кивнул. Я почти физически почувствовал, как в голове что-то щелкнуло и у меня появилось очередное новое слово – «служить».

Система стабильно работала в пассивном режиме, постоянно пополняя словарный запас. Незнакомых слов становилось все меньше.

– Уходим! – коротко бросил Вордо, подхватывая с земли свой мешок.

Мы шли уже сутки. Вордо с ходу взял предельную даже для здоровых парней скорость передвижения, и лес замелькал в глазах, как кадры плохого кино. Самые выносливые шли впереди, прорубая дорогу, если идти становилось совсем тяжело. Они менялись каждый час, и к концу этого времени на них было страшно смотреть. Остальным оставалось лишь пошевеливаться, чтобы держаться сзади.

Отстанешь – смерть. Каждый из нас чувствовал ее шаги за спиной. Для меня предчувствия становились настоящим кошмаром, потому что я никогда не видел обличья этой смерти. Что это будет? Стрела, меч или магия? Умеют ли эльфы колдовать? Я не хотел сгорать заживо или насквозь прорасти корнями деревьев – воображение старалось всюю, мешая в кучу слухи, правду и небылицы.

Перед глазами до сих пор стояло бескровное лицо молодого парня, обреченно смотревшего нам вслед. Его фигура быстро скрылась за частоколом деревьев, но еще долго я не мог забыть его взгляд. Взгляд мертвеца. Живым нужно было бороться, чтобы сохранить самое дорогое, что у них есть, – жизнь.

Как ни странно, мой организм с пониманием отнесся к нагрузкам. Да, я, как и все, падал от усталости на коротких привалах, но каждый раз поднимался и двигал ногами. Меня не ставили во главе отряда и на том спасибо.

Гораздо большее неудобство вызывала моя осанка. Из-за того, что я не мог держать голову прямо и подвижность шеи вызывала большой вопрос, мне приходилось туго. С одной стороны, со временем я приноровился настолько, что почти перестал спотыкаться. С другой, меня с изрядной регулярностью хлестало по лицу ветками, которые едва доставали другим до груди. Паутина упорно лезла в глаза там, где остальные ее просто не замечали. В остальном я держался наравне со всеми.

Вордо, как мог, нас подгонял. Несколько раз он шел рядом со мной, задумчиво на меня посматривая, но так и не проронил ни слова. Не хотел говорить при свидетелях? Да и что он мог мне сказать? У меня то и дело закрадывалось сомнение в том, что я его понимаю, зачем ему семнадцатилетний горбун-оборванец, даже обладающий какими-то сомнительными способностями. Кому нужны языки, когда в цене те, кто может их укорачивать?

Вечером первого дня мы потеряли еще двоих. Один из них – тот самый парень, который ко мне подходил. Я так и не узнал его имени. Он долгое время держался наравне со всеми, старался даже шутить. Но уже к вечеру его хромота стала заметнее. Его старались подбадривать. Орен все вре-

мя шла рядом с ним, они о чем-то переговаривались. Когда совсем стемнело, они держались последними. Естественно, никто и не думал за ними следить.

Когда мы остановились на очередной привал, их уже не было. Кара было вскинулась, чтобы послать кого-то отыскать беглецов, но Вордо отрицательно покачал головой.

– Пусть идут, это их выбор, – было видно, что он уже выбросил их из головы.

Подозреваю, они решили уходить в сторону от нашей основной группы в надежде, что наши преследователи не пойдут за ними. Может быть, в такой ситуации я и сам бы так сделал. Но сейчас мои чувства кричали, что хоть какие-то шансы на выживание есть только рядом с Вордо. Он знал, что делал, и в нем чувствовалась уверенность в своих силах.

Последнее время я почти не ощущал чужих эмоций. Обо мне забыли, до меня не было дела. Не отстает от других и ладно. Данный факт лишний раз подтверждал мою версию: я чувствую лишь то, что направлено на меня. Никакого чтения мыслей – мне достался инструмент для собственной безопасности. За оружием массового поражения к долбаным книжным героям. Если на город сбросят атомную бомбу или случится обвал, я буду пребывать в счастливом неведении, пока шляпка гриба не долбанет мне по маковке.

С одной стороны, мне достался весьма спорный набор для супергероя, с другой, грех жаловаться, могли не подкинуть и этого. Как говорится, цени, что имеешь. Так как любые мои

мысли крутились вокруг выживания, лишний шанс остаться в живых мне точно не помешает.

На сон выделили два часа. При этом Вордо заявил, что это непозволительно много. Ну или я понял именно так. Наш предводитель воистину железный, он ухитрялся не только возглавлять колонну, но и время от времени исчезать с кем-то из отряда, уходя в дозор. Подготовка у него будь здоров. Сколько за ним наблюдал, столько видел его уверенный шаг, размеренное дыхание и постоянную готовность к непредвиденным ситуациям. Он все видел, все знал и все контролировал.

Нас подняли, когда солнце еще и не думало просыпаться. В этот час лес был совершенно тих и спокоен. Наши командиры были уже на ногах. Кара, несмотря на свои габариты, стойко переносила тяготы марш-броска. Она что-то втолковывала одному из своих парней, тот согласно кивал. Вордо подошел ко мне и, не глядя в мою сторону, бросил:

– Когда все начнется, держись за спиной.

Я удивленно на него уставился, но он сказал все, что хотел, и его куртка уже мелькала в голове отряда. Что он имел в виду? Что начнется? Нас все-таки догнали? А как же те два дня, о которых он говорил? Я опасливо оглянулся назад, но тьма слепила глаза, и взгляд проникал не дальше пятнадцати-двадцати метров.

Знает ли об этом кто-то еще? Судя по размеренным дви-

жениям людей и сосредоточенным сборам, вряд ли. Почему Вордо решил предупредить именно меня? Означает ли это, что он надеется выжить и вытащить нас отсюда? Может, все не так уж плохо?

Мои размышления были прерваны звоном стрелы, глубоко засевшей в дереве. На мгновение все вокруг замерло, чтобы взорваться криками людей, почуявших смертельную опасность. Парни схватились за луки, но в кого стрелять в такой темноте? Напрасно мы вглядывались в пространство между деревьями, откуда прилетела оперенная смерть: наши глаза не могли ничего различить.

Пятеро мужчин замерли, держа луки наизготовку. В руках Кары покачивалось короткое копьё с повязанным у наконечника куском грубой веревки. Вордо спокойно ждал рядом со мной, даже не обнажая меча. Сдался? Знал что-то такое, чего не знали мы все?

– Опустить луки, – вдруг негромко приказал он. На него недоумевающе оглянулись несколько человек.

– Но, – ему несмело возразило несколько голосов.

– Я сказал, луки на землю! – в его голосе скрежетнул металл. – Быстро!

Вот, что дает непререкаемый авторитет – люди с неохотой, но опускали оружие, кто-то принялся убирать в колчаны уже подготовленные для врага стрелы. Негромким ворчанием они выражали свое недовольство, но подчинились. Кто-то прошептал, что теперь у них нет шансов спастись. Может,

Вордо рассчитывал на милость преследователей? Если так, то он был в одиночестве.

Тьма шагах в тридцати зашевелилась. Сумрак сгустился, явив собой высокую, почти под два метра, фигуру. Она медленно приближалась к нам, и я подумал, что, пожалуй, только так и нужно изображать смерть. Каждому из нас хотелось оказаться как можно дальше отсюда, мы понимали, что пошли последние минуты нашей жизни. По-моему, кто-то пытался молиться. Кара ругалась, только крепче сжимая древно копьё.

Смерть стала ближе еще на десяток метров, и я, наконец, смог разглядеть ее в мельчайших подробностях. Это определенно был эльф! Наши фильмы очень точно описывали детали. Кто-то действительно их видел? Или они жили инкогнито среди нас и сами снимали про себя фильмы? Вполне рабочая гипотеза, если учитывать мой случай. Острые уши, длинные волосы – все как полагается. Из сюжета выбивался лишь рост. Одежда очень сложного покроя, где переплелось все: и хаки-комбинезон, и официальный костюм, и парадная форма. Как описать то, чему в русском языке нет названия? Удивительно другое: как во всем этом эльф умудряется преспокойно ходить по лесу? Причем, видимо, не только ходить.

Эльф свысока оглядел всех нас, на его лице, утопающем в предрассветной тьме без труда разглядеть можно было только презрительную улыбку. Он безошибочно выделил взглядом главного среди нас.

– А ты знаешь наши, – и голос его вполне соответствовал описанию в книгах: мелодичный, струящийся, холодный, как лед. Но что он имел в виду: обычаи или порядки? Новый собеседник оказался источником новых слов. – Но это вам не поможет. Сегодня наши мечи напьются кровью животных, – дальше его речь забралась в какие-то дебри, так что мой переводчик совсем запутался. Впрочем, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: нас только что прилюдно унизили.

– По правилам дома Л'Ворг, – вдруг сказал Вордо, – враг, нанесший семье смертельное оскорбление, не может быть убит стрелой. Только глаза в глаза и самым ужасным образом, – главарь был безмятежен, чего нельзя сказать обо всех остальных. – Ему отрубают руки и ноги. Лук можно использовать только в том случае, если эльфу угрожают таким же оружием.

Откуда он все это знает и зачем рассказывает? Может, психологический прием? Старается вывести ушастого из себя? Я заметил, что речь Вордо разительно изменилась, мне стало гораздо сложнее его понимать – слишком много незнакомых вычурных слов, мой встроенный анализатор принялся давать сбои. Впрочем, общий смысл я все-таки ухватил: сейчас будет рукопашная схватка.

Не знаю, как там с душевным равновесием, а с вниманием у эльфа все было в полном порядке. Вордо подвергся самому тщательному осмотру. Оценивающий взгляд ушастого исследовал, казалось, каждый миллиметр на теле вставшего

на его пути человека. Эльф по-прежнему был уверен в своих силах, но на этот раз в голосе его сквозила задумчивость и немалая толика удивления.

– Кто ты, так много знающий о нашем доме, враг? Открой свое имя!

Вордо лишь усмехнулся в ответ.

– Зачем тебе мое имя, эльф? Ты хотел драться, так не теряй время.

– Мы все равно узнаем его, зачем рисковать? – удивился эльф, выделяя голосом последнее слово, которое я не понял.

– Это мы еще посмотрим, – Вордо отцепил от пояса ножны и обнажил меч. – Кто и чем рискует.

А дальше все закрутилось.

Так получилось, что все страшные события обходили меня стороной, хотя я и находился в самом их центре. Как и было велено, я держался за спиной Вордо и не встречал в драку. Да, признаться, мне и не особо хотелось. Что я мог продемонстрировать? Чудеса неуклюжести? Этого добра хватало и без меня.

Эльфов оказалось трое. Звено. Главный, так же, как и Вордо, остался стоять на месте. По его знаку из темноты в нашу сторону метнулись две гибкие фигуры в темных комбинезонах, ростом ничуть не уступавшие своему предводителю. Навстречу им, бессвязно крича, бросились люди. Шестеро против двоих – численный перевес был на нашей стороне,

и поначалу мне казалось, что мы покажем ушастым, где раки зимуют. Видимо, также думали и разбойники: нас много, их мало, нас больше – мы победим! Эту ошибку большинство из них не успело даже осознать. В руках эльфов мельничными крыльями замелькали мечи, и первой, разбрызгивая кровь из глубокой раны на шее, упала Кара. Ее глаза что-то искали, она судорожно пыталась закрыть порез, но лезвие меча эльфа зацепило артерию. Кровь толчками вырывалась сквозь плотно сведенные пальцы, унося с собою жизнь этой большой женщины.

Мне доводилось видеть кровь умирающего. Года полтора назад я стал свидетелем драки, в которой с самого начала не было правил. В ход шли любые подручные материалы. Возможно, кто-то из участников был под кайфом, потому что ни до, ни после я не видел такой ярости, с которой люди бросались друг на друга, словно грызлись две своры диких собак. Как я ее пережил? Достаточно спокойно, потому что смотрел на все из окна, а вид крови давно не вызывает у меня каких-либо чувств. Конечно, не очень приятно видеть разбитые до кости черепа, но возвращённые на фильмах Тарантино подростки привыкли и не к такому.

Сейчас все изменилось. Мое участие не ставилось под сомнение. Инстинкты чужого тела выли, как сигналы тревоги на подводной лодке во время экстренного погружения. Возможно, в тот момент мне еще не приходило в голову, что венцом столкновения станет моя смерть, но бывший владе-

лец тела отчаянно рвался к его управлению. Мне с огромным трудом стоило не сорваться в лес, где меня ждала неременная смерть.

В мои годы о костлявой не думаешь, кажется, что ты будешь жить вечно. Я бросал отчаянные взгляды на Вордо, но тот спокойно стоял и смотрел, как тает, словно снег на солнце, его отряд. Вот осталось четыре, теперь уже три человека. Люди кричали теперь уже от страха и ожидания скорой, но отнюдь не легкой смерти. Каре в чем-то повезло – она умерла первой и быстро. Остальным не удалось ускользнуть так просто. Эльфы не убивали мгновенно. Они рубили руки, ноги, иногда это не удавалось с первого раза, и тогда следовала еще одна попытка, третьей попытки никому не досталось. Глядя на этот праздник крови, я из последних сил сдерживал внутренности, – к такому не готовят в фильмах, – рвущиеся наружу, но заставлял себя смотреть, запоминая все в мельчайших деталях. Мне нужно это видеть, потому что я знал: если каким-то чудом выберусь отсюда живым, у меня в этом мире будут враги.

У нас не было никаких шансов. Эльфы были быстрее, опытнее и владели оружием на каком-то непредставимом, запредельном, с моей точки зрения, уровне. Мечи мелькали с такой быстротой, что во время удара я видел только смазанную полосу. Человек в это время был уже мертв. Но почему Вордо не пытается сражаться? Он не сделал даже попытки помочь своим людям. Бойтся? Я не видел его лица,

но в его позе не было страха. Он стоял и просто ждал, когда все закончится.

Я не мог поверить в то, что человек готов безучастно наблюдать, как чужаки убивают твоих соплеменников. Я знаю, что говорю. Мы готовы драться друг с другом. Нам не привыкать рвать глотку родственникам и друзьям. Но стоит прийти кому-то извне, как бывшие враги объединяются в монолит, которым можно разбить голову любой твари, посмевшейся поднять на нас руку и встрявшей в наши разборки.

Когда последний из людей лишился жизни, оба эльфа неторопливой походкой направились к нам. Нас разделяло не более пяти метров. Вокруг лежали разрубленные тела, руки отдельно от туловищ. Отрубленные головы и кровь повсюду проступали сквозь муть предрассветной мглы. Я словно со стороны наблюдал за происходящим. Две фигуры, с ног до головы залитые чужой кровью, казались богами жестокости. Свободная, танцующая походка, чуть насмешливый взгляд и полные презрения глаза.

Таковыми они и умерли. Я не смог разглядеть даже намек на движение, а оба длинноухих уже валились на землю. Головы с прекрасными чертами лица медленно сползали с плеч, поблескивая изумленно распахнутыми глазами.

Вордо все также неподвижно стоял напротив главного эльфа, лишь чуть-чуть изменив стойку. Неуловимым движением он стряхнул капли крови с меча. Все, что осталось от гордых и презрительных воинов.

Тут-то я и струхнул по-настоящему. Куда это я попал? Точнее, во что же вляпался? Какие торговые караваны и разбойники? Вот же она, расовая междоусобица во всей красе! Война в тени деревьев и во мраке коридоров, не менее, а зачастую более жестокая. Битва, до полной безоговорочной победы одного и бесследного исчезновения другого. Бесчеловечная и безжалостная бойня, свидетелем которой я только что стал. Нужны кому-нибудь такие свидетели?

Тем временем от спокойствия эльфа не осталось и следа. Его взор пылал ненавистью, а лицо превратилось в звериную маску.

– Мастер меча! – выплюнул он сквозь зубы. – Аллиец, проклятый Светом!

Мой переводчик дымился из-за обилия слов.

Вордо молча поклонился, развел руками, как бы извиняясь за правоту собеседника. Ты, мол, оказался прав, что делаешь?

– Ты украл! – рявкнул эльф какое-то слово, и вся музыка голоса длинноухого вмиг превратилась в рычание тяжелого рока.

– Я мог бы сейчас рассказать, каким она появилась у вас, но не буду, – Вордо качнул мечом в сторону врага. – Мне не хочется отдавать то, что получил с таким трудом! Ты собираешься ее вернуть? Предлагаю не сотрясать воздух зря и решить наш вопрос немедленно! Тем более у нас есть, – последнее слово я не разобрал, а Вордо насмешливо оглянулся,

остановившись на моем лице взглядом. – Когда еще парень увидит, как дерутся мастера?

– Я убью тебя! – эльф внезапно успокоился, но меня своим вниманием так и не удостоил, а мне в копилку упал перевод еще одного слова – «свидетель» – оно не слишком нравилось мне и раньше, стоит ли говорить, насколько не в восторге от него я теперь.

– Возможно, – кивнул Вордо, – на все воля, – он бросил взгляд вверх.

– Сначала я покончу с тобой. Потом я убью его, – эльф плавным движением извлек из-за спины оружие в виде двух сабель, скрепленных общей длинной рукоятью, – и заберу свое!

Вы видели когда-нибудь соревнования по спортивному фехтованию? Спортсмены расходятся в разные стороны, шпаги замирают в салютующем приветствии. Затем стойка, правая рука направлена в сторону противника, кончик шпаги отплясывает перед маской. Резкий рывок вперед, финт, укол. Крик судьи фиксирует касание шарика на острие шпаги груди твоего оппонента, удар засчитан!

Не знаю, сколько ударов требуется для победы, я тогда случайно оказался на этих соревнованиях, потому что мой партнер был спонсором одной из команд. Сейчас передо мной разыгрывался совсем иной приз. В тот момент я до конца не осознавал, что, проиграв сейчас Вордо, жить мне

осталось какие-то мгновения.

Вордо, вот еще загадка, которая открывала все новые и новые грани. При нашей встрече это лишь шальной атаман. Немного погодя в нем проступили очертания служаки, который затем превратился в лазутчика и специалиста по ночным операциям. И вот сейчас передо мной опять совершенно другой человек. То, с какой легкостью он расправился с двумя эльфами, которые до того с не меньшей быстротой разделались со всеми его людьми, вызывало еще больше вопросов. Время для них, несомненно, настанет, если я выживу. Если победит Вордо.

Смертельные враги замерли напротив друг друга, их разделяла полоска земли, залитая кровью людей и эльфов, она дымилась в лучах пробивающегося сквозь листву солнца, словно поверхность лесного озера. Едва ли больше пяти метров, но это расстояние отделяло жизнь от смерти, мою жизнь от моей смерти. Где-то высоко просыпались птицы, неуверенно сообщая своим товаркам о начале нового дня, а внизу начался поединок, завершавший очередную главу моей жизни.

Глава 8

Какими бы эльф ни бросался словами, с какой ненавистью ни буравил Вордо взглядом, стоило противникам взяться за оружие, вся его горячность и пафос испарились без следа. Рассвет почти разогнал утренний сумрак, подарив мне прекрасную возможность рассмотреть все в деталях.

Я не мог видеть лица человека, потому что находился у него за спиной, зато его враг стоял, как на ладони. Расслаблен и сосредоточен одновременно. Идеальной формы лицо выглядело словно безжизненная посмертная маска, в глазах не осталось ни капли чувств: ни ненависти, ни презрения, ни жестокости – все ушло, сгнуло, уступив место доведенным до автоматизма рефлексам. Вступи он в бой с самого начала, история могла пойти совсем по-другому.

Какой поединок меня ожидал? Какие вершины мастерства покажут сейчас эти два воина? Несмотря на понимание того, что моя жизнь может вот-вот оборваться, я приготовился внимать пению схватки, обманным финтам, сменяющим друг друга, жестким блокам и хитрым ударам. От противников невозможно было отвести глаз. Они оставались неподвижны, ни один мускул не дрогнул у них на лице, но битва титанов уже началась.

Противники сделали всего один шаг вперед и пропали. Какие финты? О каких ударах речь? Я даже рта от изумле-

ния раскрыть не успел! Вот они стояли на месте, а спустя мгновение один из них, покачиваясь, зажимает рукой левый бок, а второй бесформенной грудой оседает на землю. Все, бой закончен.

Я не разглядел ни одного удара, движения обоих оказались настолько быстрыми, что осталось лишь довольствоваться результатом. На заднем плане мелькнула мысль о том, что хорошо бы глянуть видеоповтор, но откуда ему тут взяться?

Я бросился вперед, даже не осознавая, кто из них победил. Взял верх эльф, и тогда мой конец будет страшен, или победа за человеком? Впрочем, в этом случае определенности было не больше. Уж слишком много лиц у моего спутника. С каким цинизмом он отдал на расправу всех своих людей. Как еще можно назвать происходящее на моих глазах?

В следующее мгновение глаза отметили рост неуверенно стоявшего на ногах существа, и я со всей ясностью ощутил приближающийся конец. Стоило ли отвоевывать свое место под солнцем и изображать из себя шута, чтобы найти смерть на пороге новой жизни? Хотя откуда мне знать, так ли уж радужна была бы эта другая жизнь. Возможно, лучше разобраться с вопросом сейчас?

Эльф словно почувствовал мой взгляд, и обернулся. На губах у него играла кривая усмешка. Левой он сжимал рукоять своего странного оружия, одним концом упиравшегося в землю. Вторая рука медленно ползла по груди вверх, шурша

одеждой, по которой проходила ладонь. Его глаза обещали мне жуткую смерть. Я замер в странном оцепенении, наблюдая, как он делает шаг в мою сторону. Бежать я и не думал, понимая полную бесперспективность.

– Хватит стоять, – раздался слабый голос Вордо откуда-то справа. – Лучше помоги мне.

– А... он? – забыв про плохие манеры, я показал пальцем на по-прежнему ухмыляющегося длинноухого.

– Ему уже не нужна твоя помощь, – хмыкнул голос, превратившийся стоном.

Эльф сделал еще полшага, в глазах его появилось недоумение, и он сломанной куклой упал лицом вниз прямо у моих ног. От неожиданности я тупо смотрел на неподвижное тело, не в силах оторвать от него изумленный взгляд.

– Долго мне еще ждать? – сварливо поинтересовались снизу. Тут я опомнился и бросился помогать человеку.

Удивительно, но Вордо тоже лежал лицом вниз и не делал ни малейшей попытки себе помочь. Крови ни на лице, ни на его куртке почти не было, но он не двигался, валяясь на земле, словно марионетка без своего кукловода. Я с трудом перевернул его и, подхватил под руки. Несмотря на его невеликий рост, ноша оказалась для меня неподъемной, так что пришлось волочить его по земле., чтобы облокотить на ствол дерева.

Кругом лежали мертвые тела, мне приходилось расталкивать трупы, чтобы протолкнуть тяжелое тело атамана. Все это

время его голова болталась из стороны в сторону, и я слышал, как он щедро сыпал проклятиями. Мой анализатор и переводчик в одном флаконе смиренно помалкивал, так что я не понял ни слова. Может, кто-то включил фильтр ненормативной лексики? Я хмыкнул: это что же получается, если мне придется ругаться, с моих уст будут слетать только «пи»? Сомнительная перспектива, черт возьми.

– Вы убили его! – прохрипел я, прислоняя непослушное тело Вордо к корням. Атаман весил не меньше сотни кило, и для меня эта попытка прошла по графе «подвиг».

– Убил-убил! – усмехнулся он. – Длинноухая тварь слишком много болтала, – он добавил что-то еще, но мой анализатор помалкивал, оставив его замечание без внимания.

Сообразив, что я не слишком хорошо его понимаю, Вордо демонстративно вздохнул, закатывая глаза.

– Знаешь, парень, у нас не так много времени, как хотелось бы, – Вордо старался говорить бодрым голосом, но я чувствовал, что его самоуверенность дала трещину. Он предложил мне задать все интересующие меня вопросы и дать на них исчерпывающие ответы. При этом он все время старался упростить свою речь, как только видел, что я перестаю понимать хотя бы общий смысл беседы. При этом Вордо заметил, что мне удалось его удивить скоростью, с которой у меня получилось овладеть языком. Мой словарный запас постоянно пополнялся, и я понимал его все лучше. В конечном счете, он признался, что поначалу думал обо мне,

как о малообразованном человеке, и приобретение Храста не одобрил, наоборот, всячески старался ему показать, как его обманули. Теперь же он признает ошибку и готов поделиться всей информацией, которая ему, волей судьбы, оказалась доступна.

Выслушав его предложение, я дождался, как мне в копилку «капнет» ещё несколько слов: это были «предлагаю», «день», «покупка» и «деньги». Не знаю, как работает моя переводческая машинка, но пашет она будь здоров. Особенно эффективно лексикон обновлялся, когда в предложении знакомые слова чередовались с незнакомыми, но легко читаемыми по смыслу.

Несомненно, Вордо на порядок образованнее и умнее, чем я думал, поэтому к концу беседы мой словарь изрядно распухнет от новых слов. Так что для меня польза вдвойне.

Я кивнул, соглашаясь, попутно отмечая себе, что оказался прав: все-таки меня купили. Небось такие, как я, идут пятачок за пучок.

– Давай, спрашивай, – хмыкнул Вордо.

Вопросы у меня были. Видит бог, их оказалось столько, что мне не хватило бы и месяца, чтобы их задать, что уж говорить про ответы. Какой же из них главный?

– Вы с самого начала хотели их всех убить? – я зарядил пробный шар.

Аура Вордо заиграла таким изумлением и сожалением,

что я понял, что угодил в точку. Он явно думал обо мне, поэтому чувства буквально лучились красками. К этому букету примешивалась крохотная толика страха, где-то на удалении летал аромат угрозы и чего-то еще. При этом я заметил, что при физическом контакте моя способность работает гораздо эффективнее. Как будто в картинке появляется объем и совершенно новые детали. Интересненько. А что вот это такое, совсем на периферии? Как будто легкое недомогание, когда, казалось бы, чувствуешь себя превосходно. Иногда такое бывает перед самой болезнью. Ты вроде еще и чихать не начал, а уже понимаешь: приехали, пора бежать в аптеку.

– Ого! Вот прямо не ожидал, – наконец, зашелся от смеха он. – Ты просто, – он сказал несколько непонятных слов, – парень. А как же вопрос для всех, – опять сказано непонятно, – где прячешь деньги? – Вордо долго и заразительно смеялся, но мне было не до смеха. Наконец, его смех оборвался, глаза человека при этом оставались холодны, в них не было места веселью. Он внимательно меня оглядел с головы до ног, словно видел впервые и дернул щекой. Я уловил досаду и облегчение. – Хорошо, Иан, раз уж мы говорим серьезно, то давай – без утаек, – Вордо снова употребил непонятное слово, которое спустя секунду все-таки прозвучало в моей голове.

– Да, все эти парни должны были так или иначе остаться в лесу, – его глаза словно «замерзли», и я впервые понял,

что выражение «сверлить взглядом дырки» иногда может и убивать. Он начал говорить что-то про свидетелей, но я ни слова не понял из его рассуждений.

Второй мой вопрос был вполне логичен, но более важен лично для меня. Недомогание как рукой сняло.

– Но меня вы собирались оставить меня в живых, – предположил я. – Хотя я ведь тоже свидетель.

– Ты же умный парень, Иан. Не задавай глупых вопросов, – Вордо укоризненно покачал головой. – Если захочешь, сам поймёшь, зачем я решил тебя вытащить.

Видимо, я оказался глупым, и опять защипало в носу. Я вздрогнул, да что ж такое?

– За просто так не спасают, – я выдал весь запас сомнения, который только смог наскрести.

– Значит, ты мне понравился, парень, – Вордо широко улыбнулся. – Конечно, сначала тебе пришлось бы на меня поработать. Но потом, конечно, я отпустил бы тебя на все стороны.

Я смотрел в его честные глаза и все отчетливее понимал, что не верю ни единому слову.

– Расходный материал, – сказал я по-русски. – Я для тебя расходный материал. Решил разобраться, как я ухитрился так быстро научиться говорить, а потом провел бы ножом по горлу. Ну, Васька, удружил. Подбросил ты меня в мир меча и магии! Спасибо за добрый дом и миролюбивых соседей. Вовек не забуду!

– Не знаю, на каком языке ты говоришь, но сдается мне, что мы понимаем друг друга, – Вордо задумчиво меня рассматривал. – А вообще ты странный молодой человек. Я бы даже сказал загадочный. А я очень люблю разгадывать загадки.

Вот в этом нисколько не сомневаюсь. За сколько минут он бы меня разгадал? Я не тешил себя иллюзиями насчет способности вынести пытку. Только чем бы такой подход закончился для меня? Вордо начал сетовать на судьбу, на несправедливое наказание, но, как по мне, так наказание пришлось как раз в пору. Как ты к другим, так и с тобой, – чего ж тут обижаться на судьбу.

Я задумался, любые знания рано или поздно могут пригодиться. Только дальше в моем списке шли вопросы, озвучивание которых спалило бы меня с потрохами. Любой идиот бы понял, что здесь что-то не так. Я мог задать их только в одном случае: услышавший их человек ни при каких обстоятельствах не должен уйти отсюда живым. Тем более такой, как этот Вордо. Надо разобраться в ситуации и понять, какую выгоду смогу получить, и правильно разыграть карты.

Эльф говорил, что Вордо забрал что-то важное, когда попал на их караван. Явно эта штукавина сейчас у него. Скорее всего, все это и затевалось ради этой явно редкой штуковины.

– Вы знали, что вам нужно забрать у эльфов? – спросил я, хотя ответ на этот вопрос меня уже не особо интересовал.

– Не знаю, зачем тебе это знать, но отвечу, – сказал Вордо. Хотел он или нет, ему пришлось признаться, что это он задумал всю операцию, и целью являлось та самая штуковина, о которой не высказывался только ленивый, правда, детали пожелал опустить. Затем он предположил, что знать подробности мне будет не интересно, тем более план так и не был реализован полностью.

Я слушал его и думал о своем. Давай-давай, корми мой словарь. Новые слова все прибывали. Чую, без языка тут вообще делать нечего.

– Тогда вы знали и то, что за нами придут эти трое, – предположил я.

Вордо холодно усмехнулся.

– Ты слишком во многом знаешь.

Уважение в его глазах переползло на следующую риску, что не способствовало бы моей безопасности, если бы Вордо был в состоянии пошевелить хоть пальцем. Он долго рассматривал меня из-под прищуренных глаз, а затем рассказал, как помешал Храсту вовремя прирезать его мишень, чтобы эльф успел послать сигнал, а затем позаботился о своем непутевом помощнике. Бедолага в последний момент что-то почувствовал, но этого оказалось недостаточно, чтобы выжить после второго удара. Вордо вздохнул и посетовал, что не слишком любит делать такие вещи самостоятельно. Проще нанять других.

– И вы так спокойно об этом говорите?

– А чего мне бояться? Я делал то, за что мне платят деньги.

Я с сомнением покачал головой. Что-то тут не вязалось.

– Вы заранее знали, что вам придется драться с этим эльфом с двумя мечами?

Лицо Вордо затуманилось. Он невесело усмехнулся.

– Любой план несовершенен, парень, – он искренне вздохнул.

На появление необычной тройки врагов Вордо не рассчитывал, с обычным звеном он мог справиться играючи, что, впрочем, и продемонстрировал. Эльфа-мастера он назвал ЛВоргом, но что конкретно это такое, я так и не понял, а объяснений так и не дождался. В конце человек улыбнулся и заметил, что давно мечтал сравнить свое искусство с воинским мастерством «ушастых», и ему удалось преподнести хваленым «первородным» несколько неприятных сюрпризов.

– Он мертв? – эльф застыл в неудобной позе, поджав под себя руку, разбив при ударе губы об землю, но мне все равно было не по себе.

– Он был уже мертв, когда пошел за тобой!

Вордо после моих слов долго ругался, проклиная эльфа с саблями. Из его витиеватой речи я понял, что эльфу следовало подыхать в одиночку, а теперь им придется подыхать тут вдвоем. И ладно бы он красивого смертельного выпада, так нет, его удел – простая царапина, перечеркнувшая все

его будущее.

Непослушная слюна потекла по его губам, на подбородок и закапала на стеганую металлом куртку. Он опять выругался, я уже привык, что мой переводчик по какой-то причине игнорирует ненормативную лексику.

– Да, парень, ты останешься под ярким солнцем, а я – мертв, как и этот кусок мяса, – Вордо кивнул в сторону эльфа, а затем требовательно на меня посмотрел. Ему явно что-то было от меня нужно. И он не разочаровал: попросил кое-что сделать для него, а взамен пообещал, как обычно в таких случаях, золотые горы, расположение его хозяев и айфон в придачу. – Как тебе такое, парень? Я никогда и никому не предлагал подобного раньше.

Вот в это я точно поверю. А золотые горы могут оказаться простым миражом, благодарность же сильных мира сего у меня вообще не ассоциировалась с наградой. Лучше держаться от них подальше.

Переводчик с натугой пыхтел от обилия новых слов, Вордо я понимал с пятого на десятое, но догадался, что от моего ответа сейчас зависит все. Для семнадцатилетнего пацана из пещер, который ни разу в жизни не пользовался туалетной бумагой и не мог извлечь квадратный корень, такое предложение было бы пределом мечтаний. Для сына человека, кое-что повидавшего в этой жизни, звучало как обычный развод лохов. Не нужно даже пользоваться даром видеть чувства людей. Но я не стал сразу демонстрировать свое недо-

верие и решил продолжить игру. Авось наткнушь на золотую жилу.

– Как ты догадался, я все-таки сделал дело и кое-что отобрал у длинноухих во время нашей вылазки, – в ауре Вордо читалась надежда, сожаление, зависть и еще что-то, чего я не понял. Мне предстояло еще достаточно поработать, чтобы разобраться в моих новоприобретенных навыках. – Эту штуковину нужно отнести моим друзьям. За это они дадут тебе много денег!

В носу отчаянно засвербело. Я с сомнением посмотрел на Вордо. Уж не про монеты ли речь?

– Верь мне! – Он, похоже, испугался. – И еще ты получишь благодарность от моего хозяина, когда расскажешь, как все прошло.

– Где то, что я должен передать? – все еще с сомнением в голосе произнес я, желание чихнуть оказалось настолько сильным, что мне пришлось убрать руку с плеча Вордо, чтобы потереть нос. Ощущения зуда мгновенно пропали и чихать расхотелось.

Почему нос так реагирует на чужие слова? И почему происходит это лишь при физическом контакте?

Вордо между тем продолжал.

– Вон там, видишь, лежат мои вещи? Забирай их, приятель, себе. То, что нужно передать, завернуто в тряпку. Кстати, там ты найдешь мой кинжал, его тоже можешь взять, – переводчик работал все стабильнее, но заковыристые словечки

все ещё ставили его в тупик. Я услышал рассказ о чудо-оружии и его славных производителях. Правда, так и не понял, кто это.

Как можно идти и не смотреть на останки людей? Как можно не встречаться взглядом с теми, кому так и не суждено сомкнуть глаз? Переступить через руки, ноги и головы людей, с которыми буквально несколько часов назад ты перебрасывался словами, пил вино, хлопал по плечу. Может, Александру и было под силу хладнокровно рассматривать последствия бойни, но Иан, пацан семнадцати лет, оказался к этому не готов, отправив меня в кусты выворачивать желудок.

Вещи Вордо лежали именно там, где в самый разгар сборок нас и застали эльфы. Вот это да! У него даже сумка из кожи рыжего цвета! Я представил себе босого оборванца, бегущего вприпрыжку по дороге с кожаным мешком за спиной и здоровенным клинком за поясом. Долго он вообще куда-нибудь пробежит? Уже наклонившись, чтобы схватиться за длинные лямки, я был буквально ослеплен вспышкой эмоций. Такой бури чувств мне видеть еще не приходилось. Бросив украдкой взгляд на раненого воина, я заметил, что Вордо смотрел на меня, и над ним бушевал океан радостного предвкушения, надежды, ярости, желания и много чего еще. Возьми я сейчас этот предмет в свои руки, могло произойти что-то совсем нехорошее. Да что значит, могло? Обязательно бы произошло!

Я разогнулся, так и не дотронувшись до мешка.

– Нет.

– Чего нет? – Вордо опешил. Такое впечатление, что над ним рванул заряд салюта. Мне захотелось зажмуриться. Это так шалит мой новоприобретенный навык или атамана действительно проняло? С визуализацией нового органа чувств нужно что-то делать. Иначе так и буду шарахаться при каждой мысли, направленной в мою сторону. А что будет в городе или, если, не дай бог, привлеку внимание толпы?

– Не буду я брать твой мешок. Не хочется, – пожал я плечами.

Волны разочарования, злобы и ненависти едва ни смыли мое... Как назвать то, чему у меня не было названия? Мне с превеликим трудом удалось выйти из ступора, куда вогнала меня вспышка эмоций. Вордо долго исподлобья смотрел в мою сторону, словно решая, что делать дальше. У него не было никакой возможности заставить меня сделать то, что нужно ему. И он это прекрасно понимал.

– Иан, – хрипло, через силу сказал он, и только боги знали, чего ему стоило говорить спокойно. – Парень, чего ты хочешь? Если бы я мог двигаться, мне не нужно было бы кого-то просить. Донес все сам и получил бы этот мешок денег. Но ты же видишь, что со мной небольшие проблемы. Эта штука не должна попасть в грязные руки ушастых! Мои друзья ждут! Они хорошо заплатят! Клянусь!

Я встал над Вордо, заставив его смотреть снизу вверх. Че-

ловека, который играючи сразил двух эльфов и убил их лидера. Пусть он получил смертельную рану, но ведь убил же? Его глаза следили за моим лицом, и на этот раз он не смог скрыть до конца, как тяготит его наша беседа. Жалкий хромой горбун решает судьбу воина, который не боялся выступить против любой опасности. Все, что ему остается делать теперь, это просить, умолять. Его аура полыхала ненавистью, презрением и неизбежностью. Возможно, Вордо и был наемником, но чувство бессмысленности жертвы, понимание, что жизнь будет потрачена зря, выводила его из себя.

Мне же предстояло решить, как поступить. Возможно, сейчас наилучший момент для того, что я задумал. Когда еще представится возможность поговорить начистоту с человеком, которому нечего терять? К тому же у меня появился бетонный аргумент, который я непременно собирался использовать.

Я опустил перед ним на корточки.

– Вордо, я знаю не так много слов, как хотелось бы. Поэтому буду краток, – я, как мог, менял одно слово другим, запаса для сложной беседы у меня пока не было. – Я хочу знать то, что знаешь ты. Нет, не так. Мне нужно больше знаний обо всем. А после мы вернемся к твоей просьбе.

Интересно, понял ли он меня? Я расставлял слова в предложении так, как мне казалось правильным. В голове работал словарь, но он отвечал лишь за значения и произношение. Кроме лексики, в любом языке имелась еще и грамма-

тика, на месте которой в моих знаниях зияла дыра. Откуда мне было взять правила расположения слов? Многое из того, что услышал Вордо, скорее всего, звучало для него примерно так: «Я знать хотеть вопрос много все» или «я после ходить твоя желание». Но был ли у меня выбор? Лучше так, чем никак. Следовало получить как можно больше информации, чтобы не попасть впросак при первой же встрече, когда я доберусь до цивилизации. А там постараюсь поменьше болтать, да побольше слушать.

– И еще, учти, что я могу отличить, когда ты говоришь неправильно, – уверен, Вордо догадается, что это означает: «Я могу отличить правду от лжи».

На этот раз его молчание было еще более продолжительным. Надеюсь, его заинтересованность в моей помощи пересилит желание послать меня куда подальше. В противном случае мне придется признаться в переоценке своей значимости и искать другие пути получения информации. Но не хотелось бы. Когда еще представится такой случай? Кому охота учиться на собственной глупости, если можно избежать основных ошибок, используя опыт других людей. За него не приходится платить такую высокую цену, как за свои ошибки.

– Кто ты? – Вордо откинул голову назад, внимательно за мной наблюдая.

– Человек, который пришел не в то место и не в то время, – я заранее приготовился к этому вопросу. – Ты можешь

сказать, где я нахожусь?

Ну не знакомо мне было слово «страна».

Вордо ответил и по моим глазам догадался, что я не понял почти ни слова, но безразлично пожал плечами: не понимаешь, твои проблемы.

Так дело не пойдет. Для вдумчивого допроса катастрофически не хватает словарного запаса. Как что-то узнать, если ты не понимаешь ответ? Значит, будем акцентировать внимание на более простых вещах. Что, если пойти от его просьбы?

– Что меня ждет, если я исполню твою просьбу? Про деньги можешь не говорить.

Вордо задумчиво на меня посмотрел, пожевав губы. Хочет врать дальше?

– Тебя схватят и будут пытаться, – наконец выдал он без всяких эмоций. Я мысленно присвистнул: поверил, что я действительно могу отличать правду от лжи или решил припугнуть? Кстати, а вдруг я действительно могу распознавать ложь, и чихание как раз с этим связано? Предположение весьма похоже на правду! Как там работает детектор лжи? Как-то раз я проходил полиграф просто для собственного развития. Ну-ка проверим...

– Сейчас я задам тебе вопрос, на который ты ответишь неправильно. Понятно?

Тот кивнул, не очень понимая, что я делаю.

– Ты предупреждал меня перед боем? – я коснулся его

плеча.

– Нет, – ответил атаман, глядя на меня. Я не удержался и чихнул. Да что такое! Вася, скотина, что тебе стоило изменить настройки? Почему нельзя запихнуть детектор, ну не знаю, под кожу что ли?! Человек врет, а ты, знай себе, почесываешь правую руку. Мало ли, где у тебя чешется? Да я умру от чиха, едва попаду в город! Так, нужно успокоиться. К счастью, эта штука не работает на расстоянии.

– Достаточно, – кивнул я. – Теперь только правду.

Мысленно погрозив Васе кулаком, я вздохнул.

– Есть ли возможность, при которой твои друзья просто зададут мне вопросы? – надеюсь, Вордо понял, что я пытаюсь сказать.

– Тебя будут пытаться в любом случае, если меня не будет рядом.

– А с тобой...

– Парень, ты хотел правду, – хмыкнул Вордо, – чего ты от меня хочешь? Ты не сможешь идти со мной по лесу, и ты об этом ... знаешь.

– Я могу позвать на помощь.

Вордо отрицательно покачал головой.

– Не успеешь.

Вот это новость. У меня, оказывается, не так много времени. С чего бы?

– Но ты убил всех.

– Ты забыл, что эльфы успели подать знак своим.

– И?

– И их услышали. Тройка, с которой дрался я, это только начало. Сюда изо всех своих эльфийских сил идет еще три звена.

Я выпал в осадок. Так ничего еще не закончилось! К такому повороту я оказался совершенно не готов. Беспомощно озираясь, я наткнулся на насмешливый взгляд бывшего атамана.

– Я думаю, у тебя в запасе есть ещё день, чтобы уйти из леса. Дальше они за тобой не пойдут. При твоём шаге тебе хватит половины этого времени, чтобы дойти до города. Там ты можешь их не бояться, – пока Вордо говорил правду, но расслабляться не стоило. Он посмотрел на меня устало. – На разговоры осталось ещё пара часов. Потом риск бежать будет поздно. И как бы мне ни хотелось заплатить тебе за грубость, исполнение просьбы для меня много важнее мести. Так что можешь поверить, я сделаю все, чтобы ты попал к моим друзьям невредимым. Как уж оно там после будет, я не знаю. Если у тебя есть голова на плечах, что-нибудь придумаешь, но мои вещи не должны попасть к врагу.

Значит, мне следовало поторопиться. Пусть лучше в запасе останется лишний час, чем не хватит одной минуты. Мысли начали путаться в голове. Не зря говорят: поспешишь – людей насмешишь. Я закрыл глаза и постарался успокоиться.

– Что будет, если эта штукавина попадет в руки длинноуких?

Вордо внимательно на меня посмотрел.

– Ничего хорошего.

– А точнее? – настаивал я. – Для чего она?

Атаман смущенно замолчал, было видно, что ему не хочется отвечать. Я решил, что и не подумаю ему помогать, если он совет или не ответит.

– Люди иногда не хотят что-то исполнять. Или хотят, но не то, что тебе нужно. С помощью этой штуки человек может сделать так, что тебе покажется, что ты что-то делаешь сам, но на самом деле идешь по чужой указке, – Вордо запутался в своих объяснениях, тем более чувствовалось, что он намеренно использует мой небольшой словарный запас, иначе я перестану его понимать, а я в это время старался не подавать вида, что его слова меня привели в замешательство. И тут управление сознанием? Да, когда же это кончится? Я думал, что промывка мозгов осталась в прошлом. И на тебе!

– Любой человек так может?

– Не любой. Только подготовленный.

– А кто они такие? – я старательно повторил за Вордо непонятное слово, которое он произнес в конце.

– Люди, которые могут творить огонь, ветер и другие странные штуки.

Делать огонь? Кто может делать огонь? Пожарные? Хотя вряд ли он имел в виду конкретно этих людей. Тогда кто? Супергерои? Или маги, что более вероятно. Так, значит, тут есть и маги? Впрочем, новость про магов я вообще воспри-

нял как само собой разумеющуюся. Ну маги, ну и что? Тут такие дела творятся, что мне какие-то маги?

– Я понял, можешь дальше не развивать свою мысль.

– Да? – с сомнением сказал Вордо. Было видно, что он не очень-то мне поверил.

– И если эта штуковина попадет к ним, они будут пытаться управлять нашими мыслями?

– Да! – твердо заявил он. Значит, действительно в это верит. Зуда в носу не было. Только все равно меня грызли сомнения.

– А что с этой штуковиной будут делать твои друзья? – Вот тот вопрос, отвечать на который Вордо не хотел абсолютно точно. – Ладно, молчи, а то я и сам не знаю. Занимательные дела тут творятся. Прямо ржунимагу, – добавил я по-русски.

Что ж делать-то? Отдавать такой артефакт в руки плохим нелюдей категорически не хотелось. Но и нашим вкладывать в руки такое оружие – вариант далеко не лучший. А ну как и мне по мозгам пройдутся? Нет, мне до всех особого дела не было, но, как говорится, за державу обидно.

– А что, если я его спрячу?

Вордо попытался мне объяснить, но я ничего не понял, и он закатил глаза. Потом он просто сказал, что то, что спрятал одни, может найти другой.

Вместо точек плавно подставились «артефакт» и «свойства». Я радостно улыбнулся новым словам, а то иногда разговор походил на интервью, порезанное цензурой.

– И в море?

– Где угодно, если ее действие не блокируется.

Значит, не свойства, а, скажем, «аура».

– Артефакт можно найти по ауре? – уточнил я.

– Да, – кивнул Вордо, облегченно вздыхая. Видно, беседа вымотала его окончательно, но мне еще многое предстояло узнать, так что я не мог оставить его в покое.

– А твои друзья могут ее спрятать?

– Это первое, что они сделают.

– А потом будут пытаться меня, – я хмыкнул, а Вордо безразлично качнул головой: зачем спорить с очевидным?

Дела...

– А если я положу артефакт рядом с домом и убегу?

– Ты не сможешь незаметно войти в город. Поймают, как только окажешься у городских ворот.

Еще чуть погодя я узнал, что у охраны есть некие подобия устройств, которые позволяют разглядеть ауры подобных предметов. Пронести артефакт в город тайно почти невозможно.

Пришло время мне чесать лоб. Да что ж такое, куда ни кинь, везде клин. А что, если...

– А что, если я отдам сумку с артефактом человеку, который идет в город, и попрошу его передать ее твоим друзьям? Его, конечно, схватят, но он скажет им, что его попросил другой человек. И пообещал, что ему за него дадут денег, – я с надеждой посмотрел на Вордо, но скис под его скептиче-

ским взглядом. – Его же не будут пытаться?

– Его не будут. Пытать будут тебя, когда найдут по следу.

– Какому следу? – это что-то новое.

– Следу твоей ауры. Я не знаю, как объяснить проще. У любого человека есть свой след, он оставляет его на людях, с которыми он разговаривает, на вещах, которыми пользуется. След не держится долго, всего пару дней, но этого хватает, чтобы найти любого человека. На вещах, правда, он держится гораздо меньше, от силы час-полтора, но, если тебе каким-то чудом удастся провести стражу на воротах, и ты все-таки пройдешь мимо, тебя все равно найдут. А уж поймать тебя, – Вордо не закончил фразу, но и так все было ясно.

– Вот ведь... – я не стал сдерживаться и несколько минут бегал вокруг Вордо, выпуская пар. Мне было плевать, понимает он меня или нет. Никакого другого действенного способа облегчить душу до сих пор не придумали. Будет у меня хоть что-то простое в этом долбаном мире, а?! Ну к чему все эти сложности? Где мой учитель, который научит махать мечом и кидаться огненными шарами? Почему даже инструмент по изучению языка мне достался кривой? Вася, ты проводишь на мне бета-тестирование?

Немного выговорившись, я остановился, выпустив воздух сквозь плотно сжатые зубы. Хотелось ругаться. Да, не важно по-каковски. Кому есть дело до названия этой планеты, если я не могу решить одну простую на первый взгляд задачу? Задачу своего выживания. Я уж не говорю про более-менее

сносное существование. До выполнения этого пункта мне было, как до Земли пешком.

– Кстати, а насколько правильна моя речь? – я перескочил на вопрос, порядком меня занимавший. – Как я произношу слова и все в таком духе? – я помахал ладонью в воздухе, примерно показывая уровень владения местным языком.

Вордо от неожиданности захохотал и долго не мог успокоиться.

– Верно подмечено, парень. Сейчас ты произносишь слова, из которых я пытаюсь составить что-то более-менее понятное. Речь – это слишком громко и не про тебя. Поэтому не советую часто открывать рот.

Неожиданно я замер на месте. Мысль, не дававшая мне покоя, окончательно оформилась и затмила собой все остальные: местные осуществляют поиск людей по ауре. Но ведь Вордо тоже общался со мной. Да, о чем я? Он до сих пор это делает! Выходит, когда эльфы его обнаружат, легко смогут отыскать и меня?!

Глава 9

Вы знаете, что бывает, когда мыслишь себя самым умным? Правильно, ничего хорошего. Три дня назад, в пещерах, давясь перетертой улиткой, я был уверен, что дела хуже некуда. День назад за мной по пятам шли эльфы, одно упоминание о которых приводило в ужас всех, кто был рядом со мной. Не считая Вордо, конечно, но это вообще отдельная история. Видя похоронное настроение своих спутников, я был почти уверен, что часы мои сочтены. А что может быть хуже смерти? Два часа назад я понял, что мой отец, как всегда, оказался прав: если у тебя все просто ужасно, это не значит, что сейчас белая полоса. У жизни всегда найдется еще одно животное с пятачком. Впрочем, не буду гнать лошадей, расскажу обо всем по порядку.

Бегать в моем нынешнем состоянии не очень сподручно. И все же я старался хотя бы быстро идти. Про мое первое и последнее близкое знакомство с природой я уже рассказывал. С тех пор мало что изменилось. Я ее недолюбливал, она платила мне тем же. В данный конкретный момент.

Впереди простирался лес, которому не было ни конца ни края. И сбоку тоже был лес. Сверху, снизу и за спиной – везде, насколько хватало глаз стояла сплошная зеленая стена. Идти по незнакомому месту довольно хлопотное занятие: можно попасть не туда, куда хочется, подвернуть ногу, уго-

дить в яму. Продираться по девственному лесу по сравнению с этим – кошмар, возведенный в степень. Низко растущие ветви норовили оставить на моем лице свою метку, паутина лезла в глаза, хитро сплетенные корни хватали за ноги. Казалось, лесные хозяева всеми способами пытались меня задержать.

Сил для выражения эмоций не осталось. Знаете, в фильмах про космические корабли капитан в критической ситуации приказывает перебросить всю энергию на щиты? Вот и у меня так. Только в моем случае спасение заключалась в ногах. Я уходил от места, где участвовал в первом в своей жизни бою, на предельной скорости, на которую был только способен. Организм, на удивление, даже не пытался выражать неудовольствие, словно каждая его клеточка понимала: скорость – это жизнь.

Судьба, естественно, избрала самый каверзный вариант. За мной шли по следу, а я не знал, ни сколько у меня осталось в запасе времени, ни какое расстояние нужно пройти, чтобы быть в безопасности. Ну как в безопасности – не прикончат и слава богу. В общем, полная неопределенность.

А главное, мне нанесли сокрушительный удар по самолюбию. Наивный, я полагал, что человек, которого точно стоит опасаться, сейчас беспомощнее ребенка, и ситуация полностью под контролем. Каким же я был идиотом! Впрочем, предстояло напрячь все силы, чтобы остаться живым идиотом.

Вордо явно ждал мой вопрос. Поэтому даже не подумал на него отвечать. Вместо этого он кивнул в сторону тел погибших.

– С человеком все гораздо сложнее. Его мало убить. Опытный маг может снять ауру даже с мертвеца. Для полной уверенности нужно разбивать голову. Тебя ждет работа, парень. Осталось не так много времени.

Что за бред?! Если это шутка, то довольно глупая. Какие головы? В ответ на мой возмущенный взгляд, Вордо сочувственно сжал губы. Так это серьезно что ли?! Я обреченно посмотрел вокруг. Мертвые лежали на земле, словно листья, разбросанные сильным ветром. Мне показалось, что все они ухмыляются. Я зажмурился. Это все сон! Нет, это не просто сон, это фантазмагория.

– Но они же мертвы! Все равно что предметы, – заорал я, бросаясь к нему. – Ты же сам говорил, что часа достаточно, чтобы аура исчезла!

Если бы атаман мог, он пожал бы плечами.

– Я же сказал, с человеком не все так просто. Но решать тебе. Мне-то уже все едино.

Я упал на колени, прикрыл глаза и закрыл руками лицо. Как описать мысли в этот момент? Наверное, их вообще не было. Оставалось только гнать от себя картины, которыми с готовностью делилось воображение. Потому что так можно сойти с ума. Меня нельзя назвать чистюлей и рохлей. Не в

моем характере проявлять мягкость, потому что очень часто это путь к поражению. Но то, что мне предстояло, вне всяких сомнений, не оставит ни одного шанса для того, кто когда-то назывался Александром Гроциным. Здесь и сейчас мне суждено стать Ианом, человеком своего мира и времени. Добро пожаловать в романтический мир меча и магии.

Велик был соблазн проверить слова Вордо еще раз. Сказать, что мне не хотелось становиться мясником, значило не сказать ничего. Если бы оставался хотя бы малейший шанс обойтись без подобного опыта, я бы им непременно воспользовался. Вот только все мои чувства твердили, что в словах атамана и на этот раз нет ни капли лжи. А значит, если я хочу выжить, мне придется в очередной переступить через себя.

– Возьми оружие потяжелее, – посоветовал вдогонку Вордо и беззвучно затрясся от приступа смеха. С ума он сошел что ли?

С «потяжелее» обстояло не очень. Как крушителю голов со стажем, я решил, что лучше всего для предстоящего подошел бы топор. Только топора ни у кого не оказалось. Странная ситуация при условии, что все эти товарищи направлялись в лес.

Повторный обыск пожитков, оставшихся от отряда, ничего не дал. С мечтами о топоре пришлось распрощаться. Вордо сочувственно сопел, но помочь мне не мог: по его словам, топоры точно были, но, куда они подевались, сказать не мог – не царское это дело, за имуществом подчинённых смотреть.

Пришлось вновь бродить между трупов в поисках подходящего оружия. Люди в силу своего положения были вооружены ножами и луками, которые для моих планов не подходили. Полукопье Кары на роль топора не тянуло – у него оказался совершенно тупой наконечник, которым даже при неудаче трудно было порезаться. Интересно, на что она надеялась, когда размахивала этой штуковиной? Оставались только мечи Вордо и двух эльфов да здоровенная штуковина с двумя саблями на концах.

Мечи оказались чересчур легкими. А вот эльфийское оружие не подвело, и я остановил свой выбор на этой вундервафле. Надо было сразу его выбирать, тогда не пришлось бы терять столько времени.

Инструмент удобно лежал в руках, но весил изрядно. Как только ушастый размахивал этой штуковиной с такой легкостью? Мне бы ничего не светило при встрече, даже будь я чемпионом мира по каратэ. Уделали бы как Бог черепаху. Самому бы себе чего-нибудь не отрезать, подумал я, с опаской поглядывая на бритвенно острые кромки сабель.

Спотыкаясь, я направился к поверженным воинам, которые погибли первыми. Меня ощутимо мутило. Кишки в животе свернулись в кулак, а в горле застыл такой ком, что мне едва удавалось пропихнуть воздух внутрь. На отвлеченные темы не думалось ни в какую. Что же я творю?

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем было по-

кончено с последним воином-эльфом. Мое тело обессилено рухнуло на землю. Кажется, из меня вышел не только завтрак, но даже вчерашний обед. Меня била крупная дрожь, а во рту до сих пор нестерпимо саднило от желчи. Одно дело смотреть, как в кино красиво срубаяют головы врагам, и совсем другое самому брать в руки проклятый топор. Я старался не смотреть на дело своих рук, потому что не был уверен, что выдержу и останусь в здравом уме.

Вордо укоризненно качал головой, глядя, как я безуспешно пытаюсь стряхнуть кровь со штанов. Какие штаны? Я был заляпан кровью с головы до ног! Никогда не думал, что придется примерить на себя работу мясника.

– Я сделал! – прохрипел я, упав рядом с Вордо. – Все!

Тот как-то скептически окинул взором масштабы произведенного мной разгрома. Все вокруг было заляпано черными и красными потеками.

– Да уж, сделал, – хмыкнул он. – Все, да не все. Осталась еще одна голова.

Я грязно выругался и с ненавистью посмотрел на Вордо.

– За подмогой точно не успею?

– Если бы была хотя бы малейшая возможность обмануть смерть, ты думаешь я бы этого не сделал? – криво усмехнулся он. – Нет, парень, даже будь у тебя все хорошо со спиной, и то ты все равно ничего бы не сделал. А так да, умирать, конечно, не хочется, – Вордо вздохнул и мечтательно выговорил несколько незнакомых слов.

Эти слова я так и не понял, но думаю, что вряд ли атаман так грустит по чаю.

– Тебе нужно двигать отсюда, – сказал он. – Не хочется подыхать зря. Ты ведь выполнишь мою последнюю просьбу?

Я мрачно кивнул. Что-то мне подсказывало, что об этом я еще пожалею, но я намеревался отдать свой долг.

– Не трогай эту штуку руками, – наконец, сказал Вордо, словно, сожалея о своих словах. – Она запоминает образ любого человека, который ее держал, на очень долгое время. Если она побудет в сумке, то ничего страшного не случится.

Вот оно! Значит, не зря всюду орала моя интуиция. Всегда знал, что любопытство до добра не доводит. Не поручусь, что мне хватило бы выдержки не посмотреть «одним глазком» на предмет, ради которого погибло столько людей. И нелюдей, кстати, тоже. Но почему вдруг такая щедрость? Ведь фактически Вордо подарил мне возможность уйти от своих людей. Напоследок решил проявить щедрость? Мол, я подыхаю, так хоть пацаненок выживет? Вот не верю я в такую бескорыстную помощь! Он же практически прямым текстом признал, что жить мне лишь до тех пор, пока не раскрыта моя тайна. А что там раскрывать? Прижмут по-хорошему, запоешь, как птичка. К пыткам меня отец не готовил. Рассказал бы я все, как миленький.

Значит, есть подвох. А узнать, что приготовил для меня хитрый дядька, я уже не успею – времени не хватит. Да и откуда мне знать, какие вопросы задавать?

– За заботу спасибо, Вордо, – я встал над ним, держась за рукоять эльфийского оружия. – Не забуду!

– Конечно, не забудешь, – вздохнул он, а затем поднял на меня взгляд. – Давай уже, не тяни. А то и в самом деле догонят...

Расколоть череп мертвецу – это одно. Юридически это и убийством-то не считается. Конечно, плевать моему воображению на юридические детали, и то, чем я занимался, спасая себя, останется со мной до конца жизни. Повторение, которое мать учению, постаралось на славу: со мной теперь и звуки, и вид, и запах – все намертво врезалось в память. Но вот то, что предстояло мне сделать теперь, значило гораздо больше. Я стану убийцей не виртуально, в моей голове, а вполне реальным, настоящим душегубом. Готов ли я к этому? Мне не довелось послужить в армии, там к этому точно готовят, как и к тому, что настоящий мужчина должен отдать жизнь за родину. Сейчас же мне предстояло забрать чужую.

Наверное, выполнить необходимое мне помогло то, что мое состояние было близко к нервному срыву. В любом другом случае мне не удалось задуманное с такой легкостью. Я занес над атаманом клинок, Вордо безучастно наблюдал за тем, как сталь вздымается все выше и выше.

Тут он внезапно посмотрел мне в глаза и сказал:

– Забыл предупредить, ушастым тварям не слишком понравится то, что ты сделал с телами их сородичей. Конечно, у тебя не было выбора, но я на твоём месте не попадался бы

им в руки...

Долго ли коротко ли... По-моему, такими словами в сказках описывали любое путешествие. Вот и мое подошло к концу. Лес кончился неожиданно, как будто его отрезали, как кусок торта. Ещё секунду назад мне приходилось закрывать ладонью глаза, чтобы двигаться вперед, и вот уже жуткое переплетение ветвей, корней и листьев осталось позади. Меня как будто вытолкнула наружу сила поверхностного натяжения. Я с недоумением оглядывался назад, не понимая, откуда вдруг взялось солнце.

Я чуть не допустил типовую ошибку всех второстепенных героев – они гибнут за пару секунд до спасения, потому что им вдруг пришло в голову, что теперь все позади. Стоило солнцу коснуться моего лица обжигающими лучами, мое тело само нырнуло обратно. Не стоило искушать судьбу. Кто знает, как тут относятся к тем, кто из леса? Да и не нужно мне сейчас попадаться кому-нибудь на глаза.

Мне не пришлось долго привыкать к яркому свету. Мои осторожные действия оказались излишней предосторожностью – поблизости никого не было. За границей света начинались поля, изредка, то здесь, то там зеленое море раздвигали небольшие островки растительности повыше. Невысокий кустарник помахивал листьями в такт плавным движениям травы и нежного касания ветра. Чуть подальше, километрах в двух отсюда, ровный горизонт изгибали холмы, как с про-

тивоположной стороны леса, который я, похоже, прошел насквозь. Ни города, ни дороги, насколько хватало глаз. Если бы не события, участником которых мне пришлось стать, можно было подумать, что вокруг меня нескончаемые просторы любимой родины. Ах, если бы так и было...

Пока ноги наматывали километры по пересеченной местности, мозг занимала единственная мысль – как бы побыстрее выбраться из леса. Огорчало то, что не было времени как следует обо всем поразмыслить. Постоянно подгоняли какие-то события. И всюду мне уготована роль статиста. Естественно, главные роли сейчас недоступны, но привычка хоть как-то влиять на свою судьбу въелась в кровь. Пока же это оставалось несбыточной мечтой.

Еще раз убедившись в отсутствии свидетелей, я выбрался из леса. Как будто бетонную плиту сбросил с плеч. Оглядевшись по сторонам, я бросил прощальный взгляд назад и, не удержавшись, показал неприличный жест. Все сдохли, а мне еще пожить не помешает! Только бы не накосячить от радости. Сколько народу на этом погорело.

Нужно было оставить лес как можно дальше за спиной. Вордо говорил, что за мной ушастые не пойдут дальше опушки, но, кто его знает, был ли атаман со мной до конца откровенен? К тому же его слова о моих действиях в отношении погибших не давали покоя. Сильно они расстроятся, когда увидят? Лишь на мгновение перед глазами встала

картина той лесной поляны, где люди сошлись с эльфами в беспощадной схватке, как в груди зашевелилось противное чувство. Не могу поручиться за других, но я бы точно не обрадовался. Захотел бы я отомстить? Вот не знаю! Правда, не знаю! Что же касается эльфов... Я постарался задвинуть мысли об этом на самые задворки сознания. Совсем избавиться от них не получилось, как бы я ни хотел. Вот чувствует мое сердце, мне это еще аукнется!

Шагалось легко, несмотря на траву почти по пояс. Лес внушал подсознательную тревогу и беспокойство. Теперь же шкала настроения уверенно поползла вверх, словно я стал другим человеком. Да и на душе полегчало. Лесная гонка отнимала столько сил, что не было возможности даже подумать о том, что будет после того, как я доберусь до цели. Словно, все проблемы разом исчезнут, как только я выберусь из чащи. Да, наверное, так мне тогда и казалось. Вся энергия тратилась на выполнение этой задачи. Сейчас стоило, наконец, задуматься о дальнейших действиях. Нужно было выяснить, где я, обстановку вокруг и попытаться понять, каким образом я могу на первых порах тут закрепиться. Найти свое место в жизни, как говорил мой отец.

Но для начала следовало исполнить обязательства, которые я на себя взвалил. За спиной болталась кожаная сумка-ранец. В ней лежало то, ради чего много хороших и не очень людей отдали свои жизни.

С дорогой вышла промашка. Я ошибся почти на три километра. И это притом, что мне показали точное направление. Ну не быть мне следопытом. Хотя могло быть и хуже: говорят, новички всегда забирают влево, не знаю, откуда я об этом узнал и правда ли это, но у меня получилось наоборот. Видимо, потому что правая нога короче другой. Так ведь можно и круг зарядить, если бы путь был чуть длиннее. Значит, будем считать, что три километра – идеальное для меня отклонение. А отыскать город по дороге, если знаешь, что он где-то тут точно есть, уже дело времени.

Собственно, искомое располагалось сразу за первыми холмами. Я решил, что для собственной безопасности лучше потерять несколько часов, чем попасться кому-то на глаза. Переть напрямик – не самый лучший вариант. Стоит немного осмотреться. Поэтому я перебрался на правую сторону дороги и стал забирать ещё дальше по мере приближения к первому поселению, которое я тут встретил. Береженого Бог бережет.

Наилучший вид открывался со склона соседнего холма. Особенно эффектно он смотрелся на фоне падающего за горизонт солнца. Город пылал неестественно коричневатым огнем, оставляя только темные силуэты домов. День подходил к концу, и детали было совсем не разглядеть. Осмотр достопримечательностей я решил оставить на утро.

Место, где мне предстояло скоротать ночь, долго искать не пришлось. На самую вершину взбираться не хотелось. Да

и ноги отваливались – шутка ли, я за день отмахал, по ощущениям, не меньше тридцати километров. Положим, с первой половиной мне удалось справиться только на адреналине, зато вторая пошла в охотку, просто потому, что с плеч упал груз постоянной опасности. Да я летел по дороге едва не вприпрыжку, пока на меня из-за поворота не выползла до краёв груженная телега, рядом с которой шёл человек в крайне бедной одежде. Впрочем, я сейчас вряд ли от него отличался.

В моих планах такой встречи не значилось, потому что надо было сначала избавиться от мешка. Кожаный ранец никак не подходил для нищего парня моего возраста и мог вызвать ненужные подозрения. Кроме того, как сказал Вордо, с ним за плечами вход в город мне был заказан. По моим расчетам, кто-то другой должен был занести его за ворота. При этом моя задача – остаться незамеченным. Как это сделать, я пока не придумал, но утро вечера мудренее.

Едва не столкнувшись с местным населением нос к носу, я с ходу бросился в придорожные заросли. Главное, чтобы им не пришла в голову мысль разобраться, кто это ломится сквозь кусты. Тучка я! Какой из меня косолапый? Пришлось полчаса сидеть в колючках и ждать, пока возница подозрительно разглядывал место моего побега. Чего ж ты такой любопытный? Иди уже, наверняка ведь дома забыл плиту выключить!

Когда колеса проскрипели мимо, я чуть не вздохнул с об-

легчением. Осторожнее надо быть! Дорога дорогой, а идти придется по обочине, иначе есть шанс, что в один прекрасный момент либо я не успею спрятаться, либо нарвусь на чересчур любопытного. А тут не сказка. От бабушки-то я ушел, а дедушка может на слух всадить стрелу, нафиг ему за мной лезть куда-то.

Так что дорога мало того, что заняла гораздо больше времени, так ещё и вышла весьма трудоемкой. Не лес, конечно, но и не асфальт. Впрочем, даже это неудобство не смогло повлиять на моё настроение. Я выжил, в кармане есть немного денег, во втором мешке кое-какие припасы, которые я обнаружил, когда уходил с места боя. Мертвым они без надобности, а мне не сосать лапу. Оружие брать не стал. Меч не про меня. Это ещё хлеще, чем кожаный мешок. Да и я слышал, вроде как, мечи только для благородных. Есть ли тут такие, я не знал, но, как говорится, от греха. Деньги – прощальный подарок Вордо. Я нашел небольшой мешочек у него на поясе, в котором оказалось пять золотых, четыре серебряные монеты и кучка меди. В металлах познаний у меня не было, но эти три я отличу, будьте уверены.

С ночлегом не пришлось долго возиться. Понимаю, бывалые путешественники непременно нашли бы дерево, привязались веревкой, чтобы спокойно прикорнуть и не превратиться в отбивную, падая с многометровой высоты. Нам, зеленым и начинающим, привередничать не с руки. После

нескольких довольно неприятных падений в темноте, я решил больше не искушать судьбу. Чем, например, так уж плоха вот эта густая, сочная трава под ногами? Здесь мягче, чем в яме с переломанными ногами, куда я непременно свалюсь, если и дальше буду бродить ночью. А дикие звери могут хотя бы одну ночь посидеть на диете.

Глава 10

Утром, едва продрав глаза, я побежал на другую сторону холма, чтобы как следует рассмотреть город. Долг и любопытство гнали меня вперёд, ведь это мое первое поселение в новом мире, и мне хотелось побыстрее его рассмотреть.

Уж не знаю, сколько сейчас по-местному, а город давно проснулся. Я слышал, что пекарям приходится вставать ни свет ни заря, чтобы хлеб был готов к завтраку. Судя по количеству народа, снующего по своим делам в такую рань, с рассветом поднимались не только булочники. Отсюда было прекрасно видно, как из города потянулись подводы и отдельные всадники. На воротах вовсю кто-то ругался, размахивая руками. Начинался обычный день.

Сам городок едва дотягивал до размеров обычного земного поселка. Его центр располагался ровно на вершине холма, вытягивая к небу шпиль большого здания, напоминающее размякшее эскимо. Вокруг него раскинулась площадь, на которой сустились люди, лаяли собаки, ржали лошади. Со всех сторон ее подпирали спичечные коробки домов, чем дальше от центра, тем меньше они становились. Городская крепостная стена, словно ремень, стягивала расползающийся по холму городок, в двух местах разрываясь высокими створками больших деревянных ворот.

Кроме большого здания в центре, я не увидел ни замка,

ни монастырских башенок, хотя ни единожды слышал, что подобные поселения возникали поблизости или вокруг них. Людям во все времена хотелось чувствовать себя в безопасности, а монастырь – это та же крепость и убежище на случай непредвиденных ситуаций. Впрочем, противоположная часть города отсюда не просматривалась. Возможно, монастырь или замок прячутся от меня за холмом.

Если я правильно понял атамана, Рогон, городок домов на сто – сто пятьдесят, раскинувшийся передо мной, является тем самым местом, где наниматели Вордо ожидают вестей от его операции.

Я прикидывал и так и сяк, но пока ничего не складывалось. Следовало выполнить все условия передачи посылки и без накладок. По словам Вордо, след ауры человека на любой вещи держится час, а стоит попасться кому-нибудь на глаза, опасность обнаружения растягивается на двое суток. Слишком долго, мне нужно придумать, как передать посылку и уйти незамеченным. Я и занимался перебором возможных способов, сидя на холме, словно филин на ветке, высматривающий свысока свою жертву.

Голова человека из будущего кипела от вариантов, но пока что мозг, защитивший диплом по антикризисному управлению банком, пасовал перед, казалось бы, элементарной задачей. Как подбросить предмет и уйти незамеченным? Можно просто отойти от города на расстояние двух часовых пе-

реходов и бросить сумку на дороге. Кто-нибудь точно ее подберет. Вопрос в том, кто: если это будет конный, то он доберется до города гораздо быстрее положенного и привет моему «инкогнито». Остановят, отберут, выяснят, откуда дровишки, и все. Отпадает.

Отсюда вытекает другой вариант, который тоже меня категорически устраивает. Сумку ведь может забрать человек, который едет из города, а не наоборот. А в лесу его уже поджидают товарищи с длинными ушами и самомнением размером с китайскую стену.

На голодный желудок плохо думается. Глядя на то, как неторопливо по дорогам расползаются любители за работой встречать восход солнца, я пытался разжевать кусок мяса, по прочности не уступающий подошве ботинка. Запасов пока хватало – неделю точно смогу продержаться. Уж за семь дней я как-нибудь избавлюсь от этого мешка.

Вот, к примеру, ещё вариант: выскакиваешь из кустов, потихому бросаешь сумку в телегу и ныряешь обратно в придорожные заросли – отличная идея, если бы не одно «но». Чтобы все сделать так, как полагается, нужно как минимум уметь ходить по лесу. Задача в принципе для меня непосильная. Стадо слонов в лесу производит не больше шума, чем я, когда крадусь вдоль дороги. Обольщаться не стоило – меня услышат, едва поднимусь в полный рост. Далее на выбор: стрела, дубина или рогатина. Мне все равно, главное, что поймают, как пить дать. По этой же причине не подходит

способ, если попытаться выбросить мешок перед теми, кто проезжает по дороге мимо. Так нарвешься ещё быстрее. Подзреваю, здешний народ сначала идёт разбираться, кто это сделал, а уже потом полезет в мешок.

Единственный более-менее приемлемый для меня способ – найти место, где путники гарантированно останавливаются на какое-то время. И там, зная, откуда они пришли и куда направляются, заранее положить мешок на дорогу или, при удаче, закинуть его в телегу. Во-первых, в таком случае меня никто не увидит, а, во-вторых, я смогу действовать наверняка, выбрав наиболее подходящий для моих целей обоз.

И снова пересеченная местность. Предстояло обследовать оставшиеся дороги на предмет вынужденных стоянок: скот покормить, коня напоить да и самому вздремнуть. С хищниками тут спокойно: то ли охотники работают, то ли климат для них не очень. За все время я никого больше вороны не встретил, да и то по большей части за мной наблюдала живность с крыльями, не представляющая для человека опасности. Так что ухо придавить в укромном уголке вполне себе можно.

Кто ищет, тот всегда найдет! Я радостно потирал руки, глядя на небольшое озеро, которое я обнаружил в трех часах пути от города – оно идеально подходило для моего плана. Неподаляку изгибалась третья дорога, до поры скрытая от меня холмом, который облепил город. После недолгих поис-

ков я нашел съезд, подбиравшийся к самой воде. Многочисленные следы на песке говорили о том, что местечко пользуется популярностью среди путешественников и торговцев – в случае чего здесь вполне можно заночевать и войти в город с рассветом, что позволит сэкономить на постоялом дворе.

Одно плохо: из-за постоянного блуждания по зарослям в течение этих двух дней, моя одежда начала рассыпаться. И если с потерей рубашки я еще кое-как мог бы смириться, то лишиться штанов для меня означало реальную катастрофу.

Пристроившись метрах в пятидесяти от расчищенного берега, я несколько часов наблюдал одну и ту же картину: к берегу подъезжали люди и везли разную живность на водопой. Мне, как жителю мегаполиса, было странно видеть, как вперед себя пропускают лошадей, коров, а только после вспоминают о своих нуждах.

Больше никаких различий между нашим миром и этим я не увидел: по берегу с визгом носились дети, с удовольствием барахтались в воде взрослые. Плавали мало, больше плескаясь на мелководье, из чего я сделал вывод, что воды опасаются и с неохотой заходят на глубину.

Я лежал в кустах и завидовал им всеми цветами зависти. Тело при этом неимоверно зудело, изо всех сил демонстрируя желание оказаться там, среди купающихся. Ну ничего, как только избавлюсь от груза, не откажу себе в удовольствии махнуть на тот берег вплавь.

Я приступил к осуществлению плана – дождался перерыва в череде путешественников, убедился, что телеги ползут с нужной мне стороны и выставил мешок с артефактом на видном месте. А дальше дело за обычной человеческой жадностью: кто-нибудь точно приберет мою поклажу к рукам. Для верности я сунул в нее один золотой. Так она станет еще привлекательнее. Кинжал, как ни кричало чувство опасности, я оставил себе. С ним росла моя уверенность в собственных силах.

Как и ожидалось, мою поклажу сразу заметили. Ещё бы! На это и был расчет! Рядом остановились сразу две скрипучие телеги, на передней покачивались три мужика, а задняя пестрела целым частоколом голов, среди которых мелькали в основном детские вихры и несколько женских платков. На землю прыгнул мужик, держащийся за вожжи, косая сажень в плечах, затем ещё двое, помельче. В глаза бросилось семейное сходство – они походили друг на друга, не только лицом, но и повадками. Мужики неторопливо посоветовались, самый старший, весь заросший черной всклокоченной бородой и основательный, как утес, пару раз поковырял находку ногой.

Я разволновался, с трудом подавляя желание выскочить из кустов и всучить ему сумку.

Да что такое? Мин нет! Бери скорее!

От нетерпения меня била дрожь. Мысленно я принял-

ся поторапливать бородатого: «Чего тут думать? Хорошая вещь! Поднял, закинул в телегу и радуйся, что твое. Хозяин давно уехал и не вернётся».

Мужики ещё раз посоветовались, бородатый плюнул себе под ноги и телеги покатали к воде. На сумку больше никто не обращал внимания, оставив меня с разинутым от изумления ртом.

Не понял! А где кража со взломом? Где радостные крики обладателей неожиданной находки? Где вопли и проба монеты на зуб?

Когда действующие лица покинули сцену, я тихо выругался. Как же так? Ведь план реально хорош! Все продумано до мелочей и все условия соблюдены. Надеюсь, у других с совестью все в порядке и крестьяне просто испугались последствий. Это плохо, если не взяли эти, то где гарантия, что другим хватит духа. Сколько мне тут сидеть? Припасы не бесконечные, а мне ещё нужно понять, как попасть в город. С досады я пнул свой мешок ногой, взыв от боли: босым такие проявления эмоций чреваты. Кто-нибудь задевал мизинцем ноги ножку стола?

Выпустив воздух сквозь плотно сжатые губы, я вернулся к наблюдению за дорогой. По ней катила ещё одна телега.

Под вечер мой гениальный план трещал по всем швам. Проклятую сумку, этот чертов мешок с вещами покойного атамана, как заколдованный, старались обходить сторо-

ной. Передо мной проползло два десятка телег, пронеслось несколько конных – к мешку никто не притронулся. Кто-то подходил и смотрел, кому-то хватало одного взгляда. Неужели мироздание рухнуло, и я попал в мир, где даже не знают про то, насколько обладание вещами ближнего своего может быть сладостным? Может, Бог запрещает им брать чужое? У человека, позарившегося на вещи ближнего, сразу отсыхают руки и отваливаются уши? Если завтра повторится то же самое, придётся изобретать что-то новое, таскать артефакты с собой небезопасно.

Я приказал себе не унывать. Впереди ещё один день. Не может же на всём белом свете не найтись того, кто поведется на добротную вещь!

Между тем заметно стемнело. Ещё не сумерки, но где-то близко. Пора было закрывать аттракцион, в темноте можно вещицу отдать не в те руки. А нам это надо?

Берег озера снова опустел, на дороге в обе стороны ни единой живой души – мне пришло в голову, что я тоже заслужил награду. Весь день я наблюдал за тем, с какой радостью люди бросаются в воду и вынужден был лишь крепче сжимать зубы. Искупаться хотелось невероятно. А в мыслях одни подводы, крестьяне и всадники. Да сумка ещё эта проклятая. Пора подумать и о себе. К черту все, купаться и точка!

Правда, мерами предосторожности пренебрегать не стоило. Гости могли показаться у водоема в любую минуту, поэтому, прежде чем залезть в воду, я долго вглядывался в

опускающиеся сумерки. Незамеченным можно подобраться с другой стороны озера, но за весь день я не увидел там ни одной живой души, а очередные путники задерживались.

Вода, как много в этом слове... И пусть я немного ерничаю, но хотелось чего-то грандиозного и высокопарного. Наружу рвались великие слова. Возможно, именно так они и рождались. Воскликнул же Архимед «эврика», когда принимал ванну? Вдруг и у меня тоже получится оставить свой след в истории?

Душа пела от счастья, и я не заметил, как оказался на глубине. Отсутствие твёрдой поверхности под ногами тут же продемонстрировало, что знание и умение – совершенно разные вещи. Я захлебнулся, и впервые в жизни меня охватила волна паники. Руки вопреки разуму замолотили вокруг, пытаясь нащупать опору. Нет, не ту, с помощью которой можно перевернуть мир. Любую.

Я был уверен, что умею неплохо плавать. Не мастер спорта, конечно, но достаточно, чтобы не чувствовать себя белой вороной. Куда все подевалось? Какой кроль? Мое тело отказывалось вспоминать даже собачий стиль. Вода накатывала на глаза, била в нос, заливала рот. Взгляд выхватывал рваные картинки берега, болтающегося метрах в пятнадцати от меня, такого близкого, казалось, рукой подать, и такого недосягаемого – все равно что полоса горизонта для тонущего корабля.

Кричал ли я? Звал на помощь или умирал молча? Я ни-

чего не помню. Прошла вечность или тридцать секунд – мне казалось, что вокруг вздымаются океанские волны и меня вот-вот захлестнет с головой. В какой-то момент под ногами появилась земля, но тело ещё некоторое время билось в конвульсиях – я чувствовал, что меня трясет то ли от страха, то ли от дикой дозы адреналина в крови.

В памяти не сохранилось, как я оказался на берегу. Я долго не мог восстановить дыхание, а с ним и осмысленно сообщать, лишь жадно глотал комками воздух, проталкивая его в грудь. Сердце бешено долбило в грудную клетку, угрожая выломать ребра. Наконец мне удалось перевернуться на спину и закрыть глаза от изнеможения. Искупался, чтоб вам всем...

А потом я захохотал. Безумно, громко, с надрывом и до слез, так, что замолчали птицы в кронах деревьев, и долго не мог успокоиться. Наверное, из меня выплескивалось все, что скопилось за последние дни. Страх безнадежности и надежда на жизнь, отчаяние каменной тюрьмы и чувство бесконечной дороги, близость гибели и безумная гонка наперегонки со смертью. Даже если бы захотел, я не смог бы сдерживать эмоции. Они хлестали через край, били фонтаном, расплескивались вокруг. Да будь что будет, я жив, черт побери! Никто: ни эльфы, ни люди не смогли до меня добраться! Мне снова захотелось смеяться, и я с трудом пересилил это желание.

Перед самым купанием я позаботился о сохранности сво-

их скудных пожитков. Озеро, хоть и небольшое с виду, как нельзя лучше подходило для моих планов. Неровные берега, завали и заваленный валежником песок – все это помогало скрыть от глаз то, что должно быть скрыто. Вещи остались лежать в кустах небольшого пляжа, который со стоянки совсем не просматривался. Вокруг крохотной песчаной полоски густо разросся кустарник, так что ко мне было не подобраться.

На подгибающихся ногах я выполз на берег. Надеюсь, свидетелей моего безумного заплыва не оказалось. Слишком много приключений на сегодня. Нужно забрать вещи и уходить подальше, чтобы устроиться на ночлег. Солнце почти опустилось за край – ещё полчаса и будет так темно, что придется ночевать тут.

Приподняв ветки куста, куда я на всякий случай забросил оба мешка, я обнаружил, что вещи Вордо лежали на месте, а одежда и припасы пропали.

– Это что, шутка? – сказал я вслух, недоуменно озираясь. Песок под ногами отсвечивал светлым пятном, но пропавших вещей нигде не было видно.

Глава 11

Пару минут я просто не мог взять в толк, что вообще происходит. Вы когда-нибудь теряли вещь на пустом месте? Когда ты точно знаешь, что она должна находиться именно там, куда ты ее положил, но там ее нет. Я вот первый раз в жизни. Поэтому для меня оказалось в новинку десять раз подряд бестолково поднимать мешок, перекладывать его с места на место и двадцать – бегать по крохотному песочному пятаку, разбрасывая ветки и просеивая руками свежевспаханный песок. Признаюсь, в голове не уместалось, каким образом я ухитрился проворонить свое добро.

Когда я, наконец, понял, что меня банально обворовали, ярости моей не было предела. Вот она, последняя капля – кровь загудела в ушах, и я, больше не сдерживая разъяренное рычание, бросился обратно в воду. Они мне за все ответят!

В мгновение ока добравшись до пустой стоянки, я застыл на берегу, бешено вращая глазами и стискивая кулаки от бессильной злобы: ушли! Я опоздал, провалявшись в беспмятстве, а в это время кто-то копался в моих вещах.

Совсем потеряв голову, я бросился к дороге. Догнать! Отнять!

За мной явно следили, и, дождавшись, пока я, легкомысленно бросив пожитки, потакал своим прихотям, добрались

до моих вещей.

Мысль о том, что кто-то скалил зубы над моим позорным купанием, до того взбесила, что, казалось, ещё чуть-чуть и меня разорвет от бешенства. Голый, мокрый и злой, я выско-чил на перекрёсток, но он оказался пуст, а падающая, как по-крывало, темнота, верный спутник любого негодяя, надёжно укрыла дорогу от чьих-либо глаз. Если тут кто и находился, их след простыл, оставив меня один на один с гигантской проблемой.

Надо ли говорить, что успокоился я не скоро? Купание те-перь казалось идиотской затеей. Надо было такому прийти в голову именно сейчас?! Ну ещё день потерпел бы, не разва-лился. Или шёл сразу бы спать. Зато теперь адреналина ор-ганизм мне накачал столько, что сегодня, может, и вообще не засну.

На меня накатила новая волна бешенства. В исступлении я несколько минут бегал по берегу, словно маятник, прокли-ная всех, до кого мог дотянуться. Тут досталось и Вордо, и Васе, и неизвестному пройдохе, который так ловко стянул у меня все, что было. Вместе с одеждой пропала и тряпичная сумочка с серебром и медью. Уж не потому ли эти сволочи сбежали отсюда так быстро? Золото по непонятной причи-не я на автомате сунул в мешок Вордо, поэтому деньги у ме-ня все-таки оставались – удивительное свойство неприкос-новенности этого скарба сохранило мне мое состояние.

Неизвестные воры позарились даже на веревку. Хотя кому

она нужна без штанов? И, конечно, окончательно меня добила пропажа всех припасов. Есть было категорически нечего. Вместе с едой исчез и кинжал, оставив меня даже без теоретической возможности поохотиться.

Такой подлости от судьбы я не ждал. Это было до того унижительно, что, наверное, впервые в жизни на глаза наворачивались слезы. Какая там черная полоса? Просто дыра! Ничто! Хотелось завывать. Без шуток. Потому что моя обычная невозмутимость дала трещину – я больше не знал, что мне делать. Одежда, еда и оружие – все это для меня невозполнимый ресурс.

Да, в сумке Вордо у меня были монеты. Но что мне с ними делать? В город не попасть. Кто меня такого красивого пустит? Отнять? Украсть? Да это даже не смешно! Ботан Сеня из школы и тот лучше бы справился с кражей, чем я в теле горбуна с кривыми ногами. И данное слово я опять же не сдержал. Хотя тут переживал меньше всего – какой теперь с меня спрос?

Опустошение и обреченность – два главных чувства засели в голове. Сегодняшний день вообще оказался чемпионом по всему новому. Меня раньше не обворовывали, мне не доводилось тонуть и никогда ранее я не терял присутствие духа. Конечно, случались разные неприятности, иногда было тяжело. Но рядом подставляли плечо друзья. В качестве тяжелой артиллерии под рукой была поддержка отца, да и сам я не лыком шит. Сейчас идти некуда. Сам уже наворотил дел,

а смекалка перестала выдавать правильные ответы.

Из меня словно выкачали энергию, а заодно и вынули позвоночник. Я с трудом вспоминал, с каким задором бегал по зарослям и возводил в голове замки. Все постройки оказались вылеплены из песка. На нем меня и сморил сон, я даже не подумал уйти подальше от озера. Прятаться? Сейчас на это не было ни сил, ни желания.

Просыпаться не хотелось. Люблю я, знаете ли, поваляться подольше, когда позволяют дела. Открыть глаза сейчас для меня означало снова погрузиться в решение проблем, которые накатывали как снежный ком. Или, если смотреть правде в глаза, снежок давно превратился в лавину, и меня со страшной силой несёт вниз. Хотя нет, я давно внизу, и сверху порядком навалило сугробов.

Хлопотное дело, если у тебя куча вещей, а нужно собираться в дорогу. Мне бы эти проблемы. У меня кроме сумки атамана ничего не осталось. Желание что-либо делать, выдумывать новые способы подкинуть артефакт проезжающим мимо заглохло. Я безучастно наблюдал, как появляются и уезжают телеги, когда солнце подтянулось к зениту, развернулся и ушёл в противоположную от дороги сторону. Можно было бы сказать, что я шел, как говорится, куда глаза глядят. Но факт в том, что, спроси меня, куда иду, я не нашел бы, что вам ответить. Моя дорога вела в никуда.

Наверное, именно в тот момент я заглянул за край сво-

ей жизни. Инстинкт, отвечающий за выживание отключился. Даже в пещерах мне не было настолько безразлично, умру я или нет. Как раз в таком состоянии люди делают то, о чем потом жалеют всю свою жизнь.

Вы когда-нибудь испытывали чувство безнадежности? Такой безнадежности, когда некуда идти и, самое главное, незачем. Ты перестаешь воспринимать происходящее, и в тебе зреет недоумение: зачем я живу? При этом, даже если ты закоренелый атеист, и слова «церковь» и «вера» не вызывали раньше у тебя ничего, кроме усмешки, даже тогда ты все равно мысленно обращаешься к высшим силам: за что меня так? Разве я заслужил, разве можно так со мной?

Этот период самокопания самый страшный. Человек эмоционально пуст, и, может, по жизни он и выходит сухим из воды в любой ситуации, но именно сейчас его мозг отключает мышление и поиск вариантов выхода из сложившейся ситуации. Все плохо, хуже и быть не может, тупик, из которого нет выхода. А когда ты его не видишь, твоя воля, твой характер, твои мысли и стремления – все это может дать слабину.

Я шёл напрямик, не разбирая дороги. Приозерные заросли давно сменились высокой травой по пояс. Озеро осталось далеко позади, а вместе с ним и дорога, и люди на ней. Ни тропинок, ни поселений вокруг, насколько хватало глаз. Возможно, впервые за всё время пребывания в этом мире на меня накатило чувство одиночества. До меня дошло, что категоричное «никогда» оформилось и обрело четкие очертания.

ния. Я больше никогда не увижу отца. Какие бы отношения у нас ни были, сейчас все казалось таким неважным. У меня больше нет друзей и знакомых. Даже Вася, будь он неладен, остался где-то там. А я теперь где-то тут.

Мне нужно было время, чтобы смириться со всеми потерями.

Метрах в пятнадцати впереди в густой траве что-то мелькнуло. Чувство внимания и настороженности кнутом обожгло грудь и руки, отдавшись в голове болезненной нотой. Ощущение, будто по мне без анестезии прошлись шлифовальным кругом, выдернуло меня из состояния черной меланхолии, как пробку из бутылки шампанского, когда ее встряхнули как следует. Источник настороженного внимания замер и больше не подавал признаков жизни. Но он определенно никуда не исчез.

Я замер. Как жаль, что мне не вживили в голову ещё и инфракрасный сканер с механизмом наведения и лазерными лучами в глазах. Сейчас бы расталкивал врагов ногами и расчищал путь к трону какого-нибудь королевства. Но хватит мечтать о несбыточном. Что бы это могло быть? Сходить и посмотреть? А вдруг это какой-то хищник и сейчас он выслеживает добычу? И на кого, интересно, он положил глаз? Уж не на меня ли?

Вперед идти не хотелось. Отступить? А вдруг он решит, что я боюсь, и бросится, посчитав меня слабым противни-

ком? Что делать?!

Пока размышлял, невольно сделал один шаг назад. Не сдержался? Испугался? Я беззвучно выругался. В то же мгновение под ноги метнулась какая-то пестрая лента. Я и разглядел-то ее потому, что рассердился из-за самовольничества нижних конечностей, и посмотрел вниз. Вслед за коротким свистом последовали тупой удар в ногу и резкая боль.

На правой ноге чуть выше середины икры остался след укуса: две маленькие ранки с медленно набухающими капельками крови. Приехали.

Я вяло осмотрелся вокруг – никого. Чужого присутствия не ощущалось. Если кто-то и разглядывал меня ещё мину-ту назад, то сейчас его и след простыл. Я попытался сдвинуться с места и с удивлением обнаружил, что почти не чувствую правой ноги ниже колена. Онемение нарастало, и за какую-то минуту оно добралось до живота. Сразу, словно щелкнули выключателем, подогнулись ноги, и я завалился навзничь. Почему-то вспомнился убитый Вордо эльф. Ему не повезло упасть лицом в землю. А мне повезло. Я вижу небо.

Правая рука ещё действовала. До левой из-за сердца яд добрался гораздо быстрее. Надо мной проплывали громады облаков. Вот дракон поднялся на задние лапы, вот черепаха улыбается, глядя на замок, воздвигнутый далеко в вышине.

Ветерок легко шевелил волосами на лбу, принося прохла-

ду и облегчение. Почему мы никогда не видим ничего этого? Почему не ценим то, что имеем? Живи так, как будто это твой последний день. Кто это сказал? Не важно. Только в такие вот минуты человек понимает значение этих слов.

Холод подобрался совсем близко. Он уже на кончике языка, но я еще могу думать. Сходить бы на могилу матери...

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Я мыслю, значит я существую! Опять не помню, кто сказал, но слова-то какие правильные. Настоящие. Кстати, а почему я ещё думаю? Вроде же все, как полагается: ветер, небо, черепашки... Дракончики! Такой вздор в голову лезет, мама дорогая!

Мысли текли вяло и неспешно, но они, черт побери, текли. Интересно, у мертвяков могут течь мысли? Или у них вытекают? Оставалось выяснить немаловажный аспект: кем я являюсь на данный момент. Мертвяком оказаться не очень хотелось. По ним обычно стреляют из дробовика добрые дяди и тети. Так что лучше все же быть за живых. Привычнее.

Проверить текущее состояние можно было только эмпирическим путем. То есть элементарно открыть глаза. С другой стороны, если я в аду, лучше их не открывать. Про рай нечего было и думать, так что наилучший вариант – чистилище. Есть ли здесь это место?

Ну а что? Мне тоже бывает страшно. Потому-то в голове такая каша из мыслей. Прямо чувствую, как они бегут, торопятся, наскакивают одна на другую. Словно боятся, что я не успею додумать их до конца.

Я приоткрыл один глаз. Темновато. Над головой нависал потолок. Каменный. Причем нависал качественно и очень низко. Если бы я попытался встать с закрытыми глазами, разбил бы лоб, или нос, или сломал себе что-нибудь, потому что привык подниматься рывком, словно выдергивая себя из кровати.

Слева рука упиралась в стену. О! Я чувствую руку! Справа оказалось крохотное помещение. Никаких изысков: каменное ложе с тощим матрасом из соломы, голые стены без следа штукатурных работ, освещение в виде малюсенького окошка под потолком. Самая настоящая темница с тяжёлой деревянной дверью, окованной металлическими полосами. Она была вся в заклепках величиной с половину шарика для пинг-понга и, естественно, заперта.

Странно, у меня ничего не болело. Как будто родился заново или как минимум отлично выспался. Я совсем осмелел и прошелся пару раз из конца в конец камеры. С этим вообще никаких проблем: три небольших шага туда и столько же обратно. Номер даже на экономе не тянет. Где я? Этот вопрос уже набил оскомину. Причем, заметьте, ни разу я так и не смог на него ответить.

А вообще переход от зеленой травки и неба к каменному потолку над головой – весьма неожиданный ход. И уж тем более удивителен тот факт, что мне каким-то чудом удалось переварить змеиный яд. Вряд ли меня укусил местный аналог ужа. Конечно, раньше мне не приходилось испыты-

вать ничего подобного, но, думаю, укус этой твари смертелен для человека, уж слишком стремительно шло отключение всех частей организма. А значит, будут неприятные вопросы. Впрочем, я что-то не вижу сумки атамана, так что вопросов последует много. Гораздо больше того, на что я готов отвечать.

Все же интересно, иммунитет к ядам – это очередной подарок свыше? Что ж, продолжим открывать в себе новые грани. Что ещё сокрыто во мне или это последний дар? Где бы посмотреть весь список?

Чем мерить шагами камеру, лучше сохранять силы. Мало ли для чего они могут понадобиться? Я вернулся в горизонтальную плоскость. Вот всегда интересовался вопросом: могут ли верблюды лежать на спине? Там же горбы. Не суть важно, один или два, они же должны мешать? Мне вот определенно мешал. Приходилось лежать на боку.

Незаметно для себя я уснул. Видимо, сказались усталость последних дней и постоянно нервное напряжение. К тому же теперь я был склонен воспринимать происходящее философски: будь, что будет, все равно у меня не осталось ни малейшей возможности повлиять на происходящее. А когда я открыл глаза, в центре камеры стояла глиняная миска с чем-то напоминающим суп, кусок серого грубого хлеба и кувшинчик. В нем оказалось довольно неплохое вино, легкое и с воздушным ягодным ароматом.

Да здесь ещё и кормят? Надо было не ждать несколько

дней, а напрямик топать сюда. Только потерял время. Осталось, правда, понять, куда судьба забросила меня на этот раз. Руку даю на отсечение, что это те самые ребята, от которых меня предостерегал Вордо. Пока жаловаться было не на что: дали как следует выспаться, накормили...

За грязной посудой так никто и не пришёл. Зато, отдав должное местным разносолам, я вдруг обнаружил, что меня снабдили не только едой. На кровати, да простят мне столь громкое слово изделия современного производства, под матрасом обнаружился комплект одежды, точь-в-точь повторяющий фасон предыдущего одеяния.

Обновки пришлись в пору. Да у моих гостеприимных хозяев наметан глаз! Частенько приходится подбирать одежду узникам?

– Где верёвка? – обиженно спросил я в закрытую дверь после того, как с меня соскочили штаны. – Зажали.

На мою жалобу, естественно, никто не отреагировал. Подтянув штаны повыше, я более тщательно обыскал кровать и обнаружил, что зря поднимал шум. Веревка была. Причем с меньшим количеством узлов, что и у предыдущей. Может, это такая модель? Вам пояс с двадцатью двумя узлами или пятнадцатью? Только сегодня есть эксклюзивная модель с тридцатью. Последний писк. Осталось всего три штуки. Вам какую?

Поухмылявшись своим мыслям, я приложил ухо к двери. Сквозь нее не пробивалось ни звука. Признаюсь, все эти

мысли, конечно, от того, что меня начал охватывать мандраж. Не то, чтобы я боялся, но определенная неуверенность присутствовала. Что со мной будет? Вопрос дальнейшего существования меня беспокоил. Да пусть бы даже нищим, но живым – так хотя бы есть шанс пути наверх. У мертвых путь один – вниз. И даже будь у тебя протекция, направление поменять не получится.

Постепенно накручивая себя все сильнее, я добился только одного: усидеть на месте стало гораздо сложнее. Ходить особо негде. Делать нечего. К вечеру, о наступлении которого можно было судить по сгустившейся темноте, по камере метался загнанный зверь. Ладно, максимум – саблезубый кролик. Но заставить себя успокоиться оказалось выше их сил.

В принципе, ничего удивительного в том, что меня решили попридержать, не было. Если это те, о ком я думаю, от меня потребуют информацию. Пройдя по кромке и очнувшись после этого в незнакомом месте, человек, как правило, испытывает лишь облегчение и эйфорию от неожиданного избавления от смерти. В таком состоянии тебе глубоко наплевать, что будет дальше. Ты выжил, ты спасен! Кому и что ты расскажешь, когда чувствуешь себя супергероем? Пошлешь далеко и надолго. Но стоит подождать совсем немного, как мысли начнут подтачивать твою уверенность. А куда я попал? А что со мной будет? Ты возвращаешься в большой мир – добро пожаловать и «большие проблемы».

Постепенно ты сам себя подготовишь к разговору лучше любого специалиста по допросам. Если, конечно, у тебя за пазухой не припрятана техника сопротивления психологическому давлению. У меня такой подготовки, конечно, не было, не дорос ещё до подобного уровня переговоров. А вот у отца опыта хоть отбавляй. На самых верхах крутился. Жаль только, по наследству передать не успел. Говорил, рано ещё мне такими делами заниматься. Сожрут и не подавятся. Может, и рано, да только сейчас мне это ой как пригодилось бы. Ну да чего жалеть о том, чего нет.

За мной пришли ночью. Мне дали как следует заснуть, а затем чувство постороннего присутствия выдернуло меня из глубокого забытья. Рядом со мной кто-то стоял. И даже не один. Как они тут поместились? В глаза брызнул яркий свет, выхватив из темноты каждый уголок крошечной камеры и трех человек. Разглядеть их не удалось – мне невольно пришлось зажмуриться. В следующее мгновение голову откинуло назад от резкого удара по лицу. Зазвенело. Это у меня в голове или вообще? Зубы клацнули, да так, что я чуть не прикусил язык.

– Твари! – выкрикнул я, тут же проглотив следующие слова. Меня стряхнули на пол и с энтузиазмом принялись изображать футбольную тренировку. Удары ногами оказались поставлены у всех троих. Спустя секунд десять я старался только закрывать руками лицо. Мне даже не давали

свернуться калачиком, всякий раз растягивая на полу. Последнее, что я помнил перед тем, как потерять сознание, была мысль: стоило ли тогда тратить на меня еду.

Возвращение в реальный мир произошло постепенно. Сначала перед глазами возникло мутное пятно, и кто-то бубнил под ухом. Потом я начал различать цвета. Невнятные голоса сформировались, стали четче и рельефнее. Судя по положению тела, я очнулся в сидячем положении. Если еще чувствую такие нюансы, убивать не планировали. Хотели или проучить, или показать, кто в домике папка. Скорее, второе. Что ж, мне сказать нечего, здесь мне всегда светит роль защищающегося, во всяком случае пока. А давать себе глупые обещания, вроде «в этот момент он дал себе слово, что больше никто и никогда его не ударит...» я точно не буду. Во-первых, я сам в это не верю, во-вторых, лучше сделать, чем обещать. Не сотрясать же понапрасну воздух.

Сплюнув скопившуюся во рту кровь на пол, я наконец смог разлепить заплывшие глаза.

– Какие плохие..., – покачал седой головой старик за длинным, широким столом, заваленным свитками, листочками и какими-то рукописями. На его слова откликнулся кряжистый мужик, весь с головы до ног обвешенный оружием. Новогодняя елка и та смотрелась бы бедной родственницей, если бы можно было сравнить количество колюще-режущего на войне и игрушки, подвешенные на дереве. Интересно, а конь все это выдерживает? – Нет-нет, Оррик, это

лишь мысли вслух, а не просьба.

Воин пожал плечами и вернулся к своему занятию: в данный момент он использовал здоровенный кинжал в качестве маникюрных ножниц. На меня он смотрел как на предмет мебели, на котором я сидел. Во всяком случае я не ощутил ни малейшего эмоционального отклика. Обо мне вообще не думали. Скорее, его больше занимали недоделанные ногти. Если бы мне пришлось представить себе викинга, здоровяк подходил на эту роль лучше всего: суровый взгляд исподлобья, длинные волосы на затылке, собранные в косичку, густые брови и усы, сросшиеся с бородой с проседью. Такой же тупой и здоровый.

Старик тем временем углубился в бумаги. На меня больше никто не обращал внимания. Впрочем, мне и в голову бы не пришло возражать. Прислушавшись к своим ощущениям, я с удивлением понял, что побои прошли для меня весьма болезненно, но не катастрофически. Не то, чтобы совсем без последствий, но и не так, чтобы кричать «убивают». Значит, били профи. Я скосил глаза на викинга: короткая стрижка, можно сказать щетина вместо волос спереди и косичка сзади, упрямое выражение лица с жесткой черточкой на лбу. Не убийца, но воин. Хотя много ли я знал убийц? И так ли уж они отличаются от воинов? Вордо мог бы сыграть любого из них. Этот вряд ли – слишком прямолинейный взгляд.

Пока меня оставили в покое, мне удалось осмотреться. Определенно, я попал в кабинет. Большой стол с докумен-

тами, напротив которого стояли два стула. Один занимал я, в другой втиснулся здоровяк, орудующий ножом. Справа от него бюро у стены. Слева – шкаф, похожий на винный. Рядом со стариком потрескивал дровами камин. Всю стену за моей спиной занимала библиотека. Ее кусочек зацепило периферийное зрение. И снова набивший оскомину вопрос: где я? В замке? Но старикан не очень-то похож на доброго графа.

Я присмотрелся к его одежде и мысленно присвистнул от удивления. Длинное, черное одеяние без каких-либо украшений. Сутана? И здоровенное кольцо в виде трех колец на шее. Мне стало не по себе. Где я, черт побери?!

Продолжая искоса за ним наблюдать, я решил, что он ещё ничего для своих лет, такие вот дедки до девяноста бегают стометровку и зимой выходят на лыжах. Плотно сжатые губы, отсутствие морщинок у глаз говорило о том, что с чувством юмора у него не очень и улыбка вряд ли частый гость у него на лице. А глаза, слишком живые и острые, могли резать сталь на расстоянии не хуже лазерного луча.

Никогда не любил покер: с контролем эмоций у меня всегда были проблемы.

– Молодой человек, вы догадались, куда попали? – прокрипел старик, взглядом которого можно было резать сталь.

Осторожно! Нужно следить за каждым словом! Куда змее до этого балахона?! Я плечом вытер до сих пор сочившуюся из разбитых губ кровь.

– Догадываюсь, не более того.

Старик прищурился, состроив смешную гримасу. Вот только я не решился даже улыбнуться.

– У вас странный выговор. Да и слова вы подбираете как ребенок.

Мой собеседник разродился пространной речью, из которой я понял, дай бог, одну треть. Опять переводчик стал давать сбои. Так мы далеко не уедем. Если старикан заговорил про слова, значит, обратил внимание на неправильное произношение. Об этом ещё Вордо предупреждал. Сейчас у меня оставался нехитрый выбор: сказать правду или врать напропалую. Врать не хотелось. Да и как врать, если тебя и без вранья с трудом понимают? Чутье же подсказывало, что этот дедуля распознает вранье без всякого чихания. Но и всю правду выкладывать точно не стоило. Информация дает контроль. Я чувствовал, что попался на крючок, но не заглывать же наживку по самую часто употребляемую в разговоре часть тела. Следовало оставить что-то при себе.

– Говорю как умею, – буркнул я, демонстрируя обиду и смущение одновременно.

– Хм, как умеете, – протянул старик. – Весьма любопытно послушать.

– Могу рассказать, – промолвил я, бросив взгляд на воина, который и не думал прекращать свое занятие.

– Оррик, иди погуляй, – рявкнул старик на невозмутимого воина.

К моему изумлению, того вынесло из кабинета со скоро-

стью пули. Даже пикнуть не посмел. Вот это власть! Старик может гвозди забивать своей харизмой. Стоит ли ему вообще хоть что-то рассказывать? И есть ли у меня выбор?

– Ну?! – хмыкнул дедок, скептически глядя на меня. – Ты же этого хотел? Твоя ... сбылась. У тебя не так много времени.

– А можно сначала вопрос? – рискнул я.

Дед заинтересованно отложил в сторону палочку, которой что-то помечал в бумагах, лежавших перед ним толстой стопкой.

– Смелый, – вздохнул он. – Или глупый. Смелых не люблю, они гибнут первыми. Впрочем, глупые мне тоже не нравятся. Но ты не волнуйся, будем считать, что к вам, молодой человек, это пока не относится.

Мой собеседник сразу догадался, что сложные конструкции речи вызывают у меня определенные трудности, и перешел на простой язык. Переводчик заработал увереннее. Как же надоели бета-версии!

– Что такого странного в моем голосе? – я решил ещё раз проверить свои предположения.

Старик задумался, пожеывая губу. Не знал, что сказать? Или думал, что можно, а что говорить не следует?

– Понимаешь, парень, – начал задумчиво он, – вы говорите как три совершенно разных человека. Сразу. Один из которых мне хорошо знаком. Из чего возникает ещё несколько вопросов, о которых я пока умолчу.

Я совершенно точно знал, кто этот один. Вордо. Он, оказывается, служил священникам – кто еще будет носить такие халаты. Какой из этого вывод? Да, никакого. Будем считать, что сейчас идет период накопления информации. И если мне прямым текстом говорят о связи между нами, то им почти все известно. Неизвестны только две вещи: почему Вордо здесь нет, а я вот он, целехонек, и с какой стати я вообще ещё дышу. Атаман, хотя какой он атаман, недвусмысленно намекнул на ненужных свидетелей. Меня же заранее решил оставить в живых. Какой у него был мотив? Скорее всего, оценил потенциал и возможность использования на благо, ну, пусть будет церкви. Или второй вариант: как я уже предполагал, он хотел вытрясти из меня душу, а потом прирезать по-тихому. Для остальных буду придерживаться первой версии, он поднимает мою значимость в моих же глазах, кроме того, так безопаснее. А так как я попал в период, когда размахивать мечом являлось не только почетным занятием, но и частенько спасало жизнь, тут вовсю идет дележ власти. Нужны люди с полезными навыками. Значит, пока что вот он, мой шанс! Но, конечно, не все ему нужно знать, не все. Как я и говорил, туз в рукаве всегда пригодится. А лучше несколько. Вопрос в том, что старик знает и о чем догадывается?

– Вордо погиб, сражаясь с эльфом, – сказал я, наблюдая за реакцией собеседника.

– А что-то, чего я не знаю? – старик скривился, будто над-

кусил неспелую сливу. – Может, это ты его прикончил?

Я похолодел при мысли о том, что его убийство повесят на меня, тем более так и было. Но старик уже отмахнулся от своей мысли, пробежав по мне глазами.

– Хотя это я, пожалуй, загнул, – протянул он, усаживаясь в кресло поглубже, и собрал пальцы в замок. – Такие, как он, рубят врагов на кусочки и не потеют. А ты говоришь, что его убил эльф?

От того, как священник воспримет следующие слова, зависело очень много. Но я твердо решил, что он должен об этом узнать от меня.

– Это был особенный эльф. Он владел странным оружием: два меча, скрепленные длинной рукоятью. Вордо убил его тоже, но сам получил смертельный удар. Он не мог двигаться, когда закончился бой, – на секунду я замолчал, но потом твердо закончил, – вы правы, мне на самом деле пришлось его убить, но по его же просьбе.

Старик не мигая смотрел мне в глаза. На мгновение мне показалось, что на меня готова броситься огромная кобра, а из-под стола разносится стрекотание ее страшного хвостика. Накатила короткая волна ужаса, перехватило дыхание. Но почти сразу неприятные ощущения отступили. Я подметил ещё одну странность: мой дар видеть ауру молчал. Лишь на краткий миг я увидел гнев, ярость и досаду, но потом как будто захлопнулась дверь, перекрывая сквозняк. Либо священник умел себя контролировать на каком-то непредстави-

мом уровне, либо ему не было до меня дела. Судя по краткой вспышке, все дело в контроле. Вот кому можно играть в покер! Либо он думал обо мне как о предмете мебели, что, честно говоря, вызывало откровенный страх. А что? Ну не нравится тебе этот стул. Выбросить жалко: подберут другие. Наверное, лучше его сжечь!

Видимо, все размышления отразилось на моём лице, потому что священник поморщился и с раздражением в голосе сказал:

– Ты все сделал правильно. Ему нельзя попадать к эльфам. За это можешь не бояться.

Раз «за это», значит, определенно, есть что-то ещё.

– А за что же все-таки стоит?

– За что стоит, – задумчиво повторил священник. – За всё остальное. Оррик!

Дверь в кабинет находилась за моей спиной, поэтому я мог ориентироваться только по звуку. За хозяйством тут явно приглядывали: петли не издали ни звука, но немного потянуло прохладой от дуновения свежего воздуха.

– Отец Тук? – услышал я настороженный голос воина, который несколько минут назад так быстро отсюда ретировался. – Звали?

– Звал – звал, – старик кивнул ему на стул, на котором тот недавно наводил красоту. – Садись, не маячь в дверях. Послушай, как поёт наш любезный гость.

– Поёт? – недоверчиво переспросил здоровяк, осторожно

опускаясь на прежнее место.

Священник демонстративно вздохнул, подняв глаза в потолок. Прямолинейность, возведенная в степень, иной раз может довести до кипения, тут я был полностью с ним согласен.

– Не поёт, а говорит, – уточнил он. – Но и запоет, конечно, если понадобится.

И, что характерно, я ему сразу поверил. Точно запою. Кем угодно. И тут я удивленно заметил, как поднимается со своего места Оррик. Простота хуже воровства, но не до такой же степени! Что он вообще делает на допросе?! Я умоляюще уставился на старика, который для вида опять занимался бумагами.

Священник поймал мой взгляд и с недоумением проследил, как воин направился в мою сторону.

– Так, – хлопнул он руками по подлокотникам с такой силой, что вздрогнули мы оба: и я, и Оррик. Последний при этом остановился, у меня вырвался облегченный вздох – пение откладывалось. Отец Тук вихрем пронесся мимо, и я услышал, как он за дверью зовёт какого-то Харальда. У старика оказался зычный голос, про таких говорят «мертвого поднимет». По коридору возбужденно забегали, видимо, старик был местной шишкой, а он тем временем с недовольным видом вернулся назад. – Совсем стар стал, – буркнул он, взбираясь на своё место, словно курица на насест. Впрочем, в прошлой жизни мне попадались такие люди. Отца всегда

тянуло на нравоучения после нескольких бокалов коньяка, в такие минуты он как-то поведал мне: есть люди, для которых мир поделен на две части, но это не пресловутые «черное» и «белое», а на тех, кто «за» и «против». Они оценивают людей только исходя из данного критерия. И не приведи Господь столкнуться с такими во власти. С ними нельзя договориться полюбовно. Если у них хватит власти, будет либо так, как хочется им без всяких уступок, либо вообще никак. И тебе придется выбирать, с ними ты или против. Если бы у меня был выбор, говорил отец, я бы вообще забыл путь, который ведет через таких людей. Потому что у тебя не будет более страшного врага, если ты вдруг решишь, что тебе с ними больше не по пути. Вот только жизнь не всегда дает нам такую возможность.

Впрочем, в моем случае вопрос развернут в прямо противоположную сторону. Я бы озвучил его так: смогу ли я, используя свои навыки, попасть в его команду. Потому что у таких людей есть одна полезная для меня особенность: несмотря на требования безусловного подчинения, они всегда и всюду вперед двигают только своих. Да, ты вынужден помнить, кому ты обязан своим положением, но при прочих равных, смог ли бы ты сам вскарабкаться на нужную тебе высоту? А зависеть от кого-то в этом мире – это неприятная обыденность.

К тому же вряд ли у меня осталась свобода выбора: мне кажется, отсюда я выйду либо человеком отца Тука, либо

вперед ногами. Третьего не дано. Значит, нужно доказывать свою значимость...

– А, – подал голос Оррик, растерянно показывая на меня, – он чего?

– Уйди уже, – отец Тук жестом показал, чтобы тот сгинул с глаз долой. – Что ж за день-то такой. Одни олухи вокруг.

– А вдруг, э-э, – решил проявить инициативу подчиненный, чем вызвал неподдельное изумление начальства.

– Ты всерьёз полагаешь, что вот он сможет причинить мне вред? – перебил он. – Ты же сам его привязал к стулу, как ты сказал, «на всякий случай». Или ты думаешь, что этот юнец сможет разорвать веревки?! – к концу фразы отец Тук перестал сдерживать раздражение и орал в голос, так что последние слова прозвучали уже в спину исчезающего здоровяка. Мне же еще минуту казалось, что я слышу бряцание оружия до сих пор убегающего воина. И только тут я обратил внимание, что действительно не могу пошевелиться. А поначалу-то приписал это нервному напряжению и вообще не обратил внимания. Оказывается, мои гостеприимные хозяева все-таки подстраховались.

– Вот с такими людьми приходится работать, – между тем пожаловался мне отец Тук совершенно спокойно, как будто и не кипел, как чайник, секунду назад. – А, Харальд, заходи. Мы тут пытаемся спокойно поговорить, а твои ребята не слишком располагают к беседе.

– Так за разговоры им никто не платит, – услышал я из-

за спины спокойный голос, а через мгновение его обладатель попал в поле моего зрения.

Харальд разительно отличался от Оррика хотя бы тем, что не пытался сразу на меня наброситься. Он вообще казался ровным и излишне мягким на первый взгляд. Из оружия на нем была лишь шпага или длинный узкий меч с рукояткой, обмотанной черным шнуром – я не слишком разбираюсь в оружии, как вы, наверное, поняли. И во всем остальном он был утонченнее и изысканнее: белоснежная сорочка с широкими рукавами и узкими манжетами, вместо пуговиц – закладки с чем-то блестящим. Чем дольше я на него смотрел, тем больше крепла уверенность, что вряд ли тут обошлись фианитами или цветным стеклом. Образ довершали кожаные штаны гораздо более тонкого покроя, чем все то, что я когда-либо видел в этом мире, и высокие сапоги.

Вполне возможно, передо мной представитель благородного сословия. Вопрос, что он делает в услужении у священника, меня не касается. Причин может быть море. И все в нем было благообразно и подчеркнуто утонченно, если бы не взгляд – абсолютно холодный взгляд убийцы и душегуба. Ни секунды не сомневаюсь, что прирезать человека для него так же естественно, как, скажем, съесть на завтрак бекон. Не было на завтрак зажаренного до хрустящей корочки бекона, весь день насмарку. Вот человек, который в состоянии сделать из тебя Шаляпина. Хочешь ты того или нет.

– Так расскажите, юноша, почему вы решили передать

нам столь для нас ценную вещь таким странным способом, – священник поднял на меня отеческий взгляд, от которого у меня побежали мурашки по коже. – И будьте добры говорить одним голосом. Слушать пение разных людей не слишком приятно.

– Я не пробовал, – мало того, что меня пугал сам старик, так к этому добавился оценивающий взгляд его подручного. Так смотрит на человека палач, решая, с какой руки ему сподручнее будет начать.

– Так попробуйте, – мягко посоветовал Харальд со своего места.

А ведь правда, прислушавшись к собственной речи, я обнаружил, что все слова произносятся с разными интонацией, скоростью, как будто действительно несколько человек последовательно произносят слова в предложении. Интересно, почему я до сих пор не замечал, что разговариваю на разные голоса? Пока на это не обратил внимания другой человек.

Почему у меня получается говорить, как у хора мальчиков, я примерно догадывался. Все дело в моей способности запоминать звуки и записывать ассоциации к ним. Мой новоприобретенный мозг с помощью разных людей получал информацию в виде звучания слова, прикручивал к нему значение, и так каждый раз, когда слышал все новое. При этом каждому предмету соответствовало свое произношение со всеми вытекающими отсюда последствиями: личные ошибки человека, акцент, сила голоса и прочее. В итоге при

разговоре мозг подбирал слово с соответствующим произношением, а я по умолчанию принимал его за идеал, потому что понятия не имел, правильно говорю или нет.

Представляю, какая получается какофония, если в языке имеются какие-нибудь падежи, склонения и прочие правила, о которых мне тоже ничего не известно. Понимать мне это ничуть не мешает, а вот говорить...

Кстати, умение произносить слова чужим голосом открывает любопытные перспективы. Но как насчет своего собственного? Не всем следует знать о том, что я человек-оркестр.

Шутки шутками, а делать-то что? Методом научного тыка можно свернуть горы. Правда, случайно и не сразу. Хотя есть и другое глубоко научное изречение: дуракам везет. Самое логичное – сознательно контролировать голос – почему-то не сработало. Получилось даже хуже. Мне захотелось почесать лоб, но я забыл, что примотан к стулу.

– Развяжи, – велел отец Тук, заметив мои потуги.

Харальд плавно поднялся и, я глазом не успел моргнуть, как одним махом он срезал все веревки на руках и груди мечом, который мгновение до того висел у него на поясе. Впечатляет. Вот прямо одним словом и с большой буквы. Что это за церковь такая, что ей служат люди с такими специфическими навыками? Или это служба безопасности? Отдел специальных операций? Или какое время, такая и церковь?

Почувствовав себя свободным от пут, я не смог отказаться

себе в удовольствии потянуться. Помяли меня изрядно, болели ребра, все руки были в ссадинах и синяках. Досталось спине, кто-то особенно ретивый угодил прямым в лишнюю деталь моего нынешнего тела, что неожиданно оказалось самым болезненным. Откуда там нервные окончания? Или как раз эта деталь отвечает за новые функции моего организма? Надеюсь, в него встроена система устранения повреждений?

После долгого пребывания в одной позе, нужно было хоть чуть-чуть разогнать кровь. Надеюсь, легкую разминку не сочтут за проявление непочтительности. Не хотелось лишний раз раздражать людей, от которых теперь уже точно зависит моё будущее.

Повезло. Люди оказались с пониманием. Видимо, имели представление о том, что чувствует человек, когда ему продолжительное время приходится сохранять одно положение. Сидит там неудобно или ему привязали ноги к голове и оставили в камере на пару дней. По-разному ведь бывает. Старик снисходительно за мной наблюдал, пока я не закончил ускоренный сеанс йоги, а Харальду вообще было все равно. На текущий момент моя тушка не представляла никакой ценности. Подозреваю, он с такой же легкостью мой срезать с меня не путы, а голову.

Но к делу. В моих интересах исполнить просьбу. Умному человеку достаточно лишь показать твою возможность оперативно реагировать на изменения ситуации, чтобы он понял, что от тебя будет толк. Заумно сказал? Переведу: пока-

жи, что ты можешь быстро решать вопросы, и люди к тебе потянутся.

Как я ни старался, говорить чужим голосом у меня не получилось. Повторить за человеком – сколько угодно. Но только то, что я слышал. А как быть с моим собственным голосом? Что если попробовать наложить схему звучания слова на свой голос. Что-то похожее будет, если слова из песни просто прочесть, как обычный текст. Может, даже и не соблюдая рифму. Песней быть перестанет, но информацию передавать будет.

Значит, берем слово, вытаскиваем из него звук и произносим своим голосом, а не по памяти. Как будто пустить ток через трансформатор. На входе переменный, на выходе – постоянный.

Такое впечатление, что я сам с собой говорю через переводчика. Странные ощущения, но я сразу понял: получилось! Слова немного растягивались и вообще со стороны я выглядел тормозом или выходцем из бывших республик союза, о котором любил вспоминать отец и частенько травил бородатые анекдоты.

– Спасибо, что сняли веревки, – я сел обратно на стул. И кто придумал такую неудобную форму? Как будто сидишь на многограннике. – Так намного лучше.

– Совсем другое дело, – отец Тук улыбнулся одними губами. – Приступайте к рассказу, молодой человек, не стоит тратить понапрасну чужое время. К моим годам начинаешь

понимать, чего на самом деле тебе не хватает.

Тянуть и в самом деле не стоило.

Естественно, о своем происхождении говорить не стоило. Я не большой знаток истории, но знаю, что в Средневековье люди толерантностью не отличались. Будь как все – девиз любого времени, если не хочешь оказаться под пристальным вниманием. И по большому счёту все равно, кого заинтересует твоя нескромная фигура. Если к тебе появятся вопросы, их обязательно зададут. Рано или поздно. А среди них и совсем неудобные, на которые у тебя не будет ответов.

В остальном же можно было петь соловьем. Я зарядил в стиле «как я провел лето»: продали, пошёл, ушел, бежали, догнали, убили – все как всегда, даже иной раз прикорнуть можно, потому как я добрался до очередного «пошли». Словарный запас хоть и уже достаточно велик, подозреваю, в моем исполнении «собака вилять хвост», история не страдала особым литературным стилем. Понимают и ладно.

Дедок слушал, занимаясь своими делами. И только по его уточняющим вопросам можно было догадаться, что он не пропускает ни одной детали.

– Вы сказали, молодой человек, что Вордо без утайки выложил вам, что не собирается оставлять свидетелей? И что вас будут пытаться, как только вы донесете до нас весть о его гибели? Как-то на него не слишком похоже, – удивился старик.

Я мысленно закрипел зубами. Была надежда оставить этот маленький секрет при себе.

– Я знаю, когда человек говорит неправду, – пришлось рассказать мне, причём старикан явно заметил, с какой неохотой я раскрыл свой маленький секрет. Чёрт! Чёрт! Но врать на ходу – не мой конек, пришлось выкладывать правду.

– Вот как? – отец Тук изобразил неподдельный интерес. – А вы и в самом деле можете?

– Попахивает колдовством, – заметил доселе молчавший Харальд.

Меня пробил пот. Где-то на грани слышимости почудился треск костра.

– Могу, – обреченно ответил я, поспешив добавить, – только это никакая не магия!

– Конечно, не магия, – хмыкнул священник. Когда люди попадают сюда, их сразу проверяют на предмет, – он изобразил пассы одной рукой, – магии. Так что, Харальд, тут ты ошибаешься, – тот безразлично пожал плечами, мол, я должен был проявить бдительность. А у меня отлегло от сердца.

– И как же ты проверяешь, врет тебе человек или говорит правду? – продолжал допытываться отец Тук. – Мне и в самом деле любопытно. Насколько я в курсе, даже маги не могут отличить правду от лжи.

А вот это крайне полезная для меня информация. Эксклюзив всегда сулит хорошие прибыли, если вести правильную политику. Запомним.

– Для этого я должен касаться тела человека в то время, когда он говорит, – сказал я и сразу заметил, как поскучнел отец Тук. А ты себе уже напридумывал личный детектор лжи? А что, берешь меня на переговоры и, знай, поглядываешь в мою сторону, не моргнул ли я глазом в нужном месте. А так кто же позволит слуге держать тебя за ухо?

– С этим понятно, – отмахнулся он. – Но почему бы не передать сумку страже?

– Вордо рассказал мне про ауру. Меня либо задержала бы стража, обнаружив, что у меня с собой, либо ваши люди нашли по остаткам ауры, – я отметил, как эти двое переглянулись.

– Мы стараемся не распространять информацию про ауру и наши ..., – хмыкнул отец Тук. – С какой стати Вордо стал бы это рассказывать первому ...?

– Отец Тук, тогда все встает на свои места, – заметил Харальд, кивнув в мою сторону, он продолжил: – А мы-то гадали, с какой стати он поперся вдоль дороги, стараясь, чтобы его никто не видел. Ведь Вордо сказал тебе и про то, что след на человеке держится гораздо дольше?

– Да, я планировал отойти от города на расстояние, достаточное для трехчасового перехода. А там подстроить все так, чтобы кто-то забрал брошенную сумку. За время пути от моего следа на ней ничего не останется, так я смог бы избежать излишнего внимания, – я на секунду задумался, а потом сообразил: – Так меня все-таки заметили?

Ощущать себя идиотом не слишком приятно.

– Если бы тебя не заметили, – улыбнулся Харальд, – кое-кто лишился бы не только своих денег. Ещё месяц в отхожем месте был бы для них прекрасным уроком. Да он и пикнуть бы не посмел. Так что тебя увидели задолго до того, как ты появился из леса. Признаться, мы сначала не могли понять, зачем ты полез обратно, но потом догадались, что ты не хотел, чтобы тебя видели. Прделано не слишком умело, но нас поразило упорство, с которым ты пер по кустам, хотя в пяти метрах от тебя была ... тропа.

Идиотом я себя чувствовал минуту назад, сейчас был уверен, что мне больше подходит слово «кретин». С чего я решил, что меня не найдут? Вордо окончательно запудрил мне мозги, не позволив увидеть очевидные вещи. Его с самого начала ждали, а тут появился я, да ещё и с его вещами. Красота. Отличный из меня получился тактик и стратег.

– Почему меня не схватили сразу? – совсем расстроился я. – Ведь вы же были рядом все это время.

Харальд бросил взгляд на священника и, дождавшись его кивка, сказал:

– Сначала мы решили, что Вордо перекупили ..., а потом стало понятно, что кому бы то ни было вряд ли придет в голову использовать настолько ... человека. Я получил разрешение от отца Тука просто приглядывать за тобой, не попадаясь на глаза.

– Но ведь сумку и вправду могли забрать! – отчаянно вос-

кликнул я. Все услышанное до сих пор поднимало во мне волну отчаяния. Оказывается, у меня не было ни малейшего шанса.

Но и тут меня ожидало разочарование.

– Не могли, – сочувствующе произнес отец Тук. – В мире вряд ли найдется много людей, которые позарятся на вещи человека из Инквизиции. Сумка – это наш знак, мало кто из людей может похвастаться, что его никогда не видел. Ну и цвет мы выбираем ему под стать.

Меня окончательно раздавило знание того, что все, что я задумал, изначально было обречено на провал.

– Вещи тоже вы подрезали? – буркнул я.

– Простите? – не понял Харальд. Ещё бы, ведь последнее слово я произнес по-русски.

– Мои вещи забрали вы? Я целую ночь спал голый, без крошки во рту, – обиделся я.

Харальд и не подумал хмуриться в ответ на мой упрек.

– Да нет, один ловкий малец, которого ты не заметил, когда ... принять ванну. Я решил, парень заслужил ..., так что мы лишь отобрали у него нож.

Я вздохнул. А что мне ещё оставалось? Приходится признать поражение по всем пунктам. Мои гениальные идеи на поверку не выдерживали никакой критики. А будущие наниматели, несомненно, убедились в моей полезности. Из качеств, которые теоретически можно поставить мне в плюс, была лишь упертость. Довольно неплохая характеристика...

для барана.

Впрочем, как выяснилось, я ошибся и тут.

– Кстати, – вдруг оживился отец Тук. – Осталось уточнить ещё кое-какие детали. Где ты научился так говорить и каким образом выжил после укуса пестрой гадюки?

Приехали. Почувствуй себя дедушкой без кислородной подушки. Хотя нет, дедушка сидел напротив и прекрасно без неё обходился. Воздуха не хватало мне.

Ну и что мне ему ответить? Правду и только правду? Ее у меня не было. Да я даже себе не могу толком объяснить, что происходит. Что уж говорить про ответ священнику. Сожгут, я даже закончить свой бред не успею. А отвечать что-то надо, вон как на меня уставились.

Возможно, мне предстоит совершить самую страшную ошибку в своей жизни. Как я говорил, миром владеют не деньги, а те, у кого есть информация. Фактически, этот отец уже знает обо мне практически все. К счастью, ему неизвестно о моей способности видеть эмоции, обращенные ко мне. Но в этой беседе от нее вообще никакого толка. Возможно, в будущем она ещё не раз спасет мне жизнь, но сейчас мне нужно хотя бы ее постараться сохранить в тайне.

И я рассказал им, как впервые очнулся в шахтах, как добывал еду, как увидел море и солнце в первый раз. При этом мне не хотелось даже смотреть в их сторону, чтобы не разглядеть на их лицах свой приговор. Я до того устал контролировать каждое слово, что в какой-то момент едва не ляп-

нул про другой мир. Нет уж! Это прямой путь на костер.

Закончил свое повествование, поднял голову и взглянул в глаза отцу Туку.

– Я не помню, кто я, не знаю, где я. Вы спрашиваете, как я научился говорить таким странным образом? Отвечаю: просто запомнил слова и примерный их перевод. За один день. И продолжаю это делать. Когда говорите вы, в моей голове что-то подбирает значения и тоже их запоминает. Вы думаете на своем языке, мне приходится несколько раз переключать значения, чтобы в итоге подобрать правильное и ответить вам так, чтобы вам оказался понятен смысл.

Интересно, священник разобрал хоть что-то из того, что я наговорил? До сих пор мне не приходилось столько вещать, к тому же несколько слов я явно произнёс на чужом для них языке.

На этот раз мне были явственно заметны сомнения священника не только на его лице. Его воля и контроль дали трещину или он впервые за все время подумал обо мне как о человеке, и из него вырвались наружу цветные сполохи эмоций. У меня на губах потрескивал песочек страха и расплзлось черное пятно ужаса. Может, зря я так? Не стоило рубить правду-матку. Похоже, конец. Ну что ж. Добивать, так добивать.

– И про змею эту вашу мне сказать нечего. Когда меня укусили, решил, что все, каюк, – я подавил нервный вздох. – Очнулся уже у вас.

Воцарилась гробовая тишина. Каждый думал о своем. Мне почему-то вспомнилась баня у одного из клиентов отца. Тогда он по одному ему ведомой причине решил взять меня с собой. И вот паримся мы впятером, дышим через силу, потеем, а человек, который занимался там организацией культурных мероприятий, заглядывает вдруг к нам, одобрительно оглядывает каждого с головы до ног и глубокомысленно произносит, что, мол, самый хороший жар от березовеньких поленьев, а их у него страсть как много. «Для сугреву хватит». Интересно, а у этих двоих березовенькие есть? Или мне придется коптиться на медленном огне. Что-то мне подсказывает, что эти двое имеют прямое отношение не просто к церкви, а к ее боевому крылу – Инквизиции.

– Хм, – наконец глубокомысленно изрек священник, выбираясь из кресла. – Вот никогда раньше нечистого не поминал, а сейчас хочется.

– Так, и помяните, – хмыкнул Харальд. – Не думаю, что ему понравится, если его сам отец Тук вспоминает.

Священник строго посмотрел на помощника, ещё больше сдвинул брови, но так и ничего не сказал. Вместо этого прошелся до библиотеки, что-то там высматривал минуты три, ковырялся в корешках книг, затем стал, словно маятник, нарезать круги между своим столом и дверью. Когда он оказывался за моей спиной, я чувствовал его тяжелый взгляд, прочем теперь в нем сквозило скорее недоумение, чем страх. И присутствовала капелька смущения. Видимо, отец Тук сам

от себя не ожидал подобной бурной реакции и теперь слегка досадовал на себя. А чувствовал я все это, потому что мысли священника так или иначе крутились вокруг меня. Вот тебе и методика по мониторингу. Если выживу.

– И что, вот прямо-таки из пещер и собирал там разных тварей? – недоверчиво спросил отец Тук.

– Прямо оттуда.

– И собирал, и ел? – продолжал допытываться старик.

– Собирал, – ответил я. – Ел несколько раз, когда становилось совсем голодно.

Старик с улыбкой кивнул.

– И что, еще хочется?

Меня передернуло от воспоминаний.

– Даже вспоминать о них не хочу! – горячо сказал я. К чему это он клонит?

– Хм, – покачал головой старик. – Пробовал и не хочется еще? Чудеса прямо.

А что в этом такого? С детства не приучен жевать улиток, национальность неподходящая.

– А почему вас это удивляет? – рискнул спросить я.

Старик зыркнул на меня исподлобья, покачал головой, но решил пояснить:

– Вот что меня удивляет, Маркус, города наводнены этой дрянью, а он даже не подозревает, что целый месяц собирает ее для людей, которые травят других своей зловещей похлебкой. Они привыкают к этой гадости и готовы на все, что-

бы заполучить хоть чуть-чуть.

Я про себя присвистнул: все встало на свои места – вот, значит, зачем все эти манипуляции! Из улиток делают наркотики! И я целый месяц жил среди сложившихся наркоманов, которых охрана периодически подкармливала этой гадостью! При мысли о том, что и я с лёгкостью мог оказаться там, среди этой грязной массы, и рано или поздно окончил там свои дни, меня бросило сначала в жар, потом в холод. Вероятность того, что я избежал этой участи, стремилась к нулю. Немудрено, старик так удивился. Тут попахивает чудом.

– Я не ел эту гадость, – пояснил я. – Когда нам клали ее в еду, это чувствовалось по запаху, в такие дни мне приходилось ложиться голодным, но к этой отраве я не прикасался.

Отец Тук фыркнул.

– Чтобы привыкнуть к этой, как ты правильно сказал, гадости, нужно всего лишь пару раз это попробовать. Даже в сыром виде. А людей в таких местах кормят этой штукой три раза в день, чтобы лучше работали. Пока они это едят, нет работников лучше, но стоит подержать их без нее несколько дней, как от человека остаётся лишь его тень, – отец Тук посмотрел на меня так, словно готов был влезть в мою голову прямо сейчас. – Я первый раз вижу перед собой человека, который провёл в таком месте месяц, и способен после этого сидеть и со мной разговаривать.

Я открыл рот, чтобы возразить, но не нашёлся, что можно

сказать в свою защиту, зато у других идей оказался предостаточно.

– Костер? – деловито поинтересовался у священника Харальд.

Страх слегка кольнул, но тихонько, словно уже устал и всем видом показывал: да ну его!

– Надо бы, – поморщился отец Тук, но тут же добавил. – Нет, как-то это все запутано чересчур. Нарочно не выдумать. Эй, юноша, в театре играть не приходилось? Нет? Ну ладно. Но вот что интересно: не мог тебе Вордо не сказать, что рано или поздно эльфы тебя найдут. В лесу должна была остаться вся компания. А они не хуже нашего могут ауру снимать, тем более с мертвецов. Ты же от них так бежал, когда чуть границу леса не проскочил?

– От них, – подтвердил я. – Только Вордо меня научил, как сделать так, чтобы они мою ауру прочитать не успели.

– Я сплю или умер, – воскликнул вдруг старик, всплеснув руками. – Что ты такое Вордо сделал, что он тебе столько всего выложил? От него иной раз слова не добиться. А тут такой говорун. Ну и? Чего он тебе присоветовал? – старик заинтересованно замер у камина, уставившись на меня, от него несло недоумением и раздражением. – Не томи.

– Он получил мое слово, что я доставлю сумку его друзьям, – сказал я. – И не позволю эльфам управлять его телом после смерти.

Что мои собеседники напряглись, я заметил сразу. Только

виду не подали. А вот в эмоциональном плане передо мной только что разорвалась атомная бомба, ну или два тактических ядерных боезаряда точно. Меня едва не сбросило со стула, но они даже не заметили, впившись в меня глазами.

– Он сказал, что единственный способ не дать им прочитывать мою ауру и не позволить завладеть его душой – сильно повредить голову человека, – закончил я. – Тогда след пропадет за час, как у обычного предмета.

– И ты раздолбил головы всем погибшим, включая эльфов? – ошарашенно спросил Харальд, от него ко мне потянулись щупальца изумления и ужаса. – И тому, что с необычным оружием тоже?!

От священника исходило нечто подобное, но гораздо более насыщенное, с чётко очерченными границами. Я даже боялся смотреть в его сторону, до того жуткая картина мне открывалась.

– А он что, какой-то особенный? – осторожно поинтересовался я, не понимая, что происходит. – Его голова ничем особенным не отличалась. Если бы не его оружие, у меня ничего не вышло, только благодаря этой штуке, я закончил так быстро. Острая и тяжелая, как целое дерево.

Отец Тук поперхнулся и Харальд долго и аккуратно стучал ему по спине. Выглядели оба до крайности изумленными, но молчали, перебрасываясь таинственными взглядами.

Невидимые облака недоумения, страха и чего-то ещё, чему у меня пока не было названия, продолжали виться вокруг

них, но уже не с такой интенсивностью.

– Крикни, чтобы вина что ли принесли, – старик, сторбившись, опять взгромоздился на свой насест. – Только не ту кислятину, что мне приволокли вчера. Если не понравится, допивать будешь сам.

– Я не пью вино, – укоризненно произнес Харальд, бросив в коридор короткое распоряжение.

– Твои проблемы, – пожал плечами отец Тук и обратился ко мне, но вопрос был задан Харальду. – Вот скажи, у тебя там все такие, – он покрутил в воздухе пальцами, – необычные?

– Настолько умных мало, – сознался Харальд, поглядывая в мою сторону.

– И то хорошо, – отец Тук вздохнул и тут возмущенно рыкнул, – ну и где же мое вино?

Он потер, лицо обеими руками, провожая взглядом исчезающего за дверью воина, потом повернулся ко мне. В глазах и всей позе читалось крайнее раздражение, а эмоции, которые он почти перестал контролировать, говорили об усталости и досаде. Страха в его чувствах я больше не видел. – И откуда ты на мою голову взялся?

– Из пещер, – ответил я на риторический вопрос.

– Ну и сидел бы в своих пещерах! – мгновенно вспыхнул старик. – Чего тебе там не сиделось? Жрал бы улиток, – ему захотелось продолжить, но он сдержался. – Наворотят дел, а старику разгребать, – ворчал он, понемногу успокаива-

ясь. – Уж лучше бы ты магом приличным оказался, – вздохнул он. – Сожгли бы и все, никаких проблем. А теперь...

– А что теперь? – мне все сильнее хотелось узнать, что же такого я натворил. – Вы можете мне сказать? Я ничего не понимаю.

В этот момент в кабинет вернулся Харальд с бутылкой вина под мышкой и двумя чашами в руках. Отец Тук уставился на бутылку подозрительным взглядом.

– Все, что есть, – Харальд показал темное горлышко. – В этой дыре лучшего не найти.

Глава 2

В обратный путь меня отправили на своих двоих. Ни отец Тук, я, кстати, наконец-то вспомнил, где слышал это имя, ни Харальд вином делиться не собирались. Едва гранатовая жидкость коснулась доннышек обеих чаш, в кабинете материализовались два добрых молодца, и меня под белы ручки вынесли из комнаты. Последние слова, которые зацепил мой слух, произнес помощник священника:

– Что будем делать? – И всё, дальнейшее скрыла закрытая дверь.

Самое печальное в случившемся то, что мне так и не удалось узнать, во что я вляпался на этот раз. Реакция моих новых знакомых говорила о том, что, вполне возможно, и предыдущая полоса была далеко не черного цвета.

Коридор, по которому мы шли втроем, все не кончался. Из-за того, что я не знал, как попал в рабочий кабинет отца Тука после экзекуции, нельзя было определить, ведут ли меня обратно или переводят на новое место. Также непонятно, показал ли я себя с хорошей стороны или, наоборот, они лишний раз убедились, что с таким идиотом нельзя иметь никаких дел. Разговор оборвался на середине, а поводом тому послужила информация, как я обошелся с трупами эльфов. Что-то не похоже, чтобы они сильно обрадовались, узнав о моих подвигах. Выходит, Вордо меня подста-

вил? При этом он не соврал, что говорит о том, что у меня все равно не было выбора.

Вниз уходили широкие ступени, коридор уперся в невысокую арку. До сих пор дорогу освещали факелы, распространяющие тусклый дрожащий свет, дальше же царил полумрак. Да и воздух слегка поменялся – заметно выросла влажность. Не припомню такого в прежней темнице.

– А куда мы идем? – вопрос, согласен, звучит по-дурацки, но что ещё спрашивать?

Ответили мне неожиданно резко, я почти упал на пол от удара по печени. Мой возмущенный вопль превратился в судорожное хрипение. Прийти в себя мне не дали. Ребята снова подхватили меня под руки и рванули вниз по лестнице. Мне оставалось лишь хлопать глазами и впихивать в легкие воздух, ставший вдруг неподатливым.

Незванные помощники умело маневрировали, что выдавало изрядный опыт. Мы миновали несколько пролетов, где свет почти совсем отсутствовал, и очутились в длинном коридоре, вдоль которого во тьму с каждой стороны уходили вереницы дверей. Металлических, с огромными навесными замками и окошками на щеколдах сверху и снизу. Один факел на весь коридор придавал мрачному подземелью вид из какой-нибудь игрушки про мертвецов. Не хватало поскрипывающих цепей и шорохов за закрытыми дверьми.

– Это чего такое? – мой голос сам выдал мой ужас без моего участия. И куда-то подевалось моё красноречие.

К счастью, на этот раз обошлось без рукоприкладства. Меня поставили лицом к стене, так что поле зрения сократилось до куска стены перед носом. В голове крутилось одно слово: финиш. Называется, завоевал доверие. И чье доверие мне оправдывать здесь? Крыс? Уж лучше бы действительно остался в пещерах. Там хотя бы все было известно наперед. Вот только кто бы спрашивал мое мнение?

– Кого тут принесла нелегкая? – прошелестел чей-то бесплотный голос, пробравший меня до костей.

– Тринадцатый номер открой, к тебе постоялец, – сказал один из моих сопровождающих.

– Ох, ты ж, тринадцатый! – в голосе невидимки проснулась неподдельная радость, отчего у меня началась нервная дрожь. Тринадцатый! И тут повезло! – Вот радость-то! – где-то рядом засопели, захлюпали в беззвучном хохоте. Мне пришло на ум, что потерять сознание сейчас самое время. К несчастью, у меня крепкое здоровье. И у этого Иана тоже. Несмотря на косяк со строением тела.

Мимо прошуршали шаги, через некоторое время за спиной ничего не происходило, а затем раздался просто убийственный скрип открывающейся двери и позвякивание ключей друг об друга. Я сразу поверил, что постояльцев в тринадцатую приходится ждать очень долго. И вот удача, я тут как тут.

– Давай туда, – подал голос второй из сопровождающих, и меня подтолкнули в бок, не особенно сдерживая при этом

силу. Последние шаги мне чудом удалось не упасть, я схватился за что-то, на поверку оказавшееся тщедушным телом тюремщика, и тут же отпрянул в сторону. Лучше валяться в грязи, чем ещё раз дотронуться до этого существа! Мне немедленно захотелось помыться, чтобы на мне не оставалось даже его чувств. Где бы раздобыть душ?

– А ужин когда? – спросил я, стараясь, чтобы не слишком дрожал голос.

Кто-то усмехнулся за спиной, и меня втолкнули в камеру.

– Шутник, – услышал я напоследок, перед тем как камеру закрыли. – Не скучай, – а это уже пожелание после.

Меня бесцеремонно впахнули в темный провал, который казался дырой в преисподнюю на фоне чадающего пламени факелов в руках тюремщика. Тяжелая и толстая, как в банковском хранилище, дверь со скрежетом и грохотом окончательно отрезала меня от свободы и света. Мои провожатые не постеснялись придать мне приличное ускорение, и в падении я со всего маху врезался головой в стену, лишь в самый последний момент мне удалось прикрыться руками, ими же и пожертвовав. Удар выбил из меня дух, я сполз по стене, едва не подарив тем, кто азартно замер за дверью, мой болезненный стон. Снаружи некоторое время было тихо, затем послышался разочарованный возглас, и звук тяжелых шагов возвестил, что мои конвоиры, лишившись ожидаемого развлечения, потеряли ко мне интерес. Следом за ними вдали

быстро затихло шарканье тюремного надзирателя. Я остался один на один с темнотой и мрачным безмолвием, которое не нарушалось даже стуком капель о камень – абсолютная тишина стала моим сокамерником.

В камере оказалось темно, как в могиле, так что не разглядеть даже намека на очертания, можно было шевелить пальцами у самых глаз, но лишь чувствовать их, как чувствуешь любую частичку тела, даже если и не видишь ее. Стоило ли без оглядки бежать из шахт, чтобы снова попасть в темницу еще более темную и мрачную, чем та, откуда меня вытащил случай? На меня накатила волна всепоглощающей ярости, когда человек способен на любой самый безрассудный поступок в жизни. Я стоял на месте и скрежетал зубами от бессильной злобы. Попадись мне этот старикашка, с каким удовольствием я вцепился бы ему в шею и давил, давил, давил... Скулы сводило от ярости, лишь каким-то чудом мне удалось подавить порыв броситься с кулаками на дверь. Я издал звук, похожий на скрип тормозов, и крепко зажмурился, сдерживая дрожь во всем теле. Так, стоп, стоп, делу не поможешь, разбрызгивая слюну от бешенства. Нужен какой-то план.

Постепенно я успокоился, правда, сколько перед этим прошло времени и сколько усилий потребовало, судить не берусь. Усевшись на колени прямо на холодный каменный пол, я положил на него ладони и только тут понял, что у меня, очевидно, жар – камень обжигал холодом, но это как раз то, что сейчас нужно – остыть. Воздух вырывался из горла,

как из забившегося сифона, со свистом и рывками, способными напугать любого врача.

Сколько я так просидел, не знаю, но, когда я поднялся, в голове остались обрывки гнева, а в груди разгоралось холодная ярость, не мешая мыслям и оставляя рассудок в покое. Я не забыл, просто сейчас не время. Мечь – это блюдо, которое подают холодным.

Покончив с эмоциями, точнее запрятав все это поглубже, я получил обратно возможность действовать, и немедленно ею воспользовался. Пусть меня подводят глаза, но сколько пленников прекрасно обходились без них какое-то время? Меня переполняла мрачная сила, которая требовала, взывала к движению. Ещё чуть-чуть, и мое тело, кажется, начнет рваться на свободу само.

Я пошёл по пути всех узников, в распоряжении которых оказалась вся камера, и они пользовались иллюзией свободы, а не висели в кандалах на стене, или не были прикованы цепью, как злобные псы во дворе. Да-да, мне пришло в голову, что измерить размер помещения, которое мне досталось на неопределённый срок, – весьма неплохая идея, которой стоит посвятить время, тем более этого ресурса у меня теперь было с избытком. Кроме того, вполне возможно, я найду что-нибудь интересное, что смогу использовать в дальнейшем.

Выяснилось, что я стал обладателем роскошных апартаментов двух метров в ширину и трех – в длину. Высоту опре-

делить так и не удалось – руки не дотягивались до потолка даже в прыжке, хотя это и не самая сильная из моих спортивных кондиций по крайней мере в нынешнем теле. Выход из камеры преграждала исполинских размеров железная дверь в такой же железной стене. Листы металла стыковались не лучшим образом, поэтому в нем нащупывались щели, но свет снаружи отсутствовал. Невозможно было проверить, сквозные ли они, или поверхность выполнена из нескольких слоев. На ощупь она оказалась массивной, ничуть не менее крепкой, чем камень стен.

Сколько я ни пытался нащупать замочную скважину, мне это не удалось, поэтому на планы по взлому замка время можно было не тратить. Никаких щелей и стыков камней в полу и стенах не обнаружилось, из чего я сделал неутешительный вывод: камера, скорее всего, выдолблена в скале, расковырять раствор и вытащить отдельные камни, из которых могли бы быть сложены стены, как и организовать подкоп, у меня не получится. Тут не поможет ни металлическая ложка, ни ручка от ковша с едой, разве что где-то раздобыть отбойный молоток, но мечты о нем были сродни желанию заполучить автомат – нереальные и несбыточные. Из камеры вел только один выход, через чертову дверь, так я сюда попал, лишь таким же способом ее и покину.

Период бурной деятельности сменился полной апатией. Мысли вязли во тьме не хуже, чем мухи при попадании в мед. Все попытки составить план натыкались на несокруши-

мую железную дверь, которая в моих мыслях представляла собой некую точку, вехой, дальше которой начинался другой мир. Как обойти это препятствие, как разрушить, открыть, просочиться сквозь щели, я придумать не мог, – любой способ был бы хорош, если бы вел наружу, но в том-то и дело, что пока с этим не слишком ладилось.

Мне оставалось лишь ждать, что будет дальше.

До этих пор я и не догадывался, как опасна может быть темнота. Она, независимо от твоего желания, будит твоё воображение, но это не то безобидное чувство, которое свойственно детям и позволяет им спокойно играть одним, часами проводя время с машинками, куклами или солдатиками, на ходу выстраивая забавные истории о приключениях любимых героев. О! Все гораздо хуже, чем вы себе представляете.

Изддревле люди боялись темноты и всячески избегали сумрачных мест, она всегда ассоциировалась с опасностью, страхом и неизвестностью. И горе тем, кто вынужден остаться во мраке надолго, но есть вещи гораздо хуже: когда темнота и тишина встречаются вместе и сами начинают нашептывать тебе сказки.

Чувство времени в одиночестве пропадает сразу, если же тебе нечем заняться, оно растягивается до бесконечности и от него не спасает ни сон, ни бешеная активность, потому что ты не знаешь пределов тому и другому. Очувтившись в

самом углу своей камеры, я забился туда, как в нору, словно в этом месте до меня не доберутся страхи, пронизанные темнотой. Зжатые коленями руки почти перестали дрожать, холодный камень пола и стен пробирался под кожу, вгоняя в состояние, близкое к бессознательному, словно делая из меня эмбрион, без мыслей, без желаний, почти что без жизни. Так я, видимо, и заснул, забывшись в каком-то полусне-полузабытьи, периодически вздрагивая от ожидания звуков, но тьма безмолвствовала, не давая глазам ни капли пищи.

Три раза мне приносили пищу, а я так и не понял, как она попадала в камеру: со стороны двери раздавался сильный скрип, я бросался на него грудью, как будто герои последних войн на пулемет, но так ни разу и не обнаружил даже следа окошка, через которое мне подавали миску. Несколько раз я кричал им вслед, требуя позвать отца Тука, направляя в безответную тьму вопросы и проклятия попеременно, но и эти мои проделки так и остались совсем без ответа.

Вы любите острые ощущения? Лично я никогда не понимал тех, кто пускался во все тяжкие, чтобы ему не было скучно. В жизни и так полно бесплатных развлечений на любой вкус, чтобы еще платить за то, чтобы тебя скинули с моста на длинной веревке или молиться под куполом парашюта, глядя на точки домов под ногами. На первом месте для меня всегда был ресторан, в котором ты должен принимать пищу в абсолютнейшей темноте. Особым шиком считается, когда

ты лезешь в тарелку руками. Что ты ешь? Чем тебя кормят предприимчивые ребята? Я, как мог, отбивался от этой истории дома, хотя приятели звали наперебой. И в очередной раз убеждаюсь в том, что Вселенная явно насмехается над нашими мелочными потугами. Мне достался наиболее мрачный из всех вариант.

Мне казалось, что в этом мире меня больше нечем смутить, как же я ошибался! В шахтах я как минимум видел, что мне приходилось есть, и желудок, хоть и протестовал, но кое-как мне удавалось прийти с ним к соглашению. На этот раз дела обстояли гораздо хуже, и доводов разума он не слышал. Воображение подсовывало какие-то совсем уж отвратительные ассоциации, и я просто не мог себя заставить даже взять миску в руки. Вполне хватало запаха, который заполнял камеру, чтобы, отойдя от безуспешных попыток найти щель в двери, я забивался в дальний угол камеры и старался не думать о еде, но она занимала все мысли.

На второй раз я все-таки попытался заставить себя поесть, но все закончилось опрокинутой миской и разлитой едой, а меня вывернуло наизнанку при мысли, что я грязными руками загребаю шевелящееся нечто в тарелке... Господи, я долго потом не мог успокоиться, трясущиеся руки пытался прижать коленями к полу. И дело тут вовсе не в перепачканных руках – я не какой-нибудь там чистюля, – а в проклятом воображении, что рисовало мне невесть что.

Только в четвертый раз, когда от голода стало сводить

внутренности, я смог дотронуться до пищи и даже, закрывая нос и отчаянно представляя себе что угодно, но только не сам процесс, сделал несколько глотков жижи – воду тюремщик явно сливал в ту же самую емкость, предпочитая не заморачиваться с разной посудой.

Чего мне стоило спокойно поставить миску на землю, а не разбить ее о железную дверь, я сказать не берусь. Но с этих пор я почувствовал, что ещё один слой цивилизованного общества слетел с меня, как высохшая луковичная шелуха. Больше меня не трогали ни вонь в камере, ни скользкие от грязи полы, ни влажная слизь на стенах. Во мне словно надломился последний стержень, за который держалась моя прежняя личность.

Вечная тишина и темнота постепенно наполнялись звуками, которых я поначалу не слышал. Стоило с силой зажмуриться, перед глазами плыли картины, нарисованные воображением и домысленные, дописанные в голове, которой больше нечем заняться. Темнота и одиночество гораздо быстрее справлялись с моим рассудком, чем бессмысленная работа день ото дня.

В один из таких моментов, когда день для меня перепутался с ночью, а небыль с реальностью, за металлической стеной, ставшей для меня символом моего заточения, возникли легкие шаги, к ним присоединилось шарканье ног тюремщика, которое я уже безошибочно различал в оглушающей

тишине. Ого! Что-то новенькое?! Я стремительно выпутался из сетей своих грез, поднял голову и принялся вслушиваться в новые для меня звуки.

Загремел, заскрежетал замок, я от неожиданности вскочил на ноги: неужели срок моего пребывания закончился?! Я знал, что я здесь ненадолго, потому что не зря же отец Тук был так озабочен, когда я рассказывал ему об изувеченных телах людей и эльфов. Теперь настало время узнать о том поподробнее.

Дверь отчаянно заскрипела и первое, что мне бросилось в глаза, – свет факелов, от которого я успел совершенно отвыкнуть. Чтобы не ослепнуть, мне пришлось прикрыться руками, так что даже число гостей осталось для меня загадкой.

– Отец Тук? – позвал я. – Отец Тук, вы здесь?

Ответом мне было несколько нестройных смешков, а затем кто-то буркнул:

– Что он здесь такого не видел? – голос грубый и незнакомый. – Давайте не тяните, вам что нравится эта вонь? Заканчивайте побыстрее!

Я оторопел: заканчивать с чем они собирались?!

В камеру ввалилось ещё несколько человек: я услышал их торопливые и резкие шаги. Затем цепкие и сильные пальцы схватили меня за руки, отодрав их от лица, но по-прежнему я не мог открыть глаз, чувствуя, что прошло слишком мало времени, и к свету они не привыкли.

– Эй, что вы делаете?! – услышал я свой возмущённый

воплъ.

– Заткни ему рот, – недовольно бросили рядом, и практически сразу мне в лицо ткнули чем-то мокрым и грубым. Я попробовал сопротивляться, но заработал лишь удар в живот и проклятия с двух сторон. – Будешь себя плохо вести, нам придётся заняться тобой чуть раньше, чем будет необходимо, – прошипели мне в ухо, и я вынужден был признать, что им удалось меня напугать.

Мне воткнули кляп, кто-то держал за руки, несмотря на прибавившееся освещение, я начал приоткрывать глаза: пока передо мной плавали разноцветные пятна, да покатались слезы, как будто надышался резаным луком.

Где-то рядом загремело железо, звук приближался, не предвещая ничего хорошего.

– Куда бить? – осведомился неприятный утробный голос, на что я отчаянно закрутил головой и сжался, предчувствуя скорую развязку.

– Да как обычно, чего ты, как маленький?

– А чего я-то?! – возмутился голос. – В прошлый только нога была.

– Так-то в прошлый, а сейчас бей как обычно.

Я наконец стал различать детали: сквозь слезы проступили силуэты пяти человек, меня держали двое, еще один расхаживал по камере, тогда как оставшиеся копались внизу. Что они там делают, не было видно, спиной одного из них загораживался весь вид.

Тот, что стоял передо мной, обратил внимание, что я приоткрыл глаза, по широкому, плоскому лицу прокатилась усмешка.

– Не шуми, – сказал он и похлопал меня по плечу.

Снизу опять послышался металлический звук, и я разглядел, что звенела длинная ржавая цепь с зажимами по концам. Двое людей, сидя на корточках, закончили приготовления, и я увидел, что они подтаскивают к моим ногам металлическую коробку с ручками, пышущую жаром, как переносной камин. Мне задрали штанину, приладили к ноге колодку и положили ее на плоскую металлическую площадку сверху коробки. Один из двоих сунул что-то в раскаленные угли, затем зацепил красного червяка металлическими щипцами и поднес к кандалам. А дальше я испытал самую страшную боль, которую когда-либо чувствовал за свою жизнь.

– Че ты ему ногу-то палишь? – врезал подзатыльник один другому. – Он так до господина Крысы и не доживет.

Сквозь боль и слезы я слушал этот обстоятельный разговор и мне хотелось выть не только от боли, когда на кожу падали капли раскаленного металла, но и от безысходности. А я-то боялся, что обо мне забудут, и я так и сгнию здесь или сойду с ума (что более вероятно) в этой темнице. Как бы не так, вот обо мне вспомнили, да так, что я уже сто раз пожалел о своих мыслях.

Очнулся я опять в темноте, но на этот раз скованный по рукам и ногам. Помимо ожогов, которые до сих пор прино-

сили нестерпимую боль, цепь не позволяла мне даже опуститься на пол, так что, вконец измотанный, я повис на своих кандалах, будто сказочный злодей, пойманный богатырем и закованный в кандалы в назидание другим.

Палачи знали, что делали. В таком положении невозможно заснуть: через какое-то время руки и ноги начинают стремительно затекать, немея и теряя чувствительность. Приходилось менять позу, подолгу стоять, посылая проклятия на головы тех, кто посадил меня на цепь, как бешеную собаку.

Следующего посетителя я встретил в совершенно разбитом состоянии, места на коже, куда попал раскаленный металл, пылали нестерпимым огнем. В бессознательном состоянии я ещё больше расширил раны, и теперь даже малейшее прикосновение причиняло нестерпимую боль. И при этом я до сих пор не знал, чего от меня хотят.

Дверь распахнулась, я опять зажмурился, пряча лицо от отплясывающего на стенах огня. Сквозь сомкнутые веки я почувствовал, что источник света уже в камере.

– Что от меня хотят?! – спросил я, не открывая глаз. – Мне нечего скрывать, я и так все расскажу.

Мои глаза привыкли к свету на этот раз гораздо быстрее, чем в прошлый. Поэтому гостя я увидел практически сразу. Передо мной стоял человек, весьма, на мой взгляд, небедный, с претензией на утонченность. Об этом свидетельствовала его одежда, стоившая явно немало: кожаные штаны весьма сложного покроя, с фонариками ближе к коле-

ням, высокие туфли со знакомыми заостренными концами, а также светлая тонкая рубашка с высоким воротником и с широкими рукавами, на шее у него был повязан цветной платок, небрежно затянутый крупным узлом на конце. Весь его вид говорил, будто незнакомец только что с бала, и его наряд в таком месте был совсем неуместен.

Черты лица его резко контрастировали с великолепным нарядом: на вытянутом, словно пересушенная вобла, лице выделялись острые горки носа и губ, все вместе образовывало какую-то странную картину незаконченности образа, как будто что-то самое важное вырезали из фотографии. И только стоило ему растянуть тонкие губы в улыбке, как я понял, что первоначальный образ – ошибочный. Вот она, недостающая часть, деталь, от которой мурашки бежали по коже и отчаянно заныли израненные руки и ноги.

– Мне сообщили, что мальчик вел себя неподобающим образом, – радостно сообщил мне незнакомец, обведя меня удовлетворенным взглядом. – Придётся хорошенько его наказать.

В узких почти бесцветных глазах палача (я почти не сомневался в его профессии), плескалось море безумия. Это взгляд приводил в ужас и лишал желания жить: слишком много страшных обещаний читалось в их глубине. В этот момент я почти пожалел, что той проклятой змее не удалось оборвать мою жизнь.

У моего персонального мучителя оказалось забавное имя – Крыса. Как ни странно, он ничуть не стеснялся этого прозвища, немедленно оповестив об этом меня. И почему я сразу не заметил: в его лице с достаточной лёгкостью читалось сходство с серыми обитателями помоек и тюрем. Я жаловался вам на скуку? Забудьте мои слова, теперь я готов отдать все, что есть, за спасительную темноту, за тишину, в которой крики не разрывают барабанные перепонки, это мои крики не дают спать обитателям этих мест, если здесь вообще водится кто-то другой.

Я рассчитывал, что его устроят подробности моей жизни, хоть их и не так много, но я припомнил все, что могло представлять ценность. Я даже готов был проделать весь путь обратно, чтобы найти банду, которая занималась наркотиками, но мне лишь по-доброму, с любовью смотрели в глаза и втыкали в тело очередной гвоздь или отрезали кусочек, чтобы подпалить его и дать от души насладиться запахом паленого мяса, который приводил меня в исступление.

О! Крыса оказался мастером своего дела, он резал человека на части, медленно, по кусочками, вытягивая ровно столько страданий и криков, чтобы жертва не выдохлась окончательно, чтобы остановить ей сил на завтра, на послезавтра, чтобы и через месяц она все так же надрывалась от боли, заходила в крике, который ласкал его извращенное самолюбие.

Иногда он снисходил до того, что кормил меня с ложечки,

уговаривая съесть кусочек «за его здоровье», а уже через час старательно загонял иглы под ногти, наблюдая, как я бьюсь в кандалах об стену.

Я с трудом вспоминаю это время. День стал для меня болью, тогда как ночь – пыткой. Оказалось, что это разные вещи. Крыса приходил дважды в день, чередуя инструменты и способы, так что в конце концов этот диафильм слился в одно целое страшное цветное пятно, свет заставлял меня вздрагивать всем телом и вжиматься в стену, насколько позволяли ненавистные цепи. Ночью самым страшным моим мучителем стал сон, самое спасительное для любого нормального человека состояние, позволяющее восстановить силы, излечиться от болезни, прийти в согласие с собой, для меня несло лишь страдания. Спать стоя давно не было сил, мое тело замирало в неудобной позе, а кандалы, впиваясь в кожу, рвали без жалости незаживающие раны. К приходу Крысы я не чувствовал рук и ног, испытывая ни с чем не сравнимые мучения, воспаленного, затекшего тела, которое никак не может получить даже крохотную частичку отдыха.

Разум мой едва теплился, постепенно переставая реагировать на пытки, и тогда Крыса изобретал что-то новое, приводящее меня в ужас, а моего мучителя в неопишуемый восторг. Так продолжалось, казалось, вечность.

Ума не приложу, как узники выживают в таких условиях месяцами, уже не говоря про годы. Иногда мне кажется, что мой век подошел к концу. Сил держать себя человеком по-

что не осталось, и, пусть я чувствую, что физически меня не сломили, мой рассудок замер на грани. Нас, современную молодёжь, не готовили к подобным испытаниям, если к такому вообще можно хоть как-то подготовиться.

Мне не сказали, почему держат здесь. Я не знаю, сколько ещё протяну и увижу ли ещё хотя бы раз солнечный свет. Я даже себе не могу объяснить, как мне удастся держаться, – кажется, сила воли давно покинула меня, оставив тончайшую нить животного инстинкта, который цепляется за жизнь всем, что у нас осталось. Наверное, есть в нашем существе что-то за пределами силы воли, инстинкта и чувства самосохранения, что-то, что дано нам свыше. Когда у человека отняли даже надежду, остается эта непонятная часть, последний резерв, который держит на плаву и не дает сделать шаг за грань, даже если мы говорим «больше не могу».

Кто бы мог подумать, что мои способности окажутся моей слабостью? О да! Из тайного оружия они превратились в моё проклятие. Мало того, что Крыса отличался извращенным разумом, так ещё и его чувства стали для меня пыткой гораздо более изощрённой и страшной, чем раскаленные гвозди, иголки или клещи. В течение всего процесса он страстно обожал свою жертву. На свой лад заботился о ней и лелеял. От него исходила волна такого нестерпимо гадкого сладострастия, когда он загонял иглы под ногти, что выдержать ее мне оказалось совсем не под силу. Тут-то и повыле-

зали подводные камни моего умения воспринимать чужие эмоции: если я находился вплотную к источнику, его страх, недоумение, раздражение – все это накладывалось на мои, во сто крат умножая их. От них не существовало защиты, или я не умел ею пользоваться – все едино, его аура поглощала мое сознание без остатка. Оно разрывалось под воздействием собственной ненависти и чужой любви. После очередной пытки я не знал, кричу ли я от боли или от наслаждения, но изредка в моей памяти всплывали моменты, когда мой палач подхватывал крик, заходясь им от восторга.

Вскоре я начал понимать, что мне становится трудно отличать одно от другого. Которое чувство мое? Иногда мне казалось, что любовь – это ненависть. Со временем они стали сливаться в одно и оба отдавали паленой плотью и навязчивым запахом свежей крови.

Сколько я здесь? У меня нет ответа. Темнота сводит с ума. Она осязаема и снисходительна к нам, узникам. В ней мы прячем свою боль, гниющие раны и стоны, на которые радостно сбегаются крысы. Темнота гасит наш разум и растворяет надежду. Иногда, когда становится совсем туго, она утешает нас, мы слышим ее успокаивающий голос, и тогда становится понятно: уже близко.

Я прятался в темноте от света – он изредка пробивался сквозь щели в двери, но он теперь враг. Свет – это Крыса, а Крыса – это боль. Или любовь, что теперь практически одно и то же.

Глава 3

Устоявшийся распорядок дня был нарушен в один из дней, бесконечная череда которых выстраивалась передо мной без начала или конца. Начиналось, впрочем, всё как обычно. Крыса занимался своими делами, перебирая любимые инструменты. Сегодня по плану была работа с ногами. Крыса имел обыкновение рассказывать о своих планах, едва появившись в дверях. Его жизнерадостный голос сначала до невозможности раздражал, но жизнь показала, что ко всему со временем привыкаешь. Так и здесь, я лишь принял к сведению его слова, внешне оставаясь к ним безучастным. Крысе не слишком нравилось когда я помалкивал, и тогда он мог распалиться не на шутку, но его запал быстро гас, так что, если у меня хватало выдержки терпеть пытку безмолвно, палач хмуро собирал инструменты и больше не появлялся в тот день.

Совсем недавно я подметил ещё кое-что. Мало того, что мой мучитель был педантом, так ещё он терпеть не мог работать без света. Как-то раз я даже слышал, что из-за этого они повздорили с тюремщиком, бледной, бездушной тварью, тенью от тени живого существа, они долго орали друг на друга за дверь. Крыса потом ещё долго не мог успокоиться, потому, что в итоге, по его словам, опоздал на встречу. Мне ли расстраиваться по этому поводу? Вот бы по дороге ему

свернули шею!

После того случая появление Крысы всегда сопровождалось недовольным ворчанием надзирателя, потому что ему приходилось затаскивать в камеру целых шесть факелов на особых подставках и расставлять их по местам, которые указывал ему палач. Крыса самостоятельно подобными вещами не занимался, видимо, полагая, что художники выше рутинной работы.

Так вот, во время перерывов и обливания водой я стал подмечать удивительные, с моей точки зрения, вещи. Многие раны, сделанные несколько дней назад, выглядели так, будто бы им было не меньше месяца, а более старые так и вовсе оставляли после себя лишь едва заметные паутинки следов. Кроме этого, несмотря на жуткую грязь, испражнения, которые изредка убирались, да и то лишь после криков все того же Крысы, и полное отсутствие гигиены, мои многочисленные раны не только не воспалялись, но и заживали крайне высокими темпами. Что это? Очередной подарок судьбы? Похоже на то. Ускоренная регенерация и невосприимчивость к ядам. Отсутствие болезней и выносливость, с которой я терплю все выкрутасы безумного палача. Где ещё мне искать причину моего состояния?

К тому же за последнее время я научился ограждать себя от нежелательных проявлений эмоций. В моем воображении это выглядело, как будто в воздухе сталкиваются два гигантских мыльных пузыря, один из которых являлся прообразом

моих собственных чувств.

Избавление от всеобъемлющей любви моего мучителя явилось для меня неслыханным облегчением. Из-за этого он несколько раз выходил из себя, когда вместо криков боли от загоняемых под ногти булавок, слышал от меня всхлипы радости и пьяное хихиканье. Да я был на седьмом небе от счастья! В итоге Крыса в расстроенных чувствах покидал мое пристанище раньше положенного, а я ещё долго ощущал удовлетворение в ауре тюремщика.

Сегодня все с самого начала пошло не так. Сначала опоздал Крыса, долго и нудно просил у меня прощения, жалуясь на какого-то олуха, который не отмыл его инструменты. Ого! Он ещё и инструменты моет! Потом заявился тюремщик и сказал, что сегодня у него осталось только четыре факела. Они опять основательно поругались, а я наслаждался неожиданной отсрочкой.

Пока тюремщик ходил за кресалом, а Крыса что-то бурчал под нос, я вспомнил как-то прочитанный в детстве роман Роджера Желязны о приключениях главного героя, который потерял память. В итоге он, конечно же, оказался принцем, но перед этим ему пришлось пережить довольно неприятный момент: его ослепили. Спустя несколько лет он вновь обрёл зрение и бежал из темницы. Интересно, а я смогу регенерировать, например, палец, руку или глаз? Одно дело – открытая рана. Другое – отрастить конечность.

Мои мысли были прерваны появлением нового персона-

жа. Дверь камеры приоткрылась, и я увидел, что к нам в гости пожаловал не кто иной, как отец Тук. Он бодро ступил внутрь, даже не поморщившись от вони, к которой я так и не смог привыкнуть. Хорошая практика? Ежедневные упражнения?

– Крыса, – обрадовался он. – Ну и как тебе наш молодой человек? Не надоедает? Ведёт себя хорошо?

Если они и слышали скрежет моих зубов, то не обратили на него внимания.

– Сначала все было очень хорошо, отец Тук, – пожаловался палач, сопровождая свои слова искренним вздохом, – он показал себя примерным пленником. Но потом все вдруг изменилось.

Ну да, в какой-то момент я перестал орать, когда корчился под ножом или от раскаленных щипцов. Мне было больно, видит бог, так больно, что иной раз я был не в состоянии сдерживать слез. Но последнее время кричать перестал. Словно отрезало.

– Да что ты?! – нахмурился священник. – Ой, как плохо! Плохо, очень плохо. Совсем отбился от рук!

– Как есть отбился! – Крыса согласно закивал. – Я сразу говорил, что не нужно с ним обходиться так мягко. А вы все: погоди да погоди! Без особых моих ... никак нельзя.

Священник внимательно на меня посмотрел, я без боязни встретил его взгляд. А что мне терять? У меня ничего нет, даже свободу и ту забрали. Пусть подавится! Я плюнул ему

в лицо, жаль, что в детстве не постиг эту столь необходимую сейчас науку, потому что смачного плевка не получилось. Да провались ты!

– А знаешь, что? – вдруг сказал отец Тук, наставительно погрозив мне пальцем. Давай-ка, попробуем.

Палача забил от предвкушения озноб, а до меня дошло, что сейчас опять поступил неразумно. И вот они последствия, мчатся ко мне со всех ног. Только лови!

– Займись его левым глазом, – сказал священник, задумчиво потирая бороду. – Только аккуратно, а то я тебя знаю...

Говорил мне отец, что мысли материальны, да кто слушает этих взрослых? Надо ли говорить, что в тот раз Крыса ушёл от меня словно кот, вместо блюдечка с молоком обнаруживший кастрюлю со сливками. Его увели из камеры под руки, причмокивающего от удовольствия, а я до изнеможения бился в кандалах, прикованный к стене. После меня ещё дважды приходили кормить, но я не притрагивался к пище.

Я лишился глаза! Палёный запах плоти легко прошёл сквозь мою защиту, а потом меня ещё и накрыло аурой Крысы, который, похоже, плавал в море первой любви. Так что к концу дня я чувствовал себя настолько паршиво, что мысли о еде вызывали физическую боль.

Я лишился своего глаза! Ну и что, что у меня остался ещё один! Он сунул раскаленный прут мне в глазницу, так что мне больше никогда не забыть звука мгновенно вскипающей

жидкости и ослепляющей вспышки боли в голове.

Что следующее на очереди? Рука? Их ведь тоже две. Или пальцы? Их вообще десяток! И, главное, я не понимал смысла происходящего. Зачем мучить? В конце концов просто убейте. Хотя нет, это уже лишнее. У живых есть шансы, мёртвым шансы до лампочки.

Кто сказал, что ночь создана для сна? Враки! Это время суток для самых тёмных дел. Придёт серенький волчок и укусит за бочок. Все ведь слышали эту колыбельную? Ко мне вот пришел. И хотя глаз у меня отняли не ночью, палачам тоже нужно отдыхать, сегодня я не сомкнул глаз, свой единственный и последний.

Как ни странно, боль улеглась довольно скоро, глаз не болел, он медленно ныл, как если бы мне удалили зуб, и прошла заморозка. Но вместо зуба можно воткнуть имплант, а что здесь можно вставить вместо него?

Всякий раз, когда мысли возвращались к этому моменту, меня душил беззвучный приступ бешенства и выгибала дугой ослепляющая боль в голове. Я висел на оковах и рычал в темноте. По-моему, даже крысы сегодня в страхе разбежались подальше от моей камеры.

Когда чуть успокаивался, гадал, сработает ли регенерация? Совладеет ли с таким сильным повреждением? Или это все мысли от бессилия и безысходности. Но должен же человек на что-то рассчитывать, надеяться?

Во всех этих вариантах я, как мог, пытался отогнать от себя мысли о том, что в любой момент, в любую секунду мог войти кто угодно и произнести: правый глаз, левая рука, обе ноги, и я ничего не смогу с этим поделать. Просто не смогу.

Сейчас мое сознание держится за соломинку. Оно взяло за истину, что хуже уже не будет. Это дно. Но ужас в том, что мы не знаем, где дно, нам остаётся только отталкиваться от того, что есть, и изо всех сил рваться наверх. Терпеть боль, переживать неудачи, но ни на секунду не останавливаться. Потому что в противном случае в самый ответственный момент ты можешь перестать барахтаться, когда под твоими ногами действительно окажется та самая площадка, упор для твоего прыжка. А ты подогнул колени, согнув спину и утонул.

Всё-таки человек – неиссякаемый источник чудес. Сон добрался до моего измученного сознания, и я забылся в мрачной дреме, после которой ты понимаешь, что ни капельки не отдохнул. Болело все тело до самой последней жилки. Левая сторона головы продолжала ныть, из глазницы по ощущениям ничего не текло, но как бы я сейчас хотел взглянуть на себя в зеркало. Мне нужно запомнить, что со мной сделали, и кого за это стоит благодарить. Настроение немного сдвинулось с отметки абсолютного нуля. Теперь нужно дожидаться Крысу. Тогда и узнаем продолжение.

Я абсолютно напрасно прождал своего мучителя, он так и

не пришел. Не появился Крыса и на следующий день, вместо него в камеру заглянул надзиратель с факелом в руке. По-быстрому оглядев камеру в неровном свете факела, который он держал над головой, надзиратель скривился и был таков. Больше всего меня изумило то, что он оставил дверь нараспашку.

Через некоторое время он вернулся, но не один, а в компании с ещё более тощими доходягами, доходчиво пояснив им несложную в общем задачу, он снова исчез, а двое неопределённого вида в одежде едва ли лучше моей, откуда-то добыли тряпки и принялись оттирать пол камеры, не забывая помянуть своего начальника всуе.

Что происходит? Я в немом изумлении наблюдал за бурной деятельностью уборщиков, которые, на мой взгляд, больше размазывали, чем терли, и одна за другой сотни мыслей проносились у меня в голове. С чего все так забегали? Где Крыса? Кому и для чего понадобилось убраться в моих хоромаш?

Спустя какое-то время за стенами камеры слышались тяжелые, уверенные шаги.

– Где? – прогремел голос, обладатель которого, зная о его силе, старался говорить тише.

– Вон там.

Когда в проёме возникло крупное тело, причём гость оказался настолько массивным и высоким, что при входе в камеру ему невольно пришлось пригнуться, факел на подстав-

ке, оставленный надзирателем, должно быть в страхе, затрепетал.

– Висишь?

Я ещё раз подивился мощи голоса незнакомого человека и его росту. Его темная борода, в которой утопала половина лица, вызывающе повернулась ко мне и неожиданно добрые глаза враз оказались на уровне моих – гигант нагнулся.

– Эх, кто ж тебя, парень, так, – он не договорил, профессионально осмотрел мои оковы и сплюнул с досады на землю. – Руки б поотрывать иродам, кто ж так ..., а ну как без рук остался бы...

Насчет чужих рук я был полностью с ним согласен. И даже готов был осуществить задуманное. В свете факела, который все же передумал гаснуть, я разглядел кожаный фартук медведя в человеческом обличье и его красные, огромные мозолистые ручищи. Дядька был никем иным, как кузнецом. А кто ж тогда навешивал мне всю эту сбрую?

Он ещё раз покачал головой, достал инструменты и с поистине удивительной скоростью сбил с меня все четыре колодки. Я, как был, так и рухнул на каменный пол, не зная радоваться мне или плакать. Отпускали меня или решили добить окончательно? Я надеялся, что все же с трупа сбивать оковы сподручнее, и, если это сделали при живом владельце, то и дальше есть шанс уцелеть.

Я не заметил, как в моем пятизвездочном номере появилась кровать, на нее один из тех двух шустрых парней бросил

толстый матрас, а второй втащил в камеру поднос с источающей такой божественный аромат кашей, что я вмиг позабыл обо всем.

Кузнец с трудом повернулся в таком внезапно ставшем тесным номере и удовлетворенно цыкнул языком. Затем он бережно помог мне подняться и фактически положил на кровать. Я решил переносить чудеса с той же стойкостью, что и пытки. А ну как, это очередная пакость моего палача? Впрочем, в это верилось все меньше и меньше. Неужели, срок моего заточения подошёл к концу? Он оканчивался столь же неожиданно, как и начался.

Кузнец ушёл почти сразу, забрав с собой инструменты и цепь. Двое помощников надзирателя, которых я раньше не видел, задержались чуть дольше. Они оказались настолько любезны, что переставили поднос на постель, чтобы я мог без труда до нее дотянуться, чем убили меня наповал.

Так я и заснул на матрасе, скрючившись вокруг самой вкусной еды на свете, которую я когда-либо пробовал. И на этот раз мой сон оказался без сновидений, без кошмаров, как раз такой, что приносит облегчение и снимает усталость.

Так прошло два дня (я решил, что обо мне вспоминают с подъемом) – утром приходил один из двоих, ставил мне факел, дожидался, пока я ни уничтожу запасы еды до крошки, затем забирал поднос, и вечером все повторялось снова. Меня кормили, пыточный инструмент простаивал. Крыса так

и не объявился. Зато заглянул старый знакомый. Скрипнула отпираемая дверь и на пороге возник Харальд собственной персоной.

Был он тщательно выбрит, на поясе неизменная шпага. Белоснежная сорочка разрывала тьму камеры в клочья, освещающая её не хуже факела в левой руке. А ещё он улыбался, как и тогда, одними губами.

– Ходить не разучился? – он брезгливо огляделся. Мои апартаменты его не вдохновили.

– Чего раньше не заглядывал? – ответил я вопросом на вопрос, не двигаясь с места.

– Не до того было, – небрежно бросил он. – Собирай вещи, нас ждут.

Вот сволочь, подумал я. Какие у меня тут вещи? Мне собраться – только подпоясаться.

– Боюсь, чемодана не хватит, – буркнул я, поднимаясь.

Что вообще происходит? Где Крыса? Почему меня забирают отсюда? Может, попытаться отнять меч и...

Словно прочитав мои мысли, Харальд оглянулся.

– Только давай без глупостей. И так проблем больше, чем демонов в преисподней! – он развернулся и исчез из виду, оставив дверь нараспашку. А мы не гордые, нам двух предложений не надо.

Вот странно, ещё недавно я был готов зубами разорвать ему горло при встрече, а теперь спокойно смотрю в спину.

Кстати, ее давно и след простыл, а мне здоровье не позволяет так резво бегать по лестницам. Того и гляди подогнетса ножка, и впору будет вспоминать анекдот про любителей посчитать ступеньки разными частями своего тела.

Как ни хотелось побыстрее покинуть гостеприимное подполье, мое тотемное животное в этом мире – горбатый гусь – поступило по-своему: медленно и печально. Столько времени, проведенного в помещении два на три, да еще в качестве настенного украшения, не слишком способствует поддержанию физической формы. А уж ковыряние в теле разными страшными даже на вид штуковинами – тем более.

А ещё этот проклятый глаз. Нет, и с одним можно жить, но вот бегать по извилистым коридорам – то ещё удовольствие. Не заблудиться бы. Вот будет умора.

Вообще, не узнаю я Александра Гроцина. Куда делся одетый с иголки тип и, если уж говорить честно, порядочная скотина? Мне достаточно самого лучшего – это про меня, ну того меня, прошлого. Чего греха таить, не самый хороший я человек, хотя за друзей готов в огонь и в воду. Тут же все так повернулось, что все мои качества не то, чтобы лишними оказались, а просто не востребованными. Или даже по-другому: не в коня корм.

Если я все-таки выберусь из места, где по велению судьбы мне удалось оказаться, то ничего того, что у меня уже было ТАМ, здесь нет. И, что самое обидное, никого. Дорогу придётся строить заново. Причём, даже раствор пока взять

негде. Но это ничего, отец тоже не сразу в директорах оказался. Доводилось слышать пару раз, когда он был под очень высоким градусом, несколько историй. И про работу в такси, когда деньги для компании, которую они открыли на пару с приятелем, приходилось собирать по копейке. И про прочие дела, которые даже своим детям стараются не рассказывать. Всякое было. Меня отец сразу к управлению начал готовить, ещё в школе, так что до своей тачки, стоимостью большей, чем у некоторых квартира, мне и курьером пришлось побегать и даже сборщиком мебели, но про это я вообще никому и никогда... А откуда брать деньги студенту, извините?

Причём с юмором у отца все было в порядке. Перед тем как выпихнуть меня во взрослую жизнь, куда я так рвался, мне купили шикарную трёшку и обставили ее как следует. Помню, как я пальцы перед парнями гнул: респектабельный район, мебель из Италии. А закончилось эта история феерически. Отец как-то раз привёл меня в квартиру, порылся в кармане, достал оттуда ключи и бросил их мне.

«Нравится?» – говорит, а сам с усмешкой на меня смотрит.

«Конечно! – киваю я. – Шикарная хата!»

Я, debil, ещё и взрослым себя показать хотел. Все же мы хотим быть старше в этом возрасте? Все можно, делай что хочешь!

«Тогда она твоя, – говорит отец, – только вот какое дело, ее содержание в месяц обходится мне в пятьдесят тысяч. Так

как квартира теперь твоя, то и расходы тоже».

«Э-э... – ошарашенно протянул я, – но ты же мне даёшь карманные деньги, вычти оттуда», – нашёлся я, прикидывая, насколько придётся урезать бюджет на личную жизнь, чтобы вписаться. Что-что, а умение не превышать расходы над доходами мне вбили крепко и навсегда.

Отец искренне удивился.

«Погоди, сын, о каких карманных деньгах речь? – он хлопал меня по плечу. – У взрослых не бывает карманных денег. По крайней мере их им никто не дает. Так что с тебя пятьдесят тысяч, но в знак наших хороших отношений я, так и быть, дам тебе пять дней отсрочки».

Вот тут мне совсем поплохело. Как это остаться без карманных денег? Да меня же засмеют! Я огляделся по сторонам. Красивая, дорогая мебель, просторный холл, огромная кровать на полкомнаты. Зачем мне все это? Покрасоваться перед своими?

«Знаешь, – я ещё раз неуверенно огляделся. – Ну ее, эту квартиру. Не так уж она мне и нужна».

«Э, нет, сынок, – отец покачал пальцем перед моим носом. – В реку можно войти только один раз. Квартиру ты уже купил, а я продал. Запомни, все наши действия, как правило, необратимы. Прежде, чем пожелать чего-то, подумай десять раз, а так ли ты будешь счастлив, если оно исполнится. И пусть это, – он обвел холл руками, – будет тебе уроком».

Он пожал мне руку, пожелал хорошего настроения и от-

был, оставив мощный запах дорогих духов. С тех пор этот аромат ассоциируется у меня с бесполезными и не очень нужными мне вещами. Ну вот как-то так вышло.

Постоял я ещё минут десять в пустом холле теперь уже своей квартиры и как следует подумал. Один.

Я отдал деньги отцу на третий день, когда сдал квартиру одному знакомому, которому требовалось пафосное жильё. За сто тридцать тысяч. А что? Район презентабельный, мебель только что из Италии, делали на заказ. Каждый из нас остался доволен. А отец мне тогда крепко пожал руку и потрепал по голове, как маленького, хотя я был выше его почти на голову. Но карманных денег так и не вернул, в одну реку и вправду нельзя войти дважды.

Глава 4

В реку нельзя, а в этом кабинете я уже бывал. И чем всё в итоге закончилось, тоже прекрасно помню. И даже действующие лица не поменялись. Вот только результат беседы хотелось бы видеть другой. Обратно, хоть убейте, никакого желания.

Отец Тук, как и в тот раз, восседал на своём насесте, ничуть при этом не изменившись. При виде тощего священника отчаянно занял левый глаз, и я с огромным трудом подавил желание потереть веко, потому что ковырять в открытой ране негигиенично. Правый же сверкал боевым задором, как бы ни сыпал искрами. До боевого лазера модификация не дотягивала, поэтому оставалось лишь бессильно сжимать кулаки – мои взгляды старику как с гуся вода. Даже не царапает.

Я остановился у порога, но не принял во внимание, что меня вряд ли оставят одного. Кто-то довольно грубо втолкнул меня внутрь, затем дверь захлопнулась, отрезая путь к отступлению. А он был, этот путь? Опять без меня все решило.

И отец Тук, и Харальд молча наблюдали за моим появлением. Вопреки моим ожиданиям, никто даже не улыбнулся. Странное творится под этим небом, что должно произойти, чтобы человек перестал злорадствовать над ближним?

Все также молча мне предложили воспользоваться гостеприимством и обосноваться на том же самом стуле, что и два с половиной месяца назад. А что делать? Стоять, демонстрируя упрямство, глупо. Я сел, показав всем своим видом, что я против всего, что мне предложат. Честно говоря, я и сам себя не понимал. Какая-то странная стратегия для того, чтобы опять не загреметь в темницу. Ползать на коленях тоже не вариант, конечно, но моя линия поведения легко могла вернуть меня обратно в подвал. А поделаться я все равно ничего не мог. Это отрицание словно переливалось через край. Для конструктивного разговора нужно сбросить лишнее давление.

Сбрасывать мне не мешали. Старик усиленно что-то скреб на пергаменте, Харальд стоял у него за спиной и наблюдал за рождением письма. На меня опять не обращали внимания. Да, это уже тенденция. Нехорошая.

Я решил не мешать людям, занятым важным делом. Может, у них больше и времени-то не будет весточку набросать. Кто его знает, как оно дальше обернётся. Коль скоро меня не дергали, появилась возможность ещё раз оглядеться. Всё-таки не каждый раз в замке бываешь. Все больше по подвалам и катакомбам. Нужно использовать любую возможность для получения информации.

Про стол, стулья и шкафы я уже упоминал в прошлый раз. Все осталось на своих местах, да и то, кому под силу сдвинуть, например, вот это бюро. Оно выглядело настолько

массивным, что рояль, который как-то раз заносили одной из моих знакомых, по сравнению с этим монстром, смотрелся мебелью для кукол. Хорошо, когда потолок шесть метров минимум, тогда и вот такая штукавина трёх метров в высоту не выглядит чересчур высокой. Книжный шкаф, естественно, возвышался до потолка и выглядел частью стены. И вообще, кто может быть против кабинета в сотню квадратных метров?

Особенно меня поразила люстра. Не столь важно, как ее вешали, а вот как это чудо гигантской мысли держалось, вызывало даже не удивление, а уважение. Умелый мастер изобразил ее в форме трех колец, переплетенных между собой. Каждое кольцо было выковано из не одного десятка мечей, сабель и прочего рубящего инструмента. Затем на цепях вся конструкция была подвешена к потолку. Не буду давать руку на отсечение, ибо в последнее время мои желания слишком уж часто исполняются, особенно те, которые не приносят мне ничего хорошего, но я вряд ли ошибусь, если предположу, что эти цепи раньше служили кораблям в качестве якорных.

Повертев головой, я нашёл ещё несколько картин с мрачными мужиками, изображенными в доспехах и в полный рост. Были тут и портреты, но опять же исключительно мужские. Над креслом отца Тука на стене, словно тройной нимб, приколочен тот же символ, что изображали кольца на люстре. Три кольца разных цветов.

– Это символ Святого Круга, – не поднимая головы, сказал отец Тук.

Продолжения я так и не услышал. Поэтому вернулся к экскурсии. Впрочем, экспозиция подошла к концу, доспехи и мечи, развешенные на стенах, меня не заинтересовали.

Так как меня все ещё игнорировали, я принялся изучать пальцы ног. Да, кое-кто из моих знакомых пришёл бы в ужас от того, во что я превратился. Грязный, нечесаный, борода, как дети рисуют солнышко – даже глаза вниз опускать не надо, чтобы разглядеть, что она свалялась и клоками торчит во все стороны, мне и вправду сейчас была прямая дорога на паперть. Или на свалку, такие личности частенько попадают из первого места во второе. Иногда по дороге в один конец.

От нечего делать я покрутил пальцем один локон. Откуда у семнадцатилетнего подростка такая растительность на лице? В бытность мою на земле я трижды пытался отрастить себе модную бороду, и каждый раз с ненавистью сбривал торчащее во все стороны жиденькое и пушистое чудо. Мужественности от нее ни на грамм, зато чесалось будь здоров. И тут, пожалуйста, – не просили, но получите.

– И как тебе мой кабинет? – я заметил, что священник чересчур серьёзен. И чуть было не ляпнул что-то вроде «и побольше видали».

– Очень большой, – почти по слогам сказал я. Ну не хочу обратно в камеру, а мечь, как известно, такое блюдо, которое подается холодным. Всему своё время.

Разговор не клеился. Прежний Александр задал бы вопрос в лоб. Нынешний Иан вынужден был юлить. Проблема в том, что эти двое так перепутались, что в нужное время наружу вылезал не тот, кому следует. Я же не знаю, может, мне перед этим священником на коленях ползать по рангу положено, а я на стульчике, нога на ногу.

– Почему я здесь? – с чего-то надо было начинать.

Большинство людей, если им позволить сделать осознанный выбор, остановится на стабильности. Для многих это, прежде всего, уверенность в завтрашнем дне, отсутствие страха перед будущим – да много чего. Ради стабильности можно пожертвовать мечтами о лучшей жизни, карьерой, отношениями. Не зря придумали поговорку про синицу в руке.

В моем случае тоже все оставалось весьма стабильно. Моя судьба продолжала швырять меня из огня да в полымя, как и несколько месяцев назад, когда я только здесь очутился. В той, прошлой жизни, без планирования нельзя было ступить и шагу, потому что только так оставалась уверенность, что не пропустишь ничего важного. Шестнадцатого, Александр Никифорович, к семи на презентации, а в восемь встреча с деловыми партнёрами. На следующий день завтрак, посвященный переговорам по новому проекту, а в обед нужно успеть на другой конец города, там его тоже с нетерпением ждут. И так каждый день из месяца в месяц. Если тебя нет в списке, значит, вряд ли ты можешь помочь, получить, до-

биться или обеспечить. Ничего личного. Если ты в бизнесе и ловишь кайф от этого ощущения, значит, у тебя и не будет личного.

Последние три месяца все обстояло с точностью до наоборот. Судьба умеет и любит шутить. Какие планы? Какой график? Тут на завтра загадывать страшно.

С судьбой можно бороться, скажете вы? И будете абсолютно правы. Можно и нужно. Но пока что у меня не получалось. Попытка спланировать побег и внедриться в общество, которое только и ждало, когда я это сделаю, провалилась с грандиозным треском. Всему виной нехватка информации и, как выяснилось, полное отсутствие навыков существования в текущих условиях. А откуда им взяться, этим навыкам? Другими словами, с планированием следовало обождать до лучших времён.

А стало быть, мне оставалось только заниматься тем, чему я научился здесь лучше всего: плыть по течению. Течение и есть моя стабильность на текущий момент. Быть готовым к любым неожиданностям. Накапливать информацию, собирать сведения и учиться. Бог или кто бы то ни было дал мне самое главное оружие: голову, а остальное я возьму сам.

Глава 5

Как я уже знал, городок, в который я все-таки попал, был тот самый Рогон. Именно на него я строил планы с соседнего холма. Он принадлежал Темирской торговой автономии и располагался в ее средней части. Она так и называлась: Срединная автономия. Из названия понятно, кто здесь управляет и чем в свободное от отдыха время занимается местный люд.

Рогон, совсем небольшой город, тем не менее стоял на пересечении трёх дорог, поэтому по праву мог считаться административным и логистическим центром. Население города составляли в основном приезжие со всех концов света, которые стягивались в автономию в поисках лёгких денег. Местные жители, конечно, были, но их количество едва дотягивало до двухсот. Они практически не работали, занимаясь тем, что сдавали своё жильё приезжим. Так как основная масса обитала в черте города под защитой стен, количество домов под сдачу было невелико. Соответственно, чем меньше в городе недвижимости, которую можно снимать, тем больше себе положат в карман их владельцы.

После того, как я познакомился с представителем местной ползучей фауны, меня доставили в самое мрачное здание в городе: монастырь ордена Святого Круга. Мрачная громада монастыря, как я и предполагал, не просматривалась с того

места, откуда я все утро наблюдал за городом. Поэтому мне удалось сравнить его архитектуру с другими зданиями только после того, как покинул гостеприимно распахнутые монастырские двери. По совместительству он оказался ещё и самым крупным строением в городе, превышая размерами даже городскую Ратушу – именно она издали напоминала мне подтаявшее эскимо.

Время шло к обеду, когда мне принесли заказ, и теперь руку приятно холодила большая глиняная кружка с пивом, а взор мозолили три круглые башни Ордена, выстроенные на равном удалении друг от друга. Символично, не правда ли: три кольца и три здоровенные каменные махины? На душе было спокойно, ибо с сего дня я смотрел на монастырь снаружи, а не томился внутри.

Внутри... Снаружи... Для абсолютного большинства людей эти слова не значат ничего, кроме месторасположения. Для большинства, но, вот беда, к большинству я теперь отношусь едва ли. За перевоспитание стоило бы поблагодарить моего персонального палача, жаль только он словно бы испарился, и мне не достаёт подходящего подарка для этой гадины. Думаю, нет, надеюсь, что когда-нибудь судьба сведет нас поближе, и я получу свой шанс на расплату.

Понимал я также и то, что эта тварь, каким бы извращённым человеком он ни был, – всего лишь инструмент для людей, с которыми мне придётся сотрудничать, и не просто сотрудничать, а проявлять учтивость, благодарить за подачки,

преданно замирать по их знаку. И вот тут во весь рост поднимался вопрос, на который у меня не имелось ответа: насколько меня, собственно, хватит? Слишком велик соблазн плюнуть в лицо и хлопнуть дверью, только ценой невероятных усилий я сдержался, чтобы не совершить непоправимой ошибки. Кто бы знал, хватит ли моих сил продолжить эту игру?

Я замер перед полуоткрытой дверью, ее тень лежала на земле, как намалеванная неумелым художником пародия на саму себя. За порогом пылал светом день, а я стоял во мраке коридора и боялся сделать следующий шаг, потому что только сейчас почувствовал, что все это наяву. Свобода не пустое слово в воспаленном воображении и не далекая и лживая картинка на языке, она вот она, не далее, чем в полуметре от моих ног, стоит распахнуть дверь пошире, и она захватит меня с головой. Я рвался туда и одновременно меня била дрожь, страх быть обманутым, преданным своим сознанием, парализовывал и лишал воли. Но все-таки я сделал свой шаг.

Таверна, трактир или паб – любое из этих названий меня вполне устраивало, – гостеприимно распахивала свои двери для всех, кто только что вышел из монастырских ворот. Веранда, на которой я занял место сразу после открытия, выходила с таким умыслом, чтобы солнце не мешало насладиться вкусом еды, закрывая гостей от его навязчивых лучей. Главное, тут были пиво и гренки. Первое, как и долж-

но быть, только из холодильника, второе не слишком хрустящее, очень мягкое внутри и не пересоленное – все, как я люблю.

Оказывается, несмотря на три с половиной месяца жизни, весьма отличной от той, к которой привык, с моими вкусами не произошло никаких изменений. Я по-прежнему не прочь хорошо одеваться, вкусно поесть и выпить холодного пива. И сейчас я с удовольствием отмечал все вышеперечисленное и заодно думал о жизни.

Как бы невероятно это ни звучало, Харальд отдал мне мои пять золотых, с которыми я давно успел распрощаться и выкинуть из головы. Ан нет, все-таки утро началось сегодня с нужной ноги, и пять маленьких кругляшков вновь обрели своего хозяина. Вам сказать, что я потерял дар речи? Не буду. Потому что дар речи потерял Харальд, когда я схватился за его ладонь и долго тряс ему руку – не смог удержаться, что поделаешь. Он потом провожал меня удивленным взглядом, а я решил, что счастье, возможно, все-таки есть.

В трактир я отправился, прихватив с собой всю наличность, и чувствовал себя богачом. Я так и не решился оставить чудом вернувшееся богатство в крошечной комнатке одной из башен, куда меня проводил дородный монах, чьего имени я так и не узнал, потому что не смог вытянуть из него ни слова.

Половина кружки исчезла быстрее, чем мой отец успел бы

сказать «ой». Усики холодной пены на губах явились лучшим подтверждением того, что я все-таки жив-здоров. Надо же, не прошло и полгода, как меня выбросило в чужой мир, а уже столько всего перепробовал. Иному жизни не хватит, а у меня одно за другим, только успевай карман подставлять. В моем случае, конечно, не карман, а шею.

Думаете, у меня появилась стабильность? Как бы ни так! Все, что мне досталось, это отсрочка в пять дней, которую выплюнул из себя отец Тук, когда понял, что любая попытка заговорить о деле вызывает у меня ступор и напрочь лишает дара речи. А как ему объяснить, что мой экспериментальный лингвистический аппарат намертво заклинивает, стоит собеседнику завести разговор о делах? Опытным путём удалось определить, что основная сложность заключается в употреблении терминов. Следом идут названия. При этом система вырубается полностью, включая и обычную речь. Я превращаюсь в рыбу, выброшенную на берег. Ну или становлюсь дедушкой без кислородной подушки.

Кому придет в голову, что разработчики подложат такую свинью? Оставалось напоследок увидеть синий экран смерти и кучу непонятных закорючек. И все, считай, в этой жизни я повидал максимум.

Переговоры на высочайшем уровне, к счастью для меня, просто перенесли. И то только потому, что моя более чем скромная персона священникам была для чего-то нужна. Не берусь судить о степени этой нужды, но кое-какие призна-

ки говорили, что без меня не обойтись, именно поэтому меня выпустили из темницы. Иначе все закончилось бы грустно. Так что ещё целых пять дней! За это время я должен пополнить свой словарный запас настолько, чтобы не попасть впросак при разговоре со священником, и у меня были мысли на этот счет. Единственное, чего я не мог ни понять, ни признать: зачем было выкалывать глаз?!

С пивом, кстати, пора завязывать. Три кружки – для меня перебор. Пока в голове алкоголь действовал лишь как успокоительное, но стоит мне хлебнуть лишнего, и пиши пропало. Поэтому придётся пока притормозить с пенным напитком, меня ждёт тяжёлая работа, которую я пока не знаю, как выполнить.

Первая кружка быстро показала дно, и расторопный парень в засаленном переднике мгновенно заменил ее на такую же, но с горой свежей пены. На ней я сегодня и остановлюсь. Как они чувствуют желания посетителей? Ведь я даже не смотрел в его сторону – пиво оказалось лёгкое и свежее, в голове почти не шумело. Одним словом, в эту минуту я был счастлив.

Трактир понемногу начинал заполняться. Бизнес-ланч тут вряд ли практиковался, люди просто шли почесать языками за кружкой пива. Моя позиция на входе была выбрана не случайно: так я мог наблюдать за посетителями, не привлекая внимания. А что ещё делать тому, кто сидит лицом ко входу? Глазеть на жаждущих припасть к полам плаща Баху-

са. Интересно, пиво можно отнести к виноделию или у этого напитка свои покровители?

Наконец на площади показался тот, ради кого я вот уже два часа растягиваю свою порцию. Харальд неторопливым шагом вышел из ворот монастыря и направился напрямик в трактир, на веранде которого я его поджидал. Его сопровождали двое не слишком пафосно одетых мужчин, оживленно о чем-то спорящих, активно помогая себе руками. По виду Харальда можно было сказать, что тема ему как минимум набила оскомину и участие в разговоре он принимать не собирается.

Дело в том, что пару часов назад я встретил Оррика и в довольно энергичной форме вызнал у него, где имеет обыкновение обедать личный помощник священника. Воин недолго сопротивлялся, – видно, ему не слишком пришлось по душе моя назойливость, – и довольно быстро мне все рассказал. Оказалось, самым популярным заведением у монахов, которые принципиально не пользовались монастырской кухней, был трактир, расположенный прямо за стенами обители. Никакой претензии на оригинальность: трактир назывался «У Ордена». У меня до сих пор не было случая сравнить, но теперь я вынужден признать, что пиво в трактире подавали отменное.

Харальду, наконец, надоело выслушивать слишком эмоциональные выступления своих спутников, и я тотчас убедился, кто из троицы главный. Хватило одной брошенной

фразы, и оба спорщика благоразумно заткнулись, все еще с улыбками поглядывая друг на друга. Беспрекословное подчинение двух здоровых мужчин, вооружённых короткими мечами и ножами, торчащими из-под курток, очень напоминающих гусарские из-за обилия перевязей, говорило само за себя: Харальд пользуется немалым уважением.

Все вместе они слегка напоминали трех мушкетёров, тем более, ситуация и впрямь смахивала на роман Дюма с той лишь разницей, что я, в отличие от Д'Артаньяна, никого оскорбить пока не успел и дуэль мне не назначали. Впрочем, зная мою феноменальную удачливость, ни в чем нельзя быть уверенным. Ещё, как говорится, не вечер.

Харальд меня заметил. На его лице промелькнула дежурная улыбка, я вежливо ответил таким же образом. Он явно догадался, кого я здесь жду, поэтому бросил своим сопровождающим пару слов и зашагал ко мне. При этом аура ни на секунду не выдавала его чувств. Вот уж кто воспринимал меня мебелью, так это он. Глупо сердиться на стул.

Кстати, хотя наша предыдущая встреча и закончилась безрезультатно, но у неё всё-таки были неожиданные последствия. Разочарование моих собеседников оказалось настолько велико, а чувства столь противоречивы, что на меня обрушился целый водопад эмоций. Даже Харальд-кремень и тот отличился, выдав на-гора страх и растерянность. Достаточная продолжительность выплеска помогла мне добиться некоторой систематизации своей новоприобретенной спо-

собности.

Гнев, радость, изумление, разочарование – все эти чувства различались не только по своей сути, но и по форме, и по цвету. Свои ощущения от восприятия разных чувств, пожалуй, не смог бы передать и самый талантливый писатель или художник. Каждый раз, когда передо мной разыгрывалось невидимое для прочих представление, воображение, или что там ещё, рисовало облака. Да, с некоторых пор вместе с наплывом чужих эмоций я видел целые облака. Разной формы, цветов, насыщенности и интенсивности – все они двигались, менялись, перетекали из одной формы в другую. Иногда в мою сторону двигался грозовой фронт, или над головой человека морщилась и расплывалась розовая тучка. Все это должно что-то значить, но пока что мне приходилось, как говорится, забивать микроскопом гвозди. Потому что я мог понять только то, что чувствовал человек по отношению ко мне. Подозреваю, в цветных формах содержалась гораздо более развернутая информация, но у меня, как назло, потерялась инструкция.

Ненависть, например, представлялась пульсирующей, словно живая, кляксой чернильно-черного цвета. Ее появление сопровождалось тяжёлым гудением, как будто работала высоковольтная линия. Наблюдение за ее рождением пугало и вызывало желание закрыться руками.

Затем по интенсивности следовали гнев и злость. От чужого гнева ощутимо покалывало виски, злость почему-то

больше отдавала во вкусовые рецепторы. Как будто на языке вдруг появлялся вкус крови от прокушенной губы. Оба ощущались бурлящей темно-серо-синей тучей, протягивающей ко мне кончики уголков. Зрелище, я вам скажу, не для слабонервных.

Разочарование виделось унылой коричневой массой, побулькивающей отвратительными даже на вид пузырями. Так выглядят химические отходы в фильмах ужасов, в которые злодеи сбрасывают свои жертвы.

Желтенькая тучка подрагивала надеждой и мечтами, почему-то отдавая вкусом чая с лимоном. Радость весело порхала в воздухе цветом едва взошедшего газона, но ее в моем серпентарии не хватало, поэтому тут пришлось больше вспоминать и додумывать.

Особенно же запомнилась мне любовь. Впрочем, и тут не обошлось без моего везения. Я не мог вспоминать об этом чувстве без содрогания. Наверное, потому что оно первый и единственный раз повстречалось в не самые подходящие моменты жизни. Помимо всего прочего, это даже была не любовь человека к человеку. Чувство, которое Крыса испытывал ко мне, можно было сравнить с экстазом трейдера от проведения успешной сделки. Удушливое ярко-алое покрывало без малейшего просвета, оно отдавало привкусом забродившей малины на губах. И самое страшное, что я почерпнул для себя, оказалось, что меня может захлестнуть любая из этих волн, если сломает тонкую перегородку из моего соб-

ственного «я». И тогда эти чувства станут моими, только будут многократно усилены. Эта пытка почище, чем иголки под ногти или даже раскалённый прут в глаз. Чувствовать и знать, что это навязано тебе извне, просто невыносимо. Подобное невозможно с чем-либо сравнить. Словно ты теряешь контроль над собой, и за тебя кто-то другой продолжает ходить думать и говорить.

К счастью, я научился ставить защиту от чужого влияния. К несчастью, слишком сильные эмоции или неожиданное физическое воздействие может уничтожить контроль, что и произошло, когда я ослеп на один глаз. Не самые приятные воспоминания.

И ещё я убедился в том, что чувства в чистом виде отсутствуют. Над человеком постоянно вертится клубок из букета цветов. Облако может окутывать его, а может и торчать над головой. Иногда из него растут щупальца, которыми он подсознательно пытается коснуться моей ауры. Я же или от них уворачиваюсь, или ставлю свою защиту на пути у агрессора. Наверняка у всего этого может быть какое-то научное объяснение, но не в моем положении задумываться о подобных вещах. Пусть и здесь действует принцип системного администратора.

Погрузившись в воспоминания, я чуть было не забыл о помощнике священника. Его фигура закрыла солнце, а сам Харальд наклонился надо мной, оперевшись руками на столешницу.

– Кого я вижу! – хмыкнул он, внимательно изучив содержимое моей кружки. – Всегда подозревал, что пиво улучшает память и развязывает язык. Правда, не совсем в том смысле, что нам всем требуется.

– Я ждал вас, – ссориться с источником информации, на который я возлагал большие надежды, не слишком разумно, поэтому я решил не обращать внимания на колкости. Кроме того, скорее всего, Харальд настолько выше меня по положению, что он делает просто неслыханное одолжение, даже тем, что стоит рядом со мной.

Как-то я не подумал об этом сразу, а следовало. Не оскорбить бы его своим поведением. Ну-ка, соберём весь багаж знаний и блеснем манерами.

Я вскочил и, склонил голову.

– Не окажете ли мне честь отобедать со мной? – вкрадчивый голос, но без льстивых интонаций.

Больше смотрите исторических фильмов в детстве, и когда-нибудь вы поймёте, что делали это не напрасно.

– А не много ли себе позволяет этот простолюдин? – с угрозой в голосе заметил один из провожатых Харальда, обращаясь к другому. – Какая у тебя может быть честь, рвань?

Оказывается, его спутники и не подумали идти в трактир, а с любопытством ждали дальнейшего развития событий. Они совершенно не стеснялись говорить в таком тоне, чувствуя свою силу и безнаказанность, – меня окатила волна презрения и брезгливости.

Что ж, урок на будущее – не зря говорят, что встречаются в основном по одежке.

Харальд успокаивающе поднял руку, заставив замолчать обоих.

– Господа, я угощаю.

Официант, или как там его по-местному, мгновенно сориентировался и по моему знаку уже тащил к столу поднос с горой разнообразной снеди и ещё двумя пузатыми кружками пива. За ним семенила миловидная девчужка с бутылкой из дымчатого стекла – трактирщик сообщил по большому секрету, что Харальд предпочитает именно Синюю Лозу.

Мое гостеприимство обошлось недешево. Угощения обойдутся мне в один золотой, но я надеялся, что вложения окупятся. В конце концов, у меня останется ещё четыре монеты и, если дело не выгорит, я всегда успею спустить наличные на разные нужные настоящему мужчине вещи. Перед смертью.

– Ого! – воскликнул второй, дружески пихая приятеля в бок. – Похоже, тебе сегодня придётся взять свои слова назад, дружище! Как всегда, твой язык обгоняет мысли.

Но, несмотря на веселый тон второго и недовольное сопение первого, они оба так и не сдвинулись с места. Субординация во всей красе. Мысли я читать не умел, зато с облегчением почувствовал изменения в настрое – обоими завладело легкое любопытство. Харальд же все также молча меня разглядывал, пока обслуга споро накрывала на стол. Похоже,

на него мое представление не произвело должного эффекта. Он бросил довольно равнодушный взгляд на исходящие соком куски мяса и аккуратно сложенные горки овощей.

– Вы думаете, друзья, нам стоит принять предложение этого человека? – бросил он назад, не отводя от меня глаз.

– Вообще-то нас давненько не угощали, – неуверенно проговорил второй.

– Сразу видно, что человек постарался. Эти рёбрышки прямо просятся в мой пустой желудок. Надоело питаться кашей, – с надеждой в голосе заметил первый.

– Когда это ты питался кашей, Жак? – Харальд недоверчиво оглянулся.

– А всё равно надоело, – обиженно буркнул тот, кого называли Жаком.

– Эй, хозяин! – негромко позвал Харальд, и к моему удивлению лысый, полный мужчина, все время торчавший за стойкой, материализовался у него за спиной. Портал у него тут что ли? Он ведь и не смотрел в нашу сторону. Да что говорить, нас тут и видно не должно быть, с его места: стойка внутри, а мы снаружи. Вот ведь чуйка у человека! – Мой столик свободен?

– Как же может быть иначе? Уже давно все готово, господин Харальд, – прострекотал он. – Вот решил лично вас встретить.

– Молодец, – похвалил его тот. – Перенеси-ка весь этот пир на наш стол. Не к лицу на самом проходе трапезничать.

Оба сопровождающих обрадованно закивали и, не дожидаясь нас, исчезли в трактире.

– Жак всегда был не дурак насчёт пожрать. Особенно за чужой счет, – прокомментировал Харальд их поспешное исчезновение. – Давно тут сидишь?

С помощника священника словно слетела маска. Над его головой распахнулся бледно-зеленый зонтик. Такого цвета и формы ауру мне ещё не доводилось встречать. Зелёный – хороший цвет, он поблескивал спокойствием и теплом. Дружба? Нет, скорее, лёгкая симпатия, не более того. У нас не было времени свести более тесное знакомство.

– Часа два, как только закончилось занятие, – я не мог решить, как к нему обращаться, поэтому использовал обезличенную форму. Надеюсь в дальнейшем подскажет случай.

– При людях я для тебя господин Харальд, – мысли он мои прочитал что ли? – Один на один лучше без званий. Для меня мир господ и слуг слишком давно остался в прошлом. Мой дом теперь – это Орден, господа остались за его стенами.

– Договорились!

Мы вошли в трактир, окунувшись в целое море запахов.

Мимо нас пронеслись трое шустреньких пацанят, застолье на моих глазах с удивительной скоростью перемещалось в глубь трактира. Несколько секунд спустя я понял, почему Харальд предпочитал свой собственный столик. Это бы-

ла целая отдельная комната около десяти квадратных метров, возможно, больше. Почти все ее пространство занимал исполинских размеров стол, который живо заполняли моим угощением. Кстати, на этом аэродроме мой пир на весь мир смотрелся откровенно скудно. Я как-то раз видел стол, накрытый на двенадцать персон, с одной-единственной вазочкой оливье посередине. Может, я и преувеличиваю, но выглядело весьма похоже.

– Не стой на пороге, – меня аккуратно втолкнули внутрь. – Мастер Фрод, принесите побольше мяса. Вы же знаете моих ребят. Жак и Дарли на двоих могут уговорить быка.

Трактирщик понятиливо кивнул и умчался за свою стойку. Харальд занял место напротив входа и махнул мне рукой, приглашая присоединиться. Жак и второй сопровождающий, которого звали Дарли, решили нам не мешать. Они уже вовсю занимались тарелками с едой и друг перед другом нахваливали пиво.

Харальд, по всей видимости, недолюбливал этот напиток, предпочитая ему вино. И не абы какое, а вполне конкретное с отменным вкусом и соответствующей ценой.

Бутылку уже открыли – из горлышка шел одуряющий аромат винограда, ягод и чего-то ещё. В моем возрасте к благородным напиткам относятся пренебрежительно, предпочитая чего попроще. Но я старался больше прислушиваться к словам отца. И в соответствующей компании мог даже немного поддержать разговор о составе виски или коньяка.

Впрочем, особого пиетета к выдержанным напиткам у меня не было. Коньяку я предпочитал красное сухое вино, а вкус виски мне не нравился совсем. Отец на это как-то заметил, что настоящая любовь приходит лишь с возрастом. Возможно, у меня ещё будет шанс проверить его слова.

– Ты пьёшь вино? – пронизательно и, не скрывая удивления, заметил Харальд.

– Предпочитаю сухое красное, – надеюсь, сейчас достаточно неформальная обстановка, чтобы не добавлять «господин» после каждого слова.

– Тогда вина? – Харальд кивнул на початую бутылку.

Я отрицательно покачал головой. Не люблю мешать, голове на следующий день это не слишком нравится.

Как бы ни съедало меня нетерпение, все же пришлось соблюсти приличия. Все разговоры после еды. Да и запах от нее шел такой, что устоять перед искушением было невозможно. Беда в том, что сейчас желудок урчал от запахов, глаза соскребали все до последней ниточки мяса с косточек, а после трапезы все эти килокалории основательно придавят мозг, он нажмет на глазные яблоки и вы волей-неволей отправитесь на боковую. Мне же следовало быть настороже и ни в коем случае не терять внимание. Выспаться я ещё успею.

Отдав должное мясу и тушеным овощам, свежему пиву и хорошему вину, мы слегка расслабились. Харальд неторопливо потягивал из чаши уже вторую бутылку, а хозяин трактира, лично приглядывавший за нами, несколько раз недву-

смысленно поглядывал в мою сторону, намекая на то, что свой золотой я уже отгулял. Да уж, посидели мы основательно. Спутники Харальда и не думали от нас отставать, особенно налегая на горячительное. Не уверен насчёт цистерны, но кега с пивом в них точно вошла.

Впрочем, всему приходит конец. Вот и благодушное настроение моего собеседника сменилось стальным блеском глаз. Он прямо подобрался перед прыжком, словно тигр при виде козленка.

– Твоя речь стала заметно лучше, – Харальд покачал в чаше вино и сделал небольшой глоток. – Всего за один раз.

– Отец Цисканий – просто кладезь знаний, – вздохнул я.

– В чем дело? – удивился Харальд. – Мне кажется, ты должен быть доволен. Он лучший учитель в городе.

– Доволен? – я действительно был расстроен. – Ваша школа для крестьян рассчитана на то, что к концу года я научусь кое-как выводить на песке своё имя. А года через три мы, пожалуй, доберёмся до чтения книг. Букваря, если быть точным, – понятия «букварь» в местном языке не было. Как, возможно, и самой книги. Поэтому мне пришлось произнести его на языке оригинала.

Должно быть, я и вправду был слишком сильно расстроен, потому и не сумел сдержать чувств. Со стороны это, пожалуй, выглядело так, будто я отчитываю провинившегося. Да, некрасиво получилось. Жак с Дарли даже оторвались от своего пива и с удивлением поглядывали на нас с Харальдом.

– Прощу меня извинить, – я дал заднюю. – Так надеялся, что получится разобраться с вопросом, что не смог сдержать эмоции.

Переход от упрёков, которые Харальд наверняка принял на свой счет, к извинениям явно сбил его с толку. Все произошло слишком быстро, он ещё раздумывал, как реагировать на возможное оскорбление, а теперь решение нужно принимать по новой. Ну не глупо же поднимать шум, если перед тобой уже извинились?

Как я и надеялся, мой собеседник решил не заострять внимания на произошедшем. Вместо этого он на секунду задумался, задрав глаза вверх. Так делают люди, которые пытаются что-то вспомнить.

– Букварь? Что это? – довольно точно воспроизвел он звучание незнакомого слова.

А у герра Харальда прекрасная память. Услышал незнакомое слово, запомнил, произнёс. Даже ударение поставил правильно и с мягким знаком на конце не сплеховал. Одним словом, молодец.

– Это книга для тех, кто только начинает учить язык. С картинками, – про картинку я сказал зря. Судя по реакции, уже сама по себе книга для него что-то невероятное, а картинку его просто добила. Э-э, да вы, батенька, читать не умеете!

– Должно быть, ее написал очень мудрый человек, – Харальд на секунду задумался. – Я понимаю, что ты хочешь

сказать. Но, думаю, во всей стране не найдётся такой книги. Возможно, где-нибудь в Аллии или в Гарне, в столице...

Как-то он неуверенно говорит. Может, и действительно здесь это диво-дивное?

– Но все же отец Цисканий – лучший учитель в этих краях. Говорят, он обучал даже главу Совета города.

Сразу видно, что гораздо охотнее Харальд поговорил бы о типах оружия или методике смертоубийства. Грамота пугала помощника священника, как ладан чертей. В его глазах сгорбленный почти так же, как я, старик олицетворял всю премудрость этого мира. Мне же после двух минут его менторского тона захотелось удавиться или придушить самого святого отца – мы целое занятие топтались вокруг одной буквы, которая весьма корявенько была выведена мелом на небольшой доске!

Семь мальчиков лет восьми-девяти – вот и весь класс средневекового начального учебного заведения. Их одежда мало отличилась от моих лохмотьев, из чего можно сделать вывод, что передо мной дети из семей с небольшим достатком. Крестьяне или мелкие торговцы. До рабочего класса общество ещё не доросло. Ну и слава богу, пожар мировой революции оставим потомкам.

Что меня порадовало, каждый из присутствующих на уроке был доволен, потому что занимался любимым делом. Причём каждый своим. Отец Цисканий бубнил у доски, иногда мне, правда, казалось, что он засыпает под собственную

монотонную речь. Дети добросовестно рисовали на угольных досках.

Нельзя было только вставать и говорить громко. В этом случае в старичке просыпался зверь, и он долго орал на провинившегося писклявым голосом. Затем все успокаивалось и некоторое время из угла помещения опять слышалось размеренное бормотание.

Лекция и семинар в одном флаконе впечатления не произвели. Тогда я попытался перехватить священника после их окончания. И, признаться, был шокирован оказанным отпором. Старичок недаром вёл занятия по красноречию. Когда он наконец понял, что от него хотят, меня встретили такими оборотами, что я просто остолбенел. А секунд через десять непрерывного визга, который мой встроенный переводчик переводить наотрез отказался, система опять вырубилась.

Выбираясь из закоулков монастыря, куда меня завела охота за знаниями, мне стало понятно ещё кое-что: во-первых, в моем переводчике отсутствовал блок с нецензурными выражениями, во-вторых, за те десять секунд, пока отец Цисканий полностью не перешёл на ненормативную лексику, он успел дать мне понять, что ради одного выскочки свою методику обучения менять не будет. И если с первым я ещё готов был смириться, то второе откровенно печалило. Мое желание сделать по принципу «раз и все» оказалось невыполнимым. Нужно искать другие пути.

– А какие-нибудь другие мудрые люди поблизости есть? –

не слишком рассчитывая на положительный ответ, спросил я. – Те, кто смотрит на небо и рассказывает всякие глупости?

– Брат Маркус? – донеслось с другой стороны стола. – Есть же брат Маркус.

Проблеск мысли застал Жака со здоровенной костью в руке, которой он сейчас размахивал, как дирижёр палочкой.

– Брат Маркус? – недовольно поинтересовался Харальд, ему определённо не понравилось, что кто-то вмешался в нашу беседу. – Хранитель летописей? Чем может помочь этот прохиндей?

– А он разве ещё жив? – партнёр Жака, отхлебнул пива.

– Кто такой брат Маркус?

Неужели удалось зацепить крупную рыбу? Хранитель летописей может оказаться очень полезной находкой. Довольно сложно оставаться безграмотным хранителем. Какой ты тогда, к черту, хранитель?

– Не очень приятный человек со склочным характером, – Харальд явно жалел, что всплыло имя Маркуса. Я почувствовал разгорающийся огонек раздражения и недовольства. Впрочем, ничего конкретного, меня, похоже, «зацепило» основным потоком, направленным на его подчиненных. Пожалуй, после сытного обеда их ждёт голодный ужин. И определенная разъяснительная работа, возможно, и вместо завтрака.

Мне же нужно было раскопать побольше об этом любителе древностей, как можно быстрее. Харальд в любой момент

мог сойти с крючка, к счастью, другие времена – другое воспитание. Уходить без причины – признак плохого воспитания, а у благородного сословия с этим все куда строже.

– Где я могу его найти? – как ни в чём не бывало спросил я, намеренно не замечая его неудовольствия. Слово не воробей, а возможность подловить ближнего своего.

– Так в подвале, – Жак с грохотом поставил кружку на стол, изысканно рыгнул в ладошку величиной с лопату и махнул рукой в сторону комплекса зданий Ордена. – Ты сидел в левом подвале, а он – в правом. Как спустишься вниз и почувешь запах пыли, почитай, нашёл.

– Жак! – вдруг рявкнул Харальд и впился в него взглядом. – Тебе не кажется, что ты пропустишь дежурство?

– Какое дежурство? – простодушно удивился тот. – Моя очередь только через три дня.

Более сообразительный напарник, вскочил из-за стола и потянул своего приятеля. Он явно заподозрил, что происходит что-то странное. У хорошего солдата есть врожденное чутье на неприятности, и оно сейчас вопило о том, что не стоило им тут задерживаться.

Наконец и до толстокожего Жака стало доходить, что им лучше всего исчезнуть из поля зрения начальства как можно скорее. Авось, пронесёт. Ради такого случая можно пожертвовать даже остатками пива.

Как только подчинённые исчезли из помещения, Харальд мрачно на меня посмотрел. Все его благодушие как рукой

сняло. Облачко над его головой стремительно серело, покрываясь колючками и наростами.

– Ты, Иан, – он впервые назвал меня по имени, но ничего хорошего в этом не было, – конечно, можешь сходить и послушать бредни, выжившего из ума человека. Я даже не собираюсь тебе это запрещать. Зачем? Просто не советую придавать его словам какое-то особенное значение. Пользы от его речей точно не будет.

Он рывком поднялся из-за стола.

– А хочешь бесплатный совет? – Харальд оглянулся, обдав меня вдруг внезапно позеленевшими брызгами своей ауры. – Не ходи к Маркусу. В своё время отец Тук сам тебе все расскажет.

Он также резко развернулся и вышел из комнаты, а через несколько секунд хлопнула тяжёлая входная дверь.

Я задумчиво отхлебнул пива. Это вот что сейчас было? И не о бесплатных советах речь. Я все равно наведу в этот подвал, чтоб его завалило со всеми мудрецами вместе. Я про зелень эту непонятную. То сидел злился на раздолбаев-подчиненных и на меня, досада и раздражение разве что в лужу под ним не собрались, а то вдруг «вот тебе бесплатный совет, приятель». Меня такие перепады настроения больше всего на свете пугают. С чего бы я стал ему вдруг приятелем? Уж не из-за пары бутылок вина.

И почему вдруг такое внимание к летописцу? Ведь ясно же, что не из-за языка меня к нему не хотят подпускать. То

ли в курсе он чего-то лишнего, ненужного. То ли есть у него какой-то пунктик, который мне раньше времени знать не полагается. Или наоборот. Ну как же, не думай о белой обезьяне. Как вы считаете, пойдёт человек хотя бы одним глазком посмотреть на чудо, если ему постоянно твердят, что нельзя? Вот и я о том же. Отец Тук не дурак, может и какую-нибудь комбинацию придумать позаковыристее. С тройным обратным смыслом и разными хитрыми условиями.

– С вас два золотых, – прервал мои мысли голос мастера Фрода.

Его дородная фигура застыла в дверях, окутывая все вокруг аурой, которая прямо-таки сочилась алчностью и предвкушением. Надежда, насмешка и еще целый букет ощущений обрушились на меня, мешая моим раздумьям.

– Да вы с ума сошли, почтеннейший, – я округлил глаз. – Целых два золотых?

Трактирщик не уловил сарказма, продолжая с надеждой пялиться на мой пояс. Вот зараза, даже приметил место, где у меня хранятся наличные. Сканер у него встроен что ли?

– И это я ещё вас жалею, – доверительно сообщил он мне. – Вон вы весь в обносках, а приходится кормить таких людей.

При словах о «таких людях» мастер Фрод умильно закатил глаза, я так и не смог понять, что он имеет в виду «таких богатых» или «таких прожорливых».

– Жалеешь, значит, – развеселился я, простодушию этого

человека можно было только позавидовать. – Тогда пожалей меня и вспомни, о чем мы договорились.

Трактирщик старательно наморщил лоб, загибая пальцы на левой руке. Чего там думать? Договор состоял из одного пункта.

– Обед на четверых, – наконец выдал он, даже покраснев от натуги. Не зря говорят, мыслительный процесс иногда забирает больше энергии, чем тренировка.

– И о какой сумме мы договорились? – я выжидающе на него смотрел.

– Золотой, – неуверенно пробормотал мастер Фрод. И тут до него дошло, к чему я клоню. – Но речь шла об одной бутылке вина! И Жак со своим дружкой сожрали вдвое больше, чем обычно! А пива они сколько выдули? – он раздвинул руки, показывая размер выпитого. Я прикинул, что с таким размером нам четверым не справиться и за неделю. – Это ж уму непостижимо!

Трактирщик продолжал бурно возмущаться. Ещё бы, мало того, что от него уплывают вожаденные два золотых, так ещё, похоже, он только что покормил нашу компанию задарма. У него в голове не укладывалось, что его могли так надуть. И кто? Жалкий оборванец, который, правда, не задумываясь, хотел выложить золотой за обед.

Судя по цвету ауры, трактирщик был возмущён до глубины души, он обиделся, чувствуя себя оскорбленным. Причём, корил в этом в основном себя – во всяком случае ниче-

го, кроме обиды, я не слышал.

Ко мне он в целом относился скорее пренебрежительно, и сейчас проклинал себя за излишнюю доверчивость и за чрезмерное желание нагреть руки за счет простака, в чьи ряды он записал меня с первого взгляда.

– Мастер Фрод, – мне не хотелось портить отношения с человеком, который в общем-то в самом начале пошёл мне навстречу. – Один золотой – для меня практически неподъемная сумма, за которую мне ещё придётся держать ответ перед родителями. Но я был вынужден пойти на такие траты. Если они узнают, что я истратил все, дома мне можно не появляться.

И почему я всегда упускаю из виду свой нынешний возраст? Всегда можно сослаться на неопытность и родителей, которые где-нибудь там только и ждут возвращения непутевого сына. Причём, у отца явно припасен ремень для подобного случая. Надеюсь, этот язык трактирщику намного понятней, чем обыкновенное «нет денег». Так и выставить может, чего доброго.

– Но, в случае чего, я всегда знаю, куда следует идти обедать с хорошей компанией, – слегка подсластил я пилюлю.

Мастер Фрод – хороший источник информации, а для меня сейчас это самое важное.

– Спасибо, господин Иан, – поблагодарил он, видно уже простившись со сверхприбылью. – Всегда рад вас видеть!

Ещё бы ты не будешь рад меня видеть. Я вздохнул, допил

до конца свое пиво и вслед за Харальдом покинул трактир.
Пора узнать, что сможет мне предложить старик-летописец.

Глава 6

Впрочем, я передумал сразу идти в гости к брату Маркусу. Никуда он от меня из своего подвала не убежит. Час-другой задержки ничего не изменят, а я пока прогуляюсь по городу. Была у меня мысль немного поменять имидж и приодеться. Не хочу быть столбовой дворянкой, хочу царицей морской. Ну на царицу или царя я все равно не потяну, но хотя бы не крестьянином. Вы же знаете поговорку? По уму у нас только провожают.

Кроме того, меня съедало банальное любопытство. Впервые за все время пребывания здесь за мной никто не гнался, не бил, не пытал и даже не заставлял собирать улиток. Мой живот не пел песен, а хмель в голове настраивал на позитивный лад. Когда ещё побываешь в средневековом городе? Я улыбнулся двусмысленности.

Настроение поднялось настолько, что трактир я покинул, весело насвистывая себе под нос. Жизнь была хороша, над головой светило зелёное солнце и даже отсутствие глаза почти не портило картины.

Кстати, мои опасения не подтвердились: рана почти перестала болеть, зато жутко чесалась, и, чтобы не пугать людей, я закрыл глазницу повязкой. Трогать ее было страшновато, а зеркала мне ещё не попадались. А вообще ситуация идиотская, прошло три месяца, а моя внешность для меня самого

полная загадка. Естественно, память подсунула воспоминания о том несчастном водоёме, где я сначала чуть не утонул, а потом меня обокрали. Можно было увидеть свое отражение в воде, но сначала мне очень хотелось искупаться, а потом стало не до собственного отражения.

Теперь все было позади, и мне не терпелось узнать, как же я выгляжу. Особенно интересно было увидеть лицо. Кто я, смазливый красавчик, с уродливой спиной, заурядный горбун или мне выпало счастье оказаться персонажем из театра уродцев. Признаться, мне не очень хотелось быть никем из вышеперечисленных. Меня вполне устраивала моя прежняя внешность с упрямым взглядом ровно сидящих глаз, коротким ёжиком волос и европейским типом лица. Вообще, в той же Германии, я регулярно ходил за местного.

Не знаю, как обстояли дела с дорогами в других городах в средние века, здесь дорог не мостили. Ни дерева, ни тем более камня под ногами. Ровная земля, высохшая до состояния камня, и естественная спутница такого покрытия – пыль.

Я с любопытством посматривал по сторонам, слегка прихрамывая. Вдоль всей улицы сплошной стеной выстроились двухэтажные дома. Так как город находился на пересечении трёх дорог и, видимо, часто использовался в качестве перевалочного пункта, в большинстве домов первые этажи были отведены под магазины или, наверное, правильно будет называть их лавками.

Башни монастыря давно пропали из вида, заслоненные

крышами всех фактур, размеров и типов. Не знаю, кто проектировал этот город, но либо он ничего не понимал в градостроении, либо в нем не слишком разбираюсь я. Ни одной прямой улицы. Даже условный проспект, который вёл к ратуше, и тот раза три изгибался почти под прямым углом. Дополняли картину узенькие проходы, изображавшие из себя боковые улицы, и часто нависающие над ними вторые этажи, выходящих на них домов. Настоящий лабиринт. Хотя с холма город не показался большим, в реальности дома стояли в беспорядке, зачастую образуя тупики, в которые я несколько раз угодил. Ну и зачем такие сложности? Ведь город транзитный. Самострой и головотяпство или чей-то тонкий расчет?

Подивившись изобретательности архитектора, я неторопливо шел по улице, высматривая магазин, в котором торгуют одеждой. Покинуть ряды крестьян – вот первоочередная задача на текущий момент. Жаль, мне не известно ценообразование, велик шанс, что с меня опять сдерут три шкуры. И это не фигура речи. Если не знаешь цен, вполне можно приобрести вещь по акции: купи одну по цене трёх.

Лавки, как я говорил, попадались на каждом шагу. На некоторых висели вывески, но прочитать их мне, естественно, не удалось. В данный момент я уверенно узнавал одну-единственную букву. И даже знал, как она произносится. К счастью, когда абсолютное большинство населения такое же неграмотное, как и ты, это не слишком напрягает. На по-

мощь торговцам приходят символы.

За время своего блуждания мне несколько раз попадались знаки молота и наковальни. Два раза кружка, как и на вывеске трактира, в котором прошли мои первые в этом мире деловые переговоры. Беда в том, что, если буквы ещё можно как-то стандартизировать, то к символам жители города подходили творчески. И в виду разной степени понимания этого дела, размещали на фасадах домов совершенно неопознаваемые, на мой взгляд, изображения. Так под вывеской в виде ножниц располагался магазин оружия. А четырехугольная пластина, практически квадратной формы оказалась знаком каких-то чудаков в халатах.

Когда я заглянул под вывеску с ножницами, нос к носу столкнулся с владельцем. Меня оглядели, за долю секунды оценили и выдали единственно возможный результат:

– Че надо? – в принципе, уже по первым словам стало понятно, во что оценили мою платёжеспособность. – Вали отсюда, оборванец!

Мордатый дядя сумасшедшего роста, медленно поднялся за прилавком при виде меня, тщетно пытавшегося остановить закрывающуюся дверь. Господи, его бабка, должно быть, согрешила с великаном! Оттуда меня вышибло, как пробку из бутылки, мне не хватило времени даже взглядом провести по полке с оружием. Ну не связываться же с человеком-горой. Сейчас у меня не хватает глаза, а после? Не время играть в оскорбленное благородство.

Нужный мне магазин я нашёл по чистой случайности, ещё раз угодив в тупик. Что за безобразие? В городе от силы сотня-другая домов, но поставлены они так неудачно, что путь назад превращался в путешествие Сусанина. Всего за полчаса взгляд перестал улавливать разницу даже между соседними домами. Казалось, что все они на одно лицо. Не исключено, что за время блуждания по городу, мне уже доводилось проходить по одному тому же месту несколько раз.

И вот, когда силы начали меня покидать, а терпением я и так никогда не отличался, на одном из домов попалась странная вывеска. Она изображала большую змею, которая схватила тонкую, при этом первая вытянулась струной, а вторая извивалась в ее пасти. Может, так здесь обозначают аптеку или врачей? Хотя какие сейчас врачи? В лучшем случае лекари и знахарки.

Как оказалось, на вывеске хозяин изобразил нитку с иголкой. Владелец лавки долго не мог успокоиться, когда узнал мою версию. Да, вы правы, мне стало интересно, чем может заниматься заведение с таким знаком. Оказалось, именно тем, что мне нужно – пошивом одежды.

– Что вам угодно, уважаемый? – польстил мне хозяин лавки. Вряд ли по мне можно было судить, что я уважаемый. Не выгнали с ходу, и то хорошо.

– Мне нужна ваша помощь, – после этих слов по лицу хозяина пробежала тень, он явно не так меня понял, аура из желтенькой вмиг посерела, выдавая гнев и негодование – по-

прошаек нигде не любят.

Мне бы такую способность в моей прошлой жизни, цены бы ей не было.

– Прошу меня простить, – я замахал руками, видя, что хозяин собирается что-то сказать, – должно быть, я не правильно выразился. Мне нужна ваша профессиональная помощь. Моя одежда слегка поизносилась...

Слегка? Это слишком мягко сказано. После катастрофы на переговорах отец Тук был настолько любезен, что, воротя нос от аромата, исходящего от меня после камеры, приказал привести меня в божеский вид. Как выяснилось час спустя, процесс по приведению человека в это состояние представлял собой купание в горячей грязи, после которого меня обдали холодной водой. Затем мне подобрали одежду, на этот раз не особенно заморачиваясь с размером и фасоном, потому что мой прежний мешок, видимо, просто сгнил прямо на мне, пока я два с половиной месяца развлекал Крысу своими стонами.

– Ох, это вы меня извините, – всплеснув от раскаяния руками, рассыпался в извинениях хозяин, и его аура вмиг стала ярко-оранжевой. Что это? Стыд? – Мне искренне жаль! Как я мог так подумать...

– Право, не стоит, – включился я в игру. – Как ещё вы могли подумать при виде такого, – я рукой провёл вдоль тела. – Это же ужас.

– Кошмар! – согласно закивал тот. – Прошу ещё раз ме-

ня извинить, молодой господин. – Надо же, я стал совсем невежлив. Я не представился. Меня зовут мастер Штрак.

Когда с извинениями было покончено, мастер Штрак вновь стал самим собой. Аура светилась лёгкой доброжелательностью. Пока он не увидел приспособление у меня за спиной. На язык капнуло ощущением легкой брезгливости и жалости. Мое хорошее настроение, как рукой сняло. Да, мне никогда не стоит забывать, что отношение к людям с такими отклонениями будет далеко от нормального. Нас или хочется пожалеть, или к такому брезгуешь даже подойти, как будто мы заразные или больны проказой. Вот черт, откуда это подозрительное «мы»? С каких пор я стал причислять себя к «этим»?

Но профессионал в портном все же взял верх, и он посмотрел на меня уже как на клиента.

– Так чего же вы хотите?

Я пока и сам не знал, чего именно хочу. Дальше, чем «избавиться от крестьянской одежды», мысли не заходили.

– В этом есть определенная сложность, – мне не удалось скрыть смущение. – Дело в том, что моя родина далеко отсюда. А некоторые трудности не позволяли следить за поворотами моды последние несколько лет. Рекомендация такого опытного человека заметно упростит мой выбор.

Мастер Штрак со значением кивнул. Неприкрытая лесть в подобных случаях всегда работает, как надо.

– Конечно-конечно, – кивнул он с энтузиазмом, но тут же

в его ауре появились признаки недоверия. – Я с радостью помогу сделать вам этот нелёгкий выбор, но мне нужно знать, какой суммой вы располагаете? Не поймите превратно, но разные ткани стоят по-разному. Вдруг вы рассчитываете на что-то не очень хорошего качества, а я смогу предложить вам со скидкой более дорогой материал и фасон?

Хитрый ход, мастер. Если бы я не прошёл школу бизнеса от начала и до... определённого уровня, то спокойно выложил тебе всю подноготную. И обобрали бы меня до самой нитки. Нет уж, дудки. Пусть сам устанавливает цену, а мы слегка подрежем аппетиты уважаемого мастера.

После того как я намекнул мастеру Штраку на свое не слишком знатное происхождение, он понимающе кивнул, видимо, записывая меня в третьи сыновья какого-нибудь захудалого барона из забытого всеми лесного края – по крайней мере я надеялся именно на такой исход его мыслей, – мне на выбор было предложено несколько вариантов верхней одежды с широченными рукавами, которая по сути различалась только цветом и фактурой, полами почти до колен, и короткими рукавами-фонариками. Под него предлагались светло-бежевые рубахи на завязках. Вместо привычных штанов с карманами – рейтузы. Обувью же уважаемый Штрак не занимался, но мог порекомендовать своего коллегу. Совершенно случайно его лавка была в двух шагах, поэтому, если господин хочет, – я уверенно перешёл в разряд господ, – он может послать за ним своего сынишку.

С одной стороны, выезд на дом явно добавит к цене обулки определённую сумму, с другой, не хотелось начинать все с начала. Так что я согласился.

Пока мы ждали возвращения сына портного, я определился с гардеробом. В мой шкаф, которого у меня пока нет, вскорости попадут: один камзол – тот самый пиджак с длинными лапами – темно-синего цвета, пара рубашек, штаны. Не забыл я и о нижнем белье, чем весьма озадачил хозяина. Кроме того, мастер пытался навязать головной убор, но всего должно быть в меру. Мне ещё предстояло привыкнуть к новому образу. Шляпа в него пока не вписывалась.

Я подумывал взять себе кожаную одежду – она очень напоминала привычный мне костюм, практичный и удобный; в новом наряде я смотрелся разодетым в пух и прах вельможей. Но в зрелом размышлении решил пока отказаться от этой мысли: все, кого я видел в кожаных нарядах, были воинами и знали, с какой стороны братья за меч, на мне воинская одежда смотрелась бы как на овце бронежилет: от пули защитит, да часто ли в нее стреляют? От насмешек, что гораздо страшнее, меня не уберезет и полностью закрытый стальной доспех.

– Двадцать четыре серебряные монеты, – наконец посчитал мастер Штрак, показываясь из-за бюро.

Аура опять изменила цвет и форму. Теперь в ней было больше зелёных тонов, пропали брезгливость и жалость. Ничуть не удивлён, ведь речь шла о его деле, а мою персону

перевели в разряд клиентов.

– К сожалению, – я вздохнул, демонстрируя глубокую грусть, – мне вряд ли получится потратить на одежду больше четырнадцати.

Одного взгляда на ауру мастера хватило, чтобы перед глазами возникла дородная фигура трактирщика. Ну и два золотых в придачу. В этом случае цвета оказались не настолько насыщенными, а чувства не настолько яркими, поэтому я решил, что аппетиты портного слегка уступают аппетитам его коллеги, да и сумма сильно недотягивала до запросов мастера Фрода.

Мастер Штрак заметно погрузнел. Значит, на этот раз я угадал с оплатой? Но это также означает, что мне придётся снять шляпу перед трактирщиком. Если мой гардероб стоит всего двадцать серебряных монет, а обед обошёлся в золотой, то... Может, пойти и набить трактирщику морду?

Я решил подсластить пилюлю.

– Мастер Штрак, я вспомнил, что несколько дней назад сумел сэкономить несколько монет на другом деле, поэтому к этой сумме могу добавить ещё шесть.

В который раз убеждаюсь, отбери у человека то, что у него есть, и верни часть обратно. И будет вам счастье, и ему заодно. Портной слегка повеселел, облачко над его головой позеленело, на меня повеяло благодарностью и облегчением. А я-то грешил, что мне досталось бесполезное умение. В хороших руках оно будет посерьёзнее атомной бомбы, ребята.

Вот только научиться ещё с ним работать. Ну да, дайте мне время.

– Если подумать, – мастер Штрак прошёлся вдоль стойки, на которой лежали отрезы ткани и несколько больших рулонов. – То, пожалуй, я смогу отдать вам ваш заказ за предложенную вами сумму. Конечно, я почти не заработаю, но да иной раз нужно помогать людям бесплатно, – он показал пальцем вверх. – Там это зачтется.

Если он и лукавил, то не слишком сильно.

Заминка вышла, когда дело дошло до оплаты. Стоило мастеру Штраку увидеть в моих руках золотую монету, как он в растерянности развел руками. У него не оказалось сдачи. Пришлось опять посылать отпрыска к соседям. Признаться, получилось не очень красиво – я столько напел, что у меня не хватает денег, и тут достаю золотой. Но у меня не было выхода: только сейчас я задумался, что, во-первых, не знаю обменного курса, а во-вторых, мне в самом начале следовало поменять часть золота на серебро – не следует искушать людей, когда сам не знаешь цену деньгам.

И вот сейчас мне пришлось почесать затылок. Передо мной выложили шестнадцать аккуратных стопочек по десять монет в каждой. Получается, золотой идёт один к ста восьмидесяти. А почему тогда медь? И встаёт вопрос уже не о морде наглого трактирщика, а о чём-то более серьёзном. Эта скотина изрядно нагрела руки, но и я хорош. Ну кто так делает, ведь мог же заранее узнать курс.

К тому времени, как пришел обувщик, меня успели напоить чаем и угостить печеньем собственного изготовления. Мастер Штрак оказался весьма интересным собеседником, хотя и пытался аккуратно узнать, откуда я родом и где научился так своеобразно излагать свои мысли. Пришлось отделяться общими фразами и отшучиваться. Хозяин не стал настаивать, и дальнейшая беседа протекала легко и непринуждённо.

Информации никогда не бывает слишком много. Моя память, как выяснилось, идеально подходит для ее хранения, но совершенно не способна систематизировать. Этим уже приходилось заниматься самостоятельно. Заодно мне нужно привыкнуть к мысли, что, несмотря ни на какие учебники, если здесь они вообще есть, правила языка придётся учить самому. И определённые попытки мной уже предпринимались.

Если разбить разговор на отдельные предложения, то довольно просто можно вычленить устойчивые выражения, наиболее используемые словосочетания и обороты. Конечно, есть риск, что в конце концов моя речь сведётся к набору штампов, но в принципе на первых порах это не страшно. А со временем я смогу определить закономерности и правила, согласно которым строятся предложения. Ну или найду более-менее вменяемого учителя.

С терминологией тоже все обстояло не так страшно, как я полагал вначале. Мой переводчик перенапрягался от бурно-

го потока новых слов, тогда как ручеек впитывался без особых проблем. Требовалось только получить достаточное количество информации по каждому конкретному случаю.

К примеру, как только мастер Штрак упомянул Совет Выборных Граждан Рогона, а потом по моей просьбе пояснил каждое слово, я почувствовал, как какой-то кирпичик в моей памяти встал на место. Другое дело, где найти такого человека, который добровольно согласится кормить меня рассказами о текущей ситуации в мире и объяснять непонятные вещи. Уж точно, не стоит идти на поклон к отцу Туку или Харальду.

Кстати, отец Тук оказался епископом Конгрегации по делам чистоты Веры, проще говоря, Инквизиции. Он появился в эти края полгода назад вместе со своим помощником по имени Харальд, который вроде как и не был монахом, но исполнял все распоряжения епископа. Судя по голосу мастера Штрака, речь шла как минимум о генерале госбезопасности. Епископ был всесилен. На местном уровне практически бог. Вот интересно, что может от меня понадобиться богу?

От невеселых мыслей отвлекло появление мастера, которого Штрак рекомендовал как прекрасного специалиста по пошиву обуви. Его звали Трий и было ему уже столько лет, что мне и подумать страшно. Выглядел старичок соответствующе: борода клоками, белая пакля волос и высохшее тело – он словно состоял из одних жил.

Так как его профессиональные интересы лежали исклю-

чительно в нижней части моего тела, ему было абсолютно плевать, есть у меня горб или нет. Главное, имеются две ноги, больше его ничего не интересовало.

Он деловито обошёл меня вокруг, словно снимая мерки на трехмерном сканере. Да, вы же не забыли, что я до сих пор был патологически бос? Обувь – удел состоятельных. Не знаю, как здесь дела обстоят зимой, до нее ещё надо дожить, но летом большинство крестьян обходятся без обувки и ходят в мешковине. Ботинки – это статус и деньги. А у нас по-другому? Для мужчины имеют значение три вещи: ботинки, часы и ремень.

Трий закончил третий обход и впервые поднял на меня взгляд.

– Деньги имеются? – а старичок-то не промах!

– А шить-то умеете? – я не остался в долгу.

– Острим, значит, – заключил он и обернулся к Штраку. – Это что за шут?

– Этот шут будет вам платить за работу, – с усмешкой заметил я. – Ну или не будет. По-разному бывает.

Трий развернулся ко мне, взглядом высверливая дырки. При этом его аура светилась ровным зелёным светом. Нормальный такой дедок. Сработаемся.

– Чего хотел-то? – наконец проворчал он.

Есть у меня одна задумка. Обувь от Трия была вся как на подбор, в смысле, вся одинаковая. Он принёс с собой три пары вроде как разных моделей, но по факту все это оказалось

размышления на тему: а как ещё можно переделать мокасины. Терпеть не могу обувь на тонкой подошве. Идёшь по дороге, и чувствуешь себя как принцесса на горошине: каждый камушек теперь твой. Охота была! Другое дело броги, да под джинсы и пиджачок!

К тому же толстая подошва сейчас для меня не прихоть, а жизненная необходимость. Знал я одну девчонку, которая училась на класс младше. Ничего так себе, симпатичная и умная, что не очень часто встречается. Портил ее внешний вид один момент, который напрямую относился и к моей ситуации: одна ее нога была короче другой. Это становилось заметно лишь когда ей приходилось надевать туфли. Разница вроде бы небольшая, но на походке отражалась будь здоров. Поэтому на балы и вечеринки она в принципе не ходила. Так вот, в повседневной жизни она носила специальную обувь с подошвами разной толщины, что давало ей возможность ходить как все нормальные люди. Вот и я хотел попросить что-то подобное. Вопрос в том, сможет ли Трий сообразить, как сделать ботинок на толстой подошве, когда все носят на тонкой.

– Мастер Трий, а на заказ вы шьете? – спросил я, разглядывая аккуратные стежки на выделанной коже.

Тот вздохнул, отнял у меня ботинок, который я вертел уже чисто автоматически.

– Положим, – хмыкнул он, но тут же категорично добавил, – будет дорого.

Ну, всяко не дороже моего похода в кабак. Полагаю, на ту сумму, что досталась кабатчику, можно кормить весь монастырь. Причём, не один день.

– Мастер Штрак, есть ли у вас что-нибудь, на чем можно рисовать?

Чтобы у портного не имелось меловой доски? Ни за что не поверю! Про бумагу поверю, она в средние века на вес золота, вряд ли тут обстоит дела по-другому.

Тот на некоторое время исчез в подсобном помещении за стойкой и долго чем-то гремел. Мы с Трием разглядывали стены и обстановку вообще. Приемная, откровенно говоря, размерами не блистала, дай бог три на два. Дорогу дальше перегораживал аналог барной стойки, за которой портной встречал своих клиентов. Раскройного стола и чего там ещё нужно для работы портного, в приёмной я не увидел. Видимо, здесь просто снимали мерки. Чай и печенье мастер Штрак поставил прямо на свою стойку, периодически смахивая крошки тряпкой на пол. Сидеть клиентам не полагалось.

Наконец, за стенкой ещё раз что-то упало и из-за двери показался сам мастер Штрак со здоровенной чёрной доской. Размеры ее впечатляли: метр на два, не иначе. Судя по толщине, самая настоящая дверь, покрытая каким-то составом. Где он ее только взял?

Мне даже стало неловко: заставил попотеть немолодого уже человека.

Мастер порылся у себя в кармане и извлёк оттуда кусок мела неправильной формы – не думаю, что его тут продают в коробочках с ровными рядами – пастилками, ничего похожего на аккуратные школьные мелки – просто бесформенный кусок с острыми краями.

Рисовать я любил. В детстве. Лет в семь. Мне рассказывала об этом мама, когда ещё была жива. С тех пор утекло много воды. Но после того, как мастер Штрак приволок мне предмет своей гордости и заодно как минимум семейную реликвию, мог ли я ударить лицом в грязь?

Помните строки: поэтом можешь ты не быть... Но ботинок у меня все-таки получился. Далекое не с первого раза и даже не с пятого. Оба мастера следили за моими потугами с неподдельным интересом. Правда, Трий сначала поглядывал с явной иронией, но где-то к концу работы тоже проникся.

– Зачем такая толстая подошва? – спросил наконец он, рассматривая результат моих трудов.

– Там, откуда я родом, мягкой травы не так много, – заметил я. – Толстая подошва долго изнашивается и бережёт ноги от повреждений.

Тот с сомнением посмотрел вниз, естественно, никакой обуви у меня не было.

– Путь был длинный, мастер, – вздохнул я. – И не всегда судьба ко мне благоволила.

Глава 7

И всё-таки к звездочетам я сегодня не попал. Во-первых, ещё целый час меня обмеряли, поворачивая словно окорок над костром, во-вторых, мастер Штрак, непрестанно вздыхая, сообщил, что раньше завтрашнего полудня закончить работу никак не успеет: слишком много переделок. Основная, конечно, приходилась на спину, у меня присутствовала деталь, не предусмотренная конструкцией одежды. Но к обеду обещал непременно управиться и доставить заказ к воротам монастыря.

С работой Трия все обстояло куда печальнее. В конце концов мастер сообразил, что от него требуется, но категорично заявил, что работы минимум дней на двадцать. Новая колодка, новые материалы – фактически ему придётся учиться заново, потому что такого тут никто не шил, подумав пару минут, он пожевал губы и сообщил, что такого нигде не шили. Во всяком случае, он об этом не слышал. А слыханное ли дело – закругленные мыски? Да он вообще не знает, возможно ли это! Ну и все в таком духе.

Мне надоело словоизвержение старика, и я напрямик спросил: сколько?

– Сорок серебряных монет и ни медяком меньше! – гаркнул Трий с усмешкой глядя на меня.

Надо сказать, что ценник удивил даже мастера Штрака.

Его явно покорило то обстоятельство, что клиента, которому он так легкомысленно уступил по цене, бессовестно обдирает другой.

– Я сказал, ни медяком меньше, – упёрся Трий. – Если он разжалобил тебя, то со мной такой номер не пройдёт. Ему нужна определённая вещь, и на другую он не согласен. Ведь не согласен? – он повернулся ко мне.

– Нет, – вынужденно признал я.

– Ну, значит, и я тоже, – заключил Трий.

С одной стороны, сумма была велика. На фоне того, что пять золотых – все деньги, что у меня были. С другой, эта непреклонность наводила на определённые мысли.

– Я согласен на ваши условия, – кивнул я, хитро прищурившись. – Но с некоторыми условиями.

Старик недоверчиво на меня посмотрел.

– Что ещё за условия?

– Во-первых, вы сделаете мне не одну пару, а две, а, во-вторых, вы будете отдавать мне десять процентов от выручки за каждую пару, которую вы сделаете для других людей.

Когда мне удалось вырваться из загребущих лап мастеров, дорвавшихся до действительно необычных заказов, уже основательно стемнело. Для визита вежливости было поздно, да и отребьям там появляться точно не стоило. Обычно таким людям плевать на твою внешность, но бывают и исключения. Не хотелось уточнять на практике.

Поэтому я принял решение провести эту ночь как все обычные люди, в доме и на кровати. Дома в его понимании у меня, конечно, не было, но для моих целей сойдёт и каморка под крышей монастыря. Кровать там точно стояла, когда меня привели с неудачных переговоров.

Что делать утром, я ещё не решил, а перед сном точно нужно совместить приятное с полезным. Под приятным подразумевался ужин в любом более-менее приличном заведении, под полезным – то же самое. Я собирался провести следственный эксперимент и заказать то же самое, что имел честь откусать в трактире у монастыря. Конечно, ужин на четверых в мои планы не входил, но, слава богу, умножением в этом возрасте мы владеем на отлично. Вот и посмотрим на величину жадности мастера Фрода.

Приличный, по меркам Штрака и Трия, кабак находился на соседней улице, но из-за того, что у их лавок не было сквозного прохода, нужно было немного поработать ногами.

Что может быть лучше лёгкой прогулки перед ужином? Солнце уже спряталось за домами. Воздух наконец вздохнул спокойно от палящих лучей, и погнался по улицам лёгкий ветерок, принося прохладу и облегчение. После трёх часов в душной лавке, я едва смог удержаться от совета установить тут кондиционер. Каюсь, даже забыл, где нахожусь. Давно у меня не было такой приятной и непринуждённой беседы.

Удар в спину вырвал меня из состояния мечтательной задумчивости. Я стремительно развернулся, чтобы получить

ещё один, на этот раз в лицо. Было больно. На губах остался солёный привкус крови и чего-то кисло-сладкого. За спиной не было ни души, а на земле лежали два переспелых яблока.

Вот и то явление, что я явно упустил из виду при планировании дальнейших действий. Моя внешность – идеальная приманка для разного рода шпаны и хулиганов. Я ущербный, отличаюсь от обычных людей. Такому не место среди них.

– Убирайся отсюда, урод! – вот и немедленное подтверждение моих мыслей. Голос доносился из подворотни, темнота надёжно скрывала его владельца. К счастью, у меня пока имелось немного времени – нападавшие не знают моих возможностей. Плохо то, что у них не займёт много труда это выяснить. Бегаю я неважно, а дерусь ещё хуже.

Что же делать? Вступать в пререкания – не вариант. Они осмелеют раньше времени, а я потеряю эффект внезапности. Проблема в том, что мне доподлинно не известно, где конкретно находится этот трактир. Добежать я, возможно, успею, сложнее обстояло дело с «найти». Добраться до монастыря мне точно не дадут. Так что выход один: трактир. Как там он называется? У кабана?

Так я не бежал, даже когда меня догоняли эльфы. За спиной сначала слышались возмущённые крики, шум падения чьего-то тела, а затем агрессивное сопение и приглушенные ругательства. Сначала я думал, что мной заинтересовались местные малолетние хулиганы, мальчишки того возраста, когда их еще не привлекают к семейным делам, но они

уже всячески стараются увильнуть от своих обязанностей – вот и шатаются по улицам в поисках развлечений. Но у людей, выкрикивающих оскорбления, оказались слишком грубые голоса, выдающие их возраст даже сильнее, чем внешний вид, которого я к тому же ещё не видел.

Преследователи явно замешкались на старте, не ожидая от меня такой прыти, поэтому у меня неожиданно оказалась приличная фора. Теперь точно успею, подумал я, заворачивая за угол, и со всего размаху врезался в чью-то громадную грудь. Наверное, именно такие ощущения испытывал Титаник, когда со всего разбегу врезался в айсберг.

– Кого это черти носят? – возмущённо прорычало сверху, и я от слабости сполз на землю. Впервые за долгое время судьба повернулась ко мне лицом, ну или грудью нагло упакованного в кожу Оррика. Я был так рад его появлению, что несколько секунд сидел на земле и обнимал его ноги. Воин недоумевающе пялился вниз, пытаюсь понять, что делать с неожиданным поклонником. Меня он, естественно, не узнал. В это время на нас налетели мои преследователи.

Если мое появление у здоровяка ничего, кроме возмущения и недоумения, не вызвало, то выход на сцену подозрительных элементов в количестве аж шести человек превратило неуклюжего медведя в стремительного и безжалостного убийцу.

Да, ему действительно платили не за то, чтобы он умел говорить. Первые двое умерли сразу, как только получили

удар в горло с двух рук. Остальные, ещё не разобравшись в ситуации, выхватили ножи, обходя Оррика по кругу, обо мне на время забыли.

Увидев смертельный блеск в руках противников, воин расхохотался и потянул с пояса длинный меч, отбрасывая подальше плащ. На шее у него блеснул знак из трёх колец, перечеркнутый тремя же стрелами.

– Инквизитор! – ахнули оставшиеся в живых.

– Мы все умрём! – паника, она такая. – Нужно бежать!

Один из шайки не потерял голову, живо одернув коллег по нелегальному бизнесу.

– Куда ты побежишь? За нападение на инквизитора положена смерть, куда бы ты ни вздумаешь сбежать, – он оглядел растерявшихся бандитов. – Так что у нас только один выход: мы или они.

– Свидетелей не оставлять! – взвился чей-то писклявый голос и все четверо одновременно бросились на Оррика.

Впрочем, судя по его виду, проблем воин не видел. Одного он встретил на подходе длинным красивым выпадом, второго пропустил мимо, словно обтекая его, и рубанул в спину. Секунд через пятнадцать у него осталось только двое противников: длинный нескладный мужик лет тридцати и тот самый «умный». Оба бандита, давайте называть вещи своими именами, тяжело дышали, Оррик же, похоже, даже не разогрелся.

Они снова бросились на инквизитора, но, если раньше у

них был хотя бы призрачный шанс, то сейчас атака стала жестом отчаяния. «Нескладный», неуклюже взмахнув ножом, напоролся на меч, завалился на бок безжизненной куклой. Прямо-таки «десять негрятят» на средневековый манер – помните считалочку из фильма: «И их осталось два...». И тут меня озарила прекрасная мысль.

– Оррик, – позвал я небрежно покачивающего клинком воина. – Ты можешь пока не убивать этого... невоспитанного человека?

– С чего бы это? – недовольно спросил тот, для которого произошедшее скорее являлось развлечением от скуки, чем реальной боевой схваткой. – А, это ты, Иан! – меня наконец-то узнали. – Чего носишься сломя голову? Чуть меня не зашиб.

После всего увиденного это было смешно. Я его чуть не зашиб. Впрочем, надо ещё исполнить задуманное. Полагаю, с Орриком может получиться.

– Да вот, понимаешь, эти ребята меня с кем-то перепутали, – промолвил я, задумчиво. – Погнались, естественно. А тут ты.

– Я, – понятно кивнул Оррик, сжимая меч. Ничего он не понимал, но на то есть более старшие товарищи, чтобы все подробно разложить по полочкам. Я, конечно, к ним ни в коем разе не относился, но почему бы и не послушать?

– Так вот, догнали они меня, – было заметно, что продолжение ждал уже не только Оррик, но и единственный остав-

шийся в живых бандит. – Увидели, что это не тот, кого они искали, а тут ты. Ну и погорячились. Кого только ночью в городе ни встретишь? А вдруг грабители? – я покачал головой, демонстрируя сомнения. – Испугались, выхватили ножи. Вы ведь испугались?

В ответ на мой вопрос бандит изобразил горячее согласие, так активно кивая головой, что я подумал, не оторвется ли.

– Очень испугались, – добавил он для уверенности, что его поняли.

– Ну вот, а ты достал меч, они приняли тебя за бандита, и закрутилось...

До сего дня я и предположить не мог, что на свете существуют люди, которые поверят в этот бред. Главварь, про себя я выбрал главным именно его, переводил настороженный взгляд с меня на Оррика, пока не понимая, к чему я клоню. Скоро все поймешь, милый...

– Господин, – я обратился к выжившему бандиту, и он на этот раз правильно меня понял.

– Кривой Эл, – представился он. Я вздохнул, если и после этого Оррик не изрубит его в капусту, то я прямо даже и не знаю, что думать. До бандита, видимо, тоже дошёл смысл того, что он ляпнул, и он посерел – его бледное лицо пятном мерцало в сумерках, но и это сошло ему с рук.

– Господин Эл готов принести свои извинения, – сказал я, опуская прозвище. – У него и мысли не было нападать на инквизитора и его друга, которые собирались идти пить пиво

в ближайшем трактире. Ведь не было?

– Ни малейшей! – истово выкрикнул Кривой Эл, до которого наконец дошло, что он ещё может выйти сухим из воды.

– Пить пиво?! – с неподдельным изумлением спросил Оррик, а затем с надеждой добавил: – С сосисками и капустой?

Причём оба умудрились заговорить одновременно.

– Так мы отпустим непутевого господина Эла? – поинтересовался я у Оррика. Кривой Эл, по-моему, даже перестал дышать в ожидании приговора.

– Да нужен он нам больно! – фыркнул Оррик, пряча клинок. – Пошли быстрее, а то ещё места закончатся.

– Одну секунду, мне нужно попросить господина Эла об одной услуге.

Бандит ощутимо напрягся. Аура над ним светилась цветом страха, ожидания и надежды.

– Мы перепутали, – быстро проговорил он, настороженно поглядывая на меня. – Среди ночного братства дураков нет, мы не воюем с инквизиторами.

– И с их друзьями, – настойчиво проговорил я.

– И с их друзьями, – послушно повторил Кривой Эл.

– Передай своим, что Иан Горбун всегда помнит своих друзей, – прошипел я. – И не забывает врагов. Не нужно за мной ходить. Для здоровья плохо. Не моего, конечно.

– Конечно, – хмыкнул чуть расслабленно бандит. – Не для твоего. Но и Кривой Эл добро помнит! – твердо сказал он. – Спасибо, я тебе жизнью обязан, а может, и чем побольше.

Кто их, этих инквизиторов, знает?

Он схватил меня за руку.

– Меня не только в Рогоне знают, – сказал он. – Если с нашими ещё сойдешься, можешь обо мне вспомнить. Помочь, может не помогут, но и мешать не станут.

После этих слов он растворился во тьме.

– Тела убрать бы, – буркнул я вдогонку.

– Не учи учёного, – ответила тьма голосом Кривого Эла.

К счастью, окончание вечера прошло, как ему и полагалось, без эксцессов. Оррик ел за двоих, пил за четверых. Аппетит у здоровяка был великолепный, а я с тревогой размышлял, а хватит ли мне денег надолго с учётом таких расходов. Пока что для меня это самый настоящий невосполнимый ресурс. Не рассчитывать же всерьёз на тот комиссионный договор. Я же не с фабрикой договорился, а с одним человеком. Да и кто знает, когда он сошьёт кому-нибудь что-то подобное?

Из головы не шла неожиданная ночная встреча. Когда мне на глаза попало яблоко, которым мне засветили в голову, я поначалу подумал, что до меня все-таки докопалась местная шпана. А что? Человек с такими отклонениями неизбежно становится объектом их насмешек и жестокого обращения. Сильный третирует слабого – всю жизнь так было и будет. Не можешь поставить человека на место, будешь огребать. Есть немало людей, для кого издеваться над слабыми и теми,

кто не может тебе ответить, – практически естественная потребность организма.

Выход один: искать сильного друга, коллектив, партию, которая может за тебя заступиться. В данном случае инквизиция идеально подходит на роль такого защитника, вопрос в том, что она попросит взамен. То есть, как и всегда, встаёт вопрос цены. Не окажется ли она непомерной?

Возвращаясь же к встрече с бандитами, которые с успехом имитировали нападение обычной шпаны, можно было только порадоваться своему решению убежать. Они явно оказались к нему не готовы. Да и как же к месту оказалось фееричное появление инквизитора!

Меня немного беспокоила лёгкость, с которой я воспринял смерть пяти человек, которые погибли на моих глазах. Ничуть не сомневаюсь, что, будь их воля, со мной поступили бы точно так же. Но все же не по себе. Грубеет моя душа, сильно грубеет, не ровен час, придётся самому вот так... Хотя, о чем это я – руки давно в крови по самые локти...

Ладно, что у нас там дальше по списку? К счастью, Оррику для пива компания не требовалась. Он успешно справлялся и сам. У меня же появилась прекрасная возможность подумать над своими делами.

Я отхлебнул ещё глоток пива, посматривая по сторонам. Как в любой стране, трактир утром или он же вечером – две большие разницы. Обедали в основном без злоупотреблений горячительными напитками, без особых излишеств. Встава-

ли, расплачивались, уходили.

Вечером популярность заведений вырастала десятикратно. Понятное дело, в нынешнее время с досугом не очень: выпить да подраться – все доступные развлечения. Нам с Орриком еще повезло, что для нас нашелся свободный столик как раз на двоих. И такое хорошее расположение – напротив входа у самой стены. Если начнётся потасовка, отсюда, конечно, не выберешься, но я надеялся, что на сегодня приключений достаточно. Может хотя бы вечер завершиться без эксцессов и драк?

Зато к нам просто так было не подобраться. Практически места для поцелуев – только не поймите меня неправильно.

Контингент у трактира оказался соответствующий: крестьяне, лавочники, приказчики. Те, кто при деньгах, видимо, предпочитали места поближе к центру. Но кормили вкусно и пиво не разбавляли. Над всей этой толпой прочно завис неистребимый призрак любого столпотворения: шум, неразборчивое бормотание, пьяные возгласы, смех, ругань и похабные возгласы.

Неожиданно из-за спин ближайших соседей вывернулся невзрачный мужичок. Весь какой-то из себя... средний, никакой. Увидишь его, и глаз соскользнет дальше, словно его и не было. Он несколько секунд нас внимательно рассматривал, затем поклонился нам обоим. Причём, мне как бы ни больше, чем Оррику, что меня слегка удивило.

– Господин Эл велел вам передать с наилучшими пожела-

ниями, – с этими словами он извлёк из-под мышки бутылку тёмного стекла. – Лучшее, что есть в городе.

Он вежливо кивнул на прощание и был таков.

– Хорошие у тебя знакомые, – хмыкнул Оррик, – правильные. Я вино не пью, не лезет в меня эта кислятина, а вот епископ Тук, тот большой поклонник, – выдал неожиданно Оррик, он взял бутылку, покрутил ее перед глазами, опять хмыкнул. – Отличное вино, «Кровь камня», в этой дыре действительно не найдёшь.

Я как сидел с открытым ртом, так и продолжал сидеть, автоматически кивнув на предложение воина. Только вот не воин это никакой, руку на отрез даю. Во всяком случае, уж точно не обычный.

– Ну а что ты хотел, – с усмешкой продолжал тот. – Чтобы тебя такого красивого без присмотра оставили? Знаем уже, как ты можешь о себе позаботиться. Лично видел. Вот Харальд меня к тебе на пригляд и приставил. На глаза, говорит, не попадайся, а если вдруг что, головой отвечаешь.

– Смешно, – нервно сказал я, не зная, как реагировать. – И долго вы...

– Да, почитай, с обеда за тобой хожу. Пожрать вот никак не удавалось, то тебя сюда тянет, то туда, – он вздохнул. – Думал, хотя бы в городе успокоишься, но тебе и тут неймётся. Вот скажи, как к одному столько всякой дряни липнет?

Я пожал плечами. А я знаю? Самому интересно.

– Кривого уберете? – вдруг спросил я.

– Зачем? – Оррик сделал богатырский глоток. – Тут ты хорошо сыграл, не подкопаешься. Связями обрастаешь, молодец. Только ворье оно и есть ворье, с ними лучше поаккуратнее.

– Знаю, – я начал приходить в себя. – Это на крайний случай.

– И хорошо, что знаешь, – кивнул Оррик. – Давай ещё по парочке кружек и по домам. В драке даже я ничего не сделаю. Саданут тебя по голове половником и поминай, как звали.

– А будет драка? – заинтересовался я, поглядывая по сторонам.

– Конечно, будет. Куда же без нее-то, – он вздохнул с грустью. – Выпить и не побузить? Да ну, скажешь тоже...

Вот такой интересный разговор у меня получился. А когда мы расстались у ворот монастыря, Оррик добил меня окончательно.

– Нам, конечно, за разговоры не платят, – он внимательно осматривал улицу за моей спиной. Я тоже повернулся, но ничего не заметил. – Но без головы тут долго не протянешь, так что волей-неволей приходится... Что именно приходится, воин так и договорил. – Ну бывай, мне ещё перед начальством ответ держать.

Глава 8

Чёрт возьми, как же это здорово, что тебя никто не будит в пять утра, у тебя не разрывается телефон, тебе не нужно в спортзал, потому что должен держать себя в форме. Не хочешь, а именно должен. Сколько себя помню, мне всегда приходилось делать то, что говорили другие люди. При том, что с возрастом положение лишь усугублялось. Так, глядишь, годам к сорока даже походы в туалет пришлось бы включать в график и согласовывать с референтами.

Сегодня я впервые за долгое время осознал, что все они остались где-то там, далеко отсюда. И даже то, что, может, не сейчас и даже не завтра, я обязательно обрасту такими же людьми, не могло испортить мне настроение. Здесь и сейчас я решал все сам. Хотя бы в пределах этой поляны. Именно поэтому, едва забрезжил рассвет, в постели мне уже не лежало. Сна не было ни в одном глазу. Внутренний голос требовал действий. Наконец-то я мог напрямую влиять на события, а не плыл по течению собственной судьбы. Конечно, это опять лишь иллюзия свободы, но мне было все равно.

Сборы не заняли много времени: рубашку гладить не надо, на брюках не приходится выводить стрелки, потому что брюк у меня в гардеробе нет, да и вообще он весь на мне. Меня не мучает вопрос причёски, все равно ее некому делать. Зубную щётку вообще ещё не придумали. Да, здесь опреде-

лённо все несколько проще.

День обещал быть крайне насыщенным. Придётся возвращаться к планированию, иначе рискую чего-нибудь не успеть, а времени и так мало.

Спускаясь по ступенькам из своей каморки, я встретил зевающего Оррика. Он приветствовал меня слабым взмахом руки.

– А, Иан, – он сонно потер глаза, состроив болезненную гримасу. – Ты чего в такую рань?

– Дел много, – бодро сказал я и получил в ответ вымученную улыбку. – А ты как? Печенюшкой отравился?

Оррик потер виски, задумчиво посмотрел куда-то вдаль, словно именно там должен был быть ответ на мой вопрос.

– Наверное, рыба была несвежая, – наконец вздохнул он.

Несмотря на страдальческий вид, инквизитор стоял полностью при параде – хоть сейчас выходи на битву. На поясе дышал опасностью длинный прямой меч, которым, как я уже знал, он управлялся с необычайной лёгкостью. Грудь, словно ёлка, увешана метательными ножами.

– Сегодня тоже со мной? – я пропустил Оррика вперёд, и пристроился ему в след.

– Не без этого, – отозвался он. – Куда на этот раз? Я бы не отказался от кружечки пива.

Его голос, как и шаги, гулко отражались от каменных стен. Несмотря на явные признаки вчерашних посиделок, шаг у воина был твердый, а походка уверенной.

– Есть идеи? – я, признаться, тоже не отказался бы от плотного завтрака. Кроме того, планы на утро были намечены ещё вчера. И посещение трактира стояло в них на первом месте. Весьма определённого трактира с весьма определённым трактирщиком.

Дело в том, что вечерние посиделки закончились не только утренней головной болью Оррика, но и принесли в мою копилку очередной сюрприз. Как оказалось, моя способность по запоминанию слов опять смогла меня удивить. Под самый занавес встречи я вдруг понял, что могу воспроизвести все разговоры, которые до меня долетали. Детально, до последнего слова и с нужной интонацией. При этом абсолютно не заботясь о том, чтобы специально что-то запоминать. Особенно поразил тот факт, что для меня не составляло никакого труда озвучить его по ролям и с любого места. Диктофон в голове продолжал раскрывать все новые и новые возможности.

Мало того, даже в таком пассивном режиме продолжал пополняться словарный запас. Я обнаружил это обстоятельство несколько минут назад, когда высказал предположение о причине плохого самочувствия моего спутника. Да-да, та самая печенюшка не появилась из ниоткуда, мой чудо-микрофон самым бесовестным образом подслушал это словечко вчерашним вечером. Значение пусть и несколько отличалось, но смысл передавало достаточно точно.

Прямо находка для шпиона. Заходишь в любое заведение

и записываешь все, до чего можешь дотянуться. Красота! А потом вечером на досуге «проматываешь» все, что слышал. Вот, кстати, вчера перед сном именно так я и сделал. И вы знаете, что обнаружил? Презабавнейший факт, я вам доложу. Оказывается, в одном всем известном трактире его хозяин хвастается налево и направо, что стряс с недотепы целый золотой, хотя обед не стоил и десятка серебряных монет. Интересно, уж не обо мне ли речь?

Имидж нарабатывается годами, а теряется за секунду. И хотя в моем случае ни о каком имидже речи пока не идёт, но рано или поздно, если я хочу, чтобы мое имя чего-то стоило, придётся на него работать. Так почему бы ни начать с сегодняшнего дня? Мастер Фрод ещё не знает, на кого напал. Если вчера я просто хотел набить ему морду, то сегодня мне нужна была его кровь. Фигурально выражаясь, конечно.

Свою гнилую водичку, по недоразумению называющуюся кровью, он может оставить себе. Мы же ударим по самому больному месту – по его деньгам. Есть у меня одна мысль, как использовать инквизитора в своих целях. Тем более от него ничего особенного не требовалось. Только помаячить за спиной, да соорудить гримасу пострашнее. Я про себя усмехнулся, за последним дело не станет: что может быть страшнее здорового мужика, который мучается головой болью после ночной гулянки? Только такой же здоровый инквизитор с жестокого бодуна. То есть мы имеем в лице Оррика самого надёжного партнёра, потому что он будет играть

сам себя.

Впрочем, использовать втемную товарища инквизитора я не собирался, это могло выйти боком уже мне самому.

– Господин инквизитор, – сказал я серьезным голосом, когда мы вышли во двор. – А как вы смотрите на то, чтобы позавтракать в одном всем известном трактире? Мастер Фрод ведь не откажется нас покормить в такую рань?

Оррик заинтересованно оглянулся.

– Жратва будет вчерашняя, но когда это останавливало настоящих мужчин.

Вчера мне казалось, что три толстеньких наперстка башен монастыря трутся друг о друга каменными боками. В реальности же между ними расположилась приличных размеров площадь, по которой даже в такое раннее утро сновали по своим делам люди. Больше всего, конечно, было монахов. В своих коричневых балахонах из толстой, практически ковровой ткани они напоминали стаи летучих мышей. Одежда была настолько тяжёлая, что при ходьбе практически не двигалась, словно складки вырезаны раз и навсегда. Поэтому складывалось впечатление, что это кожистые крылья недоптиц, которые по недоразумению спустились с потолка на землю.

Если коренные жители монастыря никуда не спешили, то пришлые весьма споро шевелили ножками, а мальчишки так и вовсе носились как ошпаренные. Монастырь оживал с рассветом. Его можно было сравнить с медведем, едва-едва при-

открывшим глаз после зимней спячки.

Строение крепости чем-то напоминало знак, висящий в кабинете над головой епископа. Все три башни были равноудалены друг от друга. Их соединяла каменная стена, объединявшая сооружения в один комплекс.

Когда мы вышли из башни, на нас никто не обратил внимания. Каждый занимался своим делом или только направлялся туда, где это дело ему дадут.

Я шел за Орриком и не забывал вертеть головой, впитывая в себя все окружающее. Во дворе сногшибательно пахло свежим хлебом. К нему примешивался запах навоза и тонкий аромат раскаленного железа. Приглядевшись, я увидел слева аккуратную коробочку кузни, притулившейся к пузатому боку одной из башен. Оттуда доносились размеренные удары металла о металл и лёгкие веселые матюки, воспроизводимые знакомым басом. О, да! Вчера база крепких выражений заработала на полную катушку! Люди не привыкли себя сдерживать, когда рядом льётся так много спиртного.

Монастырь, похоже, практически не зависел от города и мог выдержать продолжительную осаду, потому что обеспечивал себя сам. Скорее всего, в случае инцидента он станет последним оплотом обороняющихся, когда падут городские стены.

От запаха хлеба заурчало в желудке. Как быстро мы привыкаем к хорошему! Ещё три дня назад я висел на цепях где-то глубоко под землёй без малейшей надежды на освобождение.

дение. А единственные посетители – это крысы, чьи многочисленные голоса доносились у меня из-под ног. И вот я уже наверху, меня по каким-то причинам защищает инквизитор, а мне даже не приходится перед ним лебезить. Я ведь видел, с каким почтением и страхом люди обращаются к Оррику, да и к другим его круга: глаза в пол, подрагивающий от волнения голос и почтение во всем теле. А со мной эти ребята практически на «ты». Что же вам от меня надо? О чем хотел рассказать епископ, изображая добренького отца Тука? Что-то не очень верится в везение. Скорее меня затягивает еще глубже.

Мы подошли к воротам, радушно распахнувшим створки для всех желающих. Желающих для такого времени было достаточно много. Тонкий ручеек из людей втекал в монастырь из города, растворяясь в его внутренностях, как вода в песке.

Возле ворот, подпирая копьё головой, с закрытыми глазами стоял бородатый монах. При звуке наших шагов один его глаз нехотя приоткрылся ровно на пару секунд, после чего страж потерял к нам всяческий интерес.

– Спать на посту – плохая примета, Ксар, – сердито заметил Оррик. При этом я так и не понял, что было тому причиной: проступок подчиненного или обильные возлияния прошлой ночью.

– Оррик, – неожиданным басом и не открывая глаз, проговорил монах, – я же не читаю тебе нотаций, что ты постоянно возвращаешься, когда ворота уже закрыты, и нам при-

ходится открывать их для тебя, хотя это строжайше запрещено уставом.

Оррик буркнул себе под нос что-то вроде «совсем распустились» и, больше ни слова не говоря, потопал дальше. Я же размышлял на тему странностей монастырской субординации. Все-таки как же не хватает информации и сколько ещё предстоит узнать, аж жуть берёт. Спрашивать, что называется, «в лоб» тем не менее я пока опасался. Кто знает, как к этому отнесётся инквизитор?

Трактир показался, как только мы вышли из ворот. Двухэтажный деревянный дом раза в два-три по размерам превышающий своих собратьев. Рядом стояла пристройка пониже и попроще: то ли конюшня, то ли сеновал – не такой я знаток, чтобы с ходу определить назначение здания с такого расстояния. Во всяком случае, оно точно относилось к трактиру.

Я уж было хотел окликнуть Оррика, чтобы рассказать ему о своих планах, как внезапно он остановился сам.

– Да, совсем забыл, – он махнул рукой в сторону трактира. – А у тебя золотой есть?

Вопрос оказался настолько неожиданный, что я непроизвольно кивнул и только потом сообразил, что происходит какая-то несурaziца. Мне пришлось схватить Оррика за руку, потому что он, получив ответ на свой вопрос, расслабленной походкой направился дальше.

– Погоди-погоди, – я словно попытался тормознуть скалу, – о каком это золоте речь?

– Так ты же вчера сам заплатил ему за обед золотой, – удивился он. – Вряд ли за завтрак он возьмёт с тебя меньше.

Я грязно выругался, а Оррик с недоумением наблюдал за тем, как я тщетно пытаюсь сдержать ругательства, рвущиеся с языка. Счёт трактирщика подрост ещё немного, а моя решимость с ним разобраться значительно укрепилась.

– Откуда ты узнал? – слегка успокоившись, спросил я.

– Да об этом весь город знает, – отмахнулся инквизитор. – Так есть идем или нет?

Насчёт пожрать Оррик мог дать сто очков вперёд любому из моих знакомых. Хоть в прошлом мире, хоть в этом. Я вчера видел, сколько в него вмещается: просто бездонная бочка. Жене такого медведя не позавидуешь. Разорятся на продуктах.

Но каков мастер Фрод! Знаете, такого я не ожидал. И это при полном отсутствии социальных сетей! Размах распространения информации заслуживал уважения. Весь город! Ну каков стервец! Должок нужно будет отдавать сторицей. Иначе лучше бы меня из того подвала и не выпускали.

– А хочешь позавтракать бесплатно? – спросил я в широченную спину. О! Это вожделенное слово «халява». Тебя придумали в забытые года на универсальном языке! Ему по силу остановить любую гору.

Спина замерла в недоверчивом ожидании.

– Бесплатно?

– То есть даром, – подтвердил я словами героя мультфиль-

ма, который, по словам отца, в моем мире знает так много людей, что их нельзя назвать и погрешностью.

На этот раз Оррик повернулся полностью. В его глазах горел неподдельный интерес, а аура пестрела недоверчивыми пятнами. Ну, конечно, кто всерьёз воспринимает семнадцатилетнего пацана? А если он ещё к тому же и горбун... у-у... Но, как я и ожидал, чувство халявы пересилило все разумные в общем-то доводы.

– Ну? – многозначительно потребовал он развития мысли.

Рыбка клюнула. Теперь с ее помощью можно было подсекать более крупную рыбину. В данном контексте более ценную.

– Придётся мне подыграть, – я кивнул на вход в трактир хитрым взглядом.

Инквизитор проследил за моим взглядом, после чего в его глазах загорелась искра догадки.

– Не впервой, – хмыкнул он. – Что нужно делать?

– Ничего особенного. Просто следи за мной. По ходу все поймешь.

Оррик понятиливо кивнул.

– Пошли, что ли?

В трактир я зашёл вслед за инквизитором. Оглядевшись по сторонам, направился за центральный столик. Хоть посетителей в этот час и немного, количество зрителей меня вполне устраивало. Учитывая скорость распространения ин-

формации, которую я уже имел случай испытать на себе, народу более чем достаточно.

Оррик загремел тяжёлой лавкой, забираясь за нужный столик, который мы заранее обговорили. Хозяин пока не торопился, к нам выбежал заспанный пацаненок, которого я сразу же узнал. Как, впрочем, и он меня. От удивления у него отвисла челюсть, после чего он медленно ретировался обратно за стойку и уже больше не показывался. Зато появился сам хозяин. Мастер Фрод вальяжно проследовал к нашему столу с белой салфеткой, перекинутой через левую руку, но всю его важность как рукой сняло, как только он увидел Оррика. Точнее, его знак из перекрещенных окружностей, приколотый на груди. Инквизиторов боялись и уважали.

– Доброе утро, мастер, – поздоровался я, приветливо разглядывая пузатую фигуру. – Ведь у вас было хорошее утро после вчерашнего обеда? – я как следует выделил слово «было».

– И вам не хворать, – насупился трактирщик, настороженно поглядывая на Оррика. Отвечать при нем совсем уж грубо он не осмелился.

– Мы зашли позавтракать, – радостно сообщил ему я. – Можно?

И снова, если бы со мной рядом не было инквизитора, вряд ли мне удалось бы услышать в ответ что-то хорошее. Но он был.

– Можно, – трактирщик расплылся в радостной улыбке,

поглядывая на Оррика. Тот между тем ждал обещанного продолжения, с рассеянным видом изучая пятно на столе.

– Тогда нам, пожалуйста, на ваш выбор, – заявил я.

– И побольше, – решительно рубанул Оррик. Подумав, он добавил: – И пива тоже.

Спустя пару минут стол перед нами стал обрастать закусками. Оррик с удовольствием обнимался с долгожданной кружкой, придерживая ее так, будто боялся, что ёмкость сейчас исчезнет. Воздушная пенная корона вызывала у него такое же умиление, как будто мать смотрит на своего ребёнка. Мне принесли вина. Как по мановению волшебной палочки передо мной возникла тарелка с холодным мясом, а девушка в белом переднике принесла булочки, от которых расходилась в стороны волна только что испеченного хлеба.

Оррик время от времени бросал на меня вопросительные взгляды, но вскоре расслабился и перестал обращать на окружающих какое-либо внимание. Из-за стойки то и дело выглядывал настороженный нос мастера Фрода, но всякий раз вид инквизитора отбивал у него всякое желание подойти.

Впрочем, как я и ожидал, надолго его терпения не хватило.

– Господин Иан, – трактирщик изобразил скорбное лицо и сложил на животе руки, похожие на сдобные булочки, которые лежали у нас на столе. – Вы в прошлый раз так и не расплатились со мной. Вынужден спросить, есть ли у вас день-

ги?

Весь народ, который сидел в трактире, жадно наострил уши. Я как-то упустил из виду тот факт, что самое желанное в таких маленьких городах – это, несомненно, происшествия, которые потом можно будет обсасывать годами со всеми подробностями. И даже выдумывать новые. А что ещё делать долгими зимними вечерами? Именно поэтому новость, как облапошили бедного недотепу, на которого по недосмотру господина упало неожиданное богатство, облетела город со скоростью молнии. Что ж, теперь социальным механизмам придётся поработать на другую сторону конфликта.

– Кстати, про деньги, – вдруг вспомнил я, хлопнув по руке Оррика, который с любопытством наблюдал за происходящим, но не забывал жевать. – Когда мы вчера по твоему совету распивали бутылочку «Крови камня» с епископом, которую мне подарили в том трактире... – я сделал вид, что задумался, припоминая название места.

– «У кабана», – подсказал Оррик, отхлебывая из кружки пива. – Вроде бы там.

– Да, именно там, – подтвердил я, согласно кивая. – Епископ задал вопрос, все ли мне нравится в этом славном городе.

Оррик прожевал кусок мяса и вцепился зубами в булку, так что крошки захрустевшей корочки разлетелись по всему столу.

– И что ты ему ответил? – пробубнил он с набитым ртом.

Я нарочито безразлично обвел взглядом заполняющийся зал, где только слепой и глухой не смотрел в нашу сторону.

– Что все хорошо в славном Рогоне, – я глотнул вина, видя, как над трактирщиком разгорается голубой костер ауры страха, – кроме одного места.

Синее пламя полыхнуло так, словно в него бросили канистру с бензином.

– Что за место? – лениво поинтересовался инквизитор, приканчивая кружку с пивом и с сожалением разглядывая ее дно. – Ты не тяни, разобраться же нужно, что не так.

Последние слова вызвали у мастера Фрода настоящую панику. Впрочем, я не собирался его жалеть.

– Да вот этот самый трактир, – заговорщицким шёпотом сказал я так, что явно услышали все поблизости. – Здесь обманывают и завышают цены. Так что любой нормальный человек будет обходить его стороной.

Пару секунд мне казалось, что трактирщика хватит удар. А что ты хотел? Золота на халяву? Ну так есть оно у нас. Жри да смотри не подавись.

– Кстати, а ты не знаешь, – я обвел зал глазами. – Монастырь закупает здесь продовольствие для своих нужд?

– Муку и мясо берут у местных, – Оррик одобрительно наблюдал, как сообразительный мальчонка бежит к нашему столу с огромной кружкой свежего пива. – А если хочется чего-нибудь эдакого, берут здесь, в трактире. Они с хозяином давно договорились.

– Поэтому отец Тук очень сильно расстроился, услышав мои слова, – скорбным тоном сообщил ему я. – Ведь монахи доверились этому человеку.

Трактирщик превратился в соляной столб, лишь блеск глаз подтверждал, что он ещё жив.

– И ты знаешь, что мне на это ответил епископ? – я посмотрел в глаза мастеру Фроду. – Он спросил меня, не следует ли проверить все закупки продовольствия за несколько лет. А я ответил, что пока не могу дать определенный ответ.

– Сжальтесь, господин! – завопил трактирщик, бросаясь на колени, как только к нему вернулся дар речи.

До полудня никаких дел не было. По местным мудрецам, которые почти наверняка встречали по одежке, без обновок смысла идти не имело. С дальнейшими развлечениями решили повременить. Теоретически раз в месяц в Рогон приезжала ярмарка, но до нее оставалось ещё целых семнадцать дней, а предыдущую я пропустил – в это время меня развлекал живодер в темнице. Оставалось бесцельно бродить по городу, занимая себя и собеседника умной беседой.

Оррик, едва мы покинули негостеприимные стены трактира «У монастыря» и его полумертвого хозяина, буквально накинулся на меня.

– Так ты соврал! – размахивал он кулаками. – Я-то думал, что ты и вправду разговаривал с епископом!

– Я ему передал бутылку, как ты и советовал, – я не пони-

мал, с чего вдруг инквизитор так недоволен. – Пить с ним? Да кто я и кто отец Тук? У него и получше собутыльники найдутся.

– Тогда зачем ты соврал?!

Я остановился.

– Я и не думал врать. Этот Фрод обчистил меня, не моргнув глазом. И сделал бы так во второй раз. Ты полагаешь, мне стоило на это спокойно смотреть? Я припугнул его хорошенько, вернул свои деньги, ну и слегка заработал, – в моем кошельке снова весело позвякивали пять золотых. За «протекцию» перед епископом мне перепало две золотые монеты, а Оррику – одна. Она радовала его ровно до тех пор, пока он ни узнал, что почти все, что я сказал, чистой воды выдумка. Ни с каким епископом я не пил, и, соответственно, ни о чем таком мы не говорили.

Торопиться было некуда. Оррик насупился и молчал, буквально расшвыривая взглядом прохожих, а я откровенно наслаждался неспешной прогулкой по утреннему городу. Мне просто было хорошо. Стояла прелестная погода, из-за домов периодически выпрыгивало солнце, пуская в глаза ещё не слишком яркие утренние лучи. Аромат свежеспеченного хлеба достигал нас гораздо чаще, чем запахи животного мира. И даже хмурый взгляд моего спутника не омрачал настроения.

Издали нас двоих можно было бы принять за городскую стражу. Впрочем, Оррик, по-моему, выглядел слишком

грозно, а я, стоило присмотреться, вообще ничего из себя не представлял. Голытьба – она и есть голытьба.

Изредка навстречу попадались не только сосредоточенные, но и праздно разгуливающие жители, тогда я ловил на себе любопытные или недоумевающие взгляды. У каждого имелось своё дело, и только одному человеку во всем городе было хорошо и так. Мысли о том, что, возможно, таких спокойных минут в будущем совсем не останется, меня сейчас не волновали. Когда жизнь бежит такими скачками, поневоле научишься ценить синицу в руке.

В принципе, я, конечно, Оррика понимал. Использовать епископа для того, чтобы поднять свой авторитет, – не лучшая идея. Да, скажем прямо, в любой другой ситуации, нужно было изобрести иной способ, но, когда ограничен по времени, уцепишься за любую соломинку.

Узнает ли он о моей выходке? Вне всяких сомнений: с той скоростью, с которой здесь разносятся слухи, это произойдёт... Да, пожалуй, что либо происходит в данный момент, либо добрый человек вот-вот принесёт ему весточку. Тут вопрос-то в другом, как епископ воспримет полученную информацию. Может, конечно, и осерчать, – в подвалы на казенные харчи мне совсем не хотелось, – а может, и понимающе вздохнуть, дать по шее и отправить восвояси. У меня ведь ещё четыре дня в запасе. Так что реакции инквизитора я побаивался, но надеялся, что не ошибся в оценке ситуации. В очередной раз...

Неприметный мальчонка отыскал нас на третьем круге, когда мне и самому надоело ходить по своим следам. Если знаешь, куда идти, заблудиться просто невозможно. А вчера мне казалось, что более запутанного города в мире нет. Темнота и незнакомое место одурачат лучше любого лешего. Удивительно, что на таком маленьком пяточке ухитрились угнездиться криминальные элементы. Тут и спрятаться-то негде.

– Вас зовёт отец Тук, – пропищала в спину мелюзга и, больше не говоря ни слова, упорхнула в противоположную сторону – я даже разглядеть не успел курьера, настолько быстро он ретировался.

Рядом тяжело вздохнул Оррик.

– Я же говорил, что не надо.

И так похоже он это сказал, что меня согнуло от смеха. Смеялся я долго, всякий раз начиная заново, стоило мне увидеть выражение лица бесстрашного воина-инквизитора. Нет, не зря в меня в детстве вдалбливали продукты советского кинопрома. Действительно, там советы на все случаи жизни.

– Пошли, что ли? – я махнул рукой в сторону монастыря. Ну мы и пошли.

В который раз я уже здесь? Кабинет отца Тука или приёмная епископа, полномочного представителя Коллегии ин-

квизиторов, нисколько не поменялась. Как, впрочем, и ее обитатели. Здесь присутствовали отец Тук собственной персоной и его неизменный помощник, Харальд. Титула или сана, как я теперь знал, у него не было, но ему вполне хватало сияния его босса. А ума им было не занимать. Обоим.

Кем сегодня прикинется хитрый старик? Я непроизвольно потер под тряпкой левый глаз, под пальцами немного крошилась засохшая кровь. Пусть видит, что я помню все добро, что мне сделали.

– А-а, голубчики, – ухмыльнулся отец Тук. – Спасибо, что так быстро откликнулись на мою просьбу. А то, небось, все дела, да заботы.

Яду в голосе инквизитора было отвешено столько, что мне пришло на ум: окажись он на месте той змеи, мой защитный механизм мог и не сработать. Харальд, как и в прошлый раз, излучал полное безразличие и скуку. Удивительно, но и аура у него была бледно-серая, наиболее подходящая под настроение. Раньше я думал, что в таком случае ауры не видно вообще. Загадка.

Зато отец Тук преподнёс сюрприз. Его иссиня-черная масса над головой говорила, что он выплеснул за один раз далеко не весь скопившийся яд, кое-что припасено и на будущее. Одновременно с этим поверхность ауры была со всех сторон испещрена зелёным пятнами. И как это понимать? Зелёный же – это цвет расположения и симпатии. Прислушавшись к себе, я ощутил его веселый гнев, замешанный на

удивлении.

– Никаких дел, все уже закончили, – бодро сказал я.

– Ну да, наслышан, – язвительно проскрипел он. – Прямо с утра взяли и закончили. Чего тянуть?!

– Вот и я так подумал. Чего тянуть? – поддакнул я. Странное дело, чернота в ауре начала проходить. Значит, правильной дорогой, идёте, товарищи!

– Я... – вдруг встрял Оррик. Не знаю, чего он пытался добиться, но эффект получился прямо противоположный: облако над главным инквизитором распухло и опять потемнело. Мой отчаянный пинок бравый вояка благополучно проигнорировал.

– С тобой, Оррик, вообще разговор отдельный, – проревел отец Тук, в мгновение ока превращаясь в рассвирепевшего медведя. – Ну ладно, этот идиот, молодой ещё, несмышлёный, видно, Крыса ему все, какие были, мозги проковырял. Но ты! Как назвать-то тебя, даже не знаю. Это ж надо было додуматься! – я уже с опаской поглядывал на разбухшую не на шутку пелену над головой инквизитора. Над ним покачивался целый термоядерный гриб. – Вы воспользовались именем инквизиции, чтобы запугать бедного мирянина, и заставили заплатить его за покровительство!

– Так никто не видел, – вякнул я, силясь вспомнить, действительно ли передача материальных средств происходила без свидетелей. Лучше бы так оно и было.

Мне показалось, что из тучи вытянулась ветвистая мол-

ния и изо всех сил ударила меня по голове. Я было подумал, что это последствия накопившейся в ней энергии, но нет, это была всего лишь тяжёлая рука инквизитора.

– Если бы хоть кто-то видел, как вы берете деньги, с вами бы уже никто не разговаривал, – буднично, как ни в чем не бывало, сообщил мне отец Тук. – А так я сижу тут и распинаясь перед двумя идиотами.

– Таможня мзды не берет, – проворчал я, потирая ушибленную щеку.

– Таможня берет, и все это прекрасно знают, – остывая, сказал отец Тук. – Только на них за это не вешают всех собак. А нам, случись такое, припомнят все, что было и чего не было. А вы, два кретина, как назло ещё и момент подходящий выбрали. Ох, попались бы вы мне, когда сюда этот слизняк прибежал, сгноил бы обоих!

Отец Тук выбрался из-за стола и подошёл к закрытой двери.

– Эй, там, – гаркнул он, дернув за ручку, – вина мне и две, нет, четыре чаши!

С чего вдруг такая щедрость? Так на меня не орали очень давно! И не могу сказать, что совсем не по делу. Тут с одной стороны нехватка информации, с другой – недооценка ситуации. Мог ли я предположить, что не все так просто? Не мог, а должен был!

Оррик тоже слегка оттаял, хотя и старался на меня не смотреть. Явно считал меня ответственным за произошед-

шее. А я ведь и не отпираюсь.

– Здесь был мастер Фрод? – удивился я.

Вот уж чего я и в самом деле не ожидал. Эта трусливая и наглая скотина посмела приползти сюда?

– Как только вы покинули его скромную обитель, сей презренный представитель человеческого рода уже обивал тут пороги. К счастью для вас обоих, он ползал на коленях и умолял не губить его и семью, потому как он верой и правдой... – речь инквизитора прервал осторожный стук в дверь. – Ну сколько повторять?! Вино можно заносить без стука!

В едва приоткрывшуюся щелку ужом проскользнул мальчонка в балахоне послушника. Мы все молча наблюдали, как он аккуратно срезал с бутылки пробку и разлил по чашам, которые он же чудом приволок вместе с вином. По кабинету пополз дивный аромат старого вина.

– Вина нужно было просить, бестолочи, – проворчал отец Тук, когда мальчик так же бесшумно исчез, притворив за собой дверь. – Совсем золото глаза застит. Какой в нем прок?

Вопрос был риторический, старик явно и не рассчитывал, что с ним будут спорить. Вообще, исходя из того, что я узнал об инквизиции за последний день, даже находиться с ними в одной комнате было страшновато.

– Мастер Фрод проявил недюжинные способности в дипломатии и подкрепил свои уверения десятью бутылками своего лучшего вина и несколькими окороками, – отец Тук сделал глоток, смакуя вино. – Надо было дать подышать, ну

да ладно, – он посмотрел на Харальда. Что там ещё принес этот уважаемый господин?

Харальд словно ждал именно этого вопроса.

– Несколько окороков, овощи, пятнадцать мешков, три вида колбас.

– Хм, – уважительно промычал отец Тук. – В меру жаден, но сообразителен. Хорошее сочетание. Кстати, ещё он предоставил монастырю право отнимать четверть платы за продукты, вполне справедливо заметив, что зарабатывать на служителях бога – грех. В общем, на деле оказался весьма добропорядочным человеком.

Туча над головой инквизитора почти рассеялась. Оррик пока ещё отсвечивал обиженным фиолетовым облачком над головой, очевидно, все ещё не простил мне взбучку. Кстати, к вину он так и не притронулся, а вот Харальд оценил его по достоинству – его чаша была пуста.

На минуту повисла пауза, каждый думал о своём, а мне представилась возможность дать себе очередное слово пере-проверять каждый столь удачно составленный план. Ну или советоваться со старшими товарищами. Приди этот Фрод к епископу с жалобой на распоясавшихся подчинённых, так просто мы бы не отделались. Возможно, досталось бы и самому жалобщику, но нам-то от этого не легче.

– Ну и что мне с вами делать? – вздохнул отец Тук. – Может, тебя опять посадить в камеру?

– Не стоит! – как можно серьезнее сказал я.

– Оррик, погуляй пока, – не глядя на воина, сказал епископ. Дождавшись, когда за ним закроется дверь, он откинулся на спинку кресла, скрестив на животе руки. – Ты же помнишь, что мы с тобой ещё не закончили?

– Как не помнить, помню, даже не начинали. Только я ещё не готов.

– Ты хоть знаешь, с кем говоришь? Не готов он... – нехорошо прищурился отец Тук.

– Знаю. Епископ Конгрегации по делам чистоты Веры, – заученно проговорил я. – Полномочный представитель Совета Кардиналов.

О! – удивлённо воскликнул отец Тук. – Смотрите-ка, все знает. Тут кое-что пропущено, но это так, по мелочи. Он покачал вино в бокале, но передумал пить и поставил его обратно на стол. – И говоришь ты уже гораздо лучше, чем в прошлый раз. Не так, чтобы замечательно, но теперь хотя бы гадать не надо, что ты такое ляпнул.

– И всё же мне нужно ещё три дня, – и эти три дня я не собирался сидеть сложа руки. Перед разговором, который, несомненно, перевернет мою жизнь, надо быть во всеоружии. Отказаться от лишнего времени на подготовку? Ну уж нет!

Отец Тук развел руками, показывая, что, раз обещал, значит, обещал.

Очевидно, меня больше не задерживали. Не показывая облегчения, я поклонился и направился к выходу, поставив

почти полную чашу на стол.

– И последнее, Иан, – догнал меня голос инквизитора, заставив остановиться. – Теперь каждая собака в этом городе знает, что ты мой человек и действуешь от моего имени. Советую этим не злоупотреблять.

Дураков больше не осталось. Намёк более чем прозрачный.

– Я постараюсь.

– Конечно, стараешься, – хмыкнул отец Тук. – Вот ещё что, молодой человек, вы, насколько мне известно, собрались посетить местного библиотекаря? Что ж, тяга к знаниям всегда похвальна. Не затягивайте с этим, будет даже лучше, если вы все узнаете не от меня, лица официального, а от книжного червя, которому и в голову не придёт кого-то обманывать. Я вам даже немного помогу. Спросите у него про двухтысячелетний цикл. Боюсь, это займёт очень много времени, но вам, несомненно, будет полезно, – отец Тук снисходительно на меня посмотрел. – Маркус слаб до старинных вин, так что прихватите с собой пару бутылок. Харальд, – обратился он, не поворачиваясь к помощнику. – Распорядись, чтобы Иану выдали пару бутылок.

– Да, отец, – кивнул тот, не глядя на меня.

– Кстати, – вдруг вспомнил инквизитор, жестом показывая, что я свободен, – а молодой человек подал прекрасную мысль. Почему бы действительно не проверить поставщиков продуктов? Не все же нам еретиков ловить. Займись-ка

ты этим на досуге. Особенно сильно давить не стоит, но и повнимательнее там. В общем давайте все поработаем эти несколько дней, потом будет не до того.

Это были последние слова инквизитора, которые я слышал, когда боролся с тяжелой дверью.

Глава 9

Я нашёл Оррика внизу, на монастырской площади. Сидя на пустой бочке, он хмуро наблюдал, как на импровизированном ринге – отчерченном на земле круге метров семи в диаметре – седой воин в кожаном доспехе с нашитыми на него металлическими бляхами, гоняет молодняк длинной тяжёлой палкой. Для него, наверное, происходящее называлось тренировкой, для моего неискушенного взгляда – больше похоже на избиение.

– И долго он будет их гонять?

– Ридо? – Оррик скептически посмотрел на ринг, где валялся в пыли очередной кандидат на получение своей порции шишек и синяков. – Пока не поумнеют.

– Да он их убьёт раньше, чем они научатся держать эту дубину в руках.

– Значит, так тому и быть, – Оррик после выволочки был настроен на философский лад. Он бросил на меня рассеянный взгляд. – Куда на этот раз?

Все ещё дуется на меня? Вроде и не так уж сильно ему досталось. Ну пожурили, дернули за ухо, стукнули по голове, но не отрубили же? Глаза тоже на месте. И чего это за серая хмарь над ним клубится? Безразличие или скука?

Несколько дней назад моя способность чувствовать и видеть эмоции снова видоизменилась. Облака над людьми те-

перь не зависели от отношения ко мне, демонстрируя общее настроение человека. При этом я научился каким-то образом отключать эти визуальные эффекты, чтобы не возникало ощущений, будто я живу в мире, когда за каждым человеком бегают его личный воздушный шарик. Также и с чувствами, обращенными непосредственно на меня: если считаешь, что они мешают, можно выключить – очень удобно в определённых случаях. И все бы хорошо, если бы не два «но»: во-первых, я периодически забывал их включать, а во-вторых, что гораздо хуже, они не всегда реагировали на мое желание. С этими чудачествами приходилось мириться, пока я не научусь ими пользоваться.

Я посмотрел на Оррика, он все ещё грустил. Так что настроение инквизитора оставим ему самому. Меня ждут дела. Куда мы пойдём? Да известно куда. Впереди ждут брат Маркус и подвалы монастыря. Оставалось только дожидаться обновок от мастера Штрака, чтобы навестить в местную библиотеку. Благодаря подсказке отца Тука, – ну никак он у меня с епископом не ассоциируется, – теперь не придётся переть наугад. Но это не значит, что я ограничусь только этим вопросом. Чтобы грамотно вписаться в мир, нужна чёртова прорва знаний. А благодаря моей памяти, мне можно просто разговорить человека. В своё время пригодятся любые сведения.

Нужно только не забыть прихватить с собой пару бутылок вина, которые обещал выделить из своих запасов старикан.

Надеюсь, с подношениями дело пойдёт быстрее. Не думаю, что брата Маркуса балуют хорошими винами каждый день. Но все это после полудня.

Планировать можно было сколько угодно, но как приступить к исполнению задуманного, не зная времени? Вот бы узнать, который сейчас час. Ждать доставку здесь или все-таки прогуляться до мастеров и посмотреть, как продвигается мой заказ. Насчёт одежды я в общем не волновался, тут ничего сложного. А производство ботинок по моему эскизу – совсем другое дело. К сапожнику надо будет заглянуть непременно. Может быть, даже подбросить денег, месяц на изготовление меня ну никак не устраивает.

И все это упиралось в определение точного времени. Как местные вообще обходятся без часов? Ориентируются по солнцу? Я задрал голову, а заодно откинулся назад – с таким рюкзаком за плечами не очень-то удобно смотреть вверх. Зеленоватый круг висел высоко над головой, но, к сожалению, делений на нем не было и стрелок тоже. Определить, полдень сейчас, одиннадцать утра или, скажем, четыре, я был не в состоянии. Да и вообще все это смешно. Говорить ещё толком не выучился, а уже время по солнцу пытаюсь вычислить.

Вообще, точность измерения меня доводила до белого каления. Я продолжал пользоваться привычным для меня счислением: через час, в трех километрах – все это являлось не более чем плодом внутренних ощущений. Фактическое время или расстояние могли в значительной степени отли-

чаться, что вело к чудовищной погрешности и выводило меня из себя.

– Оррик, а как узнать, который час? – я пошёл самым простым путём: если не знаешь сам, спроси!

Сам я часов тут ни разу не видел. И, кстати, понятия не имел, были ли в нашем средневековье обычные часы. Про солнечные и песочные устройства я, конечно же, слышал, но когда их изобрели, не имел ни малейшего представления. Хотя, путешествуя по Европе, периодически встречал в разных городах башни с часами, но как-то не интересовался временем их постройки. Помню только, что башни были старые, но «старые» – понятие относительное. Для моих приятелей десять лет назад – это почти при динозаврах, а тут века.

Да нет, нельзя ведь без часов! Службы, молитвы, деловые встречи, наконец, – все это требует точного определения времени.

– Посмотреть на часы, – буркнул он, не поворачивая головы.

Вот это да! И здесь свой капитан очевидность.

– А как бы на них посмотреть? – я гнул свою линию. Теперь мне и впрямь интересно не только узнать время. А вдруг что-то особенное?

Оррик вздохнул, покачал головой и внимательно посмотрел на меня.

– Ну чего тебе не сидится? Когда Харальд просил меня за тобой присмотреть, то забыл упомянуть, что у тебя шило в

одном месте.

– Не, – покачал я головой, – не в одном. Так как на часы посмотреть?

Ну а что? Дожимать, так дожимать.

Оррик ещё раз тяжело вздохнул и поднялся с бочки.

– Не было бы у тебя этой штуковины сзади, глотал бы ты у меня сейчас пыль, как миленький, – неожиданно заявил он. – Здесь меня жди, сейчас принесу. Не к себе же тебя вести.

Вот так поворот! Получается, горбик-то мой иногда и полезен бывает. Потому и говорят, что никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

Бочка для меня оказалась слишком высокой, так что пришлось залезать на нее сначала лицом вперёд, а потом поворачиваться. Процедура та ещё: я сам себе напоминал здорового орла, который пытался разместиться в ласточкином гнезде.

Когда с неуклюжими ерзаниями было покончено, я с интересом принялся наблюдать за тренировкой. Седой воин с грацией мангуста и силой вепря с лёгкостью танцевал вокруг неуклюжих новобранцев. Был он не слишком высок, не особо мускулист, но палка в его руках, которая, несомненно, в боевых условиях представляла собой устрашающих размеров двуручный меч, порхала как бабочка. Это что же он вытворяет, когда в руках настоящее оружие?

– Ридо – лучший двуручник отсюда и до Форзно, какого я когда-либо видел, – я до того засмотрелся, что не заметил,

как вернулся Оррик. В руках у него была шкатулка, которую он держал, прилагая определённые усилия. Вот это и есть часы? Как в анекдоте, часы отличные, батарейки тяжеловаты.

– А Вордо был сильнее Ридо? – спросил я неожиданно даже для себя самого.

Оррик опять вздохнул и поднял глаза вверх. Видимо, я опять «сморозил» какую-то глупость.

– Вордо был вообще вне категорий. Такие гибнут только из-за случайности, – как маленькому объяснил Оррик. – У них все спланировано на двадцать ходов вперёд. Они, по-моему, даже свою смерть планируют, как мы с тобой поход в трактир. Что касается того, кто из них сильнее, то скажу так: если бы они оба бились одинаковым оружием, то у Ридо был бы шанс только в том случае, если это был двуручник. И то не шанс, а так, шансик.

Оррик понаблюдал, как тот, о ком мы сейчас говорили, сменил меч на шест.

– Да хватит мне зубы заговаривать! Что я зря что ли такую тяжесть сюда пер? А ну слезай с бочки! – меня свергли с круглого трона.

– Помочь? – на автомате спросил я, видя, с каким усилием Оррик ставит шкатулку на мое место.

В ответ я получил настолько удивлённый взгляд, что даже смутился.

– Ты себе помочь не в состоянии, недоросль, найти в наших местах ядовитую змею – надо очень сильно постарать-

ся! – взорвался негодованием Оррик.

– Так я выжил, – начал оправдываться я.

– А часы точно разобьются! Им, в отличие от тебя, много не надо, – отрезал воин, отстраняя меня корпусом. – На, смотри.

Внутри меня все колотилось. Передо мной стоял образец высшей технической мысли этого мира. И, кстати, не только технической! Какая там шкатулка?! Это был самый настоящий ларец. Из сказок.

Резная крышка, инкрустированная золотом, по краям вставлены камни, игравшие всеми цветами радуги. Работа мастера, даже на мой неискушенный взгляд.

– Оррик, – сказал я, боясь даже притронуться к чуду. – Зачем ты мне показал это? Это сокровище достают, когда в гости приходят лучшие друзья. В крайнем случае демонстрируют партнёру, с которым работают десятки лет и доверяют, как себе самому.

– Ну, ты попросил... – замялся воин.

– Слушай, мне, конечно, не много лет, и у меня горб, но с головой-то все в порядке. Я к тому, что деревом притвориться больше не получится. Ты прекрасно понял, что я имел в виду.

Тот глубоко вздохнул, отводя взгляд.

– Епископ просил ни в чём тебе не отказывать, – я распахнул глаза от изумления, но Оррик тут же поправился: – Если это не нанесёт вред Ордену и Инквизиции.

– Понятно, – протянул я, хотя понятного стало ещё меньше. С чего такая забота? Сначала тюрьма и пытки, а теперь «и ни в чем себе не отказывай».

– Только не спрашивай, почему мне отдали такой приказ, – Оррик был очень серьёзен. – Я не скажу. И не потому, что не хочу, просто не знаю.

– Да ладно, – я хлопнул его по плечу, – скоро они сами мне все расскажут. – Терпения я набрался по самые... уши. Покажи уже, что скрывается под этой чудесной крышкой. Что-то боюсь мне даже трогать это сокровище.

Оррик вроде бы даже облегчённо вздохнул. Облачко над его головой из серого сделалось светло-зелёным.

– Нет ничего проще, – громыхнул он радостно, нажимая пальцами в нескольких местах. Раздался зловещий хруст, и крышка медленно поползла вверх.

Я бросил на него подозрительный взгляд, но, судя по всему, все шло как должно. Когда механизм полностью откинул крышку, моему взору открылась ещё более удивительная картина.

Основное отличие заключалось в том, что в устройстве поворачивались не стрелки, а циферблат. Но не это главное. Я стоял и смотрел на произведение искусства. Как ещё можно назвать столь изящно выполненную инкрустацию, тонкие, словно лазером выжженные, узоры.

Мастер выбрал для своей работы цветочный стиль: лепестки, завитушки, листочки тончайшей работы. На цифер-

блат нанесли ещё более сложный рисунок из переплетающихся цветов, на который была наложена сетка из делений, подписанных столь же вычурно, сколь и непонятно. Круг делился на тридцать равных частей. Внешняя стрелка стояла напротив деления с изображением маленькой птицы и каким-то символом.

Дальше я почему-то подумал про поговорку о баранах и воротах. Роль рогатого настойчиво предлагалась мне. К тому же я только сейчас сообразил, что весь мой текущий словарный запас сейчас сломается об эту забавную вещицу. В нем зияли просто чудовищные провалы в числительных. Ну не считал при мне никто даже до десяти. А главное, я не знал, как пишутся цифры и буквы.

Я беспомощно оглянулся на Оррика и успел заметить его заинтересованный взгляд. Ого! Да ты, друг, меня опять проверяешь! Придётся тебя разочаровать. Самое смешное, что не нарочно. Ни читать, ни считать я действительно не умею. Мой максимум на сегодняшний день – одна буква.

– Шестнадцать часов, – как ни в чем не бывало подсказал Оррик, ткнув пальцем в птичку с символом, в его голосе сквозила плохо скрываемая гордость за обладание столь удивительным по красоте предметом.

– А середина дня, это сколько?

Дальше мне была прочитана целая лекция по истории часов в общем и данного конкретного образца в частности. Коль скоро воин был склонен поговорить, мне удалось вы-

ведать кое-что и про более крупные отрезки времени: год, месяц, неделя – все, что до этого дня для меня оставалось тайной за семью печатями.

Сам принцип подсчёта времени головой уходил в далёкое прошлое. Настолько далёкое, что из людей, наверное, никто и не помнит, кто придумал разделение времени на года, года на месяцы, месяцы на дни и так далее. Самое важное: я узнал, что год – это четыреста пять дней, он делится на девять месяцев, при этом чёткое определение времени года отсутствует. Зима и лето – не более чем ощущения погоды, каждый год количество зимних месяцев может меняться, так же, как и в любых других сезонах. Впрочем, это не сильно отличается от того, что принято у нас, только тут подобное происходит в рамках одной страны. Например, февраль частенько перебежал из разряда зимних месяцев в весенние в случае, если тёплый сезон выпроваживал зиму раньше обычного.

Когда Оррик перечислял все девять месяцев, из моего лексикона выпали май, сентябрь и октябрь. Видимо, компьютер в моей голове не смог сопоставить местные названия с земными аналогами.

Сам месяц оказался в полтора раза длиннее земного и состоял из сорока пяти дней. При этом неделя была девятидневной, и в ней почему-то прописалось целых три среды. Система распознавания подглючивала, когда не находилось явных соответствий знакомым значениям.

Как я и предполагал, тридцать часов складывались в сутки, а деление их по минутам было весьма относительным. Минутные стрелки являлись роскошью, о которой обычные люди, как правило, не задумывались. Даже простые часы в деревянном корпусе и с часовым делением стоили заоблачные пять золотых, что для большинства людей – совершенно невообразимая сумма, которую невозможно заработать и за год, так что мне досталось целое состояние.

Ларец, который преподнёс Оррику епископ за какие-то давние заслуги, о которых воин постарался не говорить, обошёлся инквизиторам в сто с лишним золотых монет, а модели с минутной стрелкой стоили столько, что за них можно было выручить, как за среднее баронство с приличным наделом земли и замком не из последних.

– А как же тогда узнают время крестьяне? – поинтересовался я. Для них этот прибор был также недостижим, как для обычного человека на земле, полёт в космос.

– А им-то зачем? – удивился Оррик.

И действительно, зачем? Плуг есть, корова есть, зачем тебе часы? Вставай с рассветом, ложись с закатом, и будет тебе хлеб с маслом. Наверное...

– Ну а всё-таки? – не отставал я.

Оррик захлопнул крышку часов и ткнул пальцем в самую высокую башню.

– Окна в башне видишь?

Все три монастырские башни различались по высоте и

диаметру. В самой основательной располагался кабинет епископа, и она была шире других чуть ли не втрое. В средненькой во всех отношениях я квартировал сначала в самом низу, гораздо ниже уровня земли, а теперь вознесся на самую верхотуру. При этом оба помещения почти не отличались друг от друга по размеру, но в нынешнем не было цепей, грязи и Крысы.

Последняя башня, на которую как раз и указывал Оррик, на целую голову возвышалась над остальными. Под самой ее крышей по всему периметру башни действительно располагались широкие окна. Сначала я решил, что их закрывают решётки с причудливыми узорами, но, приглядевшись, узнал в них такой же точно символ, что и на часах Оррика. Это был знак шестнадцати часов. Время, которое видят все в городе.

Я развел руками.

– Нет слов, – опять анекдот. Скоро, совсем скоро слава обо мне будет обгонять меня самого. Вот только не знаю, хорошо это или плохо.

Конечно же, я не утерпел, и мы отправились к сапожнику, как только Оррик отнёс обратно свое сокровище. Мне, правда, все-таки удалось уломать инквизитора, и он позволил мне подержать шкатулку-часы. Ну как подержать, я едва смог сдвинуть ее с места, при этом владелец смотрел на меня такими глазами, что я не особо и старался. Береженого, как

известно, бережёт бог.

Знаете, в чем прелесть маленьких городков? Если ты не первый раз в городе и тебе не приходится там что-то искать ночью, все рядом. Сделали два шага – бар, ещё три – магазин продуктов, а то и в придачу с аптекой и сувенирной лавкой.

Рогон в этом плане ничем не отличался от сотен других маленьких городов, будь то на Земле или тут, ещё не знаю, где. Конечно, когда я один бродил по незнакомому месту, казалось, что от одного заведения до другого час ходу. Теперь все изменилось. К тому же со мной рядом шагал Оррик, а кто против меня с инквизитором?

Оказалось, что лавка сапожника в двух шагах от монастыря, а трактир «У кабана» втиснулся как раз между ними. Вчера мне показалось, что я едва не добежал до канадской границы, когда улепетывал от бандитов. Сейчас я шел и удивлялся, настолько же у страха могут быть велики глаза. Тут же буквально два шага!

Оррик под конец даже начал насвистывать под нос что-то весёлое, а я слушал вполуха и думал о своём.

Что же такое припас для меня хитрый инквизитор? С какой стати меня взяли под охрану? Почему сначала покалечили, а потом вытащили из выгребной ямы, похлопали по плечу и даже не пнули под зад. Что они скрывают?

На ум лезли разные мысли, но все они были из разряда выдумок. И так гадать можно до бесконечности, все равно истину я узнаю чуть позже. Узнаю ее обязательно. И что-то

подсказывает, что услышанное мне не слишком понравится.

Глава 10

Помните поговорку: многие знания – многие печали? Или что-то в этом роде. Подпишусь под каждым словом. Два раза.

А как хорошо начинался день! Ранний подъем, аромат хлеба, ввевшийся в каждую клеточку моего тела, плотный завтрак – идеально выверенная комбинация и, как результат, авторитет ракетой уходит в небо, да я сам, черт побери, начинаю расти в собственных глазах! Даже честно отнятые у трактирщика деньги не так тешили самолюбие, как то, что я утер-таки нос заносчивому и хитрому пройдохе.

И даже выволочка, полученная после этого от отца Тука с последующим изъятием материальных ценностей (деньги, к сожалению, пришлось внести в фонд развития благосостояния инквизиции), практически не повлияли на мое приподнятое настроение. Я подчёркиваю, моё. Оррик страдал жестоко и страшно. Я даже подумал, а не пришлось ли ему отдать две монеты взамен полученной одной? Но нет, у него забрали только одну, но его утончённая натура уже считала ее своей. Ну да ладно, легко пришло – легко ушло. Чего жалеть?

Но денег мы лишились уже в полдень, а в одиннадцать утра у нас у обоих было превосходное настроение. Оррик, как я уже говорил, совершенно оттаял, и к сапожнику мы

ввалились, весело насвистывая каждый своё. У меня почему-то застряла песня из старого кинофильма, а Оррик бурчал под нос что-то вроде «мой меч – твоя голова с плеч». В общем, мы подготовились к походу по магазинам и были во всеоружии.

Мастер Трий, издалека напоминающий палочника, такой же тощий, длинный и нескладный, явно поначалу мою идею не оценил. Ну ещё бы, только на одну пару должно уйти столько же материала, сколько на десять обычных ботинок. А ещё подметка! Но, посидев-подумав, решил, что ему самому интересно, что из всего этого получится. В конце концов, клиент платит.

И сейчас, едва попав в небольшое помещение, резко пахнущее клеем, заваленное обрезками кожи, грубо выструганными моделями ступней, нитками, банками с самим клеем и ещё бог знает чем, я слегка растерялся. Как здесь вообще можно чем-то заниматься и что-то найти? Даже дышать было сложно, настолько едкий запах клея витал в воздухе, что, казалось, начинали склеиваться веки.

Оррик ввалился в помещение как к себе домой, и, оглядевшись по-хозяйски, сбросил кучу тряпья с табуретки при входе и со скучающим видом опустил на нее свой зад. Бардак в лавке его ничуть не смущал, а запах тем более.

На явно невежливое поведение инквизитора хозяин не обратил внимания или просто не подал виду. Значит, здесь это в порядке вещей?

– Как идут дела? – поинтересовался я, выискивая взглядом ещё одно место, где можно было приземлиться. Но Оррик, похоже, занял единственное место для посетителей.

– Сынок, – проскрипел мастер, – мне уже почти пятьдесят. Какие у меня могут быть дела? – он бросил быстрый взгляд за мою спину. – У меня золотых нет, и вообще я лишнего медяка зря не беру.

До меня враз дошло, что старик просто боится, что, начав с трактирщика, мы им не ограничимся. А зачем ещё со мной таскается инквизитор?

– Мастер Трий, я здесь исключительно из-за своего заказа, – я поднял руки в успокаивающем жесте. – И в мыслях не было вас в чем-то обвинять.

Над мастером распухал уродливый грязно-белый гриб. Что это? Страх? Облако подрагивало, словно растаявший холодец, и постоянно меняло очертания. Смотреть на него было мерзко. Старик боялся, стараясь не подавать виду.

Так с ним каши не сваришь – сапожник испытывал очень сильные чувства по отношению ко мне, но, возможно, если убрать первопричину, его реакция поменяется.

– Оррик, – сказал я, – а не мог бы ты немного погулять?

– Чего? – инквизитор посмотрел на меня с видимым удивлением. – Что значит погулять?

– Ну то и значит, – я подсадовал на его непонятливость. – Пивка там попей, барашка съешь, а я тебя потом догоню.

Поймёт или нет? Ну не буду же я прямым текстом его вы-

гонять? Только слепой не увидит, как сапожник трясётся от одного его вида.

Догадался!

– Денег дай, – буркнул он, поднимаясь. – Мне до полочки ещё две недели, а то, что ты мне дал утром, – инквизитор вздохнул, видимо, вспоминая, как Харальд обобрал нас обоих, – уже кончилось.

Пришлось раскошелиться.

– Только не задерживайся, – Оррик потряс зажатой в кулаке мелочью, – этого на долго не хватит.

И здесь рэкет и вымогательство. А я-то надеялся, что среди тех, кто блюдет чистоту помыслов, не принято обчищать карманы ближнего.

Когда за Орриком закрылась дверь, я почувствовал, как изменилась атмосфера в лавке. Из мастера Трия словно вынули стержень, и он мешком повалился на прилавок. Значит, меня с инквизицией пока не отождествляли. То ли играло роль отсутствие одежды, то ли мой облик, то ли возраст – в любом случае теперь можно будет поговорить без обильного потоотделения и дрожи в коленях.

– Мастер Трий, – я потряс старика за плечо, – вы там живы?

Минуту мне никто не отвечал, затем из-за прилавка возникло бледное лицо сапожника.

– Зачем ты пришёл? – голос старика все ещё дрожал. Он по-прежнему не верил, что я пришёл по своему делу.

Мне пришлось ещё минут пять успокаивать старика и убеждать в том, что я действительно по поводу заказа. Отвратительный белый неосязаемый нарост над его головой сначала потускнел, а потом начал менять форму и наливаясь жёлтым и оранжевым цветами. Во-первых, ему стало немного стыдно своих чувств, а, во-вторых, он надеялся, что я его не обманываю.

– Вы думали над моим заказом? – настойчиво спросил я. – Дело в том, что я чувствую, что мне недолго осталось гостить в этом городе. Вряд ли мне дадут две недели на то, чтобы прохладиться тут и тратить деньги в местных трактирах. Поэтому я хотел бы узнать, возможно ли исполнить заказ быстрее?

Старый мастер к этому времени совсем пришёл в себя и выслушал мою просьбу со спокойным вниманием.

– Если я отложу все остальные заказы, то сделаю то, что вы просите за семь дней, – ответил он, на секунду задумавшись. – Но тогда вы заплатите ещё сорок серебряных монет. Или... – задумчиво начал он, но не договорил, остановившись на полуслове.

– Или? – поторопил я его. – Заканчивайте свою мысль, мастер.

Мастер Трий посмотрел на меня, на дверь, за которой меня ждал Оррик. Зная инквизитора и распоряжения, которые он получил, я был уверен в том, что он и не подумал куда-либо уходить.

– Или вы отказываетесь от ваших слов насчёт процентов за каждую пару, – выпалил старик, хитро на меня поглядывая.

Надо же, а я и забыл про это. Миллиардером-сапожником мне все равно не стать, поэтому в данном контексте мой мозг и не подумал что-то сохранять. А старик, значит, все продумал и явно просчитал выгоду. Ещё бы, десять пар полностью окупают вложения, а потом капает чистая прибыль. Все расходы за счет производителя. Рисков при этом вообще никаких.

С другой стороны, по смутным намекам Оррика, территория, куда можно направить свой взор, огромна. Стран, где меня явно ждут, более чем достаточно. Сюда я вряд ли вернусь. Разве что случайно. Так почему бы и не сделать подарок старику?

– Знаете, мастер Трий, наверное, я соглашусь на ваше второе предложение, – начал я, словно все ещё сомневаясь.

– Какое будет условие? – он уставился на меня с нетерпением.

Ага, он почуял выгоду, надо попробовать на этом сыграть.

– Вы лишаете меня источника дохода. И я соглашусь на это, – я вздохнул поглубже, демонстрируя всю глубину своей печали, – если вы, в свою очередь, откажетесь от платы за мои две пары.

– Одну! – выпалил мастер Трий, едва сдерживая радость.

– Две, мастер, две, – я покачал головой. – И ни каблуком

меньше.

Трий посмурнел, но все же кивнул, подтверждая договорённость.

– Ну-ну, мастер Трий, – я похлопал его по плечу. – А чтобы вас хоть немного утешить, я кое-что расскажу и покажу, что вам придётся сделать для меня ещё, чтобы впоследствии можно было стясти с благодарной публики немного больше денег, чем они рассчитывали изначально.

Расстались мы с мастером вполне довольные друг другом, а я так ещё и сжимал в руке завернутые в лёгкую кожу шестьдесят серебряных монет. Да-да, сапожник пришёл в полный восторг от моих предложений, и вместо своих сорока серебряных я стал обладателем шестидесяти весело поблескивающих кругляшков с изображением головы какого-то дядьки в профиль. Монеты явно прошли не через одну сотню рук, изрядно потеряв в весе.

У крыльца меня уже ждали, на дороге стояла троица и ощупывала мое лицо холодными безжалостными глазами, что яснее ясного говорило о том, по чью душу этот комитет по встречам. Одного короткого взгляда по сторонам хватило, чтобы понять, что Оррик и в самом деле отправился промочить горло. Не думал, что он воспримет мою просьбу настолько буквально.

Я принялся вспоминать, сколько денег ему перепало от моей щедрой души. Вроде бы в той горсти было не больше

двадцати медяков, так что ему хватит в лучшем случае на пару кружек. А что он будет делать дальше, если я не появлюсь к этому времени? Воспользуется своей заначкой и продолжит или отправится узнавать, почему я так долго?

Пока я мучительно пытался спрогнозировать дальнейшее развитие событий, троица ожила и приблизилась. Они остановились не далее десяти шагов и продолжили с любопытством меня разглядывать.

Никого из этой троицы я не знал. Но моего опыта предыдущих лет вполне хватало, чтобы понять: передо мной далеко не самые законопослушные жители Рогона. Самые-самые незаконнослушные.

Нет, у них не было особых примет или хищного выражения лица, все трое держались непринуждённо, но их выдавали глаза: нахальные, немного дерзкие и насмешливые – он как бы говорили: «Ну что, посмотрим, что ты за фрукт».

– Выставка уродцев за углом, – я бросил пробный шар, надеясь, что в данный момент у Оррика кончилось пиво. И деньги. К тому же, как известно, лучшая защита – нападение.

Троица недоумевающе переглянулась.

– Чем обязан? – я упростил незнакомцам задачу.

Они сразу заулыбались, тот, что стоял в центре, вежливо поклонился. Я при этом сразу отметил натянувшуюся ткань в характерных для ношения оружия местах. Чужаки готовились для ведения деловых переговоров.

– Приветствую тебя, гм-м, Иан, – начал средний с некото-

рой вальяжностью, в который присутствовала недюжинная толика осторожности, явно не зная, как ко мне обращаться. – Кривой Эл, просил нас передать, что он помнит об услуге, которую ты оказал ему...

– Вы, – поправил его я. – Вы оказали.

– Э-э, да, – поправился он. – Конечно, вы оказали.

Не можешь остановить – сбей с толку, так говорил мой отец. Когда агрессивно настроенный человек теряет канву беседы, велик шанс, что тебе удастся выбить опору у него из-под ног, а вместе с ней и уверенность, что сила на его стороне.

Среднему явно не понравилось, как ему указали на его место, но он постарался сохранить невозмутимость. Я же, сообразив, что прямо тут меня убивать не собираются, слегка расслабился. Впрочем, только слегка, потому что с этими товарищами нужно постоянно держать ухо востро. Иначе рано или поздно тебе его отрежут. Ну и предупреждение епископа постоянно маячило на горизонте. Этот одним ухом точно не ограничится.

Между тем пауза затягивалась. Главный нервно поежился и, видя, что я ничего говорить больше не собираюсь, вынужден был продолжить.

– Кривой Эл извиняется за то, что не смог прибыть лично, но просит заверить, что за ответной услугой дело не станет, – в голосе бандита опять зазвучало самодовольствие. – Он далеко не последний человек, поэтому может быть полезен не

только в этом городе.

По словам Оррика, Рогон не дотягивает даже до среднего города в своей стране, так что большая рыба здесь может оказаться планктоном, стоит ей попасть в пруд побольше. Одно из свойств человека – воображать себя незаменимым и преувеличивать свое значение. Но об этом мы говорить не будем.

– Передайте Кривому Элу, что я запомню его слова, – я кивнул и с достоинством спустившись по ступенькам, прошёл между ними. Если бы они знали, чего мне стоило не втягивать голову в и так сутулые плечи, от них не веяло бы таким раздражением.

Весь путь от лавки мастера Трия и до поворота я представлял, как мне в спину втыкаются целых три ножа, а взгляды прожигают в одежде дыры величиной с кулак. Они так и не тронулись с места, пока я на негнущихся ногах прошествовал мимо. Собакам нельзя демонстрировать страх. И оглядываться, и даже дышать по-другому. Потому что любой намёк на проявление слабости мог разрушить впечатление, которое я всячески старался создать: я вас не боюсь. Шакалы льву не соперники, даже такому горбатому, как я.

В прошлом мне приходилось общаться с разным контингентом. Среди знакомых нередко попадались личности, аналогичные тем, которые остались у меня за спиной. Главное, что я усвоил за это время: ни в коем случае нельзя попадаться им на крючок и показывать свою неуверенность.

В первом случае тебя рано или поздно будут использовать для проворачивания каких-нибудь тёмных делишек. При этом, что бы ты ни делал, твой долг будет только расти. Во втором, это произойдёт гораздо быстрее, даже если ты ничего не должен. Так что наилучший выход из ситуации, который я видел, – оставить все, как есть: пусть этот Кривой Эл как можно дольше остаётся в должниках. Так этим ребятам будет сложнее меня зацепить. А в том, что они попытаются это сделать, я нисколько не сомневался. Дай только повод.

– А ты, я смотрю, и сам парень не промах, – заметили голосом Оррика мне в спину, отчего меня буквально подбросило в воздух.

– А-а! – я взвыл, ошалело озираясь. Инквизитор стоял за спиной и ухмылялся. – Ты где был?!

– Стоял на этом самом месте, – спокойно проговорил Оррик, – и смотрел, как ты распекаешь трёх самых отъявленных негодяев Рогона.

Внутри у меня похолодело. Я оглянулся, но из-за угла так никто и не показывался.

– Они давно ушли, там сквозной проход на соседнюю улицу, – пояснил Оррик.

Я медленно выпустил воздух сквозь сжатые зубы, меня до сих пор колотила дрожь.

– Почему ты ушёл?! – меня душила злость и в первую очередь на себя самого, потому что, как ни хотел, я не смог сдержаться. – Они могли...

– Да ничего они не могли, – резко оборвал меня инквизитор. – Эти негодяи пришли прощупать почву и тебя. Но им пришлось уйти не солоно хлебавши.

– Но я слабый...

– Да какой ты слабый?! Непутевый – да, у тебя шило и удивительная способность влипать в истории, но твоему напору может позавидовать буйвол, – опять мне не дали закончить мысль. – Подельники Кривого получили от ворот поворот. Не важно, что у тебя стучали зубы и душа в пятках. Главное, они увидели, что ты их не боишься, и долг их главного для тебя мелочь, так, пяточок за пучок. Расслабься уже и пошли тратить твои денежки, уж пару кружек ты сегодня точно заслужил, – Оррик снисходительно оглядел мою сгорбленную фигуру и с сомнением фыркнул. – Ну ладно, одну.

Мы быстренько промочили горло парой кружек пива, Оррик за это время вспомнил одну историю из своей юности, когда он ещё был таким же щуплым и беспомощным юнцом, как я сейчас. Пришлось вежливо поскалить зубы, одновременно с этим сдерживая зевки – спавшее нервное напряжение старательно давило на веки. Но спать сейчас было уж точно не время.

К шестнадцати тридцати мы уже обивали пороги лавки портного. Мастер Штрак нас явно не ждал, но, к счастью, свою работу закончил, поэтому из лавки я вышел уже при параде.

– Как? – спросил я, видя скептические взгляды Оррика.

– Ну, – он долго не мог подобрать продолжение своей оценки, обойдя меня несколько раз. Когда мое терпение коснулось нулевой отметки, инквизитор почесал затылок и глупокомысленно изрек: – Сойдёт. Не понял только, зачем тебе эта штука с полами до колен. Грязь подметать? И вообще, взял бы кожу и горя не знал.

И что прикажете делать? Обижаться? Да я и сам прекрасно понимаю, что больше чем на «сойдёт» не тяну, но такой развёрнутый ответ душу не грел.

Впрочем, большего от Оррика я так и не дождался. Он упорно молчал и на вопросы отвечал односложно, так что в конце концов я и сам от него отстал. Так с чувством полного неудовлетворения я направился обратно к монастырю. Следующая встреча сулила ответы на вопросы, но я испытывал странные чувства от ее предвкушения. Словно идёшь на экзамен, где знаешь все ответы на билеты, но в результате совсем не уверен.

Глава 11

Каменная лестница уходила вниз. Один пролёт вел к мудрости и знаниям, а другой – к боли, грязи и в конечном итоге – смерти. К счастью, сегодня мне не сюда.

Неверный свет факела, который держал над головой мой неизменный сопровождающий, слишком слабо освещал падающие вниз ступени и едва разгонял тьму. Она слабо колыхалась тяжёлой портьерой уже в двух-трёх шагах от инквизитора и опускалась сразу за моей спиной. Пахло сыростью, плесенью и мышами. Камень стен, за который приходилось цепляться в отсутствие перил, был влажным и скользким, как и узкие ступеньки под ногами. И холод, от стен явно шел холод. Ноги, обутые в тоненькие кожаные мокасины, замёрзли практически сразу. Неужели тут кто-то живёт? Или того хуже, работает?

Проектировщику ступенек двойка! Кто их выдумал, такие узкие и высокие? Если бы я шел первым, давно свернул себе шею, а так время от времени утыкался носом в железную спину инквизитора, слыша в ответ недовольное ворчание.

Да сколько же можно? Это же не съёмки фильма «Путешествие к центру земли». Мы идём уже целую вечность, а лестница и не думает заканчиваться.

– Долго ещё? – я постучал в широкую спину. Тени разбежались в разные стороны, у самого лица прошипела пылаю-

щая головка факела.

– Я здесь был ровно столько же, сколько и ты, – с раздражением сказал Оррик, обернувшись.

– Ещё немного и мы пройдем землю насквозь, – выругался я, чем заработал ещё один взгляд инквизитора, на этот раз весьма задумчивый, если не сказать настороженный. Вот черт! А вдруг здесь ещё не в курсе, что земля круглая? Надо держать язык за зубами, а не болтать почему зря.

По моим прикидкам, мы спустились уже к самому подножию холма, на котором расположился Рогон. К сожалению, мне не пришло в голову считать ступени с самого начала, так можно было прикинуть глубину, на которую мы забрались. Сейчас это делать бесполезно: оставалось лишь рассчитывать приблизительно.

– Почему библиотека так глубоко? – спросил я в мерно покачивающуюся спину. – Неужели монахи ходят сюда читать книги? Это же форменное издевательство. Пока доберёшься...

– Никто сюда ничего читать не ходит, – не поворачиваясь, сказал Оррик. – Да и в большинстве своём они и читать-то не умеют. Мы идем в хранилище, а брат Маркус с некоторых пор тут хозяин.

– А нам что делать в хранилище? – совсем запутался я. – Долго ещё?

– Вот ты нетерпеливый, – Оррик осветил факелом под ноги. – Если я хоть чуть-чуть разбираюсь в подземных ходах,

то нам осталось совсем немного.

Пришлось воспользоваться недвусмысленным предложением заткнуться. Не беда, терпение – именно та добродетель, которую вбивали мне в голову на протяжении всего пребывания здесь. Что мне какие-то несколько ступенек?

И действительно, не прошло и минуты, как стенки шахты раздвинулись, враз потерявшись во тьме. Впрочем, сейчас темнота волновала меня меньше всего. Мы остановились на пороге чего-то огромного. Громадная пещера, носившая следы человеческих рук. Не сами же здесь, у входа, появились квадратные колонны, вершинами уходившие во тьму, клубившуюся над нашими головами.

Оррик осторожно ступил на ровную поверхность пола. Видно, и в душе опытного воина поскрипывала нотка неуверенности перед такими масштабами.

Представьте себе парадные залы Зимнего дворца, которые освещены только редкими островками огоньков в абсолютной тьме. Все линии, которые удавалось выхватить глазу, выходили из темноты и в ней же и растворялись. Формы, подернутые мраком, детали, размытые подрагивающим, словно умирающим, светом – все это давило и размазывало по полу, нашептывая прямо в мозг, что мне здесь не место.

Подойдя поближе, я увидел, что горит какая-то жидкость, налитая в глубокие чаши. В первом зале чадило всего три светильника, лишь слегка разгоняя мрак в центре. Свет нигде не добирался до стен, отчего казалось, будто здесь их

вообще нет. От такой расстановки светильников в груди за-скребся червячок страха.

– И кто все это построил? – я поежился.

– Гномы, – инквизитор опять выглядел невозмутимо. – Пошли, уже недалеко. Вопросы потом, – предвосхитил меня Оррик.

Несколько минут мы молча шли по огненной дорожке. Инквизитор уверенно выбирал направление, даже если следующая вежа пряталась за поворотом. И этот человек утверждает, что внизу первый раз. А что случилось бы со мной, если не дали сопровождающего?

Коридоры, по которым мы шли, могли многое рассказать о прежних обитателях. Свет от факела выхватывал из тьмы фрагменты настенных фресок со странными рисунками. Кое-где под ними чернели каракули: то ли гномий язык, то ли кто-то баловался, так сразу и не разберёшь.

Светильники стояли только на перекрёстках, причём там, где требовалось свернуть в сторону. Если мы шли прямо, то дорогу освещал факел Оррика. Все мысли давно убежали из головы, все, кроме одной: если я умудрюсь потерять инквизитора, местные пещеры обзаведутся ещё одним припадением. Один я отсюда не выберусь ни при каких обстоятельствах.

– Пришли! – Оррик остановился перед высокими дверями, наглухо перекрывавшими дальнейший путь. При свете факела я разглядел грубо нанесённый на верхнюю часть

дверного полотна знак из трёх перекрещивающихся колец. Знак Церкви.

Оррик громыхнул кулаком в дверь. С потолка посыпалась пыль.

Долгое время ничего не происходило. Дверь смотрелась настолько массивной, что вряд ли за ней можно услышать чьи-то шаги. В такую нужно стучать кулаками Оррика, тогда есть шанс, что когда-нибудь достучишься.

Вопреки моим ожиданиям, звук сдвигаемого засова различался более чем отчётливо.

– А зачем такие сложности с закрыванием? – удивился я. – От кого тут прятаться?

Оррик пожал плечами.

– Сейчас уже не от кого.

Вот тебе и на. Сейчас! А раньше, значит, было от кого. Кому досталось наследство от гномов? Оркам? Кобольдам? А вообще есть ли тут такие?

Одна створка приоткрылась ровно для того, чтобы в щель просунуть глаз.

– Кто вы и чего надо? – последовал вопрос довольно привлекательным, глубоким голосом, словно за дверью стоял диктор с телевидения, впрочем, манера говорить сказала мне, что диктор не в духе.

Мы с Орриком переглянулись. Он хмыкнул и, ни слова не говоря, сунул в щель свою фибулу. Те же три кольца только с тремя мечами. За дверью недоумевающе кашлянули, за-

возились, и загремела тяжелая цепь. Створка беззвучно поползла дальше, ровно настолько, чтобы мы по отдельности могли протиснуться внутрь.

Едва мы оказались по другую сторону, невидимый пока страж с силой захлопнул дверь. Я решил, что именно с таким звуком должны закрываться створки Мордора. Ну или где-то рядом выстрелили из танковой пушки. Я как-то раз вместе с отцом побывал на полигоне – ощущения в принципе схожи. Если в темноте бродят отродья зла, им только что сообщили, что пришло время славного перекуса: люди с поверхности, которые ещё не успели отощать и превратиться в ходячие, живые скелеты.

Оррик поднял факел повыше, свет разбежался вокруг, отплясывая танец на наших лицах. Из темноты вынырнуло тело стража.

Где тощая, сухопарая фигура старца? Где седые патлы и борода клоками? Про мятую рясу я вообще промолчу, брат одевался с иголки, и приличных размеров талия только подчеркивала это.

И тут мне было чему завидовать: страж был одет практически по моде старушки Земли: плотные штаны, наподобие джинсов, свободного покроя рубашка с завернутыми рукавами, ботинки правда, подкачали – все те же мокасины на тоненькой подошве. В общем, настоящий фронт. Не очень понятно, что он делает здесь.

Человек вышел на свет. И его гладко выбритое лицо с глу-

боко сидящими недобрыми глазами требовательно обратилось к Оррику.

– Ну и что здесь забыл инквизитор? – он перевел взгляд на меня. – И попугай без роду без племени?

Я почувствовал, как у меня запылали уши. Никогда не краснел, а тут хватило одной проклятой фразы! И хренов епископ ни словом не обмолвился о личности хранителя. Но, может, мы повстречали кого-то другого? Должен же кто-то охранять мудреца, пока он думает свои умные мысли?

Пока я перебирал слова для достойного ответа, человек узрел в моих руках свёрток, из которого, словно два больших пальца, сложенных вместе, дерзко высовывались горлышки от бутылок.

– Давай сюда! – радостно воскликнул он. – Надеюсь, это не такая же кислятина, как в прошлый раз? Беда с этими монахами, совсем не разбираются в вине.

С этими словами у меня отобрали свёрток.

– А вы не могли бы позвать сюда брата Маркуса? – промямлил я неожиданно для себя самого.

Теперь на мне скрестились сразу два взгляда. Один изумленный, а другой жалостливый.

– С каких это пор инквизиция начала приглядывать за юродивыми? – теперь уже Оррику достался сочувственный взгляд. – Еретики все повывелись? Или магов не хватает?

– Следы за языком! – прорычал Оррик, зацепившись правой рукой за меч. – Ты слишком много себе позволяешь!

Но грозный вид моего спутника на брата Маркуса никак не подействовал. Он насмешливо переводил взгляд с меня на инквизитора и обратно.

– Остынь, Совет сам засунул меня в эту дыру, сам знаешь, зачем. А если не знаешь, спроси у тех, кто постарше, – в голосе брата Маркуса пропали весёлые нотки, и теперь им можно было резать металл. – Работая здесь, я накопал на десять костров, пять четвертований и три виселицы, так что тебе нечем меня напугать, здоровяк.

Брат Маркус опять расплылся в улыбке и хлопнул Оррика по плечу, которое легко было спутать с валуном. Из-за невысокого роста монаха жест получился комичным. Как будто Моська попросила слона не нервничать.

– Ну что так и будем на входе мериться длиной меча или все-таки отведаете, чего послали мне боги?

Бог или боги к брату Маркусу были весьма благосклонны. Стол, больше напоминающий аэродром, не ломился от яств, но для одного-единственного представителя человеческого рода явно страдал избытком. Мясо разных видов, жареные овощи, свежие овощи, птица в собственном соку, мелкая птица, которую я для порядка назвал перепелками, даже рыба – на столе присутствовало все, чего угодно душе человека, страдающего кревоугодием.

Как поведал словоохотливый монах, хотя монахом я теперь назвал бы его с очень большой натяжкой, все это спус-

кается к нему по специальному ходу на верёвке, но братья, видимо, не очень пеклись о его духовном начале, потому как присылали лишь самое простое вино.

– Кислятина и несусветная гадость, – сообщил брат Маркус, запихивая перепела в рот целиком. – Как у них только руки поднимаются покупать такое для, – он помахал в воздухе рукой, видимо, помогая мысли родиться, – для своего брата. Это же форменное издевательство! Может, кому-нибудь пожаловаться?

Насколько я понял, собеседник брату Маркусу нужен был только в виде муляжа или, на худой конец, фотографии. Главное, чтобы он чувствовал внимание, остальное его не особенно волновало. Оррик почти сразу оставил попытки впихнуть в монолог хозяина пещер хотя бы слово. А раз говорить не нужно, следует все силы отдать борьбе с многочисленными блюдами, который вызывающе на тебя смотрят. Тут уж инквизитор сам мог дать фору кому угодно, чем заработал уважительный взгляд хозяина.

Что касается меня, то я терял очки примерно с той же скоростью, с которой Оррик их набирал. Столько съесть за один присест, сколько помещалось в желудке любого из сотрапезников, я не смог бы даже если еда, как у верблюда вода, хранилась в моем горбу. Да, даже если бы у меня отрос ещё один, все равно бы не влезло.

Когда все насытились, брат Маркус, отвалившись от стола, сыто поцокал языком и добродушно посмотрел на меня.

– Ну и какое дело привело в мою скромную обитель столь почтенного брата инквизитора и его, гм, спутника, – оговорился монах специально, чтобы выделить вопиющее, на его взгляд, безобразие. – Говорить не умеет, думать не хочет, а ест так и вообще, – брат Маркус рукой покачал в воздухе, показывая, что он думает о людях, которые так плохо едят, в общем, и обо мне в частности.

Оррик с блаженной улыбкой погладил раздувшийся живот и немного ослабил ремень.

– Пивка бы ещё, – мечтательно сказал он. – Для полного счастья.

– Если для полного, – ухмыльнулся брат Маркус, – то в кладовой ещё осталась пара кувшинов.

Инквизитор оживился на секунду, но тут же досадливо поморщился.

– Пожалуй, сегодня обойдемся сытным обедом, – он стряхнул с себя сонную одурь, подобравшись как тигр перед броском. – Как вы правильно заметили, брат Маркус, мы здесь по делу, – инквизитор особо выделил последнее слово.

– Вот как, – изобразил неподдельное внимание монах. – Всем, чем могу, так сказать, помогу. Но что может понадобиться от скромного книжного червя столь прославленному хранителю устоев Богов?

Выспренняя речь в устах брата Маркуса вовсе не казалась напыщенной. Велик талант этого монаха, велик и многогранен. Да и монах ли он вообще? И, кстати, последние слова

он произнёс об Оррике или о ком-то повыше? Епископе, например.

– Информация, конечно же, – удивлённо ответил мой спутник. – Что ещё нам может понадобиться?

И это боевик-инквизитор? Вот уж теперь ни в жизнь не поверю, что им платят только за меч. Оба служителя церкви сейчас напоминали маститых футболистов. Сделали на пробу пару финтов в начале, показали невзначай свое мастерство, а затем принялись лениво перекатывать мяч друг другу.

– Расскажите про двухтысячелетний цикл, – рубанул без всяких предисловий я. Мне до смерти надоело сидеть без дела, наблюдая, как другие занимаются своим делом, не обращая на меня внимания. Так к чему эти бесполезные разговоры про погоду?

Есть все-таки высшая справедливость, есть! Я был разом вознагражден и за прошлые не самые приятные высказывания заносчивого монаха, и за все будущие. Брат Маркус захлебнулся вином и сейчас отчаянно пытался откашляться, чтобы восстановить дыхание. Я мстительно наблюдал за тем, что он ловит воздух, как рыба, выброшенная на лёд, а заодно безуспешно пытается со светлой рубашки стряхнуть капли вина.

Между прочим, хитрый монах выставил на стол отнюдь не то вино, которое мы захватили с поверхности. По деревянным кубкам разлили то самое пойло, о котором с та-

кой безразличностью нам поведали. Наши две бутылочки брат Маркус решил оставить для лучшей компании, то есть, видимо, для своей.

Бросив короткий взгляд на Оррика, я подметил, что мелкая пакость, подстроенная ближнему, и в несусветной дали от дома вызывает удовлетворение у большинства свидетелей. Тем более, что может быть приятнее, чем досадить сопернику. Особенно из соседнего ведомства. То, что они из разных ведомств или хотя бы имеют двух разных хозяев, я уже догадался.

Держать удар брат Маркус точно умел. Он достаточно быстро взял себя в руки и посмотрел на нас совсем другими глазами. При этом мне достались львиная доля внимания и колючий, пронизывающий взгляд. Такое впечатление, будто ты заглянул в колодец, ожидая увидеть воду, а на тебя наставили крупнокалиберный пулемёт. Над монахом потихоньку вспухал светло-фиолетовый пузырь с синевато-черными прожилками, нервно подергивающийся и с резкими, колючими очертаниями. Такого цвета мне пока встречать не приходилось. Так что и определить точно, с какими чувствами ко мне подбираются, не получилось – слишком много всего оказалось намешано: любопытство, раздражение, злость и много чего ещё. Что ж, подождём, пока горизонт прояснится.

Чтобы не показывать нервное напряжение, я ухватился за кубок, быстро ополовинив содержимое. Надо же, вкус оказался гораздо лучше, когда сидишь на иголках.

– Откуда ты знаешь о циклах? – рявкнул брат Маркус, и мне показалось, что сейчас на меня бросятся с кулаками. Или прирежут по-тихому. – Он не из ваших, – утвердительно сказал монах, кивая Оррику на меня.

– Не стоит так волноваться, – успокоил его Оррик. – Это просьба епископа.

Но брат Маркус и не подумал расслабляться. Складывалось впечатление, будто гончая напала на след, и он готов броситься в погоню. Уж не за мной ли?

– Мне плевать на вашего епископа, даже если это сам отец Тук, – проговорил монах категорично. – Мне нужно подтверждение ваших полномочий.

Сам отец Тук? Я мысленно разинул рот и присвистнул от удивления. Кто же такой этот маленький старикан? Не о каждом говорят в подобном ключе: «сам». И второе, не менее любопытное: похоже, брат Маркус не подозревал, кто нас послал. Ну и третье, что меня изрядно порадовало: мой словарь продолжал набухать, через несколько секунд пополнившись заковыристым словом «полномочия».

Реакцию Оррика предугадать оказалось не трудно: здоровяк схватился за бока и заухал, как заправский филин. Я тоже не смог сдержать улыбки, чувствуя комичность ситуации. И только брат Маркус был не в курсе происходящего. Он подозрительно посматривал на нас обоих, но пока не знал, как ему реагировать.

Отсмеявшись, Оррик потянулся к моему кубку, отхлеб-

нул пару глотков, посмотрел на опустевшее дно и растянул рот до ушей.

– Так это он и есть. Сам, так сказать.

Спустя мгновение ржали уже оба, Оррик держался за живот и все твердил, что больше не может, а брат Маркус смеялся раскатистым, заразительным смехом, наполняя небольшое пространство столовой мощными волнами своего голоса.

– Серьёзно? – утирая слезы, наконец выдохнул брат Маркус. – Старина Тук здесь? – он ткнул пальцем в потолок.

Оррик лишь кивнул в ответ, отдуваясь.

– Чудные дела творятся вокруг, – брат Маркус покачал головой. – Вот уж не думал, что его забросит в такое захолустье. Слушай, что он здесь забыл? Нужны очень веские основания, чтобы заслать личного помощника главы Конгрегации в эту дыру.

Оррик в ответ лишь пожал плечами, мол, неисповедимы пути начальства, нас, простых тружеников в такие дела не посвящают.

– Ладно, смех смехом, а мне действительно нужно подтверждение ваших полномочий, – развел руками монах.

– А что в этом вопросе такого секретного? – поинтересовался я, разглядывая рисунки на стенах.

Брат Маркус выбрался из-за стола, животом отодвинув от себя столешницу. Прошёлся туда-обратно и резко повернулся ко мне.

– Знаешь, парень, секретность – это про голодные бунты на севере и юге. Может быть, про восстания магов и рост количества последователей Великой Бездны, наверняка о смуте, которую сеют эмиссары эльфов и прорывы тварей Тьмы. Ещё секретность – это вечное недовольство светских властей и их недоделанные интриги против Совета кардиналов, – брат Маркус потер виски. – Все эти явления имеют место быть, и о них знают те, кому об этом следует знать. Остальные догадываются, но для них молва, что где-то кто-то помер от голода, не более, чем слухи и возможность почесать языком в трактире под кружку холодного пива.

Он вперил в меня холодный пронзительный взгляд, словно воткнул кинжал.

– А двухтысячелетнего цикла вообще никогда не было. Это миф, страшилка для детей, которую даже матери не рассказывают малышам, чтобы они побыстрее заснули. Парень, даже знание о том, что это не сказка, является одной из самых охраняемых тайн на Арли. Поэтому мне очень хотелось бы узнать, с какой стати Инквизиция, которой положено присматривать за магами и еретиками, сует нос не в свое дело. И почему епископ, который, по идее, и знать все это не должен, рассказывает об этом каким-то проходимцам, вроде вас, – закончил брат Маркус, уставившись на нас обоим холодным, оценивающим взглядом.

Затем он повернулся к Оррику.

– Инквизитор, спрашиваю в последний раз. У тебя есть

разрешение?

Оррик тоже поднялся со стула и вытащил откуда-то из-за пазухи свернутый в трубочку документ. Монах сломал печать на ленте, которой тот был перевязан и углубился в чтение. По тому, как бегали его глаза, я понял, что грамота для него привычное дело. Лист мелко исписанной бумаги он пробежал очень быстро. Значит, действительно библиотекарь, пусть и слегка специфический.

– Тут написано про него, – брат Маркус ткнул в меня пергаментом, – но нет ни слова про тебя. Извини, но тебе придётся подождать здесь.

Оррик отмахнулся.

– Не больно-то и хотелось, – он засунул пергамент обратно, – все-таки покажи, где пиво, а я уж как-нибудь переживу без ваших тайн.

Брат Маркус оказался настолько любезен, что лично принес кувшин ледяного напитка для Оррика. На пузатых глиняных боках стекали капли конденсата. Инквизитор довольно ослабился.

– Можете не торопиться! – крикнул он нам в спину, поддвигая к себе кувшин.

Брат Маркус ответил жестом, что-то вроде «будь как дома и ни в чём себе не отказывай». Мне он велел следовать за ним.

Коридоры, по которым мы шли, довольно сильно отличались от главных пещер, прорытых гномами. В тех потолок терялся во тьме, стены обильно расписаны сценами из жизни и сражений. Очень часто встречались гномы, изображенные в полной боевой броне. Здесь потолки ощутимо давили на голову, по моим прикидкам не превышая высоту в два метра, а стены блестели девственной пустотой. Ни следа фресок, иероглифов и прочих украшательств, которые попадались на каждом шагу у главного входа.

Кроме того, вдоль всего коридора на меня пялились тёмные пятна дверей. Рядом с почерневшим от времени деревом я чувствовал себя неуютно. Как будто кто-то подглядывал из-за закрытых наглухо дыр в преисподнюю.

Раньше я не придавал значения своим ощущениям, а сейчас меня кольнула искра озарения: двери стояли под наклоном, будто передо мной люки в камеры, вырубленные в скальном массиве. Для чего их расположили именно так? У всего на свете есть смысл. Если есть дверь, да к тому же она запирается на ключ, значит непременно имеется то, что хотели бы скрыть от любопытных глаз. Или защитить. Выберите любую версию или обе сразу.

– Люди здесь обосновались недавно, – заметив мое любопытство, сказал монах. – Городу от силы лет пятьдесят, а хранилищу и того меньше.

– А почему гномы отдали подземелья людям? – мне было интересно, как так получилось, что до сих пор я не встретил

ни одного гнома. Даже наверху в городе. Как и представителя любой другой расы. Эльфы, конечно, не в счет.

– А они и не отдавали, – сказал брат Маркус. – Однажды просто ушли отсюда. В книгах говорится, Исход состоялся три эпохи назад, – он повернулся ко мне. – Я не знаю, с какой стати епископ решил приоткрыть юродивому недорослю кусочек истории, которой по официальной версии никогда не существовало, но, поверь мне, я это выясню. А ещё об этом вопиющем случае обязательно узнает кардинал Эдуардо Кардальо. И ему это точно придётся не по вкусу.

А я что мог поделывать? Ну скажет и скажет. Имя кардинала для меня сейчас пустой звук. Как ни назови, итог один. Так что, если брат Маркус и рассчитывал меня напугать, у него не слишком-то получилось. К тому же я и сам не против узнать ответ на его вопрос.

Монах надулся, как мышь на крупу, и резко развернулся. Ого! Обиделся что ли?

Мы продолжили путь. Пока все вокруг меня говорили одними полунамёками. А при отсутствии информации, каким бы ты ни был великим сыщиком, все равно сколько-нибудь правдоподобной версии не составишь.

Одно понятно, встреча с самого начала не задалась. Церковники оказались из разных ведомств, а с этим явлением мне пришлось столкнуться еще на Земле. И, если там они старались держаться, не преступая определенные рамки, то здесь ещё не доросли до вывода о неприкосновенности чело-

веческой жизни. Главы служб могли лишь слегка кривиться при встрече друг с другом, а рядовым исполнителям, кроме неудовольствия коллег, могла достаться и отточенная сталь.

И ещё одно. Если хочу, чтобы рассказ монаха не ограничился лишь теми самыми сказками двухтысячелетней давности, нужно наводить мосты. Мне придётся так или иначе добиться его расположения. Чтобы принимать правильные решения, информации нужно как можно больше. И все-таки, почему отец Тук не сделал этого сам, вряд ли, зная название, он не владел и более глубоким описанием предмета.

Коридор тем временем извивался, словно змея, все меньше напоминая прямые, как проспекты, гномьи парадные залы. Потолок оплыл восковой свечой, под ногами то и дело попадались ямы и нагромождение камней. Обходить опасные участки помогала цепочка огней, вмонтированных в стены и дающая бледный, немигающий свет. Глаза безуспешно пытались отыскать следы проводов, но природа света отличалась от всего известного мне. Магия? Химия?

– На гномов не похоже, – неуверенно заметил я, стараясь не отставать от бодро перебирающего ногами монаха.

– Не похоже, – не поворачивая головы ответил тот. – Почти пришли.

Я про себя усмехнулся. Ну не дает мне судьба покоя. С самого начала куда-то иду, спешу, от кого-то убегаю. Ни одной спокойной минуты. Всегда начеку, приходится следить за каждым словом и контролировать каждый жест. Из-за это-

го сам себе стал казаться нерешительным рохлей.

Того не обидеть, этому не наговорить лишнего, постоянно смотреть за языком – это черты человека, которым я никогда не был. Конечно, если того требуют обстоятельства, я мог договариваться, но всегда старался держаться сильной позиции. Постоять за себя? Нет ничего проще! А тут? Мало того, что я сам ничего из себя не представляю, так ещё и в глазах других я – молокосос, которому к тому же сильно не повезло с наследственностью. Мой удел – выкрикивать оскорбления за спинами других.

Печальные мысли, но что поделаешь? Там, где другой человек мог разрубить узел, мне придётся возиться с его распутыванием. Ситуация усугубляется тем, что меня не воспринимают всерьёз. Самая муторная характеристика – авторитет: растёт медленно, потерять проще простого и непонятно, в каких местах добывать.

От дальнейшего самокопания меня отвлек смачный хруст проворачивающегося ключа. Замок, которому, судя по виду, было сто лет в обед, отчаянно сопротивлялся, не желая открывать перед нами своих тайн. Впрочем, ему все равно пришлось капитулировать – брат Маркус оказался слишком настойчив.

– Давненько сюда не забредали, – брат Маркус распахнул дверь с душераздирающим скрипом.

– Именно здесь хранятся самые-самые секреты? – я заглянул через плечо монаху, поднявшись на цыпочках, и был

сильно разочарован. Обстановка в крохотной комнате пугала своей простотой: посреди комнаты стояли два стула и самый обыкновенный стол. Больше ничего. Ни стеллажей, ни полок, ни даже простых сундуков.

– Здесь мы сможем поговорить без свидетелей, – сказал брат Маркус. Он впустил меня внутрь и с видимым усилием захлопнул дверь. – Я кое-что слышал о твоём спутнике. В Академии его прозвали Оррик-Арсенал. Причём, прозвище своё он получил не только из-за любви к оружию.

– А почему ещё? – на автомате вырвалось у меня.

– Узнай у него, – хмыкнул священник, – он с удовольствием тебе расскажет.

Сомневаюсь, что Оррик окажется настолько словоохотлив. Подозреваю, мало мне не покажется уже после вопроса, произнесенного вслух. Так что, думаю, стоит повременить с расспросами.

Брат Маркус сделал приглашающий жест, указывая на стул. Я в это время лихорадочно соображал, что делать. С одной стороны, вот она превосходная возможность раскрутить знакомство, с другой, я не тешил себя надеждой о намерениях монаха. Он, как и другие, собирается меня использовать в своих целях. Возможно, мне попытаются сделать предложение, от которого я не смогу отказаться. Или предложат двойную игру. Но против отца Тука выступать как-то не хочется. Не просто может, а обязательно выйдет боком.

– А епископу повезло с прозвищем? – уточнил я, прини-

мая приглашение.

Брат Маркус понимающе усмехнулся.

– Дедушка Тук не отличался оригинальностью. Свой сан он заработал, по ночам расписывая подвиги однокурсников. Ректор прямо зачитывался его сочинениями. Злопамятный, завистливый, жадный садист, – закончил брат Маркус, складывая руки на коленях. – Это если вкратце.

– И зачем вы мне все это рассказываете? – удивился я. – Вы же понимаете, что я буду вынужден передать ему содержание нашей беседы.

– Передавай на здоровье, – весело отмахнулся брат Маркус. – Он и так в курсе, что про него говорят.

– Предлагаете умолчать об эпитетах?

– Ни в коем случае! – искренне возмутился монах. – Тогда они будут думать, что ты от них что-то скрываешь.

– А мне придётся? – хмыкнул я.

– Ну это уж тебе виднее, – улыбнулся брат Маркус. – Поговорим, как цивилизованные люди, а там, глядишь, о чем-то и договоримся.

Знать бы ещё, о чем с ним договариваться. Нет, не так: знать бы вообще хоть что-нибудь, чтобы о чем-то договариваться. Сейчас меня прощупают на предмет сговорчивости. Попробуют выяснить, обладаю ли я ценными сведениями, а потом постараются купить. Или убрать, чего не хотелось бы. Надо, в свою очередь, попытаться вытянуть из этого монаха, как можно больше. А отца Тука кидать себе дороже. Как я

уже говорил, такие люди не прощают, а ему достаточно посмотреть в мою сторону, как желающие угодить бросятся исполнять его желание.

– Так ты хочешь узнать о двухтысячелетнем цикле? – уточнил брат Маркус, складывая руки в замок.

– Не особенно, но меня попросили это сделать, – извиняющимся тоном ответил я, чтобы продемонстрировать, что я человек подневольный. Но думал я по-другому: если судьба решила забросить меня в тело подростка, так почему бы этим ни воспользоваться? Юный, туповатый, любопытный – так меня видят. И пусть так продолжается. Я вам не соперник, во всяком случае, пока. Я безобидный идиот, который по какой-то причине приглянулся епископу. Причину, ребята, додумывайте сами, воображение – лучший друг в фильмах ужасов. А с теми, кто не представляет угрозы, и ведут себя соответствующе.

– И что конкретно ты хочешь знать? – вкрадчиво спросил брат Маркус, рассматривал меня с нехорошим прищуром, словно через оптический прицел.

Я вспомнил про свою способность, и почувствовал, как сердце сжимается от ощущения угрозы, досады и сомнения – все это чужие мысли, придавившие меня к стулу, настолько яркими и тяжёлыми они представлялись. Над самым братом Маркусом покачивалось иссиня-черное покрывало – он был вне себя от злости.

– Да все, – я пожал плечами, продолжая играть свою

роль. – Отец Тук сказал, что вы лучший знаток по истории, – как-то звучит не очень убедительно. Глупый пацан едва ли владеет таким лексиконом. К тому же я опять перешёл на свою версию языка. Слишком много сложных слов. Впрочем, может, оно и к лучшему, для новичка звучит так, будто и в самом деле разговаривает деревенщина, нахватавшись разных мудреных слов.

Брат Маркус с деланным любопытством прислушивался к моим издевательствам над языком. Дослушав до конца, он хмыкнул, покачав головой, но больше никак на это не отреагировал.

– Все, значит, все, – он откинулся на спинку стула, ничуть не изменив своего отношения ко мне, – приготовься, история длинная.

Рассказывал брат Маркус мастерски. Если бы мне так преподавали литературу в школе, я бы точно пошел на филолога или выбрал что-то похожее – так владеть голосом нужно уметь. Монах явно умел и к тому же прекрасно об этом знал.

Первыми сюда нагрянули эльфы. Первородные, чего с них взять? Им и принадлежит честь названия мира. Арле, или Арли, странное название для планеты, но на тот момент не было никого, кто мог бы оспорить или предложить другое. Все они пришли много позже: орки, гномы, кобольды, огры и люди. Последними гостями оказались именно мы, люди. И самыми неугомонными.

По словам тех же эльфов, до нашего появления войны ве-

лись вяло и как бы нехотя. То есть дрались, конечно, пух и перья летели во все стороны, но делали это без огонька и в основном за место. Там гора повыше, здесь трава посочнее, а вон там лес такой, что грех за него не схлестнуться.

Конечно, ещё тогда, в самом начале, эльфы взирали на всех свысока, заносчиво задирая нос. Гномы тянули себе все, что плохо лежит, и не знали меры своей жадности. Орки, тем бы подраться, позадирать соседей, распороть брюхо врагу, обобрать поверженного, завладеть его женами, лошадьми и прочим имуществом. Ограм лишь бы пожрать побольше, понежиться на солнце, да подергаться в ритуальном танце под хруст черепов поверженных счастливиц, забредших в их негостеприимные края, ну и так далее – у всех свои, так сказать, недостатки.

Люди пришли в Арли с самым страшным оружием – идеологией. Они же прихватили с собой трех богов. Тыр, бог войны, доблести, оружия и всего-всего, что связано со смертоубийством, подозрительно смахивал на Тора, известного широкой публике по голливудским фильмам. Айне, богиня любви, жизни и плодородия, которая, кстати при малейшем подозрении на измену может зарядить похлеще предыдущего сурового по всем меркам мужчины. И последний в списке, но далеко не последний в очереди, – Аид. Да-да, вы не ослышались. Тот самый бог смерти, мертвых, властелин подземных богатств и почему-то ответственный за плодородие и урожай.

По словам брата Маркуса, боги обжились на новом месте достаточно быстро. Так как время и здесь – понятие субъективное, «быстро» измерялось исключительно в тысячах лет, так что точную дату не помнили даже истинные дети этого мира – эльфы.

Удивительно другое, эти педанты среди нелюдей и заносчивые до невозможности типы, все, как один подались под крыло человеческому богу. Двум другим небожителям оставалось только завидовать Айне, радующейся такой благородной пастве.

Гномы гурьбой присягнули богу, заведующему их подземным хозяйством, за что Аид наделил своих подопечных настолько весомыми навыками, что они ни на секунду не усомнились в своем выборе.

Орки, естественно, выбрали бога войны, да у них и вариантов, по сути, не было. Кому еще им отдавать свои мечи и дубины? Не богине жизни же? Да и орки ей не сильно нужны: большие, сильные, злобные, своенравные.

Ну а люди отличились и тут. Нашим соплеменникам показалось мало иметь одного бога. Зачем нам один, если можно получить сразу троих? Сказано – сделано! Так люди обрели тройную поддержку, связав все три божества в один Круг, впоследствии ставший сначала великим, а потом и святым. А Святой Круг привёл к образованию Истинного Учения и Церкви Святого Круга. Церкви, история которой на сегодняшний день насчитывала семь тысяч пятьсот тридцать

один год. А если быть уж совсем точным, на дворе шел март, самая его середина.

– Я вижу, – с легким презрением заметил брат Маркус, – история не слишком сильная твоя сторона. Так зачем епископу, человеку, влияние которого сложно переоценить, такой, как ты? Благотворительностью он никогда не отличался. Мстительностью – да, жестокостью – да, расчетливостью – сто раз да. Приютить нищего щенка – настолько на него не похоже, что я теряюсь в догадках, – если это вопрос, я предпочел его не заметить, а на мысли вслух и вовсе обращать внимание не стоит. – Может, ты меня просветишь? Что ему от тебя потребовалось такого, что он приставил к тебе своего личного телохранителя?

Слава богу, меня все ещё воспринимали как безмозглого юнца, малолетку, который забрался на первую ступеньку пьедестала, не догадываясь, что людей тут нет. Змеи, волки, гиены – основные обитатели этого уровня. И это только первые шаги. Что же будет дальше? Лезть в пещеру, полную змей? Хочу ли я этого? Пока я не мог ответить на этот вопрос даже себе самому. Сначала нужно пережить эти пять дней.

А что мне ответить на вопрос монаха? Вон как он зыркает, аж язык высунул. Обойдётся! Я глупый мальчик, им и останусь на ближайшее время.

– Не знаю, – пожал плечами я. – Он подобрал меня на дороге, ведущей в город. Мне сказали, я умирал от голода. Последнее, что помню, у меня украли одежду, когда я пытался

смыть грязь в небольшом пруду. Говорят, это совсем недалеко от города.

Тут у меня хватило ума опять присмотреться к ауре брата Маркуса. Что за детский сад? У меня под рукой гаубица, а я строчу из пулемёта по танкам. Ведь даже мне, никогда не связанному с политикой, должно быть понятно, что мне попался далеко не самый простой монах. Он не боится гнева епископа и плевать хотел на то, что он узнает о его далеко не самых почтительных высказываниях. Без малейших колебаний вспомнил о кардинале, значит, вполне может знать его лично. Куда мне с таким тягаться? Только моя тяжёлая артиллерия позволит хотя бы сравняться с ним.

С некоторых пор моя способность перестала работать автоматически. Если раньше мне достаточно было просто посмотреть на человека, и его аура возникала над его над головой, то сейчас просмотр мультиков требовал определённых усилий. Естественно, я периодически забывал об этом, допуская иной раз непростительные оплошности. Как сейчас, например.

– Странно, – недоверчиво заключил брат Маркус, мысли обо мне или, скорее о предмете, который он никак не может понять, не давали ему покоя. – Раньше за епископом не замечали сентиментальных поступков. И уж тем более легкомысленных.

Это он, несомненно, про цикл. Прав, конечно, но я и сам ничего не знаю, поэтому не придётся врать. Почему-то мне

казалось, что этот книжный червь раскусит меня на раз.

– Это мне неведомо, – удрученно вздохнул я, с тщательно скрываемым изумлением рассматривая ауру монаха.

Первое, что приходило на ум при виде его эмоций, была клякса. Такая смачная, жирная, разноцветная. Ух, каких цветов там только не было! Словно собрались все цвета радуги, кроме двух: отсутствовали красный и все оттенки зелёного. Усики раздражения, злости, любопытства тянулись ко мне прямо через стол. Я едва не скатился со стула при виде этой картины. Что меня немного успокоило, это вкрапления страха у немислимой на вид конструкции. Несмотря ни на что, монаха настораживало мое поведение, хоть он и не мог понять, что именно его пугает. Судя по ауру, Маркус со скоростью пулемёта перебирает разные версии происходящего, но ситуация слишком для него непонятная, так что вряд ли он остановится на чем-то одном.

– Может, с годами старикан и размяк, – неуверенно сказал брат Маркус, потеряв глаз. Видно, что-то у него все-таки в голове не клеилось. Некоторое время он задумчиво смотрел сквозь меня, затем встрепенулся. – Продолжим, начинается самое интересное.

Самое интересное началось не сейчас, а около четырёх тысяч лет назад. Мир в одночасье сошёл с ума. Согласно дошедших до нынешних дней обрывков летописей, вялотекущие конфликты обострились до точки кипения. Разруша-

лись многовековые связи. Народы, ещё недавно вместе дающие отпор любому врагу, разворачивали мечи друг против друга. Да и внутри спокойных до недавнего времени государств принялись разрастаться доселе невиданные по масштабу и мощи течения. Все многовековые болота бурлили, выделяя газ – непереносимое горючее для мирового пожара.

И этот пожар вспыхнул. Словно кто-то бросил спичку в пороховой погреб. На земле разверзлись врата ада. Принцип «моя хата с краю» сгорел вместе с желающими остаться в стороне. Даже Церковь, на тот момент набравшая немалую силу и вес, не устояла – пылали монастыри, горели святыни. Брат шёл на брата, а муж выступил против жены.

Кровь лилась рекой, и даже бывалых инквизиторов бросало в дрожь от увиденного. Святые отцы повсеместно откладывали в сторону символ Святого Круга и брали в руки мечи. Брат Маркус, не моргнув глазом, описывал, как озверевшие от безнаказанности толпы вырезали целые города, потому что их некому было оборонять.

От картин, искусно нарисованных священником, даже у меня, существа, возвращённого на голливудских блокбастерах, волосы вставали дыбом. То, что творили во время той бойни, невозможно описать словами и остаться со светлым рассудком.

Как и всякая буря, неистовый кровавый смерч, разоривший некогда богатые земли Арли, тоже потихоньку стал утихать. Потерянные и опустошенные, люди возвращались до-

мой к вытоптаным полям, сожженным домам и погибшим родным. Вой и плач стоял в каждом городе, каждой деревне, каждом доме. Наверное, не осталось семей, которых не затронуло бы ненастье. Стояли разрушенными города, некоторые страны присылали гонцов к соседям, чтобы узнать, не могут ли они взять их под свое крыло, потому что все их население теперь состоит почти из одних крестьян.

У нелюдей дела обстояли не лучше. Гномов осталось чуть меньше половины, и они раскололись на две ветви, эльфы потеряли гораздо меньше, но у них каждый соплеменник шел на вес золота. Рождение эльфа – целое событие и праздник не на один год, а смерть...

Орков же, гоблинов, огров и прочие расы вообще никто никогда не считал и относился к ним как расходному материалу. Особенно после появления на Арли людей.

Когда выжившие немного пришли в себя, следующей волной, которую не ждали вовсе, пришли мор и эпидемии. Земли словно вымерли. Люди боялись выходить из землянок и шалашей, куда загнала их кровавая напасть. Болезнь добивала их поодиночке, проникая через щели с воздухом или заливаясь внутрь с водой. Итогом стали вчистую опустевшие города, гниющие заживо деревни. Урожай, не вытоптаный врагами, выросший без присмотра под палящим солнцем и проливным дождём, оказалось некому собирать.

Третьим всадником апокалипсиса, окончательно втоптавшим цивилизацию в пыль, пришёл голод. Единственное, что

могло спасти человеческий род от полного вымирания, – это тотальный контроль и железная рука. И такая рука нашлась. Поскольку границы, как и большинство государств, практически перестали существовать, власть в свои руки взяла Церковь.

Мародеры, бандиты, дезертиры и прочее отребье ощутили на себе стальной кулак воли. Любое проявление неповиновения пресекалось, инакомыслие каралось. Инквизиторы стали всем: они ловили бандитов, вершили справедливость, раздавали остатки продовольствия. Они стали именно тем, ради чего создавалась церковь, – поводырем в беспросветной тьме.

Очагами восстановления человеческого племени стали монастыри, в большинстве своем выжившие и давшие надежду оставшимся в живых. Именно из их запасов кормили умирающих с голоду. Оттуда же пришёл жёсткий приказ о контроле за рождаемостью. Теперь каждая женщина детородного возраста обязана была выходить не менее трех детей. Не выполнявших план наказывали, перевыполнявших – особым образом поощряли и ставили в пример.

С голодом боролись с помощью создания коммун, в которые сгонялся и стар, и млад. Люди пахали, сеяли под надзором церковников, но никто не роптал, суровые времена – суровые решения.

Каким образом выживали нелюди, никто не знал, потому что на тот момент между расами контакты практически

прекратились. Не до беды соседа, когда горит твой дом. Тем более что отношения, подстегнутые войной, были далеки от приятельских.

Человечество выстояло. Чтобы восполнить потери населения, законы о рождаемости не отменяли целых сто лет. Люди работали на износ. Церковь на это время приняла на себя всю тяжесть ответственности за человечество, выхаживая его, словно больного ребёнка.

– Постепенно, далеко не сразу, – сказал брат Маркус, – церковь стала все больше уходить в тень. Мы не светские власти. Священников никто не готовил к управлению государством. У тех людей не было ни опыта, ни знаний. Знания, полученные опытным путем далеко не всегда вели к верным решениям. Да и люди, какие бы ни были у организации возвышенные цели, не всегда могут устоять перед соблазнами. Испытание медными трубами не самое страшное, гораздо сложнее остаться человеком, будучи обремененным властью.

Когда Кардиналы приняли решение добровольно сложить с себя полномочия, Церковь оказалась на грани раскола. Не всем пришлось по душе предложение передать управление жизнью общества светским властям.

Но и эту страницу истории человечеству удалось перевернуть. В основном за счет появления внешних врагов. Нелюди тоже долго не могли оправиться от удара стихии. Но в отличие от людей, ее источником они посчитали не божествен-

ный промысел, а каверзы со стороны самой молодой расы. Кто еще виноват в том, что их постигла такая участь?

Гномы, орки и эльфы выступили единым фронтом в надежде раз и навсегда решить проблему самой короткоживущей расы. Результатом войны на истребление стало заключение договора о ненападении. Люди отказывались от всяческих гонений по отношению к старым расам Арли, а эльфы, гномы и орки обязались пустить к себе эмиссаров истиной веры. Во всех их городах, согласно договору, теперь находился монастырь или церковь Святого Круга. Запрещалось препятствовать появлению неофитов из числа старых рас.

История умалчивает причины столь кабальных условий. Но не в этом суть. Основным итогом договора стало подписание особого соглашения, в котором владыки эльфов, гномов, орков и людей поклялись на веки вечные самой страшной из своих клятв, что приложат все усилия, чтобы не допустить повторения случившегося. Речь, конечно, не о последней войне, а о бойне, которая стала ей причиной.

Высокие договаривающиеся стороны обязались передавать соседям любые сведения, которые могли бы касаться случившегося. Даже намек на намек должен был быть известен остальным, чтобы у всех оставалась возможность принять меры по предупреждению смуты. Предусмотрели все мыслимые и немыслимые варианты, все были готовы дуть на воду, лишь бы избежать новой катастрофы.

Ровно через две тысячи лет история повторилась вновь.

– Мир снова сошёл с ума, – брат Маркус хрипло откашлялся. – Не помогли никакие приготовления и договоренности. Опять горела земля, плавился камень, а человек шел против человека без всяких причин. Цикл вновь повторился, несмотря на любые ухищрения. И теперь прошло ровно два тысячелетия со дня последнего хаоса. Блажен тот, кто ничего не ведает. Замерли в ожидании те, кто помнят. Роят землю и ищут любые намеки те, кто знает. Церковь наготове, но никому не известно, откуда грянет гром.

– А почему бы ни рассказать все населению? – удивился я. Брат Маркус посмотрел на меня как на умалишенного.

– Начнется паника. Те, кто должен отслеживать признаки, искать необычное, с большой вероятностью пропустят знаки приближающейся беды. И мы получим еще один кризис. Человечество уже оказывалось на грани, нам не всегда будет улыбаться удача.

Я и сам понимал правоту монаха, но с точки зрения поддержания имиджа вопрос, лучше не придумаешь. В меру глупый, в меру наивный, в самый раз для человека в семнадцать лет, паренька, которого нашли на обочине. Одним глазом я не забывал поглядывать на ауру собеседника, чтобы избежать разных неожиданностей. Но тут все оставалось стабильно: не облако, а лоскутное одеяло. Разве что темных цветов поубавилось, видимо, в качестве соперника меня уже не воспринимали, да и кляксы больше не было.

Сама форма ауры, меня занимала больше всего, но и дру-

гих вопросов накопилось порядком. Меня пытались прощупать? Чем и для чего? А моя аура, она какая на вид? Что делают усики кляксы? Есть ли ещё кто-то в этом мире, кто видит то, что вижу я? Но все эти вопросы можно было отложить на более поздний срок. Сейчас нужно понять, почему епископ связал меня с этими циклами. Определенно, степень информированности представителя церковной верхушки гораздо существеннее, чем того же библиотекаря. Хотя и имеющего определенные и достаточно серьёзные полномочия. Отец Тук знает больше. Самое смешное, что брат Маркус тоже не вчера родился и понимает, что проигрывает епископу. При этом ему ничто не мешает пустить в ход более тяжёлую артиллерию. И он определённо воспользуется этим шансом. Как быть в этом случае мне? Вопросов все больше, а ответа ни одного. Все как обычно.

– Ты узнал все, что хотел? – вяло поинтересовался брат Маркус. Видимо, на рассказ у него ушло много сил.

– Наверное, – я пожал плечами. – Спасибо за уделенное время. Вы очень хороший рассказчик!

Последнее было сказано искренне.

– Ну а ты-то зачем нужен епископу? – вопрос влетел мне в спину, разбившись на тысячу блестящих осколков. Что ж ты не угомонишься-то?! Понятно, что все неизвестное не дает ему ни капли покоя, но зачем быть таким занудой?

– Не знаю, – я повернулся, чтобы встретить холодный расчетливый взгляд. Да они все тут убийцы по совместительству

что ли? – Мне не сказали.

– Не ври мне, мальчик, – в голосе монаха прозвучала нешуточная угроза.

Тут я пожалел, что Оррик остался где-то там с пивом. История повторяется – здесь он бы мне очень пригодился. И почему так всегда происходит? Сейчас братец возьмёт да и достанет из широких штанин... Я как в воду глядел, монах отодвинул стул и, порывшись за спиной, извлек оттуда узкое, тонкое лезвие. Но мне-то и такого достаточно.

– Советую все рассказать, – улыбнулся брат Маркус, нож он держал лезвием вниз, но не думаю, что это как-то ему помешает.

– Все, что знал, я сказал, – мне тоже не резон сидеть дожидаться, пока меня порежут на ломтики. К тому же не думаю, что этот карапуз осмелится меня убить, но мне-то не хотелось, чтобы меня вообще касались. Надо же, от уголовников ушел, а в церкви сплоховал.

Бросив стул монаху под ноги, я дождался, пока он об него споткнется и встал так, чтобы нас снова разделял стол. К счастью, конструкция этого предмета интерьера не предполагала частые переносы. На глазок, деревянные фасады выглядели настолько массивными, что вряд ли его перемещением можно было заниматься меньше, чем вчетвером.

Монах наконец прекратил бороться с ножками стула и бодро вскочил. Я с удовлетворением заметил, как он потирает ушибленный бок. Значит, на сей раз мне попался не

опытный боевик, а человек с инициативой. Уже проще. Как же мне выпутаться из ситуации?

И тут я вспомнил. Еще после первой встречи с бандитствующими элементами Оррик отозвал меня в сторону и, оглядевшись по сторонам, вложил мне в руку знак, в точности повторяющий фибулу у него на плече. Три пересекающихся круга с тремя мечами, перекрещенными в центре – знак Инквизитора.

– Вот что, парень, – сказал он, – по головке меня за это не погладят, но с твоей способностью влипнуть в скверные ситуации этот знак может однажды спасти тебе жизнь. Девяносто восемь из ста сочтут за лучшее оставить тебя в покое, если ты покажешь им это. С инквизитором не будут связываться. Но в двух случаях знак лишь усугубит твое положение. Во-первых, если ты будешь один, и о твоей смерти никто не узнает, а во-вторых, если они специально ищут смерти инквизитора. Правда, советую воспользоваться им только в крайнем случае, когда других способов не останется.

Интересно, может текущий момент считаться тем самым крайним случаем? Ну а какой тогда? Я полез в кошелёк, куда убрал знак, как только мне его вручили. Сейчас мы посмотрим на страшную силу этого амулета.

Брат Маркус тем временем полностью пришёл в себя и, облокотившись на стол, злобно на меня позыркивал, прикидывая способы поскорее до меня добраться.

– Тебе не жить, парень, – выплюнул он. – Тебя четвертуют

или сожгут, уж я об этом позабочусь. Тебя...

Очередную угрозу монаха прервал громкий стук в дверь.

– Есть кто живой? – взревел за стенкой голос Оррика, и я с радостью завопил в ответ.

– Я тут! – не дожидаясь реакции брата Маркуса, я бросился к дверям. – Не заперто!

К моему счастью, то ли двери изнутри не запирались, то ли монах посчитал излишним закрываться на ключ. За стеной молодецки хекнуло, и дверь распахнулась настежь, открыв теперь уже моему телохранителю всю картину разом. Надо отдать ему должное, он мгновенно сообразил, что происходит, и от него повеяло ощутимой угрозой. Брат Маркус как будто уменьшился в размерах – надо же, как повернулось дело, доброго инквизитора мы не боимся, а с разъяренным связываться не желаем.

– Беседуем, значит, – ласково произнёс Оррик, обгладывая округлую фигуру монаха взглядом. Тот вздрогнул и совершенно безумными глазами уставился на нож в своей руке, как будто тот превратился в ядовитую змею.

Все, на что его хватило, оказался слабый кивок.

– И как? – с веселой злостью поинтересовался у меня Оррик. – Ты узнал все, что нужно?

– Практически, – до меня наконец-то добралось понимание того, что все благополучно закончилось. Ноги стали ватные, в голове зашумело. На подгибающихся ногах я вышел из помещения с глупой улыбкой на лице, но мне было все

равно.

Оррик отсутствовал минут пятнадцать, стоять я толком не мог, поэтому изображал временную подпорку стены. О чём уж там они говорили, не было слышно, дверь инквизитор предусмотрительно прикрыл, остановив меня взглядом.

Толстые деревянные створки не пропускали никаких звуков. Нужно обладать пудовыми кулаками Оррика и его голосом, чтобы вот так играючи пробиться сквозь эту преграду.

По идее, сейчас бы обдумать рассказ монаха, но мысли разбежались, как тараканы. Хотелось посидеть в покое, тем более впечатления от рассказа никуда не пропали, несмотря на все пережитое.

Наконец появился Оррик. Был он мрачен, и на мой глупый мальчишеский вопрос: «ну как?» ничего не ответил. Видимо, и бывалому инквизитору дали отпор. Игра шла не в одни ворота.

– Надо выбираться, – он разлепил губы и довольно быстро принялся осуществлять сказанное. Мне с моими кривыми ножками за ним точно не поспеть. Я могу долго ходить, уже убедился в этом, но темп передвижения оставляет желать лучшего. Наконец, инквизитор, пыхтевший, как паровоз, впереди и сам заметил, что ушёл далеко вперёд. Хорошо ещё, что тут дорога подсвечивалась, иначе где-нибудь обязательно не там свернешь, и поминай, как звали.

– Чего так медленно? – рыкнул он, дождавшись пока я до него доковыляю.

– Ну извини, – выдохнул я, опираясь рукой на стену. – Здоровьем не вышел.

Оррик некоторое время мрачно смотрел, как я пытаюсь проглотить ещё один кусочек воздуха. Наконец он вздохнул и отвернулся.

– Не отставай, – бросил он, но теперь двигался гораздо медленнее и то и дело оглядывался.

К моему немалому облегчению, нарезать немыслимое количество ступенек вверх оказалось не обязательно. Мы свернули где-то в самом конце пути, так и не добравшись до той, самой первой двери, отсекающей архив людей от остального гномьего царства.

Кстати, за все время пребывания мне на глаза так и не попало ни одной книги или рукописи. Даже пустых стеллажей не было видно. Секретность или невезение? Мне так хотелось подержать в руках древние фолианты, осторожно переворачивая ветхие от времени листы книг. Есть ли в них картинки? Какой шрифт? Впрочем, про шрифт я, конечно, загнул. Все, что я до сих пор знаю, – это одна буква и цифры, как они были изображены на часах Оррика. Не факт, что мне было бы под силу разобрать их в книге.

Надо учить грамоту! Если наука обращения с мечом не светит, магического во мне ни на грамм, остаётся работать головой. Как это ни банально звучит.

Оставив основной путь, мы снова оказались в темноте.

Только я упросил Оррика сделать факел и мне. Никогда не думал, что страх перед темнотой будет настолько выбивать меня из равновесия. Хотя одна темнота, возможно, и не пугала меня настолько, однако вкупе с замкнутым пространством и отсутствием знания обратной дороги поднимала в глубине души такие страхи, что я был готов на что угодно, лишь бы добыть себе хоть чуточку света.

Оррик хмыкнул, но послушно зажег ещё один факел.

Видимо, мне настолько сильно хотелось поскорее оказаться как можно дальше от мрачных, темных подземных залов, созданных в незапамятные времена гномами, что обратный путь я совсем не запомнил. Какие-то коридоры, какие-то повороты, я держался за инквизитором, как старая собака за своим хозяином на прогулке.

И даже мое появление на свет почти не запомнилось. Сначала мы оказались в крохотном помещении прямоугольной формы, затем Оррик что-то сделал с выступом справа от проема и каменная дверь, сопровождаемая звуками льющейся за стеной воды, медленно поползла вверх. С каждым сантиметром светлой полосы снизу мой организм оживал все больше. Когда створка поднялась сантиметров на сорок, я, не раздумывая, метнулся вниз, чтобы как можно скорее оказаться за пределами подземного мира.

– Ты куда?! Стой! – донесся до меня запоздалый крик Оррика, но меня было не остановить. Моя душа рвалась нару-

жу.

Рыбкой юркнув в открывшуюся щель, я перекатом ушел в сторону, сильно ударившись спиной во время исполнения последнего трюка. Подзабыл я уже про свою горе-анатомию. Боль немного привела меня в чувство, но зеленый ковер перед глазами по чудодейственности не мог сравниться ни с чем.

Охая больше для порядка, я приподнялся на одно колено. В полутора метрах от моего лица замерли инквизиторские ноги, обутые в так нелюбимые мной мокасины, а секунду спустя присел он сам.

– Чудак-человек, – Оррик покачал головой, наблюдая, как плита толщиной сантиметров сорок взбирается по направляющим все выше. – Подождать не мог? А если бы...

С гулким бум-м-м, от которого вздрогнула земля под ногами, многотонная дверь захлопнулась, обдав меня каменным крошечком и целой тучей пыли. Несколько секунд я ошалело сидел, уткнувшись лицом в каменную плиту, рухнувшую в нескольких сантиметрах от моего носа, а затем повалился на землю от хохота.

Меня скрутило, я схватился руками за живот, сотрясаясь в приступах смеха. В конце концов мне стало нечем дышать, но волны веселья накатывали снова и снова. Едва успокоившись, я начинал смеяться снова, правда, уже без слез и всхлипов.

Оррик остался внутри, а я снаружи. И никаких тебе тыся-

чи ступеней Шаолиня. Если у кого-то и было желание снова прогуляться по бесконечной спирали, закручивающейся до гномьего убежища, то точно не у меня. А инквизитору прогулка наверх пойдёт на пользу. Выпустит пар, нагуляет аппетит. Представляю, как он изрыгает проклятья и дёргает снова и снова за злосчастный рычаг. Скала даже и не думала двигаться с места, а разъяренного инквизитора даже с его трубным голосом с легкостью останавливала полуметровая каменная перегородка.

В какой-то мере происшествие может даже пойти на пользу. Не думаю, что подземный ход увел нас совсем далеко от города. Скорее всего, выход где-то у подножия холма, на котором стоит Рогон. И, если одним краем черта города сползает с холма, то я сейчас с противоположной стороны. Полчаса до ворот быстрым шагом, даже если учитывать мой, урезанный аллюр. Нужно ли торопиться, чтобы успеть к их закрытию или уже как повезёт?

С одной стороны, солнце почти садится. Вон как стемнело. Хотя отправились вниз мы едва минуло полдень. Это же сколько мы торчали под землёй? С другой, и бог с ними, с воротами, что я в поле не переночую? Тем более не голышом, а при параде. Ночи здесь теплые, дождя вроде не ожидается, так что не проблема. Нет больше того городского парня Александра, а остался Иан, которого и пытали, и гоняли, и убивали. Что ему переночевать под открытым небом?

Вопрос в другом. Если со мной носятся, как с писаной

торбой, то, стоит Оррику выбраться из подземного города одному, поднимется нешуточный переполох. И моему спутнику, с которым у меня только-только начали налаживаться отношения, опять влетит по первое число. И накажут его из-за меня, а это уже становится традицией. А кому охота получать шишки за других? Значит, непременно нужно оказаться в городе до его появления.

Прикинуть, сколько у него займёт времени на обратную дорогу, не так уж сложно. Зная его характер и обидчивую натуру, можно предположить, что минут пятнадцать инквизитор точно провозится со сломанным механизмом. Или пока не оторвет его окончательно. Затем те же пятнадцать минут на возвращение к центральному ходу подземного хранилища. Еще столько же, чтобы найти брата Маркуса. А вдруг есть ещё один выход? Никому неохота совершать восхождение на Эльбрус, даже по ступенькам! Тридцать минут, положим, они будут договариваться. Естественно, на повышенных тонах и используя ненормативную лексику. Куда же деваться? Оба только что избавились от ненавистных собеседников, и на тебе! Кому понравится повторная встреча, если при первой успели наговорить друг другу кучу любезностей. А если не успели, то обязательно восполнят пробелы. Формально обоим торопиться-то некуда.

Если другой дороги нет, а, я полагаю, что, даже если и есть, инквизитору ее не видать, как своих ушей, Оррику придётся потратить ещё минимум минут десять на путь до лест-

ницы. А там уж все зависит от его кондиций и желания поскорее до меня добраться.

Дальше я пока не придумал, но на круг выходило никак не меньше часа, в котором тут было аж целых сто минут. Вот тоже, как привыкнуть к новым измерениям времени? Да у нас с молоком матери впиталось, что час – это шестьдесят минут, а тут приходится останавливаться, думать, сколько же это по-местному? А, к примеру, про минуту Оррик внятно мне рассказать так и не смог. И как ее измерить? До скольких сосчитать?

Местного часа не хватит, чтобы добежать до канадской границы, но вот пораскинуть мозгами мне этого времени должно хватить. Тем более думать и шагать можно одновременно.

С этими мыслями, я подхватился с земли, и, кое-как приведя свой наряд в божеский вид, отправился на поиски ворот. Выход из подземелья был спрятан среди нагромождения ползаросших травой громадных камней, делающих проезд через них на любом транспорте практически непреодолимой задачей. Думаю, строители специально оставили эту преграду, чтобы в один прекрасный момент здесь не проложили дорогу. Поэтому какое-то время я пробирался через заросли кустарника, которые, как я думаю, обычно и обживают подобные места.

Метров через двести я получил наглядное подтверждение, выбравшись на довольно неплохую грунтовую дорогу,

которая огибала непроходимое место, делая изрядную петлю. На этот раз прятаться не имело смысла, а прибавить скорость утоптанная земля помогла изрядно. К тому же теперь можно было включать автопилот и подумать, что делать дальше.

Что я узнал от мудреца, который на деле оказался тем еще лиходеем? Фактически я стал обладателем красивой легенды о доисторических событиях, которые происходили так давно, что об этом никто не помнит. Скажем так, почти никто. Их держат в уме церковники, потому что кто-то особенно мнительный подметил загадочное совпадение явлений. Но так ли это на самом деле, никто не знает. Вряд ли события, происходившие четыре тысячи лет назад, задокументированы и запротоколированы настолько, что этим сведениям стоит доверять.

Между тем именно те люди, которые, по идее, должны бороться с легендами и суевериями, относятся к сказкам более чем серьёзно. Взять хотя бы того же отца Тука. Серьёзный дедушка, не моргнув глазом, может отправить на костер ребёнка. Епископ. Инквизитор, которого, по слухам, абы куда не посылают, явно придает особое значение сказкам о событиях, которые якобы повторяются каждые две тысячи лет. И хочется назвать теорию бредом, да чувство самосохранения не велит.

И что прикажете делать? Сказать деду морозу, что его не существует? Что переселения душ нет, потому что я в них

не верю? Сильно мне это помогло месяца три-четыре назад. Почему бы ни предположить, что каждый мир живёт по своим законам? Тогда вроде как все встает на свои места. И почему бы среди нагромождения прочих невероятных для меня вещей не быть и подобному циклу.

Если же пойти дальше и предположить, что катастрофа мало того, что вполне реальна, так ещё и вот-вот случится, становится не по себе. Угодить прямиком в гражданскую войну со всеми ее прелестями – такую перспективу врагу не пожелаешь. А какие шансы пережить подобное у недочеловека, подобного тому, кем я сейчас являюсь? Мизерные! Микроскопические! Ну и что, что я неожиданно для себя выдерживаю пытки? Обалденная перспектива!

Значит, нужно обрести то, что повысит степень выживаемости, даст шанс пережить испытания.

Бог или кто-то другой дал мне инструмент для реализации моего плана. И пусть пока никакого плана ещё нет, мне нужно максимально сконцентрироваться на развитии имеющихся навыков. А насчёт возможности выживания все просто – ещё мой отец любил повторять: один в поле не воин. Так что, существует реальная опасность повторения событий двухтысячелетней давности или нет, моя первоочередная задача – встретить ее не в одиночку.

Дорога – замечательное изобретение древних, когда тебе не нужно прятаться или убегать от погони. Прятаться на до-

роге бессмысленно, а убежать не всегда получается – в любом фильме вам расскажут: у тех, кто догоняет, транспорт быстрее по умолчанию. А если ты честный человек и тебе нечего скрывать, иди и иди себе на здоровье, да раскланивайся со всеми встречными. Во всяком случае я так и делал, правда, ограничившись вежливыми наклонами головы. Эх-х, была бы у меня шляпа! Представьте: идешь ты по улице и слегка приподнимаешь полу шляпы в знак приветствия. Красота!

Хорошее настроение дало ощутимый сбой, когда из ворот, до которых оставалось рукой подать, выметнулся Оррик на здоровенном белом коне. Вслед ему неслись проклятия стражников, которые едва успели разбежаться с его дороги. Несколько возниц, ожидающих своей очереди для проезда в город, проводили удивленными взглядами бешено настегивающего своего коня инквизитора.

Я как раз стоял у обочины и думал, окликнуть ли мне Оррика или не стоит, как тот белым сполохом проскочил мимо, обдав меня конским духом. Мне удалось только помахать ему в спину, как будто у коня есть зеркало заднего вида. Несколько секунд спустя ничего не происходило, а потом жизнь вернулась в прежнее русло. Возницы ругались на лошадей, крестьяне, толпившиеся у ворот, – друг на друга, а взбаламученная стража на всех сразу. Откуда-то из города чья-то луженая глотка возвещала о скором закрытии врат и требовала от всех, чтобы они пошевеливались.

Я стоял и смотрел вслед исчезнувшему за поворотом Ор-

рику и не знал, что мне делать. Идти за ним? Или подождать здесь? А может, сразу наведаться в трактир и ждать с комфортом? Нет, так делать точно не стоит. Нужно идти, так, глядишь, и не обидится вовсе.

Стоило мне сделать всего один шаг обратно, как из-за поворота раздался дробный стук копыт. Спустя несколько секунд следом за звуком показался и сам всадник. Оррик, а это был он, на слегка гарцующем коне подъехал ко мне и, словно акробат, ловко соскочил с седла.

– Скажи мне, остолоп, – меня встряхнули, словно половую тряпку, – каким образом у тебя так получается?! – зубы ещё раз клацнули, мир пошел полосками, я почувствовал, что сейчас уйду в гиперпрыжок. – Всем известно, что механизмы гномов не ломаются!

Мне кажется, что при желании Оррик без всяких усилий мог потрясти и своего коня. Чего уж говорить про меня?

– Оррик! – завопил наконец я. Его лицо замерло напротив моего.

– Чего? – меня поставили на место. Краем глаза я заметил, что движение у ворот снова застопорилось. Крестьяне, извозчики и даже стража высыпали за ворота, чтобы понаблюдать за бесплатным представлением. Из-за полузакрытых ворот стоял крик и слышались призывы к порядку.

– Давай не здесь, а? – теперь и Оррик заметил, что мы привлекаем слишком много внимания.

Он отодвинул меня в сторону и сделал шаг вперёд, по-

правляя фибулу на плече. Это простое действие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Телеги опять заскрипели, крестьяне разбежались, будто их и не было. Стража, возбужденно покрикивая, растаскивала образовавшуюся пробку.

– Пива? – шепнул я. – Заодно и выскажешь мне свои претензии.

– Да уж выскажу, – Оррик потрепал коня по холке. – От Бешеной Берты неприятностей было меньше.

Инструкции инструкциями, а стражи порядка так и не решились закрыть ворота перед нашим носом. Оррик не стал качать права, и в город мы попали одними из последних, отстояв очередь. Да остальных и пропустили только потому, что за ними с недовольной миной топтался бугай-инквизитор. Охрана ворот почти не смотрела на крестьян, лишь бы как можно быстрее избавиться от неприятных гостей. Хотя какие же мы гости?

– Какой сегодня выдался насыщенный день, – пробормотал я, наблюдая, как инквизитор размахивает руками перед лицом монаха, опирающегося на копье. Ребята из монастыря оказались гораздо щепетильнее обычных городских стражников, и Оррик уже минут десять препирался с одним из монахов, требуя пропустить его на территорию. Впрочем, монах оказался не лыком шит, и лишь крепче держался за древко.

Нешуточные баталии были прерваны появлением еще од-

ного монаха. Подкрепление успело вовремя, и теперь уже Оррику пришлось несладко. Двое в рясах наседали на инквизитора, как два бойцовых петуха на циркового медведя: вроде и делов-то одной лапой махнуть, да нельзя – свои!

Но вот они втроём все-таки до чего-то договорились. Первый монах принял поводья коня и увел его внутрь, а второй в это время что-то строго выговаривал понурившемуся здоровяку. Прямо-таки картина про двойку. Но всему хорошему приходит конец, и нравоучения для Оррика тоже закончились. Он что-то смиренно ответил монаху и направился в мою сторону.

– Что, – ехидно заметил я, – гулять не пускают?

– Отец Троби – зануда и буквоед, – отмахнулся Оррик. – Его любимое занятие – делать из мухи слона. Подумаешь, пару раз опоздал к закрытию врат. Что я нарочно что ли?

В итоге у Оррика забрали коня, а нас обоих выставили за дверь. Впрочем, сейчас нас это вполне устраивало. Дальнейшая беседа шла уже под прохладительные напитки и соответствующую закуску.

– Как ты стал инквизитором? – я время от времени бросал взгляды на ауру Оррика, зеленую, как столетний английский газон, и прекрасно понимал, что его настроение связано только с времяпрепровождением. Интересно, а можно с помощью моего дара определить, когда обыкновенная взаимная приязнь станет дружбой? И как это сделать: по цвету, по форме или ещё каким образом?

Мое любопытство мгновенно отразилось на ауре, зелёный цвет немедленно потемнел и ушел в коричнево-серый фон, Оррик враз помрачнел и усталился в глиняную чашку, в которой мог бы утонуть даже дядя Гена, известный в моей семье любитель хмельного напитка. Очевидно, мой собеседник не слишком любит вспоминать эту историю.

– Я сам родом из Гронга, северной его части, – Оррик сделал большой глоток и с грохотом поставил пиво на стол. – Мой отец был кузнецом в селе. Уважаемый человек, дом чуть меньше, чем у старосты. Но нам не завидовали, отец никогда не отказывал в помощи.

Было заметно, что инквизитор с трудом подбирает слова. Вряд ли события произошли недавно, но есть вещи, которые не перестают кровоточить.

– Кузню отец отстраивал на самом краю села – не всем приходится по душе работа с металлом, – взгляд Оррика затуманился, как бывает, когда пытаешься вспомнить события давних лет. – Там мы и стучали дни напролёт. Мать с младшей сестрой частенько бегали к нам с обедом, – он вздохнул, приподнялся, подзывая мальчишку, который периодически бегал ему за пивом. – Слухи о нашествии оборотней на наше село застали меня в горode. Отец уже не ездил за ломом сам, доверял это дело мне. От инквизиторов, возвращавшихся после стычки, я узнал, что селу повезло. Часть стаи оказалась совсем неопытной, они упустили девочку, которая видела стаю, а в наших краях даже ребёнок знает, что

делать в таких случаях. Первый натиск отбили, а там уже наш брат подоспел с подмогой и не постеснялся ударить нечисти в спину. Мало кто ушел. Перебили почти всю стаю. Сгорела только кузня на отшибе и чей-то сарай, – Оррик помолчал, перед тем как опорожнить кружку. – Поговаривали, отец с матерью отбивались до последнего, защищая собой маленькую девочку.

– Сестра спаслась? – спросил я, видя, что Оррик не хочет говорить дальше.

Инквизитор поднял на меня взгляд, и я поежился – столько ненависти и боли выплеснулось оттуда.

– Они не убивают детей, а превращают в себе подобных, – глухо произнес он. – Илли потом вернулась в село, и ей пришлось отрубить голову, потому что она едва не убила троих, пока ее ловили, – он посмотрел мне в глаза. – Я сам это сделал, а потом ушёл записываться в инквизицию.

Я покачал головой и похлопал Оррика по руке. А что говорить? Иной раз жесты гораздо выразительнее слов.

Мы помолчали.

– А как же кузница, дом?

– Средненький братец всегда лучше меня чувствовал металл, а сестрицы, те и подавно своего не упустят, – Оррик крикнул, недовольно оглядывая зал. – Ну, где этот сорванец? Фрод хоть и прижимистая сволочь, но не оставлял гостей с засыхающим горлом.

Невеселая история, ничего не скажешь, но типичная для

подобных поступков. Мечь гораздо чаще направляет нашу дорогу, чем дружба или любовь. Не скажу такого о своем прежнем мире, но здесь, где все не так перепутано, наверное, такие вещи – обыденность.

Оррик хмуро проводил мальчика взглядом, тот с робкой улыбкой нес ему пиво. На мой взгляд, Оррик слегка преувеличивал. Трактир в вечернее время не пустовал, и, хоть для нас тут же нашлись лучшие места, для прочих желающих промочить горло ожидание свободной скамейки затягивалось. Нам, помимо целого стола на четверых, хозяин с барского плеча выделил отдельного паренька, который прислуживал только нам двоим и еще паре столов. Если быть точным, он занимался челночным бегом от нашего стола и до стойки с пивом, едва справляясь с производительностью инквизитора.

– Ну а ты? – брякнул вдруг Оррик, к которому возвращалось благодушное настроение. – Какими ветрами у нас?

Чтобы не показывать растерянность, я уткнулся в свою кружку. Хорошего вина в забегаловке не было, как в общем и плохого, а отвратительное пить не хотелось. Но дело-то в другом: что мне ему ответить? Правду? Соврать? Врать тоже надо уметь, а в прошлой жизни мне врать доводилось не часто. По-мелочи, конечно, сплошь и рядом, но так делают все: я тебе позвоню; сегодня не могу, давай встретимся позже; я замолвлю за тебя словечко. Конечно, кто-то даже звонит или поднимает одно место и принимает участие в жиз-

ни другого. Но в абсолютном большинстве случаев тебя так вежливо посылают. И ты это понимаешь, и посылающие это понимают. И приличия вроде как соблюдены.

А целенаправленная ложь – не мой конек. Вот промолчать или не заметить – это ко мне. Каюсь, мог себе позволить. А тут? Что сказать Оррику? Или промолчать?

К счастью, как и большинство людей, Оррик за время моих раздумий успел сам себе все объяснить.

– Не хочешь, не говори, – хлопнул он меня по плечу. – Среди нас таких много: все, что было до трех мечей, никого не касается! Если ты не насильник и не черный колдун, – задумчиво протянул инквизитор, окинув меня профессиональным взглядом. Аура пошла кругами, как будто в озеро бросили камень, но очень скоро все затянуло легкой зеленью, я заметил, что мой собеседник довольно отходчивый человек, хоть и молчун, когда под рукой нет кружки с пивом.

– К епископу надумал идти? – перевел тему Оррик. – Мне Харальд все уши прожужжал.

Тоже хороший вопрос. По идее, все, что хотел, я уже услышал. Да и мой переводчик больше не вышибало при появлении большого количества специфических слов. То ли донстроился, то ли перешел на следующий уровень. К тому же и с речью у меня теперь более-менее – на филолога не поступить, но спросить, как пройти в библиотеку, я смогу. Нужно ли ждать ещё два дня, если от ожидания не будет толку?

– Если честно, пока не решил.

Глава 12

Да все я решил. Чего самому себе врать? Надо идти к епископу в ближайшее время. Воду в ступе можно толочь до бесконечности, а мне нужна определенность.

Чем больше я об этом деле думаю, тем меньше понимаю, каким здесь я боком. Ну допустим, что весь сыр-бор начал Темный Властелин, о котором, попрошу заметить, в предании ни слова. Кем могу оказаться я в скором замесе? Самим Темным? Зеркала у меня тут пока не было, но я и без него знаю, что на эту роль меня не стали бы не то, что смотреть, а даже не пустили в автобус, который везет претендентов на кастинг. Хотя горб и может дать несколько очков в мою пользу. А что могут дать кривые ноги разной длины? И главное, мне сейчас семнадцать. Кстати, а откуда я так уверен, что это мой физиологический возраст? Ладно, об этом лучше потом.

По вышеперечисленным причинам мне вряд ли суждено стать даже правой рукой Тёмного Властелина, как, впрочем, и его левой ногой. На кой ему такие помощники?

Кто еще остаётся? Пока вакантны места с противоположной стороны. И вроде бы дело света мне импонирует больше, но и тут есть неувязка. Если предположить, что я найду идиотов, которые отыщут меч-кладенец, а потом передадут его мне, их чаяниям не суждено сбыться. Потому что герой не сможет срубить башку черной гадине – оружие для его то-

леньких ручек слишком тяжелое. Не поднимется у него рука, чисто физически. Такая вот история с географией.

А кому там еще может хромой горбун понадобится? Бабе Яге? Разве что на жаркое.

С такими забавными мыслями я стоял перед дверью епископа Тука, одного из столпов инквизиции, и нервно переминался с ноги на ногу. Может, его нет сейчас? Постою, подумаю, да и...

– Ну, кто там такой скромный? – отнюдь не старческий голос резанул по ушам через полузакрытую дверь. И это он ещё не орал, а спрашивал. Это профессиональное что ли?

Я толкнул дверь рукой, а потом приналег плечом. Это сейфовое хранилище оборудовано дверью не для моих кондиций. Кто вообще додумался установить в кабинет такую штуковину? И ещё более интересный вопрос: как они ухитрились это сделать? На них работают огры или на заднем дворе припрятан подъемный кран?

Наконец мне удалось расширить щель для приемлемых размеров и протиснуться в кабинет.

– Темный Властелин по вашему приказанию прибыл, – не удержался от шпильки я, сразу запуская сканирование пространства над головой старичка. И был немало огорошен вишнегретом из цветов, переливающимися над инквизитором. Чего там только не было: и страх, и ожидание, и раздражение, и злость. Не хватало красного и зеленого, то есть с любовью и хорошим расположением духа у старика были явные пробле-

мы. Чего я уж совсем не ожидал увидеть, так это страха: отец Тук боялся, но что именно его так напугало, что в ауре оказалось полным полно белого цвета, мне, естественно, было невдомёк. Ну не меня же в самом деле – это уж точно вздор.

– Все шутишь, – проскрипел он, сгорбившись, и словно потерял пару десятков лет. Или нашел, это с какой стороны посмотреть. – Мне тут продолжают докладывать о твоих приключениях. Не надоело?

– Она сама упала, – начал оправдываться я и сразу заметил, как брови епископа поползли вверх. Значит, Оррик держал рот на замке. Превосходно!

– Ну-ка, ну-ка, – оживился отец Тук, жестом велел мне продолжать. – Кто там у тебя упал?

– Дверь, – обречённо произнес я, посылая проклятия на свою голову и язык, который бежал впереди головы.

Епископ устроился на своем насесте, всем видом демонстрируя сосредоточенное внимание. Пришлось рассказывать от начала и до конца. Рассказ вышел длинным и максимально запутанным, с изрядным количеством междометий, собственных размышлений и эмоциональных «а я» и «а он». Под конец я чуть было уже сам ни запутался.

– А дверь? – напомнил мне дотошный старик. И не забыл ведь! Конечно, я пересказал не весь поход в подземелье, а основные вехи, но не забыл упомянуть и о героических действиях напарника, фактически вырвавшего меня из лап фанатика.

– Ты с фанатиками-то поосторожнее, – попросил отец Тук с елейной улыбкой. – Думай хоть иногда, что говоришь, – он потрогал свою рясу, разгладил воротник. – Все мы в каком-то роде фанатики. Своего дела.

Когда мой рассказ привел нас в таверну, епископ сморщился.

– Оставь ваши попойки настоятелю. Он любит копаться в грязном белье, – удивительно, но из его ауры полностью пропали следы страха и злости. Как будто отец Тук убедился, что я действительно не являюсь сосредоточением зла. А что, мог? – Что прикрываешь этого балбеса и пьяницу, молодец, потом на двоих получите наказание, будет в два раза меньше на каждого.

Я стоически перенес приговор, ожидая продолжения.

– То, что у тебя с головой не все в порядке, это и так понятно было, правда не настолько. А вдруг там иллюзия леса была, а на самом деле колья на дне ямы забиты?

Я представил себе перспективу и меня аж передернуло. Действительно, не подумал.

– Но не было же такого, – упрямо сказал я. Ну не признаваться же в том, что баран?

Отец Тук словно бы ждал, когда я выпущу иглы, и тут же прибил ежика доской.

– А если бы дверь упала чуть раньше? Кому стало бы легче? – вот прямо ненавижу, когда кто-то прав и еще тебя по столу мордой возит, приговаривая, «я же говорил». Прибить

хочется, ей-богу.

Мне больше не острилось. Куда с таким динозавром тягаться? Зато я знаю, что они все вымерли!

– Ладно, Оррик, конечно, молодец, что тебя от неминуемой смерти там внизу спас, но, между нами, ничего бы тебе брат Маркус не сделал. Ну покрутил своим ножиком, поорал бы. Работа у него такая – все знать и своему хозяину рассказывать. А тут, вот ведь незадача, знает много, но главного выяснить не может. Его сюда ведь не просто так отправили, а так, глядишь, могут и оставить на более продолжительный срок. Нерадивые помощники никому не нужны.

Лекция на тему «служи мне и будет все у тебя хорошо» была подана со знанием дела, не придраться. Я уже захотел ему служить, потому что в противном случае там внизу места и на двоих хватит. Я вспомнил Оррика и предстоящее наказание – трое в хранилище тоже поместятся без труда. Только мне уже лучше им обоим на глаза не попадаться. Это сейчас брат Маркус только пугает, а, если мы обоснуемся там надолго, может и пустить его в ход – борьба за территорию, то-сё. Про Оррика я вообще молчу.

– Проникся, – заявил я, злясь на себя за то, что всего за три месяца твердость и дерзость начинают терять очертания в моем характере. – Не хочу в библиотеку, там крысы и проблемы с дверями.

Епископ удивлённо на меня посмотрел, а затем понимающе усмехнулся.

– Сообразительный дурачок, – занятная комбинация, – он кивнул на кресло напротив его стола. – Садись, разговор будет долгим.

Я воспользовался приглашением, лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять. Да и ощущение ученика и учителя мне не слишком по вкусу.

– Верить или нет, но первый раз за долгие годы не знаю, с чего начать, – пожаловался мне епископ. – Вроде в руках все кусочки мозаики, а никак не складывается.

Он потер подлокотники и рывком поднялся из кресла. Слишком бодро для скрипучего старика, так что с порохом у отца Тука все в порядке. Меня переживет. Кстати, это вообще не фигура речи, кто знает, чем закончится наша беседа.

– Ладно, – он потер ладонями, – начну, с того, что вы с Вордо заварили такую кашу, что мне сложно ее с чем-то сравнить. Рядовая в общем-то операция двух недружественных государств превратилась в форменную вакханалию. Признаться, у Вордо всегда был особый нюх на неожиданные ходы. Он мог одним финтом обратить поражение в победу, а ошибка становилась чуть ли не специально запланированным обманым трюком. Но здесь он просто превзошел себя самого.

Ты, конечно, не в курсе, но у эльфов бытует поверье, что лишенный головы эльф теряет возможность отправиться в лесные чертоги после своей смерти. Так что с одной стороны он вроде бы скрыл след твоей ауры, а с другой одним махом

пустил по твоим следам всех эльфов в Арли. И темных, и светлых. Это они между собой грызутся, аж перья летят, но ни дай бог между ними встанет чужак. Считай, что ты своими действиями не только встал, но и заехал и тем, и другим по ягодицам, а потом еще и оттаскал за ухо. Причём, сделал это прилюдно.

Я сглотнул. Видя мою реакцию, отец Тук, остановил меня жестом.

– Думаешь, все? Это пока только прелюдия, – инквизитор зловеще усмехнулся. – Тут вам повезло во второй раз, и в здешних краях оказался ещё один юный прохиндей, который захотел выслужиться перед своими и показать, что тоже кое-что может. Уж не знаю, о чем он там думал, но явно был крайне высокого мнения о своем умении владения оружием. Наверняка решил, что в состоянии справиться с любым противником самостоятельно, а не ждать подмогу. Ну, конечно, зачем же делиться славой с остальными?

Но тут наш ушастый друг не рассчитал, и нашла коса на камень. Я знаю всего пятерых на всем белом свете, кто мог бы поспорить с Вордо во владении мечом, но вашу беду нашелся шестой. И этот шестой оказался младшим сыном одного из князей Светлого Леса. Чуешь высоту своего полёта? И именно ему ты снес башку. При этом простого оскорбления тебе показалось мало, и ты сделал это его собственным оружием. Я вообще с трудом представляю, чем можно усугубить уже содеянное.

Нет, меня уже давно проняло, но добивать-то зачем?

– И что теперь делать? – как пацан, который разбил стекло мячом в доме местного хулигана, спросил я.

– Ты ещё скажи, что не нарочно! – рывкнул епископ. – Если бы это было все, отдали бы тебя эльфам и дело с концом. Но веселье только начинается, – похоже, отец Тук действительно слегка перенервничал. Я вот уже не слегка. Интересно, что я такого успел наворотить еще, чтобы его так распирало?

– Светлый Лес, – продолжил инквизитор вбивать гвозди в крышку, – подал официальный запрос в Совет Кардиналов о присвоении делу статуса экстерриториальности. Это означает, что преступника, если узнают, что он сбежал, будут преследовать, где бы он ни находился.

В довершение твоих подвигов в это захолустье пожалует лично князь Аэлэрэль. Он занимается тем, что блюдет честь эльфийских домов. Надо говорить, каким способом? Я его немного знаю, приходилось работать вместе. Тот еще сукин сын.

У Совета не было выбора, кроме как позволить ему провести свое собственное расследование. К сожалению, у длинноухих действительно имеется такое право, чем они и воспользовались.

– Можно я повешусь, – жалобным голосом спросил я.

– Нельзя, – отрубил отец Тук, – ты заварил эту кашу, тебе и расхлёбывать. Ну или с твоей помощью.

Я обречённо вздохнул. И зачем была вся эта возня? Дали подышать перед смертью?

– Мы только подошли к самому главному, – отец Тук снова устроился напротив, поглядывая на меня со злорадным удовлетворением. – Не все так страшно, как кажется на первый взгляд. Не паникуй раньше времени.

Ему легко говорить! А тут ходишь, говорить учишься, одежду подбираешь, планы какие-никакие строишь, а все это оказывается не более, чем мышьяная возня. Ты ничего не подозреваешь, а дом твой по чертежам давно снесли, город закрыли. Просто до экскаватора руки пока не дошли, но маховик раскручивается, водителю уже выдали предписание и скоро на лужайке затарахтит моторчик бездушной машины.

– Эй! – грозный окрик вывел меня из оцепенения. Епископ недовольно на меня зыркал, заметив, что я выпал из реальности. – Что ты киснешь раньше времени?! Ну придет ушастый, похлопает своими глазками, может, даже задаст кому-то несколько неприятных вопросов. И все. Так что не о том ты думаешь.

– А о чем надо? – кисло спросил я.

– Что ты думаешь о истории брата Маркуса? – задал неожиданный вопрос отец Тук.

Я пожал плечами. Направление моих мыслей постоянно поворачивало в сторону страшной даже на слух фигуры эльфийского князя.

– Страшная сказка, – сказал я первое, что пришло в голо-

ву. – А у брата Маркуса настоящий талант. Ему выступать нужно. От детей отбоя бы не было.

Отец Тук захихикал.

– Он свое отвыступал, – его смех замер, – Эдуардо на дух не переносит любителей молотить языком. Ну да боги с ними, с этими любителями красноречия, – инквизитор остановился и задрал голову к символу трех богов. – А как ты отреагируешь, если я скажу, что не бывает сказок без творимого людьми в реальности? Или нелюдьми, не суть важно.

– Вы эдак хотите донести до меня мысль, что цикл действительно существовал? – осторожно спросил я.

Инквизитор резко обернулся и вперил в меня пронзительный взгляд.

– Не существовал, – прошипел он, сжав кулаки, – существует! Он существует! И ты, возможно, тому самое яркое доказательство.

Глава 13

Четыре, а затем и две тысячи лет назад в мире воцарился хаос. Войны, эпидемии, голод – лишь часть того, что дошло до сегодняшних дней в виде хроник и воспоминаний. Так получилось, потому что нашлись умные люди в прошлом и слегка подкорректировали историю. Ее ведь, родимую, как известно, пишут победители. Или те, кто умудрился выжить. Вот они-то и подошли к делу с чувством с толком с расстановкой.

Зачем что-то объяснять народу и тратить на это нервные клетки? Можно уничтожить кусочек, оставив доступ к достоверной информации только для избранных. Так проще контролировать ее распространение и использовать при случае в своих интересах.

Всю эту прорву веков правда о случившемся оставалась прерогативой нескольких человек и охранялась лучше, чем чемодан с красной кнопкой в стране. А секрет передавался из уст в уста, под страхом лютой смерти и лишения посмертия за разглашение.

– За началом страшной бойни каждый раз стоял человек, – поведал мне отец Тук, голос его дрожал и прерывался, демонстрируя сильное волнение.

– Человек? – удивился я. И где здесь страшная тайна? – Что здесь такого? Инквизиция на то и существует, чтобы бо-

роться с подобными... гм, людьми.

Либо я чего-то не понимаю, либо одно из двух, как говаривал один нарисованный герой.

– Видишь ли, – неохотно проговорил инквизитор, – во-первых, Церковь в данном случае выставила себя в несколько неприглядном свете, а во-вторых, проклятый отступник может смутить неокрепшие души людей и вынудить их выступить против Церкви. Даже память о нем играет на руку противникам существующего порядка.

– А если поподробнее и не так запутанно?

Инквизитор раздраженно стряхнул с одежды несуществующую пылинку. Ему не хотелось отвечать.

– Церковь была молода и не всегда могла отделить безобидного чужестранца от злостного еретика. Насколько я знаю, мы иногда слегка перегибали палку, – недовольство легко читалось в голосе отца Тука. – Исполнители, бывало, выказывают излишнее рвение.

Ага! Излишнее рвение, значит. Могу себе представить: всех, кто хоть как-то отличается от толпы, хватают под белые ручки да и бросают в темничку без суда и следствия. А там все, как полагается: дыба, испанские сапоги, колесование – джентльменский набор на самый притязательный вкус. И в качестве кульминации праздника – пионерский костер, петля или гильотина.

– И сильно переусердствовали?

– А что, – буркнул епископ, – можно не сильно? Если при-

знали виновным в колдовстве, у тебя одна дорога.

– Понятно, – хмыкнул я. – А я-то тут причём?

Епископ недоверчиво на меня посмотрел, сцепил за спиной руки и стал похож на огромную курицу. Здоровенную такую наседку, которой достаточно одного взгляда, чтобы снести мне жизнь. Напрочь.

– Инквизиторы не волокут на костёр всех, – сварливо пояснил он. – Но если ты ведёшь себя вызывающе, не так, как другие, то бросаешь на себя тень подозрения.

– Только тень?

Мою реплику проигнорировали.

– Те двое сразу обратили на себя наше внимание, – отец Тук помялся. – Они бесконтрольно пользовались магией, да они ей практически фонтанировали. В некотором роде у нас не было выбора. Возможно, как и у них.

– Их убили?

– В конечном счёте.

– Тогда как они могут быть ответственны за дальнейшие события? Как им удалось развязать войну?

Отец Тук пожал плечами.

– Я знаю только то, что все началось с их убийства, но некоторые из нас уверены, что им удалось избежать смерти, – на его лице отразилось сомнение. – Слишком многое утеряно за века, прошедшие с тех пор. Но одно нам известно: каждый из них владел способностями, которые недоступны большинству людей.

– Как маги? – продолжал допытываться я.

– Да причем здесь магия? – отец Тук был раздражен моей непонятливостью. – Маги – это лишь жалкая кучка фокусников, способных вызывать дождь или зажигать костер! Я говорю о действительно великих и ужасных вещах: одним взглядом сжигать города, стирать с лица земли деревни стеной воды, вести за собой толпу людей, заражая их своими мыслями, – глаза инквизитора вспыхнули фанатичным пламенем. – Или не умирать от смертельного укуса змеи.

Теперь все более-менее встало на свои места. Значит, все-таки Темный Властелин. Но как-то это все мелко, притянуто за уши. Да и не могу я сжигать города и топить селения.

– Не сходится, – возразил я. – Вы же сами проверяли, во мне нет ни капли магии.

Пламя в глазах епископа погасло, передо мной вновь сидел прежний дедушка.

– К сожалению, – он по-доброму улыбнулся, – мага из тебя не получится, это правда. Но по всем остальным признакам ты подходишь.

До меня начало доходить, что мне хотят сказать.

– Подхожу? Так вам все равно, тот ли я на самом деле, что ли? – недоверчиво сказал я. – А как же это проклятое пророчество?

– Я узнал о пророчестве год назад, – епископ прошелся вдоль стола, на пути поправляя предметы, лежащие на столе. – Кардинал Эмилио ди Картэ ввел в курс дела меня и

ещё кое-кого... – инквизитор помолчал, явно размышляя, не сболтнул ли лишнего. – Накануне годовщины цикла многие зашевелились. А я-то, дурак, все пытался докопаться до сути. Что происходит? Куда все бегут? Что ищут? Оказалось, что наружу выплыла сказка, о которой во всем мире знают только горстка людей. Но каких людей! Однако, в одиночку не половишь рыбку в мутной воде. Нужны помощники.

– И какой приз?

Священник повернулся ко мне спиной.

– О! – он скрестил на груди руки. – Призов не сосчитать: деньги, положение, власть – все это не на выбор, а вместе.

– А мне от этого какой прок? Вы же предлагаете мне занять место этого вашего избранного.

Епископ обернулся.

– Как ты сказал? Избранного? – он усмехнулся, поджав губы. – Что-то вроде этого. Ты получишь жизнь, а это, согласись, уже немало. Но я понимаю, что нужен стимул. Поэтому ты получишь благодарность епископа и возможность когда-нибудь обрести то, что есть сейчас у меня.

Я понимающе улыбнулся.

– Если я окажусь на вашем месте, то вы...

– Сейчас речь о тебе, а не обо мне, – оборвал меня отец Тук. – Как я уже сказал, ты подходишь по ряду критериев. Выжил после укуса змеи, твоя аура не оставляет следов. У тебя удивительная способность учить языки. Кроме того, твои раны заживают гораздо быстрее обычного.

Еще один кусочек мозаики встал на место.

– Так меня пытали...

Инквизитор задумчиво на меня посмотрел.

– А ты слишком умён для своих лет.

Я похолодел внутри. Так, надо тормозить. Тупой исполнитель предпочтительнее умного. Спокойно, епископ, я не представляю угрозу, хватит с меня таких взглядов.

– Я просто подумал, что есть причина, почему вы сделали это, – я коснулся пустой глазницы. Чёртов святоша, ты же наверняка понимаешь, что такие вещи не прощают. Во всяком случае сам бы ты точно вцепился в глотку своему обидчику. И ждешь того же от своих врагов.

– Причина существует, – кивнул отец Тук, но продолжать не стал. Вместо этого, инквизитор продолжил мерить шагами кабинет. – Ты неглупый малый, Иан, поэтому понимаешь, что сегодня у тебя есть отсюда только два пути. Один приведёт твою судьбу к служению богам. Другой отправит обратно в подвал, где сама память о твоём существовании будет стерта. Подумай, что именно ты выберешь.

В подвал не хотелось. Что я там не видел? Куда там ведёт первый путь? К служению? Что ж, при наличии всего двух дорог, одна из которых ведет к палачу, что бы выбрали вы? Вот и я раздумывать не стал. Ведь еще при первой встрече с инквизитором принял решение попасть в его окружение. Значит, первый шаг на моем пути уже сделан. Кто знает, куда заведет меня эта дорога?

– В подвале темно и холодно, – пробормотал я. – Лучше обойтись без него.

Отец Тук похлопал меня по плечу. Полагаю, вот он точно не сомневался в моем выборе.

– Я очень рад, что встретил столь рассудительного молодого человека. Но никогда не забывай про свой выбор, – он удовлетворённо потер руки, но лицо его выражало глубочайшее сожаление. – Некоторым его предстоит делать каждый прожитый день.

Я припомнил ещё кое-что.

– Вы сказали, что моя аура не оставляет следов, – вспомнил я.

Инквизитор задумчиво на меня посмотрел.

– Сказал.

– А можно для непонятливых?

– А что из моих слов для тебя непонятно? Ты не оставляешь следов. Ни на чем: ни на вещах, ни на людях, ни даже на артефактах, – он ухмыльнулся. – Тебя невозможно найти, потому что ни у кого нет слепка твоей ауры. Так что никакой эльф тебя не найдёт, какие бы силы ни прилагал к этому.

– Значит, – я закрыл глаза, – я все делал напрасно? Не нужно было отрезать головы?

– Образно говоря, да, – хмыкнул епископ. – Но это ничего не меняет.

Мне нужно было понять ещё кое-что.

– Зачем же вы вытащили меня из темницы? – я понимал,

что сильно рискую с этим вопросом, но не мог его не задать. – Меня вполне можно было держать там, подальше от лишних глаз, да и я всегда был бы под рукой.

Епископ смотрел на меня, прищурившись, словно в окуляр снайперского прицела. От его выражения лица у меня враз вспотела спина.

– Не боишься задавать такие вопросы? – наконец, усмехнулся он.

– Боюсь, – кивнул я. – Но лучше понять сейчас, чем потом очутиться в тринадцатой камере.

Епископ оскалился в улыбке и даже позволил себе пару раз усмехнуться.

– Что ж, отвечу. Князь Аэлэрэль наверняка проверит всю нашу темницу, а зная его, у меня нет полной уверенности, что мне удастся скрыть твою причастность к щекотливому делу. Так как мне ты годишься живым, я принял решение держать тебя отсюда подальше. Впрочем, если мы не договоримся, все легко можно переиграть.

Что же, превосходно, отец Тук, ваша позиция предельно ясна. Доверять мне никто не собирается.

– Что же мне предстоит, чтобы оправдать оказанное мне высокое доверие? – вот черт, моя свобода и так держится на волоске и эфемерных понятиях, что я подхожу на эту роль. Чего я вздумал подначивать волка? На роль могут подобрать и другого актера. – Я очень хочу понять, что именно от меня требуется, чтобы не допустить ошибок.

Подозрительный взгляд епископа пробежался по лицу и слегка потеплел. Эдак с абсолютного нуля до зимы в Якутии.

– А готов ли ты к этому разговору?

Конечно, давно пора переходить от слов к деловому предложению. Когда я узнаю, что конкретно от меня требуется, будет понятно, принял ли епископ мою кандидатуру на самом деле или по выходу из его кабинета меня ждет теплая встреча со старым знакомым в нижней части монастыря.

– Готов, отец Тук.

Священник остановился за спинкой своего стула, скрывшись за ней практически полностью. Что он там потерял?

– Мне вполне понятно твоё желание выжить любой ценой, Иан, – сказала спинка стула голосом инквизитора. – Церковь ценит жизнь, как никто на Арли. Но в то же время мы считаем, что верность превыше жизни. Подойди сюда, Иан.

Похоже, сейчас меня припугнут не по-детски. Что такого придумал инквизитор?

Я поднялся со стула и послушно приблизился. За высокой спинкой стула скрывался самый настоящий алтарь. Судя по всему, этот ящик с крышкой представлял собой походный вариант. Сейчас высокая крышка стояла на полу, и моему взору предстало плоское каменное основание, из которого торчала невысокая стальная игла сантиметров пяти высотой. На камне был высечен знак инквизиции – три пересекающихся круга с тремя кинжалами в центре. Конструкция откровенно пугала, хотя и выглядела незамысловато. Вот толь-

ко несло от нее такой силой, что мне стало не по себе. Как будто подошел к трансформаторной будке.

– Что это? – мой голос предательски дрогнул.

– О, ничего особенного, сын мой, – инквизитор впервые за все время так меня называл. Что поменялось? Или вот-вот поменяется. – Мне всего лишь нужны гарантии твоей верности. Этот ритуал проходят все слуги богов.

Чтобы распознать ложь, мне нужно было касаться человека, но сейчас мне не требовался физический контакт. Епископ врал. И раз предмет не стоит на виду, возможно, его использование не слишком приветствуется церковью. Только лично для меня это ничего не меняет.

– Мне не нужны твои душа, жизнь или честь, – спокойно сказал инквизитор. – Их можешь оставить себе. Мне требуется верность. И способность пожертвовать всем этим ради Церкви. К сожалению, алтарь позволяет принести слова верности только конкретному человеку. Поэтому для тебя верность Церкви будет означать верность лично мне. Потому что я являюсь олицетворением Церкви.

Ого! Я не знаток канонов и прочего, тем более другого мира. Но как-то это слишком. Попахивает манией величия, если не сказать большего. Интересно понаблюдать за реакцией его начальства на подобные мысли епископа. Вряд ли они оставят руководство равнодушным. Только опять же мне от того никакого прока. Для всех я человек епископа, а предателей нигде не любят. Выбирая сейчас, я, возможно, всту-

паю в игру без права изменить сторону или партию.

– Я готов, – а что мне оставалось?

Отец Тук кивнул на алтарь.

– Уколи палец и смажь кровью знаки всех богов.

Церемония не заняла много времени. Клятва была принята, хотя отец Тук определенно напрягся, когда моя кровь принялась пузыриться, как кипящее масло на сковородке. Признаться, мне и самому пришлось пережить несколько неприятных моментов.

Сначала показалось, будто в голове зазвучали сразу несколько голосов. Да бодро так, на грани ссоры, затем все смолкло, и закипела кровь. От алтаря пахнуло ощутимой мощью, как будто кто-то включил громкость на магнитофоне при выключенной музыке. Загудело так... серьезно. А потом все смолкло, и слова клятвы я дочитывал при выключенном трансформаторе.

Сама клятва – классические законы робототехники, описанные известным фантастом, имя которого я не помню, но возникают определённые ассоциации. Не задумывай, не бездействуй, не делай – в общем, повязан я этими словами крепко, долгих лет жизни святому отцу. Слава богу или богам, что не добавили что-то вроде «умерли в один день». Это было бы слишком.

После того совершения ритуала инквизитор существенно расслабился и позволил себе пару салатных мазков в ауре. Белое исчезло вовсе, а черное потускнело. Верил он в Тем-

ного Властелина или нет, а меня он побаивался. Ну, может, и не конкретно меня, а возможные неприятности в моем лице.

В общем, выдохнули на самом деле мы оба.

– Так вы мне расскажите, что от меня требуется? – напомнил я святому отцу.

– Да, сын мой, – встрепенулся отец Тук. – Непременно.

Это что же, он пытается соскочить? Нет, так дело не пойдёт. Еще день неизвестности я не выдержу. Дожимать сегодня же!

– Что же мне делать?

Кислое выражение инквизитора я проигнорировал. Вы хотели преданного до мозга и костей? Ну так получите и распишитесь!

– Для того, чтобы ты понял, что тебе следует делать, я должен поведать ещё кое-что, – вздохнул епископ обречённо. Умный человек ведь понимает, что с такой клятвой меня бесполезно отфутболивать. Помните же, «своим действием или бездействием»? Проще меня убить или на крайний случай рассказать все, что я хочу знать. Отец Тук ещё раз вздохнул, осознавая неизбежное. – Во-первых, о своей клятве по-малкивай, этим ты сильно мне навредишь.

В яблочко! Я знал! Мысленно похлопаем в ладошки своей сообразительности.

– Конечно, отец Тук. Как скажете.

– Во-вторых, никому ни слова о том, кто ты на самом деле, – он погрозил мне пальцем. – О тебе известно тем, кому

следует, больше никому не должно быть до этого дела.

– Почему, отец Тук?

– Потому что люди не готовы услышать правду. К тому же мы пришли к определенным договорённостям, которые в состоянии предотвратить катастрофу. Зачем кому-то знать о том, что могло бы быть?

Меня все-таки выперли. И предлог инквизитор подобрал вполне себе благовидный: старый стал, устаёт быстро, не чета нам, молодым да резвым. А что, он молодец, своим наверху отпишет, что проблемы решены, злодеи повержены, темные замыслы выведены на чистую воду, и беспокойства отныне напрасны.

Ничуть не сомневаюсь, что все вышеперечисленное сулит епископу немалые выгоды. Он ведь не зря говорил про власть, деньги и прочее, что для меня пока недоступно. Я получил жизнь, а это уже немало. Кроме того, за мной закрепили и угол, точнее ту самую комнатку под крышей, которая, видимо, больше никому не пришлась по вкусу. Хоромы по сравнению со штольней, где я очутился в первый раз в этом мире.

По поводу моей дальнейшей судьбы епископ предпочел отделаться общими фразами, сославшись на факт скорого приезда в Рогон ушастого Пуаро. До окончания расследования мне предписали не высовываться и на глаза не попадаться. Уедет означенное лицо, тогда и разговор будет. А сейчас

мне посоветовали не занимать время у занятых людей и идти куда подальше.

От инквизитора я вышел мрачнее тучи. Ничего существенного узнать не удалось, а то, что меня попытаются использовать, было понятно и так. Клятва еще эта непонятная...

По ощущениям во мне ничего не поменялось. Я попробовал мысленно послать инквизитора, а потом добавил еще и несколько фраз голосом. Ничего. На землю в корчах не падал, в голове ни звоночка. Может, оно как-то по-другому работает? Вернуться и попробовать? Я усмехнулся своим мыслям, но отмел идею. Если работает так, как думает епископ, то нечего и проверять, а, если на меня все эти танцы с бубнами не действуют, то лучше святоше об этом не догадываться. Для меня. Он и так обо мне слишком много знает. Козыри стоит попридержать.

Это же сколько я просидел у инквизитора? Солнышко и не думало притормаживать, весело перекаатилось на другую сторону неба. Ух ты! Пришёл-то я к нему утром, а сейчас уже за полдень. Интересно, Оррик успел отметить мои похороны?

На монастырской площади гудел народ. Рабочего настроения я не заметил, а вот азартные выкрики и восхищенные возгласы присутствовали в избытке. Святая братия, оказывается, может не только отбивать поклоны и бубнить молит-

вы под нос, но и размахивать руками, активно помогая себе недюжинными голосами. Видимо, молитвами можно прокачать связи.

Не знаю, кому пришло в голову, что в средние века люди страдали небольшим ростом. Мой новый дом живет по другим законам. Все, на что я оказался способен, – царапать носом чужие спины. А за толпой между тем разыгралась нешуточная схватка. Слышался непрерывный звон стали и молодецкие выдохи.

Оррика нигде не было видно, значит, он может и подождать. Здесь явно дрались на мечях, а мне никогда не приходилось наблюдать за реальной схваткой. Мясорубка, которую устроил Оррик в переулке, – не в счет, я видел, с какой ленцой он раскидывал своих соперников.

Да какого черта?! Что я мнусь, как девочка на первом свидании? Рискую получить по шее, я активнее заработал локтями. Толпа подавалась. Неохотно, с угрозами, но спины раздвигались. Мне настоятельно рекомендовали быть осторожнее, или на выходе могла поломаться какая-нибудь часть тела. Некоторые кричали вслед, что и не одна. Но я был неумолим, словно атомный ледокол. Или буксир. Видели когда-нибудь, как маленький с виду кораблик, словно муравей гусеницу, тащит здоровенную баржу? Я больше на него смахивал, не дорос ещё до ледокола.

В конце концов мне улыбнулась удача, и меня вытолкнуло в первый ряд. Даже я бы сказал, выплюнуло. Правда, сначала

все-таки основательно пожевало – не только я умею пользоваться локтями.

Партер был занят пацанятами всех видов. По большей части вся их одежда состояла из штанов на веревке по нынешней моде, да у нескольких, особо богатеньких, рубашках нараспашку. Они стояли особняком, поглядывая на остальных немного снисходительно. На мое появление все без исключения отреагировали дружным шипением, но мне было плевать, потому что, во-первых, я добился своего, а во-вторых, одним из воинов оказался мой провожатый. Впрочем, меня он не заметил, а, если и увидел, то виду не показал. Ему было не до того.

Оррик пребывал в необычной роли обороняющегося, отмахиваясь мечом от крупного молодого воина, азартно выписывающего восьмерки своим оружием. Противник инквизитора с лёгкостью управлял ревушим в воздухе двуручным мечом.

– Что за дела? – я ткнул под ребро пацана справа, получив в ответ возмущённый возглас. Мальчуган лет двенадцати, похожий на тощего воробья, и с синяком под левым глазом, посмотрел на меня с явной недоброжелательностью, но заметил мой горб и стушевался. Значит, моя слава уже добралась и до них. Неплохо.

– Пришлый какой-то, – сообщил он мне громким шепотом. – Заявился сюда и давай ребят задирать. Вот Оррик и не выдержал.

Надо сказать, что инквизитора в монастыре знали, а молодое поколение так ещё и любило. За неполные полгода, что он здесь обитал, ему удалось снискать славу дядьки Оррика, который, если нужно, выслушает или даст по шее, если его как следует достать. Но первое все же срабатывало чаще.

Пришлый воин явно пребывал в одиночестве, хотя чужака это обстоятельство нисколько не удручало. На узком, вытянутом лице азартно поблескивали неожиданно большие глаза, которые отслеживали каждое движение соперника. Он был явно моложе своего визави, но размахивал мечом весьма умело, уже несколько раз едва не задев инквизитора самым кончиком лезвия.

Уж не насмерть ли они бьются? Они ведь размахивают боевым оружием. Любое движение легко может стать последним. Каким образом можно остановить меч, наносящий роковой удар, я даже не представлял. Логичнее было воспользоваться тренировочным оружием.

Оррик все больше отступал, сбрасывая удары молодого воина лезвием своего клинка вниз и в стороны, а чаще вообще уклонялся от них, но вынужден был делать все новые шаги назад. Так они и ходили по кругу, Люди все больше раздавались в стороны, чтобы не попасть под азартные замахи поединщиков.

Иногда мне казалось, что пришлый вот-вот разделается с инквизитором (вон что выделяет со своим веслом), то чудилось, будто Оррик слишком легко уходит от всех его атак,

переводя самые страшные удары противника в обычную игру в кошки-мышки. В конце концов мне это надоело.

– Оррик, ты долго ещё собираешься заниматься ерундой? – рявкнул я, глядя, как очередной богатырский замах уходит в молоко.

– Иан! – обрадовался инквизитор, мгновенно переходя в атаку. – А я пока тебя ждал, дай, думаю...

Что он там думал, никто так и не узнал, потому что Оррик вдруг резко сблизился с противником, толчком сбил его с ног, а чудовищных размеров клинок выскользнул из рук воина и улетел куда-то через головы глазеющих за схваткой людей. Его проводили дружным восхищенным вздохом, а Оррик кончиком меча распорол куртку на груди противника.

– Приходи, когда научишься, – посоветовал он стремительно краснеющему воину. – Меч ему отдайте, а то знаю я вас! – крикнул он в толпу.

В ту же секунду меня подхватила неумолимая силища, и мы прошли сквозь толпу, как нож сквозь масло.

– Рассказывай, – Оррик хлопнул меня по плечу, подбадривая, и чуть не свалил с ног. – Что сказал епископ?

А я как-то позабыл уточнить, подпадает ли под «никому ни слова» личный телохранитель отца Тука, или ему слить информацию все-таки можно. Стоило мне об этом подумать, как в голове разлилась неприятная пустота, как будто все мысли выморозило. Язык стал ватным, и я почувствовал, что, ещё немного, и могу грохнуться в обморок.

Слабость постепенно отступила, оставив на языке привкус ванильного мороженого. Вот с чем у меня теперь будет ассоциироваться данная епископу клятва. Значит, эта гадость работает. Новость так себе. Старикан знал, что делал. Должно быть, не в первый раз. Надо будет крепко подумать, как это обстоятельство меняет расклад.

– Епископ? – задумчиво протянул я. – Он сказал, что теперь мы работаем вместе.

Абсолютная правда. Епископ одним махом приписал ко мне своего лучшего человека. Или меня к нему. Клятва клятвой, а от фокусов никто не застрахован. Мою способность влипать в переделки на ровном месте он тоже не забыл упомянуть.

– Работаем? – неподдельно удивился Оррик.

Конечно, работаем, так звучит гораздо внушительнее.

– Делаем то, что делали раньше, – пояснил я.

Оррик расплылся в улыбке. А кому может быть не по душе такая жизнь? Кормят, поят, иногда выводят на прогулку, даже подраться получается. Чего ещё желать? В итоге я удостоился удовлетворенного хлопка по спине, едва не выбившего из меня дух.

Толпа постепенно редела. Мимо нас шли незнакомые люди. С некоторыми Оррик перебрасывался парой слов, кто-то ограничивался кивком. На меня в основном не обращали внимания.

Побежденного уже и след простыл, а поединок все ещё увлеченно обсуждали – как мало нам нужно для счастья. Казалось бы, ну помахали мечами, покричали да и разошлись, но людям необходимо поделиться с другими своими мыслями. Им нужно услышать в ответ подтверждение, как будто недостаточно своего собственного мнения.

– И давно развлекаешься? – поинтересовался я, глядя, на Оррика, который сосредоточенно разглядывал зазубрины на кромке меча, как напоминание о поединке. Сам я размышлял о предстоящем визите шефа эльфийской охраны, ожидавшемся со дня на день. Именно от его исхода зависит моя дальнейшая судьба.

– Не очень, – ковыряя пальцем поврежденное лезвие, с досадой промычал инквизитор. – Сначала просто смотрел, как этот выскочка гоняет новичков.

– А мне показалось, что он кое-кого гонял по площади, – народ довольно быстро разбежался по своим делам, а новобранцев распекал их безжалостный наставник. Мордочки молодых, крепких на вид ребят смахивали на спелые яблочки, сверкая румянцем.

– Показалось ему, – проворчал Оррик. – Много ты понимаешь. Ушёл к епископу и как сквозь землю провалился, – ввинтил шпильку в меня инквизитор. – А мне чем заниматься? – он немного посопел для солидности, а потом снизошел до объяснений. – У этого остолопа довольно приличный ба-стард, да и владеет он им для своих лет очень даже неплохо.

Но зачем же так выставлять напоказ свое умение? Можно нарваться на того, кому твой навык не страшнее комариного укуса.

– На тебя? – ухмыльнулся я, но Оррик оставался серьезным.

– Да какая разница? – пожал он плечами. – На кого угодно: на меня, на Ридо или Вордо – все равно. Это в монастыре мы покладистые – в полную силу не бить, правила поединка стараться соблюсти. А отойди от города на пол-лиги – отрежут ему голову и все. Не было человека.

Я хмыкнул. Нечего сказать, все по полочкам разложил. И спокойно так, что ни тени сомнения в исходе не возникает.

– А убегал почему? – Оррик убрал меч в ножны. – Нужно подправить будет, нехорошо так-то, – добавил он для себя. – Ты когда-нибудь сталкивался с кем-нибудь, кто делал то, что ты умеешь делать хорошо, гораздо лучше тебя?

Я уже хотел ответить, что, нет, не приходилось, а потом вспомнил – был такой случай, просто я о нем забыл напрочь. У одного отца друга целая команда своя была хоккейная. Даже в любительском турнире участвовали, хоть и не побеждали никогда. Так, середнячки они и в Африке середнячки. Я почему знаю? Потому что, когда было желание умереть на тренировке, лучшего места не придумаешь: после площадки подымаешь с гарантией, если ты по семь раз в неделю клюшкой лед не ковыряешь.

Как-то раз попросился к нам на игру один парнишка. Не

бог вещь что, но и не шуплый, так, серединка на половинку. Петрович, он тогда за команду отвечал, взял пацана, честно предупредив, что контакта особого нет, но и нянчиться с ним никто не будет. Посмеялись мы потом все вместе над этими словами. Паренёк, оказывается, чуть ли не в сборной играет, а мы его зашибить боялись.

Тогда-то и ощутил я то, о чём мне Оррик втолковать пытался. Уж не знаю, вполсилы он с нами бегал или там и четверти не было, а только всю дорогу у меня держалось стойкое ощущение, что все, что я делаю, получается только потому, что мне это позволили. Ты физически чувствуешь, что в любой момент с тобой могут сотворить все что угодно. И ничего не можешь с этим поделать. Признаюсь, это бесит. Я сам неплохо играл, но до парня мне было как до луны.

Петровичу мы, естественно, все высказали. Какой интерес, если один игрок легко может обыграть половину команды. Или всю, кто его знает? Но парнишка и сам был не дурак. Он все понял сам, и больше мы его не видели.

Оррик, догадавшись, что я что-то такое понял, ринулся закреплять успех.

– Убегать-то я убегал, да не шибко меня догоняли, – он гордо выпятил грудь, только отсутствием хвоста не дотягивая до петуха. – Мне и бегать уже надоело. К счастью, тут твой голос к месту пришёлся.

– А почему бы не взять тренировочные мечи? – на всякий случай спросил я. – Они же тупые, можно движения не кон-

тролировать.

И почему я всегда попадаю в такие ситуации? Вроде бы глупость не говорил, а чувствую себя кретином. Или это Оррик умеет так посмотреть?

– Ты когда-нибудь тренировочное оружие в руках держал? – Оррик ухмылялся от уха до уха.

– Нет! – рявкнул я. – Некогда было всякой ерундой заниматься!

– Ладно, не кипятись, – меня опять хлопнули по плечу. Да что за привычка идиотская? У меня там перелом скоро будет! – Пошли-ка.

Мое согласие, как обычно, инквизитору и не требовалось. Если бы я не последовал за ним, мою тушку поволокли по земле, затрачивая ровно столько же усилий. Я послушно сел за широко шагающим воином, сам себе напоминая комнатную собачку, которую первый раз вывели на прогулку.

– Ридо! – заорал Оррик с полдороги. – Эй, старая брюзга!

Седой воин оглянулся, поискал взглядом посмеявшего его оговорить и насупил, мигом превратившись в мопса-переростка. Такие же щёчки, нос пуговицей, из общего ряда выбивался короткий серый ежик волос, но так даже пикантнее. Судя по ауре, воин-наставник на Оррика обижаться и не подумал: зеленое, как липа, облако легко подрагивало над его головой.

– Оррик-громила? Кого я вижу?

О! Вот и обмен уколами.

– А драться будете? – с надеждой поинтересовался я.

Ридо с интересом на меня посмотрел.

– А ничего тебе подопечного подсунули. Языком владеет, как ты мечом.

– Лучше, – вздохнул Оррик, выталкивая меня вперёд. – Вот, предложил мне биться с молокососом тренировочным мечом.

Ридо взглянул на меня ещё более заинтересованным взглядом.

– Как у молодого господина с чувством юмора?

– Когда как, – ответил за меня Оррик. – Сейчас вроде не шутил.

Молодняк, живо ловивший каждое слово, дружно заржал. Ридо оглянулся, и смех замерз в груди у каждого, кто посмел улыбнуться. Лихо он их. Одним взглядом девять человек напавал. Впрочем, это ещё был не конец.

– Раз этот юноша не может испытать все преимущества тренировочного оружия, – Ридо обвел притихших воспитанников суровым взглядом. – Придётся нам самим показать, чего мы достигли. Ну, кто хочет?

Такие же глаза я видел у сокурсников на экзамене по статистике, когда преподаватель по доброте душевной выкрикивал имена добровольцев. Идущие на смерть никогда не забудут то, что ты для них сделал, Иан. Будь проклят мой язык, который всегда бежит впереди головы.

Старого воина ничуть не смутило отсутствие желающих. Он гордо повернулся к Оррику.

– Смотри-ка, дружище, все, как один!

– Ещё бы, – Оррик тоже обвел взглядом съездившихся людей. – У такого учителя не может быть по-другому.

Иногда мне приходит на ум, что театр в лице инквизитора понес большие потери. Тупого солдафона Оррик изображал с изумительной достоверностью.

– Ты и ты, – не глядя, Ридо ткнул пальцем куда-то в сторону кучки новобранцев. – Мечи в руки и в круг.

Тут-то до меня и дошла ошибка, которую я допустил по неопытности. Куча дерева, которую мой глаз профана принял за обыкновенную поленницу, оказалась оружейной стойкой. Когда двое обреченных со скоростью курьерского поезда ринулись к ней и разобрали себе по мечу, мне оставалось только с широко раскрытыми от изумления глазами наблюдать, как новички с превеликим трудом орудуют телеграфными столбами. Ну или их средневековыми собратьями как минимум. Какое уж тут изящество движений? Устоять бы.

– Если бы Оррик вздумал драться таким мечом, – не глядя на меня, сказал Ридо, – того молодчика унесли бы через минуту с проломленной головой и переломанными руками-ногами. А так всего лишь разрезанная рубаха и потрепанное самолюбие.

– Вряд ли моя наука пойдёт ему впрок, – Оррик состроил унылую гримасу.

Ридо повелительным взмахом руки поменял истекающих потом бойцов.

– У нас всегда есть шанс исправить ошибку, – его красно-речивый взгляд говорил сам за себя.

Оррик ещё раз пожал плечами и махнул Ридо.

– Давай, дружище, мы пойдём, а ты смотри, не умори своих, – он хохотнул. – Уж больно ты с ними крут.

– Больше пота – меньше крови.

На том мы и расстались.

– Сколько лет его знаю, столько он возится с молодежью, – Оррик вышагивал по улице, положив ладонь на рукоять меча. – И не надоело ему.

Мне сказать было нечего. Мои мысли все больше крутились вокруг предстоящего приезда эльфийского князя. Если тот, кого я встретил в лесу, оказался настолько высокомерной сволочью, то что говорить про целого князя?

Раньше я полагал, что в немалой степени удачлив, хотя и никогда не полагался на случай. Время, проведенное в Арли, приучило меня к тому, что мои планы всегда исполняются, но не так, как я задумывал изначально, прямо как с прогнозом погоды, ей-богу. Другими словами, мне очень хотелось поверить епископу, но все мое существо кричало, что прогулка по парку не для меня. Не тот вариант.

– Оррик, есть серьёзный разговор, – я остановился, попридержав бодро шагающего инквизитора. – Где можно по-

говорить без свидетелей, чтобы никто не мешал?

– Надолго? – Оррик обернулся.

– Не знаю, – честно ответил я. – Как-то все запуталось.

Нужен совет умного воина.

Оррик понимающе усмехнулся.

– Есть одно место, но советы на голодный желудок я раздаю плохие, – предупредил он.

– Мне не нужен плохой советчик, – успокоил его я.

– Тогда стоит наведаться к мастеру Фроду.

– Это шутка что ли? – изумился я. – Да нас на порог не пустят!

Пришла очередь Оррику тарашить глаза на меня.

– Да с чего ты взял? Мастер Фрод – жадная скотина, но тупым его назвать сложно. Он встретит нас с распростёртыми объятиями и бесплатно угостит пивом, а потом попытается содрать денег, но уже по-божески, не слишком наглея, – Оррик фыркнул. – К тому же, кому придёт в голову выгонять инквизитора? – он с сомнением посмотрел вниз на меня. – Или даже двух.

– Уверен?

– Как и в том, что сегодня подходящий день для бочонка холодного пива, которым славится трактир этого пройдохи. Кроме того, у него имеется подходящая комната, защищенная от любопытных глаз.

– А ушей? – спросил я, все ещё сомневаясь.

– А уши мы обрежем! – оскалился Оррик, так что от нас

шарахнулись в стороны два то ли крестьянина, то ли работника – по одежде я их пока не различал.

Глава 14

Три дня назад город всколыхнуло известие о появлении некоего посланника, которого молниеносно сопроводили напрямиком к епископу. Еще через полчаса мой личный инквизитор и напарник по совместительству сообщил мне пренеприятное известие: Рогон почтит своим присутствием князь Аэлэрэль, глава эльфийского дома Морохир Л'Муликор, что в переводе с эльфийского лично для меня означало, что приближаются мои самые большие неприятности.

Вы жили когда-нибудь при полной неопределённости? Можно ходить на работу, целовать любимую, звонить родителям, а вечером ничего не вспомнить. Потому что все это мы делаем по инерции, привычка – великая вещь! Большинство людей, если они не росли с вами, не знают вас как облупленного, даже не поймут, что что-то не так. А все просто: мысленно вас нет среди всех этих людей.

Глухая, тянущая боль засела где-то справа под ребрами и выгрызает вас изнутри. Знающие люди тотчас заметят: вот он не улыбнулся в ответ на старую шутку, а теперь пропустил между ушей сногшибательную новость. Особенно участливые норовят потрогать лоб: не заболел ли ты, часом, друг? Конечно, заболел, вот только лекарства от этой хвори не помогают – имя болезни «неопределённость».

Вот и я не знал, что ждёт меня спустя эти три дня. Чело-

век-план, сидел в трактире и не знал, что ему делать. Все события, происходившие со мной в мире меча и магии (хотя о магии я до сих пор только слышал), убеждали меня в том, что план – несусветная роскошь. Результат любого моего действия кардинально отличался от запланированного, приводя к неожиданным последствиям.

Невозможность рассчитать свои шаги даже на неделю вперёд выводила меня из себя до такой степени, что к концу второго дня я надоел даже себе самому. Что же говорить про инквизитора? Уже на исходе первого дня он с чувством посоветовал мне как следует напиться.

– Это поможет мне забыть про неприятности? – усомнился я.

– Это заткнет тебя на некоторое время и даст мне сил продержаться ещё пару дней, – в сердцах сказал Оррик. – Или, клянусь, я убью тебя, а потом с облегчением приму любую епитимью, которую на меня наложит епископ.

Его слова заставили меня призадуматься. Все оставшееся время я старался исполнить пожелание епископа и не привлекать к себе внимание. То, что при этом страдал Оррик, я, конечно, в расчёт не брал – может и потерпеть, не сахарный. Но как, простите, прикажете не выделяться из толпы в городе, где всего-то чуть больше полутора сотен домов и один монастырь с ратушей?

– Слушай, – у меня возникла идея, которой я решил поделиться с инквизитором. – А что, если на время пребывания

этого проклятого князя просто уйти из города?

Мысль показалась мне не лишённой смысла. Так я убью двух зайцев: не маячу на глазах у его свиты, которая абсолютно точно будет совать свой нос во все щели, и займу свой воспаленный предположениями мозг какой-то иной деятельностью.

– С ума сошёл? – Оррик посмотрел на меня как на настоящего умалишенного. – От кого скрываться вздумал? Город давно перекрыт, все дороги под контролем людей князя. Попытка выйти из него надолго с гарантией означает личную встречу с ушастыми. А даже Крысе найдётся, чему поучиться у этих высокомерных выроdkов.

Вот это новость! Все дороги под наблюдением. Час от часу не легче.

– И что делать? – обречённо произнес я.

Оррик задумался и минуту ковырял глазами закопченный потолок трактира. Из-за стойки за его рукой с полупустой кружкой внимательно следили голодные глаза смышленного пацана, которого мастер Фрод приставил персонально к нам.

Оррик оказался прав, когда уверенно заявил, что двери трактира распахнутся пред нами с особым гостеприимством. Наш конфликт вылился только в настороженный взгляд, который трактирщик бросал изредка в мою сторону, и особым обслуживанием, которого не удостоился никто в зале.

Смотреть на его ауру оказалось излишне – мастер Фрод нас откровенно боялся и не скрывал своего чувства, особен-

но стараясь угодить Оррику. На меня падала тень настоящего инквизитора, заставляя трактирщика смотреть в мою сторону с определённой опаской. Впрочем, меня его отношение вполне устраивало.

– А ничего не делать, – выдал наконец Оррик. – Глупостями не занимайся, пиво греется, не хорошо это. А сделать ты все равно ничего не сможешь. Совет и короли сдали этот город с потрохами, выторговав что-то себе взамен. Твои проблемы их не интересуют. Даже если нас всех тут на ремешки пустят, никому до этого дела нет. Ну, может, тогда ещё каких-то уступок попросят, но тебе-то от этого уже не холодно и не горячо.

– Обнадежил, – слегка опешил от его откровенности я.

– А чего скрывать? Нам за это не платят.

– Да-да, эту присказку мне уже приходилось слышать.

Ну, вот опять от меня ничего не зависит. Кто-то где-то решил все за меня, распорядился моей судьбой, не спрашивая владельца. И что значат в таком случае мои планы? Пшик! Мое желание против чьего-то слова.

– Оррик, – я посмотрел в глаза инквизитору, – что тебе известно обо мне? Тебе же не запрещено об этом говорить?

– Не запрещено, – согласился тот. – Но, боюсь, тут я тебя разочарую. Я знаю не так уж много.

– И все-таки?

Он хмыкнул, довольно ухнув, выхватывая из шустрых рук пацаненка очередную кружку с шапкой из белой пены.

– Иан, ну что ты пристал? – он отхлебнул из кружки, богатырским дыханием стряхнув всю пену на пол. – Ты хороший человек, наивный, добрый, но мне на это в общем-то наплевать, – мне до смерти хотелось дотронуться до его руки, чтобы понять, говорит ли он правду, потому что аура воина напоминала здоровенный зеленый шар с резко очерченными краями. – Я знаю только то, что сказал мне отец Тук.

– И что же это?

– Он сказал мне: «Оррик, ты можешь сдохнуть сам, но если ты при этом не убережешь этого юношу, тебя достанут с того света, и тебе придётся умирать снова и снова, пока ты ни поймёшь, какую ошибку совершил», – совершенно спокойно закончил он. – Так что заткнись хоть ненадолго и дай мне попить пива в тишине. Этот божественный напиток не терпит суеты и шума.

В этот момент дверь в трактир распахнулась, как будто ее дернули одновременно человек двадцать. В ответ она только жалобно скрипнула, но на ее писк не обратили внимания. На пороге стоял запыхавшийся стражник в стеганой куртке. Копье за ним в трактир не влезло, но и отпускать его человек почему-то не спешил, поэтому сумел войти лишь наполовину. Впрочем, ему хватило и этого.

– Едут! – выдохнул он, казалось, теряя сознание, прочистил горло судорожным кашлем и уже во все горло рявкнул: Эльфы едут!

Несмотря на довольно раннее время (день клонился к по-

лудню), трактир заполняло довольно много людей. В зале столов на сорок пустовала лишь треть. Трактир пользовался популярностью у состоятельной части города, крестьянам хоть и не отказывали в угощении, но их отпугивали цены. В общем, мастер Фрод не бедствовал, обслуживая благородных, которые оказались в городе проездом, купцов с приказчиками и прочий люд, у которого в кошельке водилось серебро, а не банальная медь.

Тем удивительнее оказалась реакция посетителей: все, как один, они повскакали со своих мест. Трактир разом наполнился криками, разорванным сдержанным говором за каждым столом. Все люди, толкаясь, бросились к выходу.

В зале остались сидеть только мы с Орриком и еще двое благородных в центре. Оба благообразно одетых господина с любопытством крутили головами, наблюдая за активными действиями у выхода из трактира. Мастер Фрод тихо ругался за стойкой, но и не подумал кого-либо останавливать. Видимо, понимал, что это бесполезно.

Под его ворчание на улице оглушительно затрещало дерево, и дверь превратилась в коврик для ног.

– Что происходит? – довольно требовательно обратился к нам один из благородных, человек с приятным, правильным лицом и холодными глазами. Оррик слегка поправил фибулу и улыбнулся в ответ.

Взгляд благородного потерял резкость, мне показалось, что он слегка растерялся.

– О! Прошу прощения, инквизитор, – он убрал перевязь меча за спину, – здесь темно, я не разглядел, с кем говорю.

– Ничего страшного, – ничуть не менее холодным голосом проговорил Оррик. – Я не на службе.

На этот раз вздрогнули оба благородных. А я ещё раз утвердился в своём решении: если переживу все события, нужно держаться за этих ребят.

– Барон Жотар, – представился говоривший, – мы с моим другом, бароном Гловом, в городе проездом. Застрали тут на неделю, хотя давно должны были быть на пути к побережью. Недавно узнали, что весь шум из-за какого-то убитого эльфа из благородного дома. Ещё раз прошу прощения, ожидание выводит из себя. Особенно, когда никто не говорит, когда все это закончится.

– Я уже говорил, что все в порядке, – повторил Оррик. – А вы, полагаю, скоро сможете продолжать свой путь. После небольшой проверки.

– Проверка? – удивился барон Глов, впервые подав голос. – Кто же посмеет нас проверять?

– Эльфы, полагаю, – спокойным голосом проговорил Оррик. – Кто же ещё?

– Ну что, господа, – барон Жотар кивнул в сторону выхода, – может, и нам посмотреть на этого князя?

Почему-то взгляды всех присутствующих обратились на Оррика, как будто именно его слово окажется решающим.

Мое стремление услышать мнение инквизитора мне было понятно – телохранитель вряд ли позволил бы своему подопечному отправиться на потенциально опасное мероприятие. А столь необычное поведение знатных особ вызывало вопросы. Знать опасается священнослужителей или это касается только борцов с ересью? Слишком подчёркнуто вежливо благородные господа обращались к моему приятелю.

– Почему бы и нет, – он грохнул кружкой по столу, широким жестом махнул в сторону пустого проема с обломанными зубами петель. – Иан, расплатишься и догоняй.

Бароны понимающе покивали, побросали на стол по серебряной монете и, подхватив плащи, устремились за Орриком. Инквизитор, неизменно вооружённый до зубов великан, прошествовал на выход, даже не удостоив кивком трактирщика. Когда хотел, Оррик великолепно изображал высокомерие и презрительно кривил губы. Впрочем, почему изображал? Что я о нем знаю? Да ничего! Душещипательную историю о гибели семьи можно держать про запас как раз для такого простака, как я.

Расплатившись за обед, я сунул мастеру Фроду такую же монету, как и оба барона. Правда, одну. Хватит с этого плута и одной. Взгляд, брошенный на ауру трактирщика, подтвердил мои мысли: толстяк меня боялся и ненавидел. Белый в этой мешанине явно превалировал, из чего я сделал вывод, что бояться меня все же больше, чем хотят прибить. Главное, чтобы так оставалось и впредь. Деньги мастер Фрод принял с

непроницаемым лицом, стараясь не касаться даже моей руки.

В своей способности находить врагов я в общем не сомневался, а как быть с друзьями? Что-то пока не густо. С этими мыслями я выскочил из трактира, ещё не зная, каким образом буду искать Оррика. В город вели три дороги, какую именно выберут ушастые, я представлял лишь примерно.

К счастью, гадать не пришлось – желающих посмотреть на неожиданных гостей оказалось удивительно много. Меня подхватила толпа, не оставляя выбора: идти или не идти. Эльфы выбрали те же ворота, около которых Оррик вытряс из меня душу на виду у всего города. Мысленно я даже одобрил их выбор: самый широкий проход, отличная дорога прямо до центра города, не то, что некоторые, больше смахивающие на калитку заднего входа.

Я переставлял ноги, окидывая взглядом попутчиков: монахи, крестьяне, попримечнее одетые приказчики и несколько благородных – всех нас влекло любопытство. Кому-нибудь из них известно, что нас могут вырезать под корень и получат за это лишь публичное порицание? С каким бы настроением все эти люди шли бы навстречу своей судьбе? И что бы они сделали, узнай, что косвенный виновник происходящего сейчас среди них. Последнее – не вопрос, а мысли про себя. Вслух об этом говорить не хотелось – целее буду.

Три минуты и мы на месте. Городок-то крошечный – все рядом. У ворот не протолкнуться. Сколько может набить-

ся людей в такой город? Человек пятьсот-восемьсот, больше вряд ли – вся эта прорва людей сейчас топталась у ворот, ругаясь, толкаясь, потрясая кулаками и просто разговаривая. Глядя на столпотворение, я прикидывал две вещи: смогу ли найти Оррика и каким образом эльфы попадут в город, если горлышко прохода наглухо замуровано телами любопытных. Что ж, вскоре у меня будут ответы на все вопросы.

В центре толпы мне нечего было делать. Вряд ли затопчут, агрессии в людях не чувствовалось, но с моим ростом все равно ничего не увидишь. Поэтому самым лучшим вариантом я, признаться, выбрал для себя самый спокойный – толкаться в конце и надеяться, что праздник не пройдет мимо. С другой стороны, внутренняя служба безопасности всю сигнализала о необходимости соблюдать осторожность. Черт возьми, все это происходит из-за меня, не стоит упрощать нелюдям работу.

Несмотря на то, что епископ уверял, что бояться нечего, мне было беспокойно. Анекдот о вероятности встречи динозавра на улице больше не казался смешным – происходи дело здесь, в этом мире, ящерица точно вышла бы мне навстречу. Надежда на благополучный исход теплилась в груди, я чувствовал ее биение рядом с сердцем. Разум утверждал обратное: эльфийские князья не разъезжают просто так по подобной глухомани без веских на то оснований. Значит, причина есть. К несчастью, я знаю эту причину и должен быть готов к встрече.

Вот только каким образом мне готовиться? Я не самурай, ритуалов, готовящих к смерти, не знаю, поэтому в самом худшем случае меня ждёт костлявая. Проблема в том, что епископ слишком популярно мне все объяснил – для таких, как я, у долгоживущих имеется только один ответ. Имя ему смерть. Будет ли она лёгкой? Большой вопрос, на который никто, кроме эльфов не мог дать однозначного ответа. Но не спрашивать же у них? Вдруг и вправду пронесет?

Толпа, словно поверхность воды, в которую бросили булыжник, заколыхалась. За воротами послышались резкие крики, ругань, быстро оборвавшиеся после щелчков. Крики сменились воплями, толпа колыхнулась вторично, теперь уже от ворот. При этом задние, до которых ещё не дошло, что происходит что-то отличное от того, что они ожидали, напирали на передних. Никогда не любил подобных сборищ – поведение такой массы людей непредсказуемо. Стоит этому организму, состоящему из множества отдельных клеток-людей, почувствовать грозящую ему опасность, как все это кажущееся спокойствие обернётся чудовищным взрывом паники и жестокости.

Моего плеча в этот момент коснулась чья-то рука. Я мгновенно развернулся и увидел обоих баронов.

– Э-э, господин, – по их растерянным взглядам я догадался, что они ещё не поняли, что происходит что-то неладное. К тому же они не знали, как ко мне обращаться – фибула на моем плече отсутствовала, каких-либо других опознава-

тельных знаков тоже не было.

– Господа, давайте повременим с манерами, – быстро сказал я. – Если не хотите оказаться участниками представления, предлагаю, как можно скорее убраться отсюда. Где вы остановились?

– У Греты, – ответил барон Глов, с беспокойством поглядывая через мою голову. – Это в двух шагах отсюда.

– Ведите! – завопил я, услышав, как нарастает крик за спиной. – У нас буквально минута!

Дальше моих знакомых упрашивать не пришлось. Они резво рванули куда-то за угол, но, надо отдать им должное, про меня не забыли. Секунд через пять меня, как раненого, подхватили под руки и довольно живо понесли по улице, расталкивая таких же недоумевающих людей, которые не успели к началу и спешили увидеть хотя бы конец. Нашу троицу провожали удивленными взглядами, но мечи на поясе обоих временных сотрудников медслужбы удерживали прохожих от проявления бурных эмоций.

Спустя пару минут мы оказались на крыльце потрепанного жизнью двухэтажного дома с незамысловатой верандой спереди.

– Это здесь, – барон Жотар поставил меня на ноги. – Но позвольте, не слишком ли мы...

Его перебил вопль боли, исходящий из десятков человеческих глоток. Происходящее у ворот закрывал от нас не один ряд домов, но они не смогли заглушить эти звуки. Чест-

но говоря, я впервые слышал, чтобы так кто-то кричал.

– Что происходит?! – завопил барон Глов.

Я мельком просмотрел ауры обоих, но ничего, кроме полупрозрачной ряби не заметил – они ещё не сформировали свое отношение ко мне.

– Полагаю, желающие посмотреть на прибытие эльфов своего добились, – предположил я. – Нужно попасть в дом. Так безопаснее.

Бароны снимали одну комнату на двоих. То ли у них были проблемы со средствами, то ли ещё по какой причине, я не стал спрашивать. Помещение квадратов на двадцать без каких-либо удобств, две кровати в разных частях комнаты, два шкафа, больше напоминающих сундуки, поставленные на бок, вешалка при входе и циновка на полу. Вот и вся обстановка.

Окна комнаты выходили на сторону веранды, мы сразу бросились к ним, чтобы оказаться свидетелями того, чего я так опасался – народ в панике разбежался подальше от ворот. В таком деле своих не бывает – действуют одни лишь инстинкты. На наших глазах бедно одетый парень споткнулся и, чтобы не упасть, ухватился за руку бежавшего рядом мужчину в кожаной одежде, но без оружия. Его без жалости оттолкнули и на этот раз он не смог удержаться на ногах. Судьба его оказалась печальна – сбили с ног, а потом затоптали. Когда основной поток схлынул, он так и остался сло-

манной куклой лежать на земле.

В проулке, куда выходили окна дома, словно в объективе, за короткое время пронеслись сотни людей, а через несколько минут показались неестественно ровно двигающиеся высокие фигуры в закрытых накидках. Часть из них передвигалась на лошадях, длинные плащи тяжело свисали на круп животных, закрывая половину. Расстояние не позволяло разглядеть детали, но я был уверен: вот они, эльфы, и, если окажусь прав, нас ждёт незабываемое развлечение.

Третий день добровольного домашнего заточения застыл на середине. За окнами притаился вымерший город. Не ходили по улицам люди, не видно торговцев. Даже стражников и тех след простыл.

Зато рябило в глазах от эльфов. Они бродили между домами и заунывно, почти без интонаций декларировали одно-единственное заявление: «Тот, кто знает хоть что-то об убийстве эльфов, совершенном в лесу в полудне пути от города, должен прийти в монастырь и чистосердечно в этом признаться».

– Вино кончилось, – печально сказал Жотар, пытаясь на просвет понять, осталась ли в бутылке ещё хоть капля.

Без еды, которой, кстати, тоже не осталось, ещё можно протянуть, а как быть без воды? Ее заменяло то самое вино, из последней бутылки которого барон пытался сделать подзорную трубу. Водой здесь жажду не утоляли, она годилась

разве что на умывание. Из курса истории я, как и многие мои одноклассники, запомнил интересный факт: вином поили даже детей, хорошенько его разбавив.

– Интересно, долго ещё продлится это беззаконие? – уныло спросил Глов. Вся его суровая невозмутимость пропала уже на второй день, уступив место удручённой обречённости. Именно в таком порядке – настолько уныло он выглядел. Жотар рассказал мне недавно, что на побережье Глова ждал торговый партнер, которого тот чудом переманил у конкурента. Но прошло слишком много времени – столько ни один здравомыслящий человек ждать не будет. Сделка, обещавшая столь хорошие барыши, обернулась солидным убытком, почти разорив бедолагу.

Сам Жотар не был слишком ограничен во времени, но и в его планы такая задержка не вписывалась. По их словам, в договорах понятие «форс-мажор» не использовалось, да и кто в здравом уме способен предусмотреть подобное.

– Раньше такого не было? – от нечего делать я развлекал себя тем, что выпытывал из невольных соседей истории из их жизни.

– Куда там! – замахал руками Жотар. – Инквизиция мигом прилетает на расправленных крыльях.

Я промолчал. Инквизиция давно тут. И все происходящее санкционировано как раз этой самой структурой. Но пока поиски не увенчались успехом. Впрочем, я не имел ничего против – вероятность того, что меня не найдут, значительно

выросла. Ещё немного, и я поверю, что черная полоса в моей жизни внезапно посветлела.

Я привычно окинул баронов своим особым взглядом: Глова настолько убило его личная трагедия, что на меня ему было наплевать, он целиком отдался своей личному горю, Жотар же периодически поблескивал светло-зелёным с ярким жёлтым оттенком, что могло говорить о некоем подобии надежды, которую он испытывал. Впрочем, обо мне барон тоже не думал, задумчиво поглядывая в окно.

К счастью, оба барона принадлежали к тому типу людей, которым гораздо интереснее рассказать о себе, чем слушать о других, поэтому их вполне устроила информация о том, что я являюсь близким другом здоровяка-инквизитора.

Мой телохранитель, по словам обоих баронов, исчез в самом начале, не сказав ни слова – просто взял и растворился в толпе. Это обстоятельство вынудило приятелей не пытаться лезть в самую гущу событий, что в итоге и столкнуло нас нос к носу.

Оррик, несомненно, что-то знал, но ни словом не обмолвился о происходящем. Почему? Почему он ушёл? Где находится сейчас? Очередная партия вопросов без ответов.

Кроме того, мы так и не узнали о судьбе людей у ворот. Вряд ли они будут так отчаянно кричать без особых причин. Больше мы никого не видели и не слышали. А чуть позже Жотар обнаружил, что мёртвый парень, лежавший целый день посреди улицы, исчез с дороги.

– Да что они себе позволяют! – Жотар в очередной раз принялся мерить шагами комнату. – Я буду жаловаться!

– Кому? – вяло поинтересовался Глов. Он лежал на кровати, уставившись в потолок. – Без его друзей, – он кивнул на меня, – тут явно не обошлось. Они не спускают с рук такой произвол. А сейчас? Где хотя бы один инквизитор? Где священники? Почему мы, словно преступники, прячемся по подворотням, а эти, – он с отвращением сплюнул, – безнаказанно шастают по улицам? Ты что-то знаешь об этом парень?

Стоит ли рассказывать? Любое слово, как известно из западных детективов, может быть использовано против тебя. Но и молчать опасно – аурное облако над бароном наконец сформировалось. И мне совершенно не понравился его тёмный, насыщенный оттенок. Человеку свойственно во всех бедах винить окружающих. Барон переболел меланхолией, теперь настала стадия поиска виноватых. И, похоже, на эту роль он подобрал одного из двух человек, находящихся в непосредственной близости.

– Оррик рассказывал, что некоторое время назад в лесах поблизости были убиты эльфы.

– Это мы и так знаем, – сказал Жотар, не отходя от окна.

– Убийство эльфа – не такая уж редкость, – поддержал его приятель. – Но из-за этого не приезжает целый князь. А учитывая то, что я о нем знаю, следующая новость такого же плана, способная меня удивить, – это приезд короля. И то не любого.

Информация заставила меня призадуматься. Как я уже говорил, просто так люди такого полёта не разъезжают по медвежьим углам. Все равно, что президент супердержавы заглянет в деревню, которую даже не нанесли на карту. Значит, он уверен, что что-то может найти, что-то значительное. Такое, что с лихвой оправдывает потраченные силы и время.

Его бесцеремонные действия в самом городе свидетельствуют о том, что это не просто предположение. Князь абсолютно точно знает, что ищет и где надо искать. Я почувствовал, как внезапно мне стало трудно дышать. Будто невидимая петля вдруг затягивается на шее.

– В данном случае редкость, – я вздохнул. – Потому что убитый – сын или внук, точно не знаю, одного из князей.

Оба барона переглянулись. Эмоции Глова слегка поутихли, темнота постепенно стала бледнеть, а облачко распадаться. Я впервые видел, как в режиме реального времени у человека меняется настроение – на роль козла отпущения меня не взяли: куда мне до грозного убийцы сына князя.

Спустя какое-то время приятели затеяли спор о том, как раздобыть чего-нибудь выпить и закусить, а я подошёл к окну. Мутное, но все-таки прозрачное стекло, с потеками, словно после дождя, открывало превосходный вид на улицу. С самого утра по ней неспешно прохаживались эльфы по парам и зазывали народ.

Признаваться никто не спешил. Особенно после того, как вышедшего на крыльцо человека схватили под руки и ку-

да-то уволокли под его вопли. Несчастный надрывал голос, что у него просто закончилось вино, и он всего лишь хотел дойти до трактира – спустя два дня никто не вернулся. Из чего большинство сделало правильный вывод, и больше желающих испытать удачу не находилось.

Прошел еще день, улица опустела. Даже проклятые эльфы куда-то запропастились. В окнах домов напротив маячили головы таких же бедолаг, как и мы. Возможно, они тоже обсуждают, как добраться до продуктов и возмущаются бесчинствами нелюдей.

– Думаю, скоро мы все узнаем, – заметил я.

– Почему? – на меня смотрели две пары настороженных глаз.

– На улице никого, – я показал на окно. – Больше никто не ходит.

– Может, кого-нибудь нашли? – предположил Глов.

– Может, – согласился я. – Или переходят к более активным действиям.

Почему я бываю прав, только когда думаю о плохом? Что это за ирония судьбы? Или очередной бесполезный подарок богов?

Стоило мне на несколько минут отвлечься, как кто-то настойчиво заколотил в дверь.

– Именем Церкви, откройте!

– Инквизиция? – опешил барон Глов. Он растерянно оглянулся на своего приятеля, остановившись у двери.

– Открывай, чего ждёшь, – торопливо прикрикнул на него Жотар. – Не хватало нам еще обвинения в неповиновении.

Глов отодвинул засов и отступил. Дверь распахнулась с жалобным скрипом, и в проем заглянул незнакомый мне инквизитор со знакомой фибулой на плече. Штампуют они таких что ли? Бородатый и здоровый, как мой телохранитель, кожаные штаны и стеганая куртка едва не трескаются по швам, на поясе меч и короткая дубинка с окованным оголовьем. На лице взгляд, как у энкавэдшника на следующий день после загула. Нельзя с таким настроением на работу ходить.

– Кто такие?! – выплюнул он с таким видом, будто на площади для нас уже полыхает костер и наша вина доказана.

Я впервые увидел своими глазами, как аура за одно мгновение становится черной. Раз – ее не было, два – уже ненависть. Чем это я ему так не угодил? Может, товарищ инквизитор выступает за чистоту расы, а я со своими дефектами не прохожу по параметрам? А что? Легко может быть. К сожалению, я не умею читать мысли, но настрой бородача мне совсем не понравился, излучая в мою сторону брезгливость и отвращение.

– Барон Жотар, – с достоинством представился один из приятелей.

– Барон Глов.

– Мы проездом в этом славном городе, – продолжил Жотар. – Наша цель на побережье. Нам бы побыстрее туда добраться...

– В этой славной дыре, вы хотели сказать? – перебил барона инквизитор и перевёл взгляд на меня. – А этот?

– Меня зовут Иан, – проговорил я, не отводя взгляда от полыхающих огнем глаз. – Можно задать один вопрос?

Пока не знаю, какой приказ у этого мордоворота, но что-то его останавливает от применения силы.

– Нельзя! – рявкнул инквизитор, но я постарался не обращать внимания на так и выпирающую из него гадливость.

– Что с моим другом, Орриком? Он так внезапно исчез и не сказал, надолго ли, – я не обратил ни малейшего внимания на прямой запрет.

– Ты знаешь Оррика? – молча пожевав губами, проворчал инквизитор заметно тише и спокойнее, от него дохнуло изумлением, на миг перебив чувство пренебрежения.

– Да.

– Он у епископа, – после долгих колебаний сообщил наконец инквизитор. Обведя нашу троицу взглядом, он заговорил уже почти нормальным голосом: – Вам надлежит прибыть на центральную площадь через час. Все жители города и его гости обязаны присутствовать. Исключений быть не может. Надеюсь, сюрпризов не будет?

Последние слова прозвучали грозным намеком.

– Не будет, – я кивнул. Когда тот был уже в дверях, я бро-

сил ему вдогонку, – Нам бы промочить горло! Вино кончилось ещё вчера вечером.

Инквизитор нахмурился, но кивнул.

– Вас пропустят, я распоряжусь.

Город не спал, а как будто умер, настолько тихо было вокруг. Жители безмолвными ручейками стекались к ратуше под бдительным оком инквизиторов. Молчаливые вооружённые до зубов ребята, власть которых подкрепляли фибулы на плечах и груди, провожали нас суровыми взглядами.

Нам в общем-то повезло. До трактира мастера Фрода нас проводил один из людей посетившего нас инквизитора. Вопросы нам не задавали, Жаг, так звали нашего провожатого, взял все на себя.

В совершенно пустом трактире гулял ветер. Сломанная дверь так и осталась лежать там, где упала, словно часовой, которого зарезали на посту. Жаг встал у входа и махнул нам рукой. Дважды никого упрашивать не пришлось. Когда еще удастся пошуровать в запасах мастера Фрода? Впрочем, злоупотреблять отсутствием хозяина – дурной тон, поэтому деловитый Жотар раздал всем по одной бутылке, ухмыльнувшись при этом.

– Самое лучшее!

Здорово иметь могущественных покровителей! Иногда может перепасть бесплатная выпивка.

Изрядно повеселев, мы сообщили инквизитору, что те-

перь готовы на все. В моей голове зашумело после первого же глотка: вино оказалось на удивление приятным на вкус, но било точно в мозг. Не думая о том, что занимаюсь святотатством, я пил вино из горлышка и, чуть отстав от пытавшихся разговорить инквизитора приятелей, размышлял о предстоящем мероприятии.

Все три дня меня не покидала мысль о балагане. Перед лицом всего города разыгрывали дешёвый спектакль, целью которого ни много ни мало являлось запудривание мозгов. Эльфы, бродящие по городу, их слова о свидетелях – не более чем антураж перед чем-то по-настоящему серьёзным. И сейчас шутки все-таки кончились.

Как они собираются искать иголку в такой массе людей? Магия? Кровавые ритуалы? Я пока ещё ребёнок в этом мире, и ничего не знаю. Надо, надо взростеть! И я обязательно займусь своим воспитанием, если выберусь из этой переделки.

Мы вышли на ратушную площадь. Вряд ли за всю историю существования Рогон видел такое столпотворение. На площадь согнали всех жителей города и тех, кому посчастливилось стать его гостями. Вряд ли ждали только нашего появления, но пока что ничего не началось. Крайне удивительно выглядела толпа, в которой слух не улавливал ни малейшего гула. Люди стояли молча, как будто их всех уже приговорили, а спустя какое-то время палач доберётся до каждого.

Перед самым зданием ратуши соорудили помост, отдалённо напоминающий эшафот. По периметру площади, как

оловянные солдатики, стояли вооружённые до зубов инквизиторы. Я прикинул на глаз, их выходило не меньше сотни. Сотня вооружённых людей против толпы из восьмисот. Не смешно. Учитывая, что о пулеметах и картечи тут и не слышали, шансов остановить толпу у них не было. Но людей сдерживал страх не перед оружием, а что-то гораздо большее. На ум приходили мысли о стаде баранов, которых пригнали сюда на убой.

На помосте началось шевеление. Сначала показалась знакомая фигурка отца Тука, он о чем-то спорил с высоким, костлявым человеком, облаченным в такую же рясу. Кроме них, на помосте показалось еще с десяток фигур, облаченных в длинные серые плащи с глубокими капюшонами.

– Чтецы Душ! – выдохнул кто-то рядом, я обернулся, увидев опрятно одетого тщедушного человека средних лет.

Ребята в балахонах – точно эльфы! Слишком высокие для людей, они двигались чересчур плавно и грациозно. С того места, где стоял я, было не очень хорошо видно, но мне хватило, чтобы понять, что сейчас все начинается. Отец Тук пришёл, наконец, к согласию с длинным священником и сделал шаг вперёд к самому краю сцены.

– Мир вам, дети мои! – слова разнеслись по площади, как ураганный ветер над морем. Отец Тук умел пользоваться своим непревзойдённым голосом, с лёгкостью перекрыв начавший ропот толпы. – Мы позвали вас всех для того, чтобы наказать несправедливость!

Толпа с готовностью отозвалась на его призыв: конечно, накажем, святой отец! Только укажи, кого, а там мы уж...

– Я нисколько не сомневался в вашей готовности прийти на помощь обиженным! – все, он завладел их душами, купив этими словами со всеми потрохами. Теперь народ разорвет любого, на кого он покажет. Мне стало не по себе.

Отец Тук скорбно сложил руки на груди. Толпа постепенно смолкла, ожидая дальнейших слов священника.

– Дети мои, наши друзья уверены, что свершивший злодеяние сейчас среди нас.

Голос инквизитора довел толпу до иступления.

– Но ему не скрыться от нашего гнева! – его негодование взлетело до самых небес вместе с ревом толпы, а я смотрел на тщедушного священника, который внимательно обзирал свою паству.

Процесс опознания лиходея захватил массы. Нас разделили на десять примерно равных частей, пресекая возражения людей, которые хотели быть вместе, но попали в разные группы. При этом я не заметил, чтобы инквизиторы действовали чересчур жестко. В основном старались обходиться уговорами. Но исключение, как известно, лишь подтверждает правило, и кое-кому все-таки перепала пара увесистых тумаков.

Баронов в образовавшейся сутолоке я, естественно, потерял. Повертев для очистки совести несколько раз головой, я

решил, что искать их среди такого количества людей глупо, да и незачем. У меня своя задача. Не наделать глупостей, которые позволят меня поймать. Ведь весь этот цирк приехал по мою душу.

– Негодяи вынашивали планы украсть великий артефакт, который принадлежал нашим друзьям, но волею судьбы нам удалось предотвратить злодеяние! Мы можем передать его в руки законных владельцев с чистой совестью! – епископ воздел вверх руки с чем-то, напоминающим рог.

Я не мог поверить своим глазам! Артефакт все-таки достался эльфам! Выходит, Вордо зря отдал свою жизнь. Все эти люди погибли напрасно. На какую сделку пошел епископ, чего ему стоило договориться, чтобы не поднялась шумиха? Хотя причём тут, собственно, он? Решения принимают наверху, а что им какая-то жизнь?

– К счастью, убийца оставил свой след, и сегодня, сейчас, при помощи наших друзей мы отыщем его! – закончил епископ громовым голосом, так что первые ряды присели от звуковой волны. Зато остальные бесновались так, что я испугался: сейчас вся толпа бросится крушить город и инквизиторов направо и налево.

Я недооценил инквизитора. Мягкими словами он погасил вспышку ярости, заставив толпу утихнуть. В другое время я бы восхитился его умением: так тонко играть на настроении людей, насколько жестоко контролировать их эмоции – это талант, даже талантище!

Тут я почувствовал, как у меня засосало под ложечкой. Ведь если с такой лёгкостью сдали реликвию, за которой охотились столько времени, то что говорить обо мне? Какая такая у меня ценность, которую нельзя принести в жертву, чтобы отвязаться от Старших Братьев? Оррик как-то использовал это название древней расы, прозвучавшее в его устах, как изощренное оскорбление.

Вокруг возбужденно переговаривался народ. Многие, знакомые и незнакомые, пихали друг друга локтями и показывали пальцами на сцену, на которой играл свою роль отец Тук. Очень хорошо играл. При всем желании вряд ли нашелся критик, который посмел бы сказать «не верю». Что говорить об обычном человеке? Они пришли сюда в страхе за свою жизнь, а получают незабываемое развлечение, воспоминания о котором будут греть долгими зимними вечерами. Сегодня рождается не одна сказка, а целая история. И у этой истории обязательно будет конец.

Сегодня толпа не уйдёт без кровавой жертвы. Не уйдёт без моей жизни. Кого ещё можно прилюдно казнить руками народа? Преступник, урод, горбун. Поэтому отозвали Оррика. Его симпатия могла помешать исполнению планов, а зачем лишаться своего лучшего человека?

Я нехорошо улыбнулся. Епископа тоже ждёт сюрприз. Мне не удалось продумать свою жизнь, но со смертью я как-нибудь справлюсь. Попадаться в лапы к длинноухим ублюдкам – самое глупое, что можно представить. Но на этот раз

у меня был план.

Один из баронов оказался настолько любезен, что одолжил мне один из своих ножей-засапожников. Разумеется, за умеренную плату. Удобное средство для сведения счетов с жизнью. Если что-то пойдёт не так, достаточно легонько провести по горлу, а с текущим уровнем медицины смерть гарантирована.

Приготовления к ритуалу поиска в это время шли полным ходом. Высокие фигуры в балахонах выстроились в круг, и каждый правой рукой прикоснулся к артефакту, воздетому вверх. Заиграла музыка, как будто из ниоткуда. Незамысловатый мотив проникал в голову, словно крошечный бур, и принялся ковыряться в мыслях, образах. Сквозь музыку изредка пробивался речитатив, как будто проговаривали детскую считалку.

Я мотнул головой, сбрасывая наваждение. Ощущение чужеродного присутствия исчезло, оставив едва заметное давление на виски. Одного взгляда вокруг хватило, чтобы понять, что происходит что-то неладное. Люди рядом стояли с остекленевшими глазами, невидящим взором уставившись на поющих на сцене.

Инквизиторов, расположившихся рядом с хороводом, наваждение обошло стороной, а те, что стояли в оцеплении, ощутили его в полной мере. Те же безумные глаза навывкате и взгляд, словно стрелка компаса, указывающий в сторону поющих. Я нащупал рукоять ножа в рукаве и проверил, на-

столько свободно он выходит со своего места. Для себя я решил ждать до последнего – умирать совсем не хотелось.

Тональность речитатива пошла вверх. Балахоны закачались и двинулись по кругу, отбивая ритм ударами ног по дереву. Мне снова пришлось сопротивляться, на этот раз получилось гораздо быстрее. Что бы тут ни происходило, на меня программа не действовала.

Реакция высших иерархов церкви заставляла думать, что все идёт согласно выработанному плану. Теперь у меня отпали всяческие сомнения, на кого укажут Ловчие. Как же ловко все продумал святой отец! Уверения в безопасности звучали так искренне! Надо быть наивным простаком, чтобы попасться на эту уловку! Простаком вроде меня.

Я ещё раз огляделся. Если пытаться бежать, то сейчас! Кто сможет броситься в погоню? Стража так же, как и все остальные, пребывает в нирване. Или в аду, и у каждого он свой, персональный. Нож приятно охлаждал кожу на руке, но никакого чувства защищённости не давал. Мне хватало здравого смысла, чтобы понять: максимум, на что мне стоит надеяться, это прирезать себя. Драться на ножах – это последнее, что могло прийти в голову.

Речитатив резко смолк. Балахоны остановились. Сердце сбивчиво пыталось поймать свой ритм, по привычке отбивая мелодию поиска. Люди вокруг с шумом приходили в себя. Кто-то упал, кого-то успели подхватить свои. Момент был упущен.

Над площадью прокатилась тишина. Вязкая, оглушительная, звенящая. Мне показалось, что я не просто чувствую, но и слышу стук своего сердца. Рядом замерли соседи по группе. Кто-то, наверное, забывал дышать. Напряжение достигло высшей точки. Сейчас требовалось указать толпе, на кого обратить свой гнев.

Лиц под капюшонами было не разглядеть. Казалось, сама тьма смотрит на нас оттуда. Я физически ощущал давящий взгляд, ушедший куда-то в сторону. Меня или нет – билась безумная мысль. Если меня, успею ли выхватить нож?

Все десять невидимых радарных лучей медленно просеивали людей, как сквозь сито. Стража между группами постепенно отступила к периметру площади, и теперь толпу сдерживало лишь ожидание скорой развязки.

Все десять рук одновременно поднялись и указали прямо на мою группу. Я отшатнулся, попытавшись достать нож из рукава, и теперь было понятно, насколько неудачный план пришел мне в голову. Нож пропорол рукав и зацепился за ткань изнутри. Достать его, не распоров куртки, не было ни малейшей возможности.

В этот момент я обратил внимание, что вокруг меня образовалась пустота. Конец! Так глупо попасться!

Я повернулся и обнаружил, что оказался в круге не один. Парень с девушкой, прижавшись друг к другу, обречённо оглядывались, но вокруг были только чужие, враждебные лица и сжавшиеся кулаки. Что происходит? Причём тут эти

двое? Я даже забыл про нож, так и торчавший из рукава. Но почему они?

– Эй, юродивый, отойди от этих гнид, не доводи до греха! – меня схватили чьи-то руки и рывком втянули в толпу.

– Да, парень, не мешай, тут и зашибить недолго, – прогудели над ухом, но я так и не увидел автора слов. Доброхоты и желающие встать на мое место усиленно оттесняли меня от центра, образовавшегося по воле Ловчих.

Меня почти не держали ноги. Адреналин сначала ударил в голову, разогнал сердце до невыносимых оборотов, а затем откатом прошелся по ногам, едва ни уронив вниз на радость толпе. Каким-то чудом мне удалось удержаться, и, приложив массу усилий, выбраться из начавшейся всеобщей свалки.

Крики, ругань, проклятия – все это лишь малая толика эмоций, разлившихся над площадью. Огромная масса людей бурлила ненавистью, как кипящий на плите кисель. Крики отданных на растерзание толпе людей оборвались практически сразу. Их просто завалило телами. Думаю, что двумя жертвами не обойдется – самосуд обернется увечьями для его участников, а то еще и затопчут кого-нибудь.

Я остановился как вкопанный – навалилась тяжелое чувство эйфории, а в глубине отплясывал безумный танец маленький испуганный человечек и орал во все горло: не меня! Не меня!

Вокруг продолжали кричать. Мимо мелькали лица и растрепанная одежда. Каждый пытался дотянуться до виновни-

ков их собственного страха, выместить ужас последних трех дней. Им было все равно, что эти двое давно мертвы – месть требовала убить их еще и ещё.

Тут я вспомнил, что удивило меня при виде растерянных лиц парня и девушки. Они показались мне смутно знакомыми. Я где-то их видел! Совсем недавно или в прошлой жизни, но видел! Ну же, память, давай! Просыпайся! Казалось, что сейчас очень важно – вспомнить, почему они так знакомы. И девушка в самый последний момент меня точно узнала! Я помню, как загорелись ее глаза, только не знаю, чего в них было больше: надежды или ужаса.

И я вспомнил. Это тот самый безымянный парень, который сбежал ночью с девчонкой! За несколько часов до гибели отряда. Как ее звали? Тетку с копьем звали Кара, а эту девчонку – Орен. Да, точно, Орен! Вордо явно думал, что эльфы разделяются с ними, но они выбрались! Выбрались, чтобы найти свой конец от рук людей, ради которых шли на смерть. Очередная ирония судьбы.

Но каков епископ! Так все просчитать, организовать доставку, потому что я ни на секунду не поверю, что они сами вернулись в Рогон. Им явно помогли, как и мне, скормив свою часть правды. Наверняка, епископ прикинулся добрым дедушкой. Им клятвенно пообещали, что тут, рядом с ним, они в безопасности. Да и на площадь они шли в полной уверенности, что на них не укажет перст судьбы. Я видел их глаза, растерянность и безмерное изумление – вот что в них

было!

Их подставили, чтобы выгородить меня. Теперь я понимаю это. Значит, на меня все-таки сделали ставку. Было ли мне их жалко? Наверное. Как жалко видеть смерть любого человека. Но я знал их всего пару дней. Почти не общался, потому что не умел говорить. Да и особого интереса с их стороны тоже не было. Мы оказались временными попутчиками. Если же пришлось выбирать, то пусть все идет как идет. Каждый получает по заслугам. Значит, мой час ещё не пробил.

Я потерял ощущение времени. Сколько ушло на раздумья? Минута? Десять? Крики на площади стихали. Я посмотрел на то место, где когда-то стояли малознакомые мне люди, но там ещё копошился народ. По-моему, им уже было без разницы, кого бить. Убитые оказались погребены под массой вяло шевелящихся тел. На моих глазах несколько подозрительных типов ходили прямо по лежавшим без признаков жизни и что-то срезали с их рук.

Стража бездействовала. Инквизиторы с бесстрастным видом поглядывали на творящееся бесчинство и что-то обсуждали. Это и был план? В свалке передавить половину города? Но зачем? Может, это требование эльфов? Своего рода плата за молчание? Хреново, когда не знаешь причин происходящего.

На помосте все также стояли инквизиторы. Они переговаривались друг с другом, словно происходящее их не ка-

салось. Так можно в антракт обсуждать игру актёров: этот неплох, а этому не хватило искренности. И что, мне предстоит стать такой же бездушной машиной? Сколько людей сегодня погибло? Я не готов был умереть вместо тех двоих, но то, что я видел сейчас, ужасало.

А это кто? Сначала я не обратил внимания на новое действующее лицо. Вне всяких сомнений, это был эльф. Рост, одежда – такого среди людей не встретишь. Роскошно отделанный костюм, похожий на придворный наряд, сидел на нем так естественно, как будто это даже не вторая кожа, а первая. Эльф возвышался даже над своими сородичами, напоминая гору среди холмов. Он стоял на помосте слегка наособицу и смотрел на то место, где погибли два человека. И было в его взгляде что-то такое...

Приглядевшись, я понял, что он улыбается. Смерть такого количества людей не вызывала у него ничего, кроме улыбки! Мне захотелось вцепиться ему в горло и душить, душить, душить... А потом я с удивлением понял, что смотрит он совсем не на гору людей, и улыбается тоже не поэтому. Его взгляд был обращён на меня. В это мгновение наши глаза встретились, и он улыбнулся ещё шире. На меня обрушилась целая волна торжества – меня все-таки нашли!

Я схватился ладонью за лезвие ножа и отчаянно дернул его вместе с рукавом. Из рассеченной ладони хлынула кровь. Мне нужно было успеть, до того, как до меня доберутся!

В следующее мгновение затылок взорвался болью, которая, словно ветер, терзающий простыню, сорвала мое сознание в непроглядную тьму.

Глава 15

В жизни любого человека бывают моменты, когда процесс пробуждения приносит ему физическую или даже душевную боль. С физической все более-менее понятно: затянувшийся до первых лучей солнца дружеский вечер, пара лишних кружек пива – тут нечего выдумывать. Гораздо сложнее представить себе ситуацию, когда ты не хочешь открывать глаза, потому что тебе стыдно или, например, пробуждение выкинет тебя в мир, где день назад ты принял решение, которое явилось причиной разрушения твоей жизни. Ещё вчера всё у тебя было великолепно, а сегодня ты понимаешь, что замок оказался вылеплен из песка, и его накрыла волна, оставив от твоих надежд лишь оплывший, как огарок свечи, силуэт. Ты лежишь и понимаешь, что уже проснулся, а открыть глаза – значит принять вчерашнее поражение, согласиться с тем, что замок ненастоящий. Ты не можешь принять неудачу, и это мешает поставить точку и идти вперед.

К чему я все это? К тому, что мне сейчас плохо вдвойне. У меня раскалывается голова, как будто в нее вбили деревянный кол и всю ночь поливали водой – я где-то читал, что так в старину раскалывали камень. К физическим ощущениям примешивалась боль психологическая. С ней все обстояло ещё хуже, потому что даже проигравшийся в пух и прах трейдер чисто теоретически может занять денег и начать все

с начала. Даже если долг велик, есть шанс договориться о рассрочке, продать что-нибудь, наконец. В моем случае долги измерялись жизнью. Я не слышал, чтобы можно было достать ещё одну, даже в кредит и под конские проценты.

И все-таки открывать глаза придётся, хотя бы потому, что взрослый человек тем и отличается от ребёнка, что понимает: от судьбы не спрячешься, заслонив глаза ладошкой. Узнать, что меня ожидает, стоило. Не то, чтобы имеет какое-то значение, сожгут меня заживо или сдерут кожу, но все-таки.

Особенно печалило то, что пришлось падать с небес, когда уже возликовал, что все, пронесло! В кои-то веки повезло, и жизнь начала налаживаться. Сколько раз умные люди говорили, что поднимать бокал следует не в тот момент, когда на твой счет перевели кругленькую сумму, а лишь по истечении срока давности. До этого сиди и жди сюрпризов, ни один план не гарантирует успеха, а лишь увеличивает его вероятность.

Я открыл глаза и вздохнул. Шумно, с придыханием, поморщившись от боли, которая, кажется, караулила каждое движение.

Где ещё я мог оказаться? В уме вертелось два варианта, оба вызывали неприятные ассоциации, но ведь дареному коню в зубы не смотрят. Я в итоге не угадал, но это ничего не меняло: отсюда до подвала с цепями, вонью и Крысой – рукой подать.

Набивший оскомину кабинет инквизитора, выплывающий из-под тяжелых век, едва не заставил прослезиться. Как там говорилось: здесь все началось, здесь все и закончится? Не помню, откуда фраза, но, согласитесь, подходит же? Удивительное дело, на мне не было цепей, не брякали колодки и на этот раз побрезговали даже веревками. А то, что меня бросили на холодный каменный пол, совсем не повод для переживаний. Я жив, по крайней мере пока, а, кто знает, где ещё мне предстоит лежать? На холодном камне определено приятнее, чем под ним.

А все же почему так болит голова? Не помню, чтобы кому-то удалось до нее добраться – в радиусе трех метров ни одной живой души.

Я осторожно потрогал затылок, и чуть ниже, за ухом, с удивлением обнаружил огромную шишку и засохшую корку, которая хрустнула, как глазурь у кулича, когда хочется оторвать кусочек, – пальцы обожгло чем-то теплым и липким.

Кто ж меня так? Я точно помню, что контролировал ближайшее окружение.

Интересно, а ведь наверняка сзади и сейчас кто-то есть? По классике жанра сидит и наблюдает за мышкой, которую только что выпустили в пустую, просторную клетку. Если не понятно, роль подопытной животины уготована мне. Так и хочется съежиться, скукожиться и стать как можно незаметнее. Если бы я мог, превратился бы в комара и слинял подальше отсюда. Впрочем, чего мечтать? Ни в кого я не

превращусь, ничего не сделаю, потому что чертово тело для этого не предназначено. Из всех горбунов, о которых я когда-либо слышал, такими способностями обладал только Конек-Горбунок, да и тот в сказке.

Я осторожно повернулся, чтобы не сработал встроенный в шишку гироскоп. Он чересчур болезненно реагировал на любые попытки изменить положение тела.

Первым делом на глаза попался епископ. Дед сидел на моем стуле, словно подложил на него доску с гвоздями, настолько страдальческое выражение приклеилось к его лицу. Инквизитор молча разглядывая ногти на руке. Как школьник, ей-богу, вон его дневник на столе! Опять двойка?

И хотя на меня старик не смотрел, над ним плавал разноцветный шарик, выдающий его досаду, злость страх и ещё кучу всего, замешивая цвета в палитру безумного художника. Кто ему успел насолить? Я? Тем, что попался? Или есть ещё что-то? И с какой стати этот святоша расстался со своим привычным насестом? Неужели старичка прогнал кто-то более достойный?

А вот и второй! Он занял привычное место епископа, который, в свою очередь полгода назад согнал оттуда настоятеля. И тут популярна игра царь горы? Только играют в нее такие страшные дядьки, что сосет под ложечкой.

Из своего положения пока еще живого сына Ивана Грозного моему взгляду открывался живописный вид на сапоги нынешнего обладателя трона. К слову, такой Примеча-

тельной обивки мне видеть не доводилось: кожа неизвестного мне происхождения играла красками, подстраиваясь под освещение и предметы поблизости, принимая их оттенок. У ножки стола она сливалась с цветом старого дерева, демонстрируя даже старые царапины, а на ковре переливалась холодным серым плюшем. И здесь нанотехнологии?

Пора было являть себя народу, что я и постарался сделать, бережно воздев протестующее тело на ноги. Голова слегка кружилась, видимо, мозг все-таки потряхнули как следует – что, возможно, и к лучшему, – немного подташнивало. Лишь встретившись глазами с обитателем кресла, я перестал кряхтеть как столетний дед и вообще позабыл обо всем.

В кресле вальяжно расположился эльф. Нет, я и раньше знал, что больше тут взяться некому, но знать и видеть – совсем разные вещи. Я бы сказал, диаметрально противоположные.

Там, на площади, я обратил внимание, что фигурой князь заметно выделяется даже среди сородичей, но одно дело заметить издали, другое – находиться от обладателя великанского роста практически в двух шагах. Даже сидя он оказался выше, чем двое Ианов, поставленных один другому на голову. Просто Гулливер какой-то. Мне пришло в голову, что мы с епископом, пожалуй, сойдем за лилипутов.

Несмотря на то, что эльф с лёгкостью мог похлопать дядю Степу по макушке, вся его фигура говорила, что в основе дизайна их расы лежит принцип золотого сечения. Не пом-

ню, правда, как оно считается, но сам принцип был, что называется, налицо. Все в нем кричало о правильности и соразмерности.

Отдельных слов заслуживало лицо. Знаете, когда идёшь по улице и от нечего делать смотришь на лица прохожих, автоматически подмечаешь: у этого нос слишком большой, а этому нужно слегка убрать скулы и расширить глаза, той девушке пойдёт чуть-чуть округлить лицо и приподнять правую бровь. Идеальных людей не существует.

Примерно так я думал до сегодняшнего дня, пока воочию ни увидел это лицо. Глядя на абсолютно правильные черты, я понял, что впервые в жизни мне нечего добавить. И убрать тоже нечего. Передо мной сидел недостижимый эталон мужской красоты и с улыбкой наблюдал, как я его разглядываю, а на меня надвигалась целая буря эмоций, начиная от привычной уже брезгливости и заканчивая картинами, от которых мне захотелось срочно смыться из этого кабинета, чтобы оказаться, как можно дальше отсюда.

– Епископ, что вы скажете, глядя на этот экземпляр? – голос у князя оказался таким же изумительно идеальным и звучал, словно дивная песня, в отличие от смысла его слов.

– А я должен что-то говорить? – процедил отец Тук.

– Ну же, Теодор, не стоит так киснуть, – весело произнёс эльф, что-то вертя в руках. Приглядевшись, я понял, что вижу стрелу с тупым наконечником, обернутым тряпкой. Вот и инструмент для создания шишек у возомнивших о себе

супергероях. Очередной мой план развалился в пух и прах, потому что опять не учтены нюансы. Что мешало предположить, что и в средние века существует возможность лишить человека сознания, не убивая? Если выберусь из передраги, стоит глубже закопаться в нюансы. Поверхностный взгляд в очередной продемонстрировал свою неактуальность. Если выберусь...

Не дождавшись реакции епископа, эльф изобразил искреннее огорчение.

– Теодор, тебе полегчает, если я признаю, что даже мне не удалось бы спланировать операцию лучше?

– Толку-то мне с твоего признания? – буркнул епископ, и не подумав поддержать шуточный тон собеседника. Я про себя присвистнул: да эти оба, оказывается, прекрасно друг друга знают! Открывает ли это передо мной какие-нибудь перспективы? Время покажет.

– Не скажи, – враз посерьезнел эльф. – Это многое меняет, очень многое. Надо только подумать, хорошенько подумать.

Он закинул ногу на ногу и принялся отбивать ногтем ритм по столу. Епископ помалкивал, ерзая на стуле, как уж на сковородке, а я для этих двух словно перестал существовать. Аура инквизитора поблекла, его мысли явно поменяли направление.

Так как на меня перестали обращать хоть какое-то внимание, появилась возможность немного подумать над сложившейся ситуацией и оценить расклад. Только то, что епископ

всемогущей инквизиции уступил князю свое место, говорило об очень многом. И дело тут вовсе не в положении. Насколько я понимаю, епископ состоял на службе в одной из самых влиятельных организаций мира, а князь? Кто тогда этот эльф? Я вижу, что отец Тук и не думает лебезить перед ним, но явно признает старшинство. Опять мне не хватает информации! Да что же такое?! Когда же это кончится? И ведь не спросишь! Хотя почему бы и не попробовать?

– Могу я узнать кто вы и что меня ожидает? – я бодро бросился в омут. Двум смертям не бывать.

Помните рекламу про деда Мороза? Папа, они настоящие?! Ни разу не видел на лице взрослых мужчин такого искреннего изумления. Эльф уставился на меня с таким выражением, будто с ним заговорил пень, мимо которого он проходил каждый день на протяжении уже ста лет. Впрочем, инквизитор почти от него не отставал. Судя по тому, что я чувствовал, удивление у обоих получилось вполне искренне и даже на какое-то время эльф перестал транслировать мне картины моей мучительной смерти.

Он покачал головой и промолчал, епископ спустя мгновение взглядом высверлил во мне несколько дырок, мысленно зарубил и для верности воткнул длинный, узкий кинжал прямо в глаз. Скажу честно, великан напугал больше, одними глазами рассказав, что со мной сделают, если я подам голос ещё раз. Язык проглотить что ли?

От нечего делать, когда немного пришёл в себя, я стал

разглядывать одежду эльфа. На ум приходили однажды слышанные названия: кафтан, дублет, сюртук – все эти слова для современного молодого человека вообще ничего не значат. Моих микроскопических познаний хватало только на то, чтобы сказать, что поверх великолепно подогнанной по фигуре одежде эльф носил плащ с капюшоном. Все остальное: жесткая даже на вид рубашка со шнуровкой и воротником под горло, брюки, заправленные в сапоги, пиджак, облегающий плечи и едва достающий до живота, – названия для всего этого осталось для меня загадкой.

Не уверен, что в этой одежде удобно двигаться, но выглядит очень представительно и буквально кричит о статусе и богатстве обладателя. Мой наряд на его фоне по-прежнему смотрелся мешком, хотя и был сшит из более дорогой ткани и подогнан по фигуре портным.

– Почему ты выбрал именно его? – задал вопрос эльф, из его глаз исчезла задумчивость, передо мной возник совершенно другой человек – для простоты я решил называть его так – решительный, собранный, властный.

– А ты?

Эльф поморщился.

– Давай не будем сейчас играть в эту игру. Ответь на вопрос, это очень важно!

– Потому что он подходит, – инквизитор бросил на меня быстрый взгляд.

– Подходит? – эльф тоже на меня посмотрел, в его голосе

звучало недоумение. – Что значит подходит?

– Под описание, – терпеливо объяснил епископ. – Необычные способности, живучий, как демон, отличается от других, – он подумал и добавил, – иногда может казаться, что не в себе.

– Не в себе? – переспросил эльф.

– Кажется идиотом, – охотно пояснил отец Тук. – В общем подходит по всем пунктам.

Вам приходилось выступать в роли человека, о котором говорят так, будто его нет? И у меня такой опыт впервые. Словно обсуждают лошадь. Хотя нет, о лошадях обычно по-доброму, любя, а меня жалеть не собирались. Вмазать бы им, да только терзают сомнения, что я успею дотянуться и проживу потом хотя бы до конца разговора. Хотя версию епископа я уже слышал. Только пока не в курсе относительно его планов о моей дальнейшей судьбе, об этом бывший хозяин кабинета мне рассказать позабыл. Но что-то мне подсказывает, что он больше ничего не решает.

Эльф поднялся из кресла и мне сразу пришёл на ум хищник из одноименного фильма. Выглядел он, конечно, совсем по-другому, но все его повадки кричали, что отличий не так уж много.

– Если этот подходит по всем пунктам, – эльф уставился на инквизитора, – значит, есть и другие? Которые подходят. Есть?

Я уже научился замечать некоторые нюансы в поведении

инквизитора – ему очень не хотелось отвечать, но и соврать он почему-то не мог.

– Есть.

– Сколько?

– Мы нашли двоих. Я слышал, епископ Сорфио хвастался парочкой кандидатов.

Эльф подошёл к окну.

– Церковь сошла с ума. Все кардиналы в этом участвуют?

Епископ недовольно засопел. Видно, ему не слишком пришлось по душе слова эльфа.

– Я знаю о трех. Эмилио, Эдуардо и Клаус фон Бролле.

Эльф обернулся.

– А этот-то как к вам угодил? Фон Бролле всегда был солдафоном, им и останется. Ну ладно, земляки всегда договорятся, это я понимаю. Зачем им Клаус?

– За ним сила, – пожал плечами отец Тук. – Армия в смутные времена нужнее, чем правила чтения святых текстов.

Эльф кивнул, заложив руки за спину.

– У Эмилио с опытными людьми всегда все было в порядке, – заметил он.

– Инквизиция – не армия, – возразил епископ. – Мы талантливые одиночки, умеем действовать в группе, но дай нам щит и поставь в строй – любой солдат даст фору.

– Так уж и любой?

– Ты понял, о чём я, – твёрдо сказал инквизитор и эльф согласно кивнул.

Мне стало страшно. О таких вещах не говорят при посторонних. Или говорят, но только в одном случае. Я никогда не был дураком, чтобы не понимать этого. Старушка с косой вот-вот постучит в мою дверь. Тем более теперь, когда епископ признался, что у него есть и другие кандидаты на роль всемирной страшилки.

– Короли тоже не будут сидеть в сторонке, – заметил эльф задумчиво. – Двоих не удержит ваша воля. Да и остальные попробуют ухватить свой кусок.

– Кардиналы в курсе, – согласился с ним инквизитор, – но нас не хватит, чтобы контролировать всех.

– Вам и не дадут, – жёстко сказал эльф. – Когда мир может вот-вот рухнуть, правила мирного времени не работают.

Он вздохнул, потер подбородок и вернулся в кресло.

– Теодор, ты давно меня знаешь, – начал эльф, но инквизитор его перебил, и было в его жесте не меньше властности и жесткости.

– Рэль, давай без этого, – раздражение било через край в его голосе. – Если не хочешь начистоту, то не стоило заводить разговор. Да, я подсунул твоим людям того парня с девкой, чтобы вывести его, – он кивнул в мою сторону, – из-под удара. У меня были на парня планы. Но ты каким-то образом меня переиграл. Я признаю это и готов договариваться. Можешь забрать себе рог, но я хочу, чтобы ты оставил этого мальчика мне.

– В качестве одного из кандидатов? – уточнил эльф, пряча

усмешку.

– В каком угодно качестве, – буркнул инквизитор. – Я уже сообщил о нем Эмилио. Не хочу, чтобы этот старый хрыч спустил на меня всех собак за то, что я упустил его. Ты уже получил головы своих врагов.

– Эти дети не причастны к осквернению тел моих сородичей, – заметил его собеседник. – А вот он, – опять жест в мою сторону, – очень даже!

Я внутренне похолодел. Если они не договорятся, меня вполне могут отдать эльфам. Что они там со мной сделают, одному богу известно, вернее трем богам.

– Тем не менее я вынужден настаивать, – упрямо сказал отец Тук. – Он мне нужен.

Эльф хмыкнул и улыбнулся, отчего у меня по телу побежали мурашки. Эта улыбка мне совсем не понравилась. Как и его аура, закручивающаяся бешеным смерчем, а затем меня еще раз окунули в эмоции, чтобы я в очередной раз убедился в поговорке: век живи – век учись. Желания Крысы по сравнению с мыслями князя, что сарай в сравнении с небоскрёбом – раздавит в лепешку один вид возносящейся в непредставимую высь махины. Мне сделалось жутко, но, что удивительно, при всем своем желании, я не мог отключить восприятие, чувствуя давление ауры эльфа и его отношение ко мне постоянно.

– Давай-ка начнём сначала, Теодор, – спокойным голосом сказал эльф. – Не мог бы ты рассказать, что именно ты со-

общил в Конгрегацию?

– Зачем?

– Теперь настаиваю я, – непреклонно произнёс эльф. – Припомни, пожалуйста, слово в слово.

– Тут и помнить нечего. Я отписал, что нашел ещё одного.

– Это все? – уточнил эльф.

– Да.

Князь, а сейчас передо мной сидел именно он, а не эльф по имени Аэларэль, с усмешкой смотрел на меня, заставляя дрожать, осиновый лист на холодном осеннем ветру. В то же время он работал лучше клея «момент», пригвоздив меня к полу.

– Тогда позволь тебя спросить, что бы ты сделал, если бы нашёл настоящего Убийцу, который не просто «подходит по всем параметрам»? – эльф не сводил с меня глаз.

Происходящее нравилось мне все меньше. Да чего говорить, мне вообще ничего не нравилось, что происходило со мной в последнее время. А еще я догадался, куда клонит князь.

Инквизитор перевел на меня удивлённый взгляд и в его глазах медленно, по капле начало проступать совсем другое чувство.

– Не думал об этом, – медленно ответил он, буравя меня глазами, словно пытался отыскать этикетку, на которой написано, кто я на самом деле.

– А ты подумай, – посоветовал ему эльф. – А я пока рас-

скажу вам одну историю. Хотя постой. Скажи, на какие приметы тебе велели обратить внимание.

– Особые способности, необычайная живучесть и странности в поведении, – сказал инквизитор. – Все.

Князь Аэлэрэль, не мигая, смотрел на меня.

– Я, пожалуй, добавлю ещё одну, – медленно произнес он. – Убийца не оставляет следов. Нигде. Даже самые могущественные артефакты не в состоянии нести на себе слепок его души. Но даже если каким-то чудом удастся ее увидеть, даже самым опытным Чтецам Душ не под силу его обнаружить. Его душа, словно зыбкий туман, проливается сквозь пальцы. Когда смотришь на нее, понимаешь, что она похожа на мираж в пустыне – сколько ни вглядывайся, она всегда разная. Она меняется, переходя из одного цвета в другой, плывет, словно воск в руках, ее очертания нельзя зафиксировать.

Ты спрашивал, как мне удалось найти его в толпе, когда Чтецы указали на тех двоих? Очень просто. Я знал, что искать. Этот человек, словно булыжник среди бриллиантов, его душа не горит, не пылает костром, как у тебя или меня. Она подобна черной кляксе на белом пергаменте. Она есть, но затаилась, ждёт удобного случая, чтобы залить чернотой весь мир. И только единицы умеют читать настолько, чтобы отличить буквы от ее неведомого узора, – он замолчал, его немигающий взгляд остановился в нескольких сантиметрах от моего лица. Я почувствовал горячее дыхание, прерывистое ды-

хание. – Я умею. Хочешь знать, откуда, Убийца? – прошипел он.

Как противиться этому дикому напору? Мне пришлось кивнуть. В моей голове все окончательно перепуталось: души, ауры, Чтецы. Они тоже видят эмоции? Или мы говорим о разных вещах?

– Мне больше пяти тысяч лет! – эльф буквально выплюнул эту чудовищную цифру. – Я пережил два твоих воплощения! – я почувствовал, как ноги отрываются от пола и нечеловеческая сила швыряет меня через весь кабинет.

Кажется, обошлось без переломов. Мысли медленно возвращались, словно перепуганные воробьи. Вместе с ними я обрел способность определять положение тела в пространстве. Большому кораблю – большое плавание, силе эльфа мне противопоставить нечего, не противник я ему, даже плюнуть в макушку и то не успел.

Раскрыв глаза, я убедился, что в покое меня не оставили: князь стоял надо мной, словно фонарный столб над урной. Так себе сравнение, но на большее я пока не тяну – весовые категории разные.

– Если я попытаюсь вспомнить, сколько друзей мне пришлось проводить за грань, прежде чем нам удалось уничтожить таких, как ты, – совершенно спокойным голосом продолжил эльф, – то я вырежу тебе сердце прямо сейчас. Тебе не скрыться от меня, как не удалось и тем двум до тебя! С каким же наслаждением я бы выпотрошил твое никчемное

тело и разорвал душу в ключья!

Я смотрел в глаза существу, число лет которого превышало сознательный возраст всей земной цивилизации, и думал не о том, как бы побыстрее сдохнуть, чтобы не доставлять ему удовольствие. Вовсе нет. Вся моя сущность зацепилась за оговорку в словах эльфа. Не выпотрошат! По какой-то причине ему мешает это пресловутое «бы»! Спасительное и такое родное! Мне вдруг вспомнилась поговорка про рот и огород. Но рисковать и злить длинноухого – увольте!

– Ты уверен, что этот юродивый – тот самый Убийца? – между тем деловито поинтересовался отец Тук, словно буря, только что отгремевшая в его кабинете, его нисколько не тронула. – Ошибки быть не может?

– Представь себе толпу людей, – вместо ответа промолвил эльф, – каждая душа светится, полыхает. Ты можешь прочитать любую. Если запомнить структуру, то, где бы человек ни находился, Чтец отыщет ее. Потому что к каждой из искорок ведёт своя дорога. Душа откликнется, если умеешь звать. И только у одного отсутствует нить. Нет структуры, даже если ты сможешь запомнить слепок, в следующую секунду он уже другой, и в следующую. И так без конца.

Отец Тук радостно хмыкнул.

– Получается, что мы нашли Убийцу, – он выжидающе посмотрел на князя, который к этому моменту вернул на лицо маску безмятежности.

Если епископ с князем, выяснив мою подноготную, почему-то успокоились и принялись усиленно играть в гляделки, моя душа рвала и метала. Стоило убедить себя, что все это старые, страшные сказки, как судьба делает крутой поворот и из обычной подставной фигуры двигает в дамки.

Так я на самом деле Убийца?! Человек, чьим именем пугают не только детей и взрослых, но и царей, императоров и визирей?! Виновник миллионов жертв и океанов пролитой крови. Разрушитель устоев, гроза стабильности и вершитель судеб. А кто спрашивал меня, хочу ли я всего этого?

Что бы я сделал, знай с самого начала, что мне уготовано разрушить этот мир до основания? Как бы я поступил? Покончил с собой?

Я прислушался к себе. Внутренний голос помалкивал, никаких тебе «ты, как хочешь, а я пошел». Да ничего подобного! Жил бы себе и жил, в конце концов я сам хозяин своей жизни. Всякие там предназначения для бородатых мужиков, которые шарахаются от черной кошки, если та перешла дорогу. Я современный человек, пусть и в глуши, но действовать по указке и тупо плестись на заклятие не намерен!

– Хочу слова! – я отлип от стенки, бросаясь в омут головой. Терять-то все равно ничего. Мне не привыкать, я уже тертый калач.

Опять на меня льется немое изумление, обильно приправленное презрением. Но я был готов, и потому проигнорировал недовольство обоих: и кислую мину на лице епископа, и

опасное предостережение князя Аэларэля.

– Хочу отметить, что вплоть до сегодняшнего дня меня заставляли собирать проклятых улиток, били, морили голодом, продали, чтобы через пару дней я чудом избежал смерти просто потому, что мне посчастливилось оказаться в ненужное время в ненужном месте. Но и на этом мой ангел-хранитель не успокоился, меня опять били, грабили, пытали и обманывали! – на одном дыхании выдать не получилось, но у меня и впрямь накипело. Меня не перебивали: инквизитор провожал мою бурную речь сочувствующим взглядом, а в глубине глаз эльфа появилось нечто, отличное от презрения. – Но, черт меня возьми, если я собираюсь становиться вашим Убийцей! Меня ведь едва не убили, но я готов забыть про это и прожить жизнь обычного человека.

Эльф с недоумением посмотрел на инквизитора.

– Его действительно не убили ни разу?

– Я старался не переусердствовать. Это важно?

Князь Аэларэль не ответил, задумчиво покачиваясь с мыска на пятку.

– Это может оказаться забавным, – наконец вымолвил он, видимо, придя к какому-то решению. – Знаете, какая самая большая проблема у тех, кто живёт, как я, многие сотни лет?

Отец Тук не ответил, но я догадался, что инквизитору не очень-то по душе откровения существа, которое по людским меркам, живет вечно. Живенький старикан все ещё был бодр и из него не высыпался песок, но себя не обманешь. По утрам

становится все труднее вставать, болячки больше не заживают как на собаке, а за количеством выпитого приходится следить все тщательнее. Не за горами закат, который ждёт рано или поздно всех нас, но хочется оттянуть этот срок, и чем дальше, тем лучше.

А мне, несмотря на мой возраст и время, в котором жил, приходилось читать умные книги. Так что я догадывался, что гнетет князя.

– Скука, – мне даже не нужно было смотреть на его лицо, чтобы понять, что я угодил в точку.

Эльф некоторое время с любопытством меня разглядывал, как будто увидел впервые.

– Этот юноша, к моему великому удивлению, прав, – эльф вздохнул. – Скука – удел всех, кто разменивает хотя бы пару столетий. После десятка теряешь интерес к развлечениям, после двух тысяч даже война не приносит той остроты ощущений, которая позволяет считать, что ты живёшь, а не существуешь.

– Но вам уже пять! – заметил я.

Эльф улыбнулся, потрепав меня за щеку. Так себе похвала, на мой взгляд.

– Хочешь знать, почему я до сих пор не брезгаю путешествиями по опостылевшему континенту? – он кивнул на инквизитора. – Пусть отец Тук поделится своими откровениями. Полагаю, он здесь по той же причине.

Инквизитор смерил меня взглядом, в котором плескалось

море сомнений. Перед кем откровенничать? Перед юнцом, у которого проросла бороденка из трех волосинок в девять рядов? Или перед тем, кто в будущем может утопить этот мир в крови? В принципе свое мнение епископ так и оставил бы при себе, не будь такого требовательного мычания со стороны князя.

– Политика, – сплюнул он. – Интриги, заговоры, планы и приговоры – занятия, которые не дают покоя, даже когда рука не в силах удержать кубок с вином.

– Теодор, я в тебе ни секунды не сомневался! – расхохотался эльф. – Конечно, политика не дает нам покоя, будоража кровь даже в моем возрасте. И вновь открывшиеся обстоятельства дают мне основание полагать, что у нас есть шанс хорошенько встряхнуть весь этот мир. Теодор, дружище, ты со мной?

Инквизитор кисло улыбнулся.

– В прошлый раз я едва унес ноги.

– Зато есть, что вспомнить.

Князь Аэлэрэль поудобнее устроился в кресле. Если инквизитор смотрелся в нем, как кукла из набора другого размера, то эльф едва помещался. Может, поэтому отец Тук оказался настолько любезен, что отдал свое место? Другой подходящей мебели для князя просто не смогли подобрать. Не заставляя же такую особу стоять.

А что делать мне? Стоять столбом посреди комнаты я не привык, а другой мебели не было. Поразмыслив, я занял ме-

сто у окна, облокотившись на подоконник. Тем более этим двоим было все равно.

– Давай-ка поразмыслим, Теодор, – задумчиво протянул Князь, поглаживая подлокотник. – Что нам даст Убийца, живой, – эльф внимательно пробежался по мне глазами, – и почти невредимый.

– Кто бы чего ни говорил, мы знаем, что настоящий у нас. Князь согласно кивнул.

– Уже что-то, но недостаточно. Какие у тебя планы на кандидатов?

– Услать на какую-нибудь заставу под пригляд моих людей, если без лишнего шума не получится убрать подальше от посторонних глаз.

Князь отрицательно покачал пальцем.

– Так ты и сделал бы, если бы этот ни оказался настоящим.

– Тем более нужно его убрать! – повысил голос инквизитор. – Этого уж точно никто не будет искать.

В воздухе явственно пахнуло тленом и выворачивающим наизнанку запахом гноя. На языке проступил металлический привкус крови. Следы от ожогов хоть и почти затянулись, вызвали в памяти безумную улыбку Крысы и его ауру, обволакивающую меня и не оставляющую ни единого шанса остаться в своем уме.

Да пусть лучше меня прирежут прямо сейчас!

Я уже было бросился в свой последний и решительный бой, как...

– Стоять! – взревел инквизитор, словно раненый слон.

Контузило меня что ли? И мысли какие-то отстраненные, словно и не мои. Несмотря на резко подскочивший в моей крови градус ненависти, какая-то часть меня сейчас уважительно цокала языком – такой крик и горящую бабу остановит и коня заодно, что уж говорить обо мне?

Князь заинтересованно наблюдал за сценкой неповиновения. Надо заметить, наблюдал внимательно.

– А я уж и забывать начал твой... – он на секунду задумался. – Ты сам-то как называешь свой трубный глас? Будь мне на сто лет поменьше, тоже бы в истукана превратился. Зачем парня пугать?

– Распустились тут, – рявкнул в ответ отец Тук, но уже на порядок тише. – Позволять себе стали слишком много.

Эльф и ухом не повел, старик мог выбить окно своей иерихонской трубой, а тому хоть бы хны, даже не дернулся.

– Теодор, ты не так уж и стар, – эльф, похоже, знал, как зацепить епископа. Разговоры про возраст не доставляли ему удовольствия. – Мог бы сообразить, что парня нельзя задвинуть в столь любимый тобой каземат и забыть про него. Другая судьба, не стоит об этом забывать. Рано или поздно он выберется оттуда и обязательно шагнет на путь, ведущий к разрушению этого мира. Я не знаю, как это произойдёт, но произойдёт непременно, как то, что меня зовут князь Аэлэрэль.

– И что мне с ним, таким распрекрасным, делать? – не

сдавался инквизитор.

– Держать, как можно ближе, ни в коем случае не отпускать.

– Зачем он мне сдался? В инквизиторы его предлагаешь взять?

Князь пожал плечами.

– Почему бы и нет? Ты ведь и сам решил начать свою партию? Сделаем так: я не буду тебе мешать.

Отец Тук на секунду потерял дар речи. Он довольно часто хлопал глазами, и, как выброшенная на берег рыба, разевал рот.

– Ты не волнуйся, – князь перегнулся через весь стол, что даже с его ростом было нелегко сделать, и похлопал епископа по руке. – В твоём возрасте это вредно.

Минут пять я изображал из себя гардину, потом прикидывался подпоркой для подоконника. Даже если меня не убьёт эльф, опасность-то ни в коем разе не миновала, – со мной точно расправится отец Тук. Как ещё можно поступить со свидетелем твоего унижения? Нужно его тоже чем-нибудь подколоть, тогда смерть приму лютую, но быструю.

– Ты предлагаешь сделать из него инквизитора?! – воскликнул он с изумлением, хотя я помнил, как он, не далее чем несколько дней назад фактически сделал мне аналогичное предложение. – Ты не понимаешь, что говоришь, – наконец отец Тук настолько пришёл в себя, что смог говорить. Почти спокойно. – Я не могу своей волей взять его в инкви-

зиторы. Да что там его, даже если бы в нем было два метра роста, и он размахивал мечом, как бог, все равно не смог бы. Дорога в инквизиторы лежит через Семинарию. И даже если каким-то чудом он осилит языки и Божье Слово, то я не вижу возможности пройти Испытание оружием. Чем он будет биться? Своим горбом? Кривыми ногами?

– Меня это не касается, Теодор, – спокойно сказал князь. – Но это одно из условий, от выполнения которых зависит будущее.

– Мое? – бесстрашно влез я в разговор двух небожителей.

– И твое тоже, – князь Аэларэль повернулся ко мне, и тут я ещё раз умудрился взглянуть на его ауру.

Вам когда-нибудь доводилось слышать выражение «чернильная тьма»? Мне довелось его увидеть своими глазами. Вязкая глянцева поверхность поблескивала всеми оттенками ненависти. Кажется, ее даже можно было потрогать. Готов поклясться, что мне не прошло бы это даром. Протуберанцы черного солнца над головой князя словно чувствовали мое присутствие, разворачивая ломкие нити неправильной формы в мою сторону. Самое страшное, я физически не мог убрать видение. Взгляд так и притягивал безумный танец смерти. Моей смерти. Нет, не хочу я оказаться в его власти. За пять тысяч лет можно придумать такие пытки, что мне в мои двадцать три не приснятся и в страшном сне. Неужели скука действительно превышает ненависти, мести? Оставалось только надеяться, что это так.

Видимо, эльф прочитал что-то такое в моих глазах.

– Ты сказал, что все, что тебе нужно, – это спокойная жизнь, – он потер подбородок, словно еще сомневался в своем выборе. – Так вот. Твоя спокойная жизнь лежит в рядах инквизиции. Как ты это сделаешь, меня не интересует. Сроку тебе – год, начиная с сегодняшнего дня.

Отец Тук хрюкнул, но промолчал.

– А тебе старина, доверяю принять этого птенца под свое широкое крыло, – почти весёлым голосом продолжил эльф, обращаясь к инквизитору. – Ты ведь еще надеешься на мою поддержку в Совете, не так ли?

Отец Тук стремительно покраснел, как варёный рак.

– Конечно, я знаю о твоём скромном желании занять кресло Кардинала Конгрегации, – заметно князь. – И ты можешь полностью рассчитывать на мое слово. И, кстати, не только слово. Только не вздумай начать свою собственную игру, такая затея добром не кончится.

Мы все помолчали.

– Вы оба, надеюсь, меня поняли? – князь вопросительно изогнул бровь. Дождавшись невразумительного бурчания со стороны епископа и моего бодрого «да», он сложил руки на колене, закинув ногу на ногу. Удовлетворенно улыбнувшись, он продолжил. – Кроме этого парень принесёт мне клятву...

Вроде бы краснеть дальше было некуда, но епископу удалось удивить даже Аэларэля.

– Ты против?!

– Нет, но... – смущенный отец Тук производил гнетущее впечатление. И краснеть, как девица на выданье, ему тоже не очень к лицу. – Он уже... мне...

Смущению священника не было предела, поэтому он так и не смог разборчиво закончить свою оправдательную речь. Впрочем, князь довольно быстро понял, что хотел донести до него собеседник. Выслушав сбивчивое бормотание епископа, князь расхохотался.

– Ай, да старик! – он хлопал себя ладонью по бедру и от души веселился. На какое-то время поблекла даже аура над его головой. – Вот пострел! Ну надо же, и тут подсуетился.

Они, должно быть про ту самую клятву, которую я почти в том же виде прочитал в книгах там, на Земле. Помните – робот не может причинить вред человеку? И так три раза в разных вариациях. В моем случае работает странно, когда я решил проверить, обнаружил, что не в состоянии преодолеть лишь прямой запрет. Во всех остальных – делай что хочешь. Только епископ об этих нюансах не в курсе, и пусть так и останется. Лишние знания ни к чему.

– Ну ладно, пусть будет без клятвы, – уже без улыбки закончил князь Аэлэрэль. – Так даже интереснее. Давненько мне не удавалось так хорошо разогнать скуку. Теперь, что касается наших дел. Вы оба должны кое-что уяснить. Наша сделка действует до тех пор, пока про него, – быстрый кивок в мою сторону, – ничего не знают. Детали мы обговорим чуть позже.

– Зачем я вам нужен в инквизиторах? – задал я вопрос, который мучал меня, когда пошёл серьёзный разговор. Сам я, конечно, уже давно наметил для себя этот путь, но одно дело, когда ты следуешь за своим желанием, другое – когда тебя усиленно подталкивают к нему другие. – Какой от меня прок?

– Вопросы правильные и своевременные, – похвалил князь, а затем добавил: – Тем более не одному тебе интересно послушать ответ.

Отец Тук к тому времени уже постарался принять свой независимый и язвительный вид. Он жестом показал, что готов слушать.

– Понимаете ли вы или нет, но появление Врага, как это ни удивительно звучит, ничего не изменит. Размеренная жизнь и спокойствие – лишь видимость для большинства обывателей, которым нужно лишь сытно поесть, в конце недели опрокинуть в кабаке законную кружку пива и на утро проснуться под крышей над головой, – князь холодно улыбнулся.

Помедлив, он заметил, что есть те, кто понимает и видит дальше собственного носа. Они давно рыщут по континенту в поисках силы, способной устоять в момент бури. Если бы кто-нибудь изучал историю прошлого появления Убийцы, то для него не явилось бы секретом, что его появление будет лишь предлогом для многих. Кому-то нужен настоящий Убийца, и он готов пойти за ним, лишь бы ему сказа-

ли «если будешь со мной, ты не сдохнешь, как все остальные». Более прозорливые и деятельные собирают кандидатов, чтобы в один прекрасный момент выступить под знаменами символа изменений, но оставить за собой всю полноту принятия решений. В этом случае достаточно прикрываться ничем не значащими личностями и творить историю у них за спиной. Другие не готовы примкнуть ни к тем и ни к этим, потому что не хотят подчиняться кому-либо. Им бы возможность пограбить, наловить побольше рыбы в мутной воде. Королям под шумок подавай новые территории – кто откажется от еще одной области, ведь это новые люди и новые налоги. Там, глядишь, можно пробить выход на побережье, а это порт, торговля и все те же деньги. Бароны, графы и прочая рыба поменьше тоже не останутся в стороне и пойдут за своим куском пирога. И каждый уверен, что он будет первым, уж ему-то повезёт наверняка.

– Церкви в такие тяжёлые времена придется туго. Пожалуй, похуже многих, – князь посмотрел на священника.

– Мы держим руку на пульсе, – возразил отец Тук. – Совет разослал своих представителей во все крупные страны. Мы предупредили правителей, что не потерпим...

– Вот-вот, – хмыкнул эльф. – Это понятное желание всех контролировать. Но чем туже вы сжимаете узел, тем громче будет треск, когда мешок порвется. И кое-кто из кардиналов это понимает, потому и ищут похожих на Убийцу людей. Им тоже будет нужен символ, только пока они и сами не пони-

мают, зачем: то ли для того, чтобы встать под его знамена, то ли сжечь в назидание.

– Вы не ответили, зачем нужен я, – мне пришлось напомнить эльфу о своём вопросе.

Князь Аэларэль вздохнул.

– Что ты умеешь?

Я сначала не понял вопроса, но потом догадался.

– Речь ведь идет о способностях, недоступных обычным людям? Магия?

Князь впервые досадливо скривился.

– Маги, – сказал он задумчиво, – извечная головная боль Церкви, возмутители спокойствия, нарушители запретов, кость в горле Церкви. Все время, что я прожил на этом свете, Церковь и маги делили мир, но так и не пришли к взаимному сосуществованию.

– Они еретики! – попытался перебить князя епископ, но неудачно.

– Не забывай, с кем говоришь, – холодно произнёс эльф и над столом стали вспыхивать разноцветные круги. Когда круги сложились вместе, символ загорелся ярким синим цветом и заискрился, как бенгальский огонь. Князь смоделировал в воздухе символ трёх богов. – Мы просто служим богам по-разному.

Он посмотрел на меня.

– Убийца не является магом в полном смысле этого слова. Он не может изучать заклинания и совершенствовать их.

Ему не удастся увеличить силу или уменьшить ее. Он пришёл в этот мир с определёнными способностями, что не имеет к магии никакого отношения, но для простолюдинов не будет иметь значения, пользуется ли человек своей энергией или воплощает простое желание. Магу приходится учиться, запоминать, изобретать, Убийце нужно только захотеть и пожелать. Твой предок, например, мог взглядом сжигать города, но так и ни разу не сладил с обычной свечкой.

– Те, кто идёт за Убийцей, на самом деле следует за его способностями? – предположил я.

Князь несколько раз соединил ладони, изображая пародию на аплодисменты.

– Какие способности есть у тебя?

Я замялся. Мне было особенно нечем похвастаться. Спасибо Васе за заботу.

– Я выжил, когда меня укусила змея, – начал я издалека.

– Вам не страшен ни обычный яд, ни чьи-либо укусы. Чихнете раз-другой и все, – спокойно заметил князь. – Что-то более существенное?

– Я вижу, когда мне врут, – вздохнул я, а потом добавил, – если прикасаюсь к человеку. И у меня очень хорошая память.

– Он изучил язык за три дня, – заметил епископ.

– За три дня? – князь хмыкнул. – Насколько хорошо?

– Ну, – скорчил гримасу епископ. – Не слишком. Даже, я бы сказал, так себе.

– Это все, – закончил я.

– Все? – растерялся князь и как-то беспомощно посмотрел на епископа. – Это точно?

– Мы больше ничего не нашли, – пожал плечами отец Тук. – В нем нет ни капли магии.

Князь ошеломленно переводил взгляд с меня на епископа. Но мне тоже нечего было добавить. Раскрывать свой секрет про ауры я не собирался. У меня должно было остаться хоть что-то, о чем неизвестно больше ни одной живой душе.

– Да-а, – протянул наконец князь, почесав затылок, как маленький мальчик. – Прямо скажем, не густо. Вставать под такие знамена – риск, прямо скажем, серьёзный. Ты хоть понимаешь, что, скрыв твое появление, сильно рискуем, и нас ждет костер, если узнают о нашей связи? Церковь даже не взглянет на прошлые заслуги, а костер заложит даже больше обычного.

Вопрос не в студию, а прямо ко мне. Конечно, я догадывался, что не только я буду играть на их стороне, но и в случае чего они бронируют место в моей команде, и заговорщиков не поглядят по головке, несомненно, им сильно не поздоровится, если обман раскроют, а они собираются стать именно заговорщиками. Другой вопрос, зачем им ставить под удар собственные жизнь и карьеру, и на него я вряд ли услышу ответ. Но меня больше всего волновала собственная судьба.

– Хочешь, проверь его ещё раз, – предложил вдруг епи-

скоп. – У нас нет магов, а амулет мог и ошибиться.

– Ваш амулет? – с сомнением сказал князь. – И часто он ошибается?

– Не помню, – буркнул епископ.

– И я не помню, – заметил князь. – Ладно, давай попробуем. Подойди ближе, – велел он мне. – Обещаю, будет неприятно.

А что, кто-то может пообещать приятное?

Я повиновался, застыв столбом в шаге от эльфа. Так близко он казался еще больше и выше, глыбой нависая надо мной.

Эльф взмахнул руками и что-то пропел. В затылок кольнуло иголкой, но и только. Напряжение чувствовалось физически. Ожидание боли угнетало гораздо сильнее самой боли. Скорей бы уже.

Ничего не происходило. Может, стоило зажмуриться и не смущать человека? Я постоял ещё немного. Поднял глаза наверх и увидел сильно побледневшее, озабоченное лицо. Если бы я не был уверен, что такого просто не может быть, предположил бы, что на лбу эльфа выступила испарина. Князь растерянно смотрел куда-то в сторону. Рискнув бросить взгляд на его ауру, я остолбенел.

Простите, но где черный цвет? Где шипастое солнце древнего убийцы и жадно тянущиеся в мою сторону отростки? Абсолютно розовое облако с краями из белого пуха окутывало голову эльфа, выдавая его сильнейшее изумление и нешу-

точный страх. Я первый раз видел столь насыщенный и четкий розовый цвет. Что же касается белого, то его появление вообще не поддавалось моему разумению. Что же он увидел?!

– Теодор, когда вы его проверяли, не заметили никаких странностей? – наконец спросил князь, поглядывая на меня с непонятым выражением.

– Вроде бы нет, – епископ тоже выглядел озадаченным. – Ты что-то нашёл?

– Что-то, – протянул князь. – Но пока сам не знаю, что именно. Я с таким ещё не сталкивался.

– Что именно?

– Не сейчас, – ответил князь, – мне нужно подумать. Но прежде вы должны знать кое-что.

Князь обратился ко мне.

– Ты уже знаешь, что тебе не страшны мелкие раны и яды. Но и от тяжёлых твой организм рано или поздно оправится, – князь вещал с безразличием машинного переводчика.

Он поведал, что, если есть время, отрастет рука, сростутся кости, даже перелом позвоночника и потерянный глаз восстановятся. Но это не означало, что я бессмертен. Выверенный удар в сердце для меня так же смертелен, как и для обычного человека. И новую голову отрастить не получится. Мое основное предназначение заключается в том, чтобы прожить до конца отмеренный богами срок. Я не могу умереть раньше. Точнее могу, но эта смерть не является оконч-

чательной. Если нас убивают, мы воскресаеете. И тут кроется основная опасность.

С каждой новой смертью мы меняемся. И чем дальше, тем больше. Четыре тысячи лет назад от одного из нас князь услышал, что постепенно возвращаться к жизни все сложнее. Боль от перехода через грани мира невозможно описать. Ее нельзя принять или смириться с ней. После трех раз изменения, накладывающиеся на личность, становятся необратимыми, и единственное, ради чего мы продолжаем возвращаться вновь и вновь, – это месть. Новая смерть – новые возможности и новая боль. Она становится нашим спутником, нашей любимой и нашим врагом. Ненависть по отношению к одному человеку, ответственному за нашу гибель, переносится на всех. И даже смерть этого человека ничего не изменить не в силах. Ближе к концу соратники, которых мы обрели, или погибают от руки противников, или падут от наших рук, потому что для нас больше не будет друзей.

– Последний Убийца, которого я лично убил четыре раза, сумел продержаться семнадцать переходов, – заметил князь. – Тот, что был до него, – четырнадцать. Все зависит от того, что перевешивает – боль или чувство мести.

– А что мешает запереть меня в подземелье и убивать, пока я не сдамся? – поинтересовался я. – И бегать никуда не надо.

Князь вздохнул.

– Защитный механизм. После третьего раза, Убийца воз-

рождается в другом месте.

Ничего себе! Понавертели вы, друзья! Такого я не ожидал.

– Насколько меняются способности и личность? – спросил епископ.

– Они не меняются, а появляются новые. После третьей попытки Убийца научился перемещаться, а потом сжигать города.

Я присвистнул.

– Так и планету можно разломить.

– Третий и четвёртый добрались до двадцати трех воскресений. Отец говорил, мир повсеместно трещал по швам. Не хватило бабочки, чтобы свалить слона.

– Как мне умереть своей смертью лет так через восемьдесят?

– Не раскрыть себя. Не выделяться. Я готов закрыть глаза на твое появление, если ты выполнишь четыре моих условия.

А в сказке их обычно не больше трех.

– Какие?

Эльф посмотрел на меня предельно жестко, и над его головой вновь завертелась тьма.

– Первое ты уже знаешь: твоя задача попасть в ряды инквизиторов. О втором, я полагаю, ты уже догадался: не раскрывать себя. Стоит хоть кому-нибудь узнать, кто ты на самом деле, снежный ком не остановить.

– Третье?

– Никаких изобретений и улучшений. Мир прекрасно об-

ходилась без ваших знаний, что точки на небе – это такие же солнца, как наше, только удаленные от нас на многие и многие жизни. Пусть и дальше считает, что белые пятнышки – это серебряные гвоздики или души умерших друзей. Нам не нужны железные птицы, сеющие смерть, или мертвые помощники, думающие за нас. Чем тогда заниматься простому человеку?

Я мысленно присвистнул. Выходит, не такие уж тут все необразованные. И здесь явно оставил свой след человек из моего времени. Такой же, как я, счастливчик?

А изменения? Что мне до них? Пушки и порох я изобрести не смогу. Самолёт – тем более. Обидно только расстаться с мечтой о туалетной бумаге. К текущему уровню гигиены мне привыкнуть так и не удалось.

– И последнее...

Князь поднялся и прошелся по кабинету. Мы с епископом не сводили с него глаз.

– Я не верю, что Убийце удастся прожить тихую и спокойную жизнь, – словно размышляя вслух, говорил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Судьбе сложно противиться. Поэтому ты либо будешь карабкаться вверх, закусив зубы и сжав кулаки, либо тебя убьют, и вся история повторится. Мое последнее условие: что бы ни происходило, ты должен быть беспристрастен. Ты всю свою жизнь будешь посередине. Послужишь истине. Кто бы ни был перед тобой, его дело будет разбираться без предрассудков и личного интереса.

Ух ты! Не ожидал. Если я приму это условие, быть мне по жизни отщепенцем. Будьте уверены – прилетит со всех сторон. Вполне возможно, что и на мечтах о команде данное мной сейчас слово поставит жирнющий крест. Продвигать своих мне не удастся. Не слишком радужная перспектива. А ну-ка, узнаем, а ради чего все это? Стоит ли овчинка выделки?

– Что взамен?

– Торгуешься? – князь криво усмехнулся. – Это хорошо. Взамен ты получишь мою поддержку. И его тоже, – он кивнул на молчавшего епископа. – В противном случае, ты обретишь врага. А я умею быть неприятным. Даже для Убийцы.

Мне нужно было узнать ещё кое-что.

– Почему не смогли договориться с предыдущими претендентами? Насколько я понимаю, их было больше двух.

– Четырнадцать, – ответил князь. – Их было четырнадцать, каждый из которых появлялся раз в две тысячи лет. Ты первый, кто ухитрился попасться и не умереть трижды. Представь себе такую картину: ты умер в камере, на дыбе или в костре, а затем воскрес через пару минут целый и невредимый. Что с тобой сделают те, кто только что забрал твою жизнь?

– Убьют ещё раз, – вздохнул я.

– И ещё раз, – добавил эльф. – И все, механизм запущен. После третьего раза, Убийца обретает свои черты.

– Он должен исчезнуть так, будто его и не было, – князь требовательно посмотрел на епископа. – Ни следов, ни слухов. В письме, которое ты отправил в Конгрегацию, есть приметы, подробное описание?

– Нет, – отрицательно покачал головой инквизитор. – Речь шла о «еще одном». Они знают, что я не пишу лишнего.

Князь одобрительно кивнул.

– С кем он контактировал? Кто в курсе о его способностях, наслышан об истории появления и вообще может связать два и два, и хоть что-то заподозрить?

Епископ ненадолго задумался.

– Да в общем-то никто ничего не знает. Харальд – мой начальник службы безопасности, поставлен в известность об инциденте с... эльфами, но ничего конкретного. Оррик и его люди, моя личная охрана, нашли его, когда он бродил по полям и лугам, видели, как его укусила змея. Но видимо, с ядом что-то не так или парень в рубашке родился, вот и выжил каким-то чудом.

– Крыса, – подал голос я.

Князь Аэларэль обернулся.

– Не говори загадками, парень, нам сейчас не до того.

– Мой тюремщик и мучитель. Он пытал меня и кое-что знает, я даже не помню, что рассказывал ему, когда он ковырялся во мне своими крючками. Кроме того, он всегда удивлялся, как быстро у меня заживают раны. Все хотел попробовать, не отрастет ли у меня глаз, если его хорошенько под-

жарить, – я мстительно посмотрел на инквизитора. Я знаю, что эта тварь тебе дорога и потому с удовольствием заберу ее. Пусть и чужими руками – долги надо платить.

Отец Тук протестуяще замахал руками.

– Да вы с ума сошли, это мой лучший палач!

– Два дня тебе на то, чтобы подыскать другого. Не ты один знаешь, что это твой лучший палач. Рано или поздно начнутся вопросы, и лучше, чтобы их некому было задать, – с угрозой в голосе сказал князь. – Или ты предлагаешь заняться этим мне?!

Отец Тук засопел, но выдал из себя:

– Не надо, я сам.

– Ну и отлично! – кивнул эльф. – Есть ещё кто-то или что-то, о чем мне следует знать?

Отец Тук помалкивал, а я перебирал в памяти всех, с кем встречался.

– Брат Маркус, библиотекарь, – вспомнил я. – Он может стать проблемой?

Князь Аэлэрэль нахмурился.

– Маркус, Маркус, – повторил он, словно пробуя имя на вкус, затем повернулся к инквизитору. – Что-то знакомое. Уж не тот ли это Маркус, который...

– Тот-тот, – быстро перебил его отец Тук, не дав закончить.

– Этот проныра всегда был занозой, – Князь вопросительно на меня посмотрел. – Каким ветром вас к нему занесло?

– Моя вина, – покаялся инквизитор. – Мы с Маркусом не то, чтобы не любим друг друга, не перевариваем, скорее. Он недавно проштрафился, и его сослали сюда в монастырь, разгребать всякое... разное. Я и решил его немного позлить.

– Вам это удалось, – заметил я. – Он обещал написать кардиналу.

– Этот, раз обещал, обязательно напишет, – эльф откинулся на спинку кресла. – Обычная кляуза на коллег, которые никогда не преминут наступить на любимую мозоль. Именно так ее и воспримут, а, значит, нам он пока не опасен. Я кое-что слышал про его приключения, если ему не удастся раскопать что-то действительно стоящее, он успеет отрастить бороду и состариться, прежде чем выползет из архива Совета. Насколько я знаю, работы здесь непочатый край.

– И, пожалуй, последнее, – поднялся князь. – К твоему человеку я добавлю своего. И даже не вздумай возражать! – возвысил он голос, не давая инквизитору вставить слово. Затем обратился ко мне. – Тебе составит компанию мой племянник, Аридил. Не волнуйся, он совсем молод, ему всего пятьсот лет, так что сработаетесь. Не стесняйся его гонять, молодого эльфа кормят ноги, а голова ему потребуется лет через триста. Я пришлю его вечером.

Князь Аэлэрэль двинулся к выходу, но быстро развернулся, коснувшись пальцами лба.

– Чуть не забыл, – рассеянно сказал он. – У вас, у людей, есть странная особенность. За редким исключением вы не

воспринимаете сказанное всерьёз. Все бы вам потрогать, пощупать, подловить старших на слове. Не то, чтобы мне не нравился такой подход, в нем есть свое рациональное звено. Доверяй, но проверяй, так, кажется, вы говорите?

Я стоял навытяжку перед князем и не мог понять, куда он клонит. Темнит эльф, хочет напустить тумана, чтобы запутать, сбить с толку. Но, может, и пусть говорит? Послушаю, от меня не убудет. Вон и инквизитор в недоумении, что взбрело ушастому в голову.

– Но меня такой подход не устраивает. Я привык, что моему слову верят и относятся с предельной серьезностью, – князь покачался на мысках сапог. – А посему хотелось бы вам, молодой человек, кое-что показать.

С этими словами князь неуловимым движением выхватил из-за пояса длинный изящный кинжал с богато украшенной рукоятью в форме змеи и всадил мне его в грудь. И пока мой взор затягивала серая пелена, меня обволакивала клокочущая, бурлящая аура эльфа, черная, как сама смерть.

Москва 19.06.2019

От автора: «Хроники Арли. Где я?» – моя первая книга, и мне хочется отметить своих друзей и близких, поддержавших меня в моем начинании. Комарьковы Виктория и Ярослава, Комарькова Екатерина, Галицкие Мария и Александр, Черкаева Юлия, Шевченко Татьяна, Суслин Роман, я бла-

годарен вам за то, что вы стали моими первыми читателями и критиками. Борисов Олег, Иванов Андрей, Орлов Антон, Данилова Алина, ваши советы помогли избежать некоторых несоответствий. Курочкину Евгению благодарю за великолепную коррекцию и редактуру. И отдельные слова благодарности хочу сказать Ирине, моей спутнице жизни, супруге, другу, любимой, без которой ничего бы не получилось. В ее лице я получил и поддержку, и критику, и советы, и обложку – все то, чего так не хватает начинающему писателю и без чего книга получилась бы пресной, а история ординарной и не заслуживающей внимания.

Оформление обложки: Комарькова Ирина К.

Редактор-корректор: Курочкина Евгения